Чайлд Линкольн, Престон Дуглас

Синий лабиринт

Douglas Preston and Lincoln Child

BLUE LABYRINTH

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Элизабет Берри и Эндрю Себастиану

1

Величественный особняк в стиле боз-ар на Риверсайд-драйв, тщательно ухоженный и безупречно сохранившийся, выглядел нежилым. В этот непогожий июньский вечер никто не прогуливался по галерее, выходящей на Гудзон. Из эркерных окон не струился желтый свет. Единственный видимый огонь горел у парадного входа, освещая дорожку под крытым крыльцом.

Однако внешний вид бывает обманчивым, причем иногда – преднамеренно. Ведь дом 891 по Риверсайд-драйв между 137-й и 138-й улицами был резиденцией специального агента ФБР Алоизия Пендергаста, а Пендергаст превыше всего ценил неприкосновенность своей частной жизни.

Хозяин дома сидел в кожаном «ушастом» кресле в изящной библиотеке особняка. Хотя лето уже вступило в свои права, вечер был ветреный и прохладный, а потому в камине потрескивал огонек. Пендергаст листал «Манъёсю», старинную антологию японской поэзии, восходящую к 750 году. На столе рядом с ним стояли маленький тэцубин (небольшой чугунный чайник) и фарфоровая чашка, наполовину наполненная зеленым чаем. Ничто не мешало его размышлениям. Тишину нарушало лишь тихое потрескивание угольков в камине да рокот грома где-то далеко за закрытыми ставнями.

Но вот из зала приемов раздался тихий звук шагов, и в дверях библиотеки появилась Констанс Грин. На ней было простое вечернее платье. Ее фиалковые глаза и темные волосы, коротко подстриженные на старомодный манер, оттеняли белизну кожи. Констанс сжимала в руке пачку писем.

– Почта, – сказала она.

Пендергаст медленно кивнул и отложил книгу в сторону.

Констанс села рядом с ним, отметив, что впервые после возвращения из своего так называемого «колорадского приключения» он наконец стал выглядеть как прежний Пендергаст. Его состояние после кошмарных событий прошлого года беспокоило ее.

Констанс начала перебирать небольшую пачку писем, оставляя без внимания то, что не могло заинтересовать Пендергаста. Он не любил вдаваться в обыденные детали. У него была старая и надежная юридическая фирма в Новом Орлеане, услугами которой давно пользовалась его семья и которая оплачивала счета и управляла частью его необычайно больших доходов. У него была столь же почтенная нью-йоркская банковская фирма, управлявшая другими его инвестициями, вкладами и недвижимостью. И еще у него был почтовый ящик для самой разной корреспонденции, которую регулярно забирал Проктор, его шофер, телохранитель и доверенный личный секретарь. В настоящее время Проктор готовился к отъезду – собирался посетить родственников в Эльзасе, поэтому Констанс взяла на себя часть его обязанностей.

– Тут письмо от Кори Свенсон.

– Открой его, пожалуйста.

– Она прилагает копию письма из колледжа Джона Джея. Ее дипломная работа получила Премию Рузвельта.

– Да, я присутствовал на церемонии.

– Уверена, что Кори была рада.

– Редко случается, чтобы церемония вручения дипломов являла собой нечто большее, чем леденящий парад серости и лицемерия под надоедливое повторение «Выпускного марша». – Припомнив подобное, Пендергаст отхлебнул чая. – Так вот, это был как раз такой редкий случай.

Констанс перебрала еще несколько писем:

– И вот письмо от Винсента д’Агосты и Лоры Хейворд.

Он кивнул ей, чтобы она просмотрела текст.

– Это благодарность за свадебный подарок и еще раз за обед.

Пендергаст наклонил голову. Месяц назад, накануне свадьбы д’Агосты, Пендергаст устроил приватный обед для жениха и невесты из нескольких блюд, приготовленных им лично. К обеду прилагались редкие вина из его погреба. Именно этот жест больше, чем что-либо

другое, убедил Констанс, что Пендергаст оправился от недавно пережитой эмоциональной травмы.

Она пересказала содержание еще нескольких писем, потом отложила в сторону те, что представляли интерес, а остальные бросила в огонь.

– Как продвигается проект, Констанс? – спросил Пендергаст, наливая себе еще чашку чая.

– Превосходно. Как раз вчера я получила посылку из Франции, из Дижонского родословного архива, и теперь пытаюсь задействовать эти материалы в работе над тем, что получено из Венеции и Луизианы. Когда у тебя будет время, задам тебе несколько вопросов об Огастусе Робеспьере Сен-Сире Пендергасте.

– Основная часть того, что мне известно, состоит из семейных преданий – слухов, выдумок, легенд и страшных историй, передаваемых шепотком. Буду рад поделиться с тобой большинством из них.

– Большинством? Я надеялась, что всеми.

– К сожалению, в семейном шкафу Пендергастов есть свои скелеты, как в прямом, так и в переносном смысле. Ими я не могу поделиться даже с тобой.

Констанс вздохнула и встала. Пендергаст вернулся к своему поэтическому сборнику, а она вышла из библиотеки и прошла через зал приемов, уставленный музейными шкафами с различными диковинными предметами, в длинное, тускло освещенное помещение, отделанное потемневшими от времени дубовыми панелями. Главным в этом помещении был деревянный обеденный стол почти во всю длину комнаты. На одном конце стола лежали журналы, старые письма, опросные листы, пожелтевшие фотографии и гравюры, протоколы судебных заседаний, мемуары, перепечатки с газетных микрофишей и другие документы, все в аккуратных стопках. Рядом стоял ноутбук, чей светящийся экран казался не к месту в этой темной комнате. Несколько месяцев назад Констанс взялась составлять генеалогию семейства Пендергаст. Она хотела не только удовлетворить собственное любопытство, но и привести Пендергаста в чувство. Задача была фантастически сложной, приводящей в бешенство, но в то же время бесконечно захватывающей.

В дальнем конце этой длинной комнаты, за арочной дверью, находился вестибюль, ведущий к парадному входу в особняк. Едва лишь Констанс собралась сесть за стол, как раздался громкий стук во входную дверь.

Констанс замерла, нахмурившись. В доме 891 по Риверсайд-драйв посетители бывали редко, и никто из них не являлся без предупреждения.

Снова стук в дверь, сопровождаемый глухим ворчанием грома.

Разгладив на себе платье, Констанс прошла в вестибюль. Тяжелая входная дверь была массивной, без глазка, и Констанс застыла в нерешительности. Не дождавшись третьего стука, она отперла верхний замок, потом нижний и медленно открыла дверь.

Там, в свете лампы под навесом крыльца, стоял молодой человек. Его влажные светлые волосы прилипли к голове. Мокрое от дождя лицо было точеным, типично нордическим, с высоким лбом и красиво очерченными губами. Он был одет в льняной костюм, промокший до нитки и облепивший тело.

Он был связан толстыми веревками.

Констанс ахнула и потянулась к нему. Но выпученные глаза молодого человека даже не заметили ее движения. Он не мигая смотрел прямо перед собой.

Несколько мгновений фигура оставалось недвижимой, лишь чуть покачивалась, освещаемая вспышками молнии, а потом начала падать, как срубленное дерево: поначалу медленно, затем все быстрее, и наконец он рухнул лицом вниз поперек порога.

Констанс с криком отскочила назад. На крик прибежали Пендергаст и Проктор. Пендергаст решительно отстранил Констанс и опустился на колени рядом с молодым человеком. Он ухватил упавшего за плечо и перевернул, откинул волосы с лица и попытался нащупать на холодной шее пульс, который явно отсутствовал.

– Он мертв, – неестественно спокойно констатировал Пендергаст.

– Боже мой, – проговорила Констанс прерывающимся голосом. – Это же твой сын Тристрам.

– Нет, – возразил Пендергаст. – Это Альбан. Его близнец.

Еще несколько мгновений он оставался на коленях рядом с телом, затем каким-то кошачьим движением вскочил на ноги и исчез в завывающем грозовом ветре.

2

Пендергаст добежал до Риверсайд-драйв и задержался на углу, осматривая широкую улицу в обе стороны – на север и на юг. Дождь лил теперь как из ведра, машин почти не было, а пешеходы и вовсе исчезли. Его взгляд остановился на ближайшей машине в трех кварталах к югу: лимузин «линкольн» одной из последних моделей, черного цвета, таких тысячи на улицах Манхэттена. Подсветка номерного знака была выключена, делая нью-йоркский номер нечитаемым.

Пендергаст бросился за машиной.

Лимузин, не набирая скорости, продолжал неторопливо ехать по улице, на каждом перекрестке попадая под зеленую волну и постоянно увеличивая разделяющее их расстояние. Когда же свет перед машиной переключился на желтый, а потом и на красный, лимузин все с той же скоростью проехал на запрещающий сигнал.

Пендергаст вытащил сотовый и на бегу набрал номер:

– Проктор, подъезжайте. Я на Риверсайд, направление на юг.

Лимузин почти исчез из виду, если не считать блеклых задних габаритных огней, едва видимых за стеной дождя, а когда Риверсайд-драйв сделала небольшой поворот на пересечении со 126-й улицей, даже и эти огни исчезли.

Пендергаст продолжал нестись сломя голову, полы его черного пиджака развевались, дождь хлестал по лицу. Еще несколько кварталов – и он снова увидел тот лимузин, остановившийся перед светофором за двумя другими машинами. Пендергаст снова вытащил телефон и набрал номер.

– Двадцать шестой участок, – послышался голос. – Полицейский Пауэлл.

– Говорит специальный агент Пендергаст, ФБР. Преследую черный лимузин, номер нью-йоркский, прочесть невозможно. Едет на юг по Риверсайд в районе Сто двадцать четвертой. Находящиеся в машине подозреваются в убийстве. Нужна помощь.

– Десять-четыре, – раздался голос дежурного. И секунду спустя: – У нас в этом районе, в двух кварталах оттуда, патрульная машина. Сообщайте нам об изменении маршрута.

– Воздушная поддержка тоже нужна, – сказал Пендергаст, продолжая бежать.

– Сэр, если эти люди только подозреваемые…

– Это приоритетный объект для ФБР. Повторяю: *приоритетный объект*.

После короткой паузы пришел ответ:

– Выпускаем птичку.

Пендергаст убрал телефон, и в этот момент лимузин неожиданно обогнул две машины, стоящие под красным, заехал на бордюрный камень, пересек тротуар, смял несколько клумб в Риверсайд-парке,

перемалывая колесами мокрую землю, а потом рванул по встречной полосе ко въезду на Генри-Гудзон-паркуэй.

Сообщив полиции об изменении маршрута лимузина, Пендергаст снова позвонил Проктору, после чего свернул в парк, перепрыгнул через низкую ограду и побежал по клумбам с тюльпанами, не спуская глаз с задних габаритных огней лимузина, который, скрежеща шинами, поднимался по съездному пандусу на Генри-Гудзон-паркуэй.

Пендергаст перепрыгнул через низкую каменную стену на дальней стороне дороги и заскользил по насыпи к набережной, разбрасывая мусор и битое стекло в попытке остановить машину. Он упал, перекатился и поднялся на ноги, тяжело дыша, промокший до такой степени, что белая рубашка прилипла к груди. Лимузин на его глазах развернулся в обратном направлении и помчался по выездной спирали в его сторону. Пендергаст потянулся было за «лес-баером», но обнаружил, что кобура пуста. Он быстро оглядел темную набережную и был вынужден откатиться в сторону, когда по нему полоснул яркий луч света. Как только машина проехала, он снова поднялся на ноги и проследил взглядом за тем, как она влилась в основной поток движения.

Почти в тот же миг рядом с ним резко затормозил винтажный «роллс-ройс». Пендергаст открыл заднюю дверь и запрыгнул на сиденье.

– Преследуем лимузин, – сказал он Проктору, пристегиваясь.

«Роллс» плавно набрал скорость. Пендергаст услышал сзади слабый вой сирен, но полиция была слишком далеко, и ей грозило застрять в городском трафике. Он достал из бокового отделения полицейскую рацию. Погоня усложнялась, лимузин менял полосы, подрезал другие машины на скорости, приближающейся к сотне миль в час, даже когда они оказались на ремонтируемом участке, где бетонные ограждения стояли вдоль обеих обочин.

На полицейском канале шли интенсивные переговоры, но машина Пендергаста была ближе всех к лимузину. Вертолета он пока не видел.

Внезапно в скоплении машин впереди сверкнули яркие вспышки, а за ними последовал звук выстрелов.

– Выстрелы! – прокричал Пендергаст в открытый полицейский канал.

Он сразу же понял, что происходит. Машины впереди бешено завиляли из стороны в сторону, запаниковав из-за непрекращающихся выстрелов. Потом раздались звуки ударов и хруст, когда несколько машин на высокой скорости врезались друг в друга, вызывая цепную реакцию, и на дороге быстро образовался затор из битого дымящегося железа. Проктор умело сбросил скорость и перешел на торможение двигателем,

попытавшись объехать затор. «Роллс» под углом ударился о бетонное ограждение, его отбросило назад, и он получил удар сзади от машины, которая с оглушительным металлическим скрежетом врезалась в образовавшееся нагромождение. Пендергаст чуть не вылетел вперед, но ремень безопасности сработал жестко, а затем его вжало в сиденье. Слегка оглушенный, он услышал шипение пара, вопли, крики, скрежет тормозов и новые удары – машины продолжали пополнять собой затор. К этому примешивался усиливающийся вой сирен, и наконец раздалось характерное «чоп-чоп-чоп» вертолета.

Стряхнув с себя битое стекло, Пендергаст постарался собраться с мыслями. Он расстегнул ремень безопасности и наклонился вперед посмотреть, что с Проктором.

Проктор был без сознания, его голова была залита кровью. Пендергаст нащупал рацию, чтобы вызвать помощь, но двери машины уже открылись, и к нему протянулись руки медиков.

– Не трогайте меня, – отмахнулся он. – Займитесь водителем.

Пендергаст вышел из машины под проливной дождь, стряхнув с себя на асфальт еще порцию осколков. Он посмотрел вперед, на непролазную мешанину автомобилей и море мигающих огней, слушая крики фельдшеров и полицейских и стрекот бесполезного вертолета, описывающего круги над этим хаосом.

Черный лимузин давно исчез.

3

Лейтенант Питер Энглер, бывший активист-эколог, окончивший Университет Брауна по специальности «античная литература», не был типичным нью-йоркским полицейским. Но у него имелись кое-какие общие с его коллегами-полицейскими качества: он любил, когда дела расследуются чисто и быстро, и еще он любил видеть преступников за решеткой. Та самая целеустремленность, которая в 1992 году, на четвертом курсе, усадила его за перевод «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, а позднее в том же десятилетии гнала забивать гвозди в древние секвойи, чтобы испортить настроение лесорубам с бензопилами, – та же самая целеустремленность заставляла его, не жалея сил, делать карьеру в полиции, где он довольно рано, в возрасте тридцати шести лет, дослужился до звания лейтенанта и должности главы сыскного отдела. Он организовывал расследования, как военные операции, и требовал от своих подчиненных, чтобы они четко и неукоснительно исполняли свой долг. Результаты, которые он получал

благодаря такой стратегии, были источником непреходящей гордости Энглера.

Именно поэтому последнее расследование вызывало у него такое беспокойство.

Собственно говоря, дело было открыто всего двадцать четыре часа назад, и его подчиненных нельзя было обвинить в отсутствии прогресса. Они все делали как положено. Сотрудники, первыми прибывшие на место, обеспечили безопасность, взяли показания, задержали свидетелей до прибытия криминалистов. Те в свою очередь тщательно обследовали место происшествия, осмотрели и собрали улики. Команда Энглера работала в тесном взаимодействии с бригадой экспертов, специалистами по дактилоскопии, судмедэкспертами и фотографами.

Нет, его беспокойство было связано с необычным характером преступления и, по иронии судьбы, с отцом покойного – специальным агентом ФБР. Энглер прочел распечатку заявления, сделанного этим агентом, и отметил его лаконичность и отсутствие полезной информации. Хотя это вроде бы никак не препятствовало расследованию, но агент почему-то не желал впускать их в свой дом за пределы места преступления, он даже не позволил одному из полицейских воспользоваться туалетом. Официально ФБР в деле, конечно, не участвовало, но Энглер был готов из любезности предоставить этому человеку доступ к собранным материалам, если он того пожелает. Но агент не обратился к нему с такой просьбой. Если бы Энглер не был опытным полицейским, он бы предположил, что Пендергаст не хочет, чтобы убийца его сына был найден.

Поэтому он и решил лично поговорить с Пендергастом ровно… (он посмотрел на часы) ровно через одну минуту.

И ровно через одну минуту агента проводили в его кабинет. Провожающим был сержант Лумис Слейд, адъютант Энглера, его личный помощник и часто пресс-секретарь. Энглер опытным глазом отметил необычные детали внешности посетителя: высокий, худощавый, с очень светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. Черный костюм и темный галстук с простым рисунком довершали аскетическую картину. Ну никак он не был похож на типичного агента ФБР. Но с учетом мест его проживания – квартира в «Дакоте» и великолепный особняк на Риверсайд-драйв, куда подбросили тело, – Энглер решил, что удивляться не стоит. Он предложил агенту стул, после чего занял свое место за столом. Сержант Слейд расположился в дальнем углу, за спиной у Пендергаста.

– Агент Пендергаст, – начал Энглер, – спасибо, что пришли.

Человек в черном костюме наклонил голову.

– Прежде всего позвольте мне выразить соболезнования в связи с вашей утратой.

Пендергаст не ответил. В его взгляде не было скорби. Напротив, его лицо оставалось бесстрастным. Оно было закрытой книгой.

Кабинет Энглера не был похож на кабинеты других лейтенантов нью-йоркской полиции. Да, конечно, тут имелись шкафы с папками и стопки докладов, но на стенах вместо благодарностей и фотографий с высоким начальством висела дюжина карт античного мира. Энглер был страстным коллекционером-картографом. Обычно вниманию посетителей его кабинета немедленно предлагалась страница из Французского атласа Леклерка 1631 года, или лист 58 из Атласа Британии Огилби, на котором была показана дорога из Бристоля в Эксетер, или – его радость и гордость – пожелтевший, хрупкий фрагмент из Пейтингеровой таблицы, скопированной Абрахамом Ортелием[1]. Но Пендергаст даже мельком не взглянул на коллекцию.

– Я бы хотел, если вы не возражаете, задать несколько вопросов по вашему первоначальному заявлению. И должен заранее вас предупредить, что эти вопросы будут неудобными и неприятными. Заранее прошу прощения. Ввиду вашей собственной службы в силовой структуре, я надеюсь, вы меня поймете.

– Естественно, – ответил агент со сладкозвучным южным акцентом, но за этим сладкозвучием слышалось что-то жесткое, металлическое.

– У этого преступления, говоря откровенно, есть несколько аспектов, которые меня обескураживают. Согласно вашему заявлению и заявлению вашей… – взгляд в бумаги на столе, – подопечной мисс Грин, вчера вечером, приблизительно в двадцать минут десятого, в парадную дверь вашей резиденции постучали. Когда мисс Грин открыла дверь, она обнаружила на крыльце тело вашего сына, связанного толстыми веревками. Убедившись, что он мертв, вы принялись преследовать черный лимузин, который направлялся на юг по Риверсайд-драйв. В то же время вы позвонили в «девять-один-один». Верно?

Агент Пендергаст кивнул.

– Откуда у вас возникло впечатление, по крайней мере вначале, что убийца находится в том автомобиле?

– Других машин на дороге не было. Как не было и пешеходов.

– Вам не пришло в голову, что преступник мог спрятаться где-то на вашей земле, а потом исчезнуть каким-нибудь другим путем?

– Эта машина несколько раз проскочила на красный свет, выехала на тротуар, проутюжила клумбу, въехала на Генри-Гудзон-паркуэй по

встречной, сделала запрещенный поворот. Иными словами, если вы смотрели на эту машину, у вас возникало твердое впечатление, что она пытается скрыться от преследования.

Сухое, слегка ироничное изложение этих соображений подействовало Энглеру на нервы.

Пендергаст продолжил:

– Позвольте узнать, почему полицейский вертолет появился с таким опозданием?

Это еще больше раздражило Энглера.

– Он появился без опоздания – через пять минут после вызова. Это очень хорошо.

– Это недостаточно хорошо.

Пытаясь вернуть контроль над разговором, Энглер произнес чуть резче, чем собирался:

– Возвращаясь к преступлению. Несмотря на тщательное прочесывание близлежащих районов, мои детективы не нашли ни одного свидетеля, который видел бы этот лимузин. Кроме тех, кто находился непосредственно на Вест-Сайд-хайвее. Никаких следов насилия, никаких наркотиков или алкоголя в организме вашего сына не обнаружено; он умер оттого, что ему сломали шею примерно за пять часов до того, как вы его обнаружили… по крайней мере, таково предварительное заключение перед вскрытием. По словам мисс Грин, ей потребовалось секунд пятнадцать, чтобы дойти до двери. Таким образом, мы имеем убийцу, который лишает вашего сына жизни, связывает его – не обязательно именно в таком порядке, – ставит у входной двери в особняк в состоянии трупного окоченения, звонит в дверь, садится в машину и успевает проехать несколько кварталов, прежде чем вы начинаете преследование. Как он – или они, если убийца был не один, – успели проделать все это?

– Преступление было безупречно спланировано и осуществлено.

– Что ж, возможно. Но не могло ли быть так, что вы были в шоке – и это вполне понятно, учитывая обстоятельства, – и реагировали не так быстро, как об этом сказано в вашем заявлении?

– Нет.

Энглер взвесил этот лаконичный ответ. Он взглянул на сержанта Слейда, как обычно, молчаливого, словно Будда, потом снова на Пендергаста:

– Тогда поговорим о… хм… театральном характере самого преступления. Ваш сын обвязан канатами и привезен к вашей двери – здесь есть определенные признаки гангстерского убийства. А это возвращает меня к основной канве моих вопросов… и опять прошу меня извинить, если мои вопросы покажутся вам навязчивыми или оскорбительными. Не был ли ваш сын каким-либо образом связан с уголовным миром?

Агент Пендергаст посмотрел на Энглера все с тем же бесстрастным, непроницаемым выражением:

– Я понятия не имею, с чем был связан мой сын. Как я указал в своем заявлении, мы с сыном чужие люди.

Энглер перевернул страничку:

– Криминалисты выездной бригады и мои собственные детективы тщательно осмотрели место преступления. Весьма примечательно, что там не обнаружено никаких явных улик. И никаких скрытых, полных или частичных, кроме тех, что оставлены вашим сыном. Ни одного волоска, ни одного волоконца, кроме тех, что принадлежат вашему сыну. На нем новенькая, с иголочки, одежда, хотя и без всяких претензий. Более того, его мертвое тело было тщательно обмыто и одето. На дороге мы не нашли ни одной гильзы, поскольку стреляли, видимо, из автомобиля. Иными словами, преступникам было известно, как действует бригада криминалистов на месте преступления, и они очень старались не оставить никаких улик. Они точно знали, что делают. Мне любопытно, агент Пендергаст, как вы объясните это с профессиональной точки зрения.

– Я могу лишь еще раз повторить, что это тщательно спланированное преступление.

– Тот факт, что тело оставили у вас перед дверью, наводит на мысль о том, что преступники послали вам сообщение. У вас есть какие-либо предположения, о чем оно может быть?

– Я не в состоянии делать предположения.

«Не в состоянии делать предположения». Энглер внимательнее посмотрел на агента Пендергаста. Он допрашивал многих родителей, подавленных гибелью ребенка. Нередко скорбящие родители пребывали в шоке, в отупении. Их ответы на вопросы зачастую были не по делу, неуверенными, неполными. Но Пендергаст вел себя совершенно иначе. Похоже, он полностью владел собой. Казалось, что он не хочет сотрудничать или не имеет к этому никакого интереса.

– Поговорим о загадке вашего сына, – сказал Энглер. – Единственным свидетельством того, что он действительно ваш сын, является ваше утверждение. Его нет ни в одной базе данных правоохранительных

организаций, проверенных нами: ни в Объединенной базе ДНК, ни в Автоматизированной дактилоскопической системе идентификации, ни в Национальном информационном центре регистрации преступлений. У него нет ни свидетельства о рождении, ни водительских прав, ни номера социального страхования, ни паспорта, ни документов об обучении, ни въездной визы в эту страну. В карманах у него ничего не обнаружено. Мы ожидаем сравнения теста ДНК с нашей базой, но из всего того, что нам стало известно о вашем сыне, можно сделать вывод, что его, по сути, никогда не существовало. В своем заявлении вы указали, что он родился в Бразилии и не являлся гражданином Штатов. Но он не является и гражданином Бразилии, и в этой стране нет о нем никаких сведений. Города, в котором, по вашим словам, он вырос, похоже, не существует, по крайней мере официально. Нет никаких свидетельств о его выезде из Бразилии или въезде в эту страну. Как вы можете это объяснить?

Агент Пендергаст медленно закинул ногу на ногу.

– Никак. В моем заявлении указано, что я узнал о существовании моего сына – о том, что у меня есть сын, – около восемнадцати месяцев назад.

– И вы видели его тогда?

– Да.

– Где?

– В бразильских джунглях.

– А с тех пор?

– С тех пор я его не видел и с ним не общался.

– Почему? Почему вы его не искали?

– Я вам уже сказал: мы с ним чужие люди.

– А почему, собственно, вы чужие?

– У нас несовместимость личностей.

– Что вы можете сказать о его характере?

– Я его практически не знал. Ему доставляли удовольствие злые игры. Он был большим докой в устрашении и унижении.

Энглер глубоко вздохнул. Эти ответы ни о чем начали его доставать.

– А его мать?

– Из моего заявления вам известно, что она умерла вскоре после его рождения, в Африке.

– Да. Несчастный случай на охоте. – В этом тоже было что-то странное, но Энглер в один момент времени мог разбираться только с одной нелепостью. – У вашего сына могли быть какие-нибудь неприятности?

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– И что это за неприятности?

– Понятия не имею. Он обладал удивительной способностью справляться с худшими неприятностями.

– Как вы можете утверждать, что у него были неприятности, не зная их характера?

– Дело в том, что у него были сильные криминальные наклонности.

Они ходили по замкнутому кругу. У Энглера создалось сильное впечатление, что Пендергаст не только не заинтересован в том, чтобы помочь полиции найти убийц сына, но и, возможно, утаивает информацию. Зачем ему это нужно? Никто даже не был уверен, что убитый – его сын. Да, внешнее сходство бросалось в глаза. Но, кроме опознания самого Пендергаста, других свидетельств не было. Интересно посмотреть, не найдется ли его ДНК в базе данных. И потом будет просто сравнить его ДНК с ДНК Пендергаста, поскольку он агент ФБР и данные на него в базе уже есть.

– Агент Пендергаст, – холодно произнес Энглер, – я должен еще раз задать вопрос: есть ли у вас какие-либо подозрения, касающиеся возможных убийц вашего сына? Какие-либо предположения, почему труп привезли к вашим дверям?

– Все, что я мог сказать, изложено в моем заявлении.

Энглер отодвинул в сторону лежащий перед ним протокол. Это был только первый раунд. Разговор с этим человеком еще не закончен.

– Не знаю, что тут удивительнее: особенности этого убийства, ваше непонятное безразличие к нему или полное отсутствие документальных свидетельств существования вашего сына.

Лицо Пендергаста оставалось абсолютно непроницаемым.

– «И как хорош тот новый мир, – продекламировал он, – где есть такие люди».

– «Тебе все это ново»[2], – не замедлил ответить Энглер.

Впервые за все время их разговора на лице Пендергаста мелькнул интерес. Его глаза слегка расширились, и он посмотрел на детектива с выражением, похожим на любопытство.

Энглер подался вперед и положил локти на стол:

– Я думаю, на сегодня мы закончили, агент Пендергаст. Позвольте мне в завершение сказать кое-что. Возможно, вам и не хочется, чтобы это дело было раскрыто. Но оно непременно будет раскрыто, и это сделаю я. Я доведу дело до самого конца, а если потребуется, то и до дверей некоего молчаливого агента ФБР. Вы меня поняли?

– Меньшего я и не ожидал.

Пендергаст поднялся, постоял немного и, кивнув Слейду от дверей, вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Вернувшись в свой особняк на Риверсайд-драйв, Пендергаст целеустремленно прошел через зал приемов в библиотеку. Подойдя к высокому книжному шкафу, заполненному томами в кожаных переплетах, он сдвинул в сторону деревянную панель, за которой обнаружился ноутбук. Быстро набирая текст и вводя при необходимости пароли, Пендергаст первым делом вошел на сервер нью-йоркской полиции, затем в базу данных по нераскрытым убийствам. Записав адреса некоторых ссылок, он перешел в полицейский банк ДНК, где отыскал данные тестов ДНК по предполагаемому Убийце из отеля, который полутора годами ранее терроризировал город жестокими убийствами в элитных манхэттенских отелях.

Хотя Пендергаст вошел в банк как авторизованный пользователь, все данные были защищены и он не мог внести в них изменения или стереть их.

Несколько секунд Пендергаст смотрел на монитор. Потом вытащил из кармана телефон и набрал номер в Ривер-Пойнт, штат Огайо. Ему ответили после первого звонка.

– Так-так, – сказал тихий голос. – Да это же мой любимый мистер секретный агент.

– Здравствуйте, Мим, – ответил Пендергаст.

– Чем я могу помочь сегодня?

– Нужно удалить кое-какие записи из базы данных нью-йоркской полиции. Тихо и без следа.

– Всегда рад насолить нашим друзьям в синей форме. Скажите, это как-нибудь связано с… как же она называлась… с операцией «Лесной пожар»?

Пендергаст ответил не сразу:

– Да. Но прошу вас, Мим, больше никаких вопросов.

– В чем в чем, а в любопытстве меня нельзя обвинить. Ну да бог с ним. У вас есть адреса ссылок?

– Дайте мне знать, когда будете готовы.

– Я уже готов.

Не отрывая глаз от монитора, а пальцев от сенсорной панели, Пендергаст медленно, четким голосом начал диктовать цифры.

4

Телефон Пендергаста зазвонил в шесть тридцать вечера. На экране высветилось: «Неизвестный номер».

– Специальный агент Пендергаст? – Голос был безликим, монотонным, но в то же время знакомым.

– Да.

– Я ваш друг в беде.

– Слушаю.

Сухой смешок.

– Мы встречались как-то раз. Я пришел к вам домой. Мы поехали под мост Джорджа Вашингтона. Я передал вам папку.

– Конечно. Это касалось Локка Балларда. Вы джентльмен из… – Пендергаст оборвал себя, прежде чем успел назвать место работы этого человека.

– Да. И вы поступаете мудро, не доверяя эти ужасные аббревиатуры незащищенной линии сотового телефона.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Пендергаст.

– Лучше бы вы спросили, чем *я* могу быть полезен вам.

– Почему вы решили, что мне нужна помощь?

– Два слова. Операция «Лесной пожар».

– Понятно. Где мы встретимся?

– Вы знаете тир ФБР на Западной Двадцать второй?

– Конечно.

– Через полчаса. Стрелковый бокс номер шестнадцать. – На этом связь прервалась.

Пендергаст вошел в двойные двери длинного низкого здания на углу Двадцать второй улицы и Восьмой авеню, показал свое удостоверение женщине в проходной, спустился по короткому лестничному пролету, снова показал удостоверение сотруднику, обеспечивающему безопасность стрельбы, взял несколько бумажных мишеней, защитные наушники и вышел в зону стрельб. Он прошел мимо холла, агентов, тренеров и инструкторов по стрелковому оружию к боксу номер шестнадцать. Между каждыми двумя боксами имелись звукозащитные перегородки, и Пендергаст отметил, что шестнадцатый и соседний семнадцатый боксы пусты. Звук выстрелов из соседних боксов приглушался лишь частично, и Пендергаст, всегда чувствительный к звукам, надел защитные наушники.

Он раскладывал на полочке перед собой четыре пустых магазина и коробку с патронами, когда почувствовал чье-то присутствие. В боксе появился высокий худой мужчина средних лет в сером костюме, с лицом, слишком изборожденным морщинами для его возраста, и с глубоко посаженными глазами. Пендергаст сразу узнал этого человека. Волосы его немного поредели с той их первой – и единственной – встречи года четыре назад, но во всем остальном он не изменился: самый обычный, по-прежнему окруженный аурой легкой безликости. Столкнешься с таким человеком на улице и уже через минуту не сможешь его описать.

Не ответив на взгляд Пендергаста, человек вытащил из-под пиджака «Зиг-Зауэр P229» и положил на полочку в семнадцатом боксе. Он не надел защитных наушников и ненавязчивым движением, по-прежнему не глядя на Пендергаста, попросил агента снять свои.

– Интересное место встречи, – сказал Пендергаст, глядя в сторону пулеприемника. – Гораздо менее уединенное, чем машина под мостом Джорджа Вашингтона.

– Само отсутствие уединенности делает это место даже более неприметным. Просто два сотрудника федеральных служб практикуются в стрельбе. Ни телефонов, ни жучков, ни проводов. И конечно, при таком шуме ни малейшего шанса, что нас подслушают.

– Администратор тира запомнит появление оперативника из ЦРУ в фэбээровском тире, тем более что вы, парни, обычно не стараетесь прятать оружие.

– У меня есть разные обличья. Ничего конкретного он не запомнит.

Пендергаст открыл коробку с патронами и принялся заряжать магазины.

– Мне нравится ваш девятьсот одиннадцатый, – заметил человек, взглянув на оружие Пендергаста. – «Лес-баер тандер рэнч спешиал»? Красивая штучка.

– Может, вы наконец скажете, почему мы здесь?

– После нашей первой встречи я не выпускал вас из виду, – сказал человек, по-прежнему избегая встречаться глазами с Пендергастом. – Меня заинтриговало, когда я узнал, что вы были одним из инициаторов «Лесного пожара». Скрытная, но интенсивная мониторинговая операция, которую осуществляют некоторые сотрудники как ФБР, так и ЦРУ с целью обнаружения некоего молодого человека, который то ли называет, то ли не называет себя Альбаном, который то ли прячется, то ли не прячется в Бразилии или соседних с ней странах, который бегло говорит на португальском, английском и немецком и, самое главное, считается чрезвычайно способным и крайне опасным.

Вместо ответа Пендергаст повесил мишень («бычий глаз» с красным крестом в центре) на монорельс и, нажав слева от себя кнопку «назад», заставил мишень отъехать на все двадцать пять ярдов. Человек рядом с ним повесил фэбээровскую квалификационную мишень (серая, похожая на бутыль форма без градуировки или центра) и отодвинул ее в самый конец семнадцатого бокса.

– А сегодня до меня дошли слухи о вашем заявлении в нью-йоркскую полицию, где вы утверждаете, что ваш сын, которого тоже зовут Альбан, был оставлен мертвым на пороге вашего дома.

– Продолжайте.

– Я не верю в совпадения. Поэтому и попросил вас о встрече.

Пендергаст взял один магазин и вставил его в пистолет:

– Пожалуйста, не сочтите меня грубияном, если я попрошу вас перейти к делу.

– Я могу вам помочь. Вы сдержали слово в деле Локка Балларда и избавили меня от массы хлопот. Я за взаимовыручку. И как уже сказал, я наблюдал за вами. Вы довольно интересная личность. Вполне возможно, что когда-нибудь вы опять придете мне на помощь. Это своего рода партнерство, если хотите. Я готов поставить на это.

Пендергаст не ответил.

– Вы, конечно, знаете, что можете мне доверять, – снова заговорил человек под приглушенные, но всепроникающие звуки стрельбы. – Я –

сама осмотрительность, как и вы. Любая информация, которой вы со мной поделитесь, не уйдет никуда дальше моих ушей. А у меня могут обнаружиться источники, к которым вы не сумеете подобраться иными путями.

Мгновение спустя Пендергаст коротко кивнул:

– Я принимаю ваше предложение. Что касается предыстории, то у меня есть два сына-близнеца, о существовании которых я узнал всего полтора года назад. Один из этих сыновей, Альбан, – социопат-убийца самого опасного типа, вернее, был им. Он – так называемый Убийца из отеля, дело которого так и не раскрыто нью-йоркской полицией. Я хочу, чтобы дело оставалось в том же статусе, и предпринял кое-какие шаги в этом направлении. Вскоре после того, как я узнал о существовании Альбана, он исчез в джунглях Бразилии, и с тех пор я не слышал и не видел его, пока он не появился на моем пороге вчера вечером. Я всегда чувствовал, что однажды он всплывет на поверхность… и результаты будут катастрофическими. По этой причине я и инициировал операцию «Лесной пожар».

– Но по «Лесному пожару» так ничего и не поступило.

– Ничего.

Безымянный человек зарядил свое оружие, дослал патрон в патронник, прицелился, держа пистолет обеими руками, и выпустил всю обойму в квалификационную мишень. Все пули легли точно в середину серой бутыли. В огороженном пространстве выстрелы звучали оглушающе.

– Кто до вчерашнего дня знал, что Альбан – ваш сын? – спросил человек, извлекая магазин из пистолета.

– Всего несколько человек, в основном члены семьи или домашние.

– И все же кто-то не только обнаружил и захватил Альбана, но еще и умудрился его убить, подбросить к вашей двери, а потом бежать, практически не оставив следов.

Пендергаст молча кивнул.

– Короче говоря, наш преступник сумел сделать то, что не смогли ЦРУ и ФБР, и даже больше.

– Именно. У преступника выдающиеся способности. Он вполне может работать в какой-нибудь силовой структуре. Поэтому я не уверен, что нью-йоркская полиция продвинется в расследовании.

– Насколько я понимаю, Энглер – хороший полицейский.

– Увы, в этом-то и проблема. Он достаточно хорош для того, чтобы стать гирями у меня на ногах, пока я буду пытаться найти убийцу. Лучше бы уж он был некомпетентным.

– Вы поэтому были с ним таким неразговорчивым?

Пендергаст не ответил.

– У вас есть какие-то мысли насчет того, почему его убили и что хотели донести до вас этим посланием?

– В этом-то и заключается весь ужас. Я понятия не имею ни кто отправитель, ни что он хотел мне сказать.

– А другой ваш сын?

– Он за границей, и я просил поместить его под охрану.

Человек вставил в свой «зиг» новый магазин и выпустил в мишень все патроны, потом нажал кнопку возврата мишени.

– И каковы ваши ощущения? Я имею в виду убийство вашего сына.

Пендергаст долго не отвечал. Наконец он заговорил:

– Если выразиться в духе времени, наилучшим ответом будет такой: я в раздрае. Он мертв. Это положительный фактор. Но с другой стороны… он был моим сыном.

– Что вы собираетесь делать, когда – или если – найдете ответственную сторону?

Пендергаст опять промолчал. Вместо ответа он поднял «лес-баер» правой рукой, а левую завел за спину, принимая положение без упора. Быстро, выстрел за выстрелом, он опустошил магазин, затем вставил новый, взял пистолет левой рукой, снова повернулся к мишени, уже другим боком, и – на этот раз еще быстрее – произвел все семь выстрелов. Потом нажал кнопку возврата мишени.

Оперативник из ЦРУ взглянул на мишень:

– Вы буквально растерзали яблочко. Одной рукой, без упора, и к тому слабой и сильной рукой одинаково. – Последовала пауза. – Это был ваш ответ на мой вопрос?

– Я просто использовал преимущества момента, чтобы усовершенствовать мое мастерство.

– Вам не нужно его совершенствовать. В любом случае, я немедленно задействую свои ресурсы. Сообщу вам, как только найду что-нибудь.

– Спасибо.

Оперативник кивнул. Потом, надев защитные наушники, он положил свой пистолет и принялся набивать магазины.

5

Лейтенант Винсент д'Агоста начал подниматься по широкой гранитной лестнице, ведущей к главному входу в Нью-Йоркский музей естественной истории. При этом он, щурясь от полуденного солнца, обводил взглядом величественный фасад в стиле боз-ар, протянувшийся на четыре городских квартала. Это здание вызывало у него плохие воспоминания… и то, что именно сейчас ему приходится идти сюда, он воспринимал как неприятный выверт судьбы.

Прошлым вечером он вернулся из свадебного путешествия со своей новой женой Лорой Хейворд. Это были две лучшие недели в его жизни, проведенные в «Тертл-Бей-Ресорт» на сказочном северном берегу острова Оаху. Молодожены загорали, преодолевали пешком целые мили по безукоризненно чистому берегу, плавали с аквалангом в бухте Куилима – ну и, конечно, еще ближе узнавали друг друга. Это был настоящий рай.

А потому приказ явиться на работу на следующее же утро – воскресное утро, ни больше ни меньше, – и назначение старшим группы по расследованию убийства лаборанта из отдела остеологии музея стали для него жутким потрясением. Мало того что на него взвалили дело в ту же минуту, как он вернулся, так еще и работать придется в здании, в которое он хотел бы никогда больше в жизни не входить.

И тем не менее он был намерен довести расследование до конца, чтобы преступник предстал перед судом. Именно из-за таких дерьмовых убийств Нью-Йорк и приобрел дурную репутацию, – случайных, бессмысленных, злобных убийств какого-нибудь бедолаги, который оказался не в том месте и не в то время.

Д'Агоста остановился перевести дыхание… черт, нужно будет сесть на диету после двух недель пои, свинины калуа, опихи, гаупии[3] и пива. Наконец он поднялся по лестнице и прошел через входную дверь в необъятное пространство Большой ротонды. Здесь он снова остановился и вытащил свой айпад, чтобы освежить в памяти подробности дела. Об убийстве стало известно предыдущим вечером. Вся работа по осмотру места происшествия была завершена. Д'Агоста первым делом собирался заново допросить охранника, который обнаружил тело. Потом у него была назначена встреча с руководителем отдела по связям с общественностью, который наверняка будет больше озабочен сохранением репутации музея, чем раскрытием преступления. В списке лиц, которых собирался допросить д'Агоста, было еще с полдесятка имен.

Он показал охраннику свое удостоверение, получил временный пропуск и направился по гулкому коридору мимо динозавров к следующему пропускному пункту, затем через неприметную дверь и далее по лабиринту служебных коридоров в Центр безопасности, – маршрут, слишком хорошо ему знакомый. В зоне ожидания сидел одинокий охранник в форме. Как только д’Агоста вошел, охранник вскочил на ноги.

– Марк Уиттакер? – спросил д’Агоста.

Человек поспешно кивнул. Он был невысок – около пяти футов трех дюймов – и дороден, с карими глазами и начинающими редеть светлыми волосами.

– Лейтенант д’Агоста, отдел по расследованию убийств. Я знаю, вас уже допрашивали, так что постараюсь не отнимать у вас много времени.

Он пожал вялую, потную руку. Из собственного опыта он знал, что существует два типа частных охранников: несостоявшиеся полицейские, обидчивые и задиристые, либо кроткие швейцары, трусливые и запуганные настоящими копами. Марк Уиттакер явно принадлежал ко второму типу.

– Мы можем поговорить на месте преступления?

– Да, конечно.

Похоже, Уиттакер был рад угодить.

Последовав за ним, д’Агоста совершил еще одно длинное путешествие из недр музея в его публичное пространство. Они шли по петляющим коридорам, и д’Агоста невольно поглядывал на экспонаты в шкафах. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он был здесь в последний раз, но тут мало что изменилось. Они прошли по затемненному двухэтажному Африканскому залу, мимо стада слонов, а оттуда в зал африканских народов, Мексики и Центральной Америки, Южной Америки, – зал за залом, которые наполнены клетками с птицами, золотом, керамикой, скульптурами, тканями, копьями, одеждой, масками, скелетами, обезьянами… Д’Агоста обнаружил, что тяжело дышит. Черт побери, неужели он едва поспевает за этим жирным коротышкой-охранником?

Они прошли в зал морской жизни, и Уиттакер наконец остановился у одной из самых отдаленных ниш. Вход в нее был перетянут желтой лентой, какой обычно ограждают место преступления. У ленты стоял музейный охранник.

– «Уголок брюхоногих», – прочитал д’Агоста название на медной табличке перед входом.

Уиттакер кивнул.

Д’Агоста показал удостоверение охраннику, поднырнул под ленту и жестом позвал за собой Уиттакера. Они оказались в темном пространстве со спертым воздухом. На трех стенах ниши висели стеклянные шкафы с раковинами всех форм и размеров – от улиточных и двустворчатых до витых обиталищ трубача. В расположенных под шкафами витринах высотой по пояс были выставлены раковины других моллюсков. Д’Агоста фыркнул. Наверное, это было самое малопосещаемое место во всем этом треклятом музее. Его взгляд упал на стромбуса, розоватого и сияющего, и на мгновение д’Агоста перенесся в один из вечеров на Гавайях, когда песок все еще хранил тепло лучей только что закатившегося солнца, Лора лежала рядом с ним, а к их ногам подбегали пенистые волны прибоя. Он вздохнул и вернулся в настоящее.

Д’Агоста заглянул под витрину, где мелом были очерчены контуры тела и виднелись бирки на местах найденных улик, а также длинная полоса засохшей крови.

– Когда вы нашли тело?

– В субботу поздно вечером. Минут десять двенадцатого.

– А в какое время у вас начинается дежурство?

– В восемь.

– И этот зал – часть вашей зоны ответственности?

Уиттакер кивнул.

– Когда закрывается музей по субботам?

– В шесть.

– Как часто вы проходите через этот зал во время дежурства?

– По-разному. Интервалы между обходами могут составлять от получаса до сорока пяти минут. У меня есть магнитная карта, которой я должен провести по считывающему устройству, когда начинаю обход. Администрация недовольна, когда наши обходы становятся предсказуемо регулярными.

Д’Агоста вытащил из кармана план этажа, который прихватил по пути сюда:

– Вы можете нарисовать здесь маршрут ваших обходов или как вы их там называете?

– Конечно.

Уиттакер выудил из кармана ручку и провел на плане неровную линию, охватившую бóльшую часть этажа, после чего вернул листок д’Агосте.

Тот внимательно рассмотрел план:

– Похоже, обычно вы не заходите в эту нишу.

Уиттакер немного помолчал, словно обдумывая, нет ли тут подвоха:

– Обычно не захожу. Ведь это тупик. Так что чаще всего я прохожу мимо.

– Что же заставило вас заглянуть туда вчера в одиннадцать вечера?

Уиттакер потер лоб:

– Кровь оттуда вытекла в середину зала. Когда я включил фонарик, луч света упал на… на лужу.

Д’Агоста вспомнил всю эту кровищу на фотографиях выездной бригады криминалистов. Судя по реконструкции преступления, пожилой работник музея Виктор Марсала получил удар по голове тупым предметом, когда выходил из ниши. Его тело засунули под витрину, предварительно сняв часы, забрав бумажник и обчистив карманы.

Д’Агоста заглянул в свою записную книжку:

– Вчера вечером происходило что-нибудь необычное?

– Нет.

– Никаких ночных гостей, частных вечеринок, кинопросмотров, экскурсий после закрытия музея? Ничего в таком роде?

– Ничего.

Д’Агоста уже знал ответы на большинство своих вопросов, но хотел пробежаться по знакомой почве вместе со свидетелем, на всякий случай. Согласно отчету коронера, смерть наступила около половины одиннадцатого.

– В течение сорока минут до обнаружения тела вы видели кого-нибудь или что-нибудь необычное? Запоздавшего посетителя, который сказал, что заблудился? Работника музея не в его обычной рабочей зоне?

– Ничего такого я не видел. Все как всегда: хранители и научные сотрудники, работающие допоздна.

– А этот зал?

– Он был пуст.

Д’Агоста кивнул в сторону незаметной двери в дальней стене, с табличкой «Выход» над ней:

– А эта дверь куда ведет?

Уиттакер пожал плечами:

– В подвал.

Д’Агоста задумался. Неподалеку находился зал южноамериканского золота, но там, слава богу, все на месте, ничего не украдено и не перемещено. Можно было предположить, что Марсала, направляясь к выходу по завершении вечерней работы, потревожил какого-то бродягу, который прилег вздремнуть в этом темном уголке музея, однако д’Агоста сомневался, что история была настолько экзотичной. Если тут и было что-то необычное, так это то, что убийце удалось уйти из музея незамеченным. В нерабочее время из музея можно выйти только через хорошо охраняемый пропускной пункт на первом этаже. Возможно, убийца – кто-то из сотрудников музея? У д’Агосты имелся список всех, кто в тот день работал допоздна, – список на удивление длинный. Правда, и музей был огромным учреждением, в котором работали несколько тысяч человек.

Д’Агоста задал Уиттакеру еще несколько формальных вопросов, потом поблагодарил его.

– Я тут еще осмотрюсь, а вы можете возвращаться к своим обязанностям, – сказал он.

Следующие двадцать минут он изучал нишу и прилегающее помещение, постоянно сверяясь с фотографиями с места преступления. Но ничего нового не увидел; похоже, криминалисты ничего не упустили.

Подавив вздох, д’Агоста засунул айпад в портфель и двинулся в сторону отдела по связям с общественностью.

6

В списке любимых занятий лейтенанта Питера Энглера присутствие на вскрытии занимало последнее место. Нет, он не падал в обморок при виде крови. За пятнадцать лет службы в полиции он повидал достаточно мертвых тел – застреленных, заколотых, забитых, сбитых машиной, отравленных, расплющенных на тротуаре, разорванных в куски на путях подземки. Не говоря уже о его собственных ранениях. Он был человеком, который умел постоять за себя: исполняя служебный долг, он неоднократно доставал оружие и два раза использовал его. Насильственная смерть не была для него в новинку. Что выбивало его из колеи, так это зрелище холодного, заданного правилами расчленения тела, извлечения одного органа за другим, их тщательное обследование,

фотографирование, описание… даже сопутствующие этой процедуре шутки. И конечно, запах. Но с годами он притерпелся и теперь относился к этому стоически.

Но у этого вскрытия было нечто такое, что придавало ему особенно жуткий характер. Энглер повидал немало вскрытий, но ни разу не присутствовал при таком, за которым внимательно наблюдал бы отец жертвы.

В прозекторской находилось пять человек, если говорить о живых: Энглер; один из его детективов по фамилии Милликин; старший судмедэксперт, он же патологоанатом; лаборант-препаратор, невысокий, патлатый и горбатый, как Квазимодо; а также специальный агент Алоизий Пендергаст.

У Пендергаста, разумеется, не было здесь особого статуса. Когда он обратился с этой странной просьбой, Энглер хотел было запретить ему допуск. В конце концов, агент упорно отказывался от сотрудничества. Но Энглер навел кое-какие справки и узнал, что, хотя в ФБР Пендергаст был известен своими нестандартными методами работы, раскрываемость дел, которые он вел, была очень высокой. Энглер никогда не видел досье, в котором содержалось бы столько благодарностей и выговоров. И в конечном счете он решил, что не стоит возражать против присутствия Пендергаста на вскрытии. Все-таки это был его сын. И потом, у Энглера было ясное ощущение, что Пендергаст так или иначе найдет способ обойти его запрет.

Патологоанатом, доктор Константинеску, тоже, кажется, знал Пендергаста. Константинеску был больше похож не на судмедэксперта, а на старого доброго сельского доктора, и присутствие специального агента совсем выбило его из колеи. Он был напряженным и нервным, как кот в новом доме. Проговаривая в висящий микрофон свои медицинские наблюдения, он то и дело останавливался, оглядывался через плечо на Пендергаста, потом прочищал горло и продолжал работать. У него ушел час только на то, чтобы провести внешнее обследование тела, – примечательное достижение ввиду полного отсутствия на теле чего-либо подлежащего экспертному исследованию. Снятие одежды, фотографирование, рентгеновский снимок, взвешивание, тесты на токсичность, указание на отсутствие особых примет и все остальное продолжалось чуть ли не целую вечность. Патологоанатом как будто боялся совершить даже малейшую ошибку, или же им владело странное нежелание выполнять эту работу. Лаборант, видимо не посвященный в подоплеку происходящего, проявлял нетерпение, переступал с ноги на ногу, снова и снова перекладывал инструменты. На протяжении всего этого времени Пендергаст, в халате, висящем на нем словно саван, неподвижно стоял

чуть в стороне от остальных, переводя взгляд с Константинеску на тело сына и обратно, не произнося ни слова и не выражая никаких чувств.

– Отсутствуют явные повреждения – ссадины, кровоподтеки, колотые раны и другие травмы, – говорил в микрофон патологоанатом. – Первоначальное внешнее обследование вкупе с рентгенограммой свидетельствует, что смерть наступила в результате перелома третьего и четвертого шейных позвонков наряду с возможным поворачиванием головы, что привело к разрыву спинного мозга и последующему спинальному шоку.

Доктор Константинеску отошел от микрофона, снова откашлялся.

– Мы… гм… мы собираемся начать внутреннее обследование, агент Пендергаст.

Пендергаст по-прежнему оставался неподвижным, разве что едва заметно кивнул. Он был очень бледен, а такого бесстрастного лица Энглер, пожалуй, не видел ни у одного человека. Чем больше он узнавал Пендергаста, тем меньше тот нравился ему. Не человек, а какой-то маньяк.

Энглер сосредоточился на теле, лежащем на столе. Молодой человек был в прекрасной физической форме. Глядя на мощную мускулатуру покойного и его тонкие даже в смерти черты, Энглер вспомнил изображения Гектора и Ахилла на чернофигурных древнегреческих вазах, приписываемых художникам группы Антиопы.

«Мы собираемся начать внутреннее обследование». Это означало, что телу уже недолго оставаться красивым.

Константинеску кивнул лаборанту, и тот подал ему пилу Страйкера. Включив ее в сеть, патологоанатом принялся вскрывать черепную коробку Альбана (врезаясь в кость, пила производила резкий скрежещущий звук, от которого Энглера корежило) и наконец снял черепную крышку. Это было необычно: из своего опыта Энглер знал, что мозг обычно удаляется последним из органов. Вскрытия, как правило, начинались с Y-образного рассечения грудной клетки. Видимо, отход от правил объяснялся тем, что причина смерти – перелом шейных позвонков. Но Энглер чувствовал, что более вероятной причиной было присутствие лишнего наблюдателя. Он украдкой бросил взгляд на Пендергаста. Тот побледнел еще сильнее, а его лицо стало еще более непроницаемым.

Константинеску осмотрел мозг, осторожно извлек его, положил на весы и пробормотал данные в микрофон. Он взял несколько образцов тканей, передал их лаборанту, а затем, на сей раз не поворачиваясь, заговорил с Пендергастом:

– Агент Пендергаст… вы планируете прощание с покойным в открытом гробу?

На несколько секунд наступила полная тишина. Наконец Пендергаст ответил:

– Ни прощания, ни похорон не будет. Когда вы закончите, я отдам необходимые распоряжения, чтобы тело кремировали. – Голос его звучал, как скрежет ножа по льду.

– Понятно. – Константинеску вернул мозг в черепную коробку и немного помедлил. – Прежде чем продолжить, я бы хотел задать вам вопрос. Рентгенограмма выявила округлый объект в… желудке покойного. Но на теле нет шрамов, которые указывали бы на пулевые ранения или хирургическое вмешательство. Вам известно о каких-либо посторонних предметах, которые могут находиться в теле?

– Не известно, – ответил Пендергаст.

– Хорошо. – Константинеску медленно кивнул. – Тогда я приступаю к Y-образному рассечению.

Никто не возразил, и патологоанатом снова взял пилу Страйкера, сделал надрезы на правом и левом плечах и повел их вниз под углом так, что они встретились под грудной костью, после чего завершил рассечение, доведя скальпелем надрез до лобка. Лаборант подал ему набор механических ножниц, и Константинеску завершил раскрытие грудной полости, подняв подрезанные ребра и кожу и обнажив сердце и легкие.

Пендергаст оставался неподвижным за спиной у Энглера. По прозекторской начал распространяться известный запах – тот запах, который всегда преследовал Энглера, как и визг пилы Страйкера.

Константинеску извлек по порядку сердце, потом легкие, осмотрел их и поместил эти органы в пластиковый пакет, чтобы вернуть их в тело на завершающем восстановительном этапе аутопсии. То же самое было проделано с печенью, почками и другими важными органами. Затем патологоанатом занялся обследованием главных артерий, рассекая их и бегло осматривая. Теперь он работал быстро, являя полную противоположность тому, что было в начале.

Далее наступила очередь желудка. После осмотра, взвешивания, фотографирования и отбора тканей Константинеску взял скальпель. Эта часть вскрытия – изучение содержимого желудка – вызывала у Энглера наибольшее отвращение. Он отодвинулся чуть дальше от стола.

Патологоанатом наклонился над желудком, лежащим в металлическом тазу, и стал ощупывать его руками в перчатках, время от времени

прибегая к помощи скальпеля или пинцетов. Лаборант находился рядом. Запах в прозекторской сгустился.

Внезапно раздался звук: что-то звякнуло о стенку таза. Патологоанатом громко запыхтел. Он что-то пробормотал лаборанту, и тот подал ему чистый пинцет. Константинеску покопался в тазу с желудком и вытащил оттуда пинцетом что-то округлое, затянутое слизью, подошел к раковине и тщательно вымыл этот предмет. Когда он повернулся, Энглер, к огромному своему удивлению, увидел, что в лапках пинцета зажат камешек неправильной формы, размером чуть больше жемчужины. Темно-синий камень, драгоценный.

Краем глаза Энглер заметил, что Пендергаст наконец-то прореагировал.

Константинеску держал камень пинцетом, разглядывая его со всех сторон.

– Так-так, – пробормотал он.

Он положил камень в полиэтиленовый пакетик и запечатал его. В этот момент Пендергаст подошел к нему и пристально всмотрелся в камень. Исчезло отсутствующее, непроницаемое выражение лица, обращенный в никуда взгляд светлых глаз. В них неожиданно появилось какое-то хищное выражение, жажда, которая заставила Энглера вздрогнуть.

– Этот камень, – сказал Пендергаст. – Он нужен мне.

Энглеру показалось, что он ослышался.

– Нужен? Этот камень – первая серьезная вещественная улика, которая у нас есть.

– Именно. И поэтому я должен заполучить ее.

Энглер облизнул губы:

– Послушайте, агент Пендергаст, я понимаю, что тут на столе лежит ваш сын и вам, вероятно, приходится нелегко. Но это официальное расследование, у нас есть правила и процедуры, которым мы должны следовать, а при столь скудных уликах по этому делу…

– У меня есть ресурсы, которые могут содействовать расследованию. Мне нужен этот камень. Он должен быть у меня. – Пендергаст подошел ближе, сверля Энглера взглядом. – Пожалуйста.

Сила воздействия этого взгляда была так велика, что Энглер едва сдержался, чтобы не сделать шаг назад. Что-то подсказало ему, что Пендергаст не часто пользуется словом «пожалуйста». Несколько секунд Энглер стоял молча, раздираемый противоречивыми эмоциями. Однако эта перемена произвела на него сильное впечатление: теперь он

поверил, что Пендергаст действительно заинтересован в расследовании того, что случилось с его сыном. Он внезапно проникся сочувствием к этому человеку.

– Этот камень необходимо зарегистрировать как вещдок, – сказал он. – Сфотографировать, подробно описать, каталогизировать, внести в базу данных. Когда все это будет сделано, вы сможете взять его в комнате хранения вещдоков. Но только при условии строгого соблюдения всех формальностей. Камень должен быть возвращен в течение двадцати четырех часов.

Пендергаст кивнул:

– Спасибо.

– Двадцать четыре часа, не больше.

Но он обнаружил, что говорит со спиной Пендергаста. Тот быстро шел к двери, полы его зеленого халата развевались на ходу.

7

Остеологический отдел Нью-Йоркского музея естественной истории представлял собой бесконечный ряд комнат, затиснутых под широкую кровлю; попасть туда можно было через массивные двойные двери в конце длинного коридора, в котором находились кабинеты пятого этажа, а оттуда – наверх на гигантском тихоходном грузовом лифте. Войдя в лифт и обнаружив себя в обществе мертвой обезьяны, распростертой на тележке, д’Агоста понял, почему этот отдел максимально удален от публичного пространства музея: тут воняло, как в борделе во время отлива (так любил выражаться его отец).

Грузовой лифт с грохотом остановился, двери полностью открылись, и д’Агоста вошел в остеологический отдел, огляделся и нетерпеливо потер руки. Ему предстоял разговор с Моррисом Фрисби, старшим хранителем отдела антропологии и остеологии. Впрочем, д’Агоста не очень надеялся на этот разговор, поскольку Фрисби только сегодня утром вернулся с конференции в Бостоне и в день убийства его в музее не было. Более полезным мог стать молодой человек, спешивший навстречу д’Агосте, – некто Марк Сандовал, лаборант отдела остеологии, который отсутствовал на работе целую неделю по причине сильной простуды.

Сандовал закрыл за ними входную дверь остеологического отдела. Он все еще выглядел совершенно больным: глаза красные и опухшие, лицо бледное, рука с носовым платком у носа. Что ж, подумал д’Агоста, по крайней мере, парень хоть вони не чувствует. Правда, он к ней, наверное, давно привык.

– У меня десять минут до назначенной встречи с доктором Фрисби, – сказал д’Агоста. – Не покажете мне кое-что? Я хотел бы увидеть, где работал Марсала.

– Понимаете… – Сандовал сглотнул и оглянулся через плечо.

– Что, какие-то проблемы? – спросил д’Агоста.

– Дело в том… – Еще один взгляд через плечо, потом более тихим голосом: – Дело в том, что доктор Фрисби не очень расположен… – Сандовал смолк.

Д’Агоста сразу же все понял. Ясное дело, Фрисби – типичный музейный чинуша, ревностно оберегающий свое жалкое феодальное владение и как огня боящийся любой негативной информации о нем. Д’Агоста мысленно нарисовал себе портрет этого хранителя: твидовый пиджак, усыпанный крошками недокуренного табака, докрасна прошкрябанный бритвой подбородок, дрожащий от беспокойства.

– Не беспокойтесь, – сказал д’Агоста. – Я не назову вашего имени.

Сандовал подумал еще немного и двинулся по коридору, пригласив за собой д’Агосту.

– Насколько я понимаю, вы с Марсалой работали в тесном сотрудничестве, – начал д’Агоста.

– Не теснее других. – Сандовал все еще нервничал.

– Его не очень любили?

Сандовал пожал плечами:

– Не хочу говорить плохо о покойнике.

Д’Агоста вытащил записную книжку:

– И все же скажите мне, если не возражаете.

Сандовал высморкался.

– Он был… из тех ребят, с которыми трудно иметь дело. Постоянно был на взводе.

– Почему же так?

– Думаю, про него можно сказать, что он несостоявшийся ученый.

Они прошли мимо чего-то похожего на дверь в гигантский холодильник.

– Продолжайте.

– Он учился в колледже, но не смог сдать экзамены по органической химии, а без этого докторская степень по биологии вам не светит. После колледжа он пришел сюда лаборантом. Здорово умел работать с костями. Но без степени это был его карьерный потолок. И в этом вся загвоздка. Ему не нравилось, что научные сотрудники отдают ему приказы, все должны были перед ним лебезить. Даже я, а ведь я был для Виктора почти другом, если с ним вообще можно было дружить.

Сандовал прошел в дверь слева, и они оказались в комнате, наполненной громадными металлическими чанами. Наверху несколько громадных вентиляторов деловито выводили воздух из помещения, но это мало помогало: запах был даже сильнее, чем в коридоре.

– Здесь происходит мацерация, – пояснил Сандовал.

– Что происходит?

– Мацерация. – Сандовал снова высморкался. – Понимаете, одна из главных задач отдела – добывание тел и сведение их к костному остову.

– Тел? Это что, трупов?

Сандовал ухмыльнулся:

– В прежние времена и так бывало. Ну, вы понимаете: добровольные пожертвования для медицинской науки. Но теперь только животные. Более крупные экземпляры помещаются в эти мацерационные чаны. Они наполнены теплой водой. Не стерильной. Оставляете экземпляр в таком чане на достаточно длительное время, он постепенно разжижается, и, когда вы снимаете крышку, у вас остаются одни кости. – Сандовал показал на ближайший чан с жидкостью. – Сейчас там происходит мацерация тела гориллы.

В этот момент какой-то человек вкатил в помещение тележку с тушкой обезьяны.

– А это, – сказал Сандовал, – японский макак из зоосада в Центральном парке. У нас с ними договор: все их мертвые животные попадают к нам.

У д’Агосты подкатил ком к горлу. Запах здесь стоял невыносимый, и острые жареные итальянские сосиски, которыми он позавтракал, чувствовали себя в его желудке неуютно.

– В этом и состояла главная работа Марсалы, – сказал Сандовал. – Наблюдение за процессом мацерации. Ну и конечно, он работал с жуками.

– С жуками?

– Сюда, пожалуйста.

Сандовал вернулся в коридор, миновал еще несколько дверей и вошел в очередную лабораторию. Здесь не было никаких чанов, только небольшие стеклянные подносы, похожие на аквариумы. Д’Агоста подошел к одному из них и пригляделся. Внутри находилось что-то похожее на большую дохлую крысу. Она кишела черными жуками, которые деловито пожирали плоть. Д’Агоста даже слышал, как работают их челюсти. Выругавшись вполголоса, он отошел назад. Его завтрак опасно зашевелился в желудке.

– Жуки-кожееды, – пояснил Сандовал. – Хищники. Так мы отделяем мясо от костей у малых экземпляров. Остается хорошо сочлененный скелет.

– Сочлененный? – сдавленным голосом переспросил д’Агоста.

– Понимаете, при использовании других методов приходится скреплять суставы, устанавливать их на металлические рамки для экспонирования или обследования. Жуки были на попечении Марсалы, он проверял поступающие экземпляры. Он и обезжиривание проводил.

Д’Агоста не стал спрашивать, но Сандовал все равно объяснил:

– Когда от экспоната остаются одни кости, их погружают в бензол. Выдерживание в бензоле придает им белый цвет, растворяет липиды, устраняет запах.

Они вернулись в коридор.

– Вот это и были его основные обязанности, – сказал Сандовал. – Но, как я вам уже сказал, Марсала был настоящим волшебником в том, что касается воссоздания скелетов. Поэтому его часто просили восстановить сочленения.

– Понятно.

– Да и кабинет Марсалы находился в восстановительной лаборатории.

– Пожалуйста, проводите меня туда.

Сандовал снова высморкался и пошел по коридору, казавшемуся бесконечным.

– Здесь некоторые коллекции остеологического отдела, – сказал он, показывая на двери. – Коллекции костей, организованные по таксономическому[4] принципу. А здесь – антропологические коллекции.

– И что они собой представляют?

– Захоронения, мумии и «приготовленные скелеты» – мертвые тела, собранные антропологами, нередко на полях боев во время Индейских

войн, и привезенные в музей. Этакое утраченное искусство. В последние годы мы были вынуждены вернуть многие из них заинтересованным племенам.

Д’Агоста заглянул в открытую дверь. Он увидел там многочисленные ряды шкафов с рифлеными стеклами, в которых имелось бессчетное множество выдвижных полок, каждая с биркой.

Пройдя еще с десяток таких хранилищ, Сандовал зашел в лабораторию, уставленную верстаками и рабочими столами со сланцевыми столешницами. Запах здесь был слабее. На верстаках стояли на металлических рамах скелеты различных животных в разной степени готовности. Несколько столов были задвинуты к дальней стене, на них стояли компьютеры, лежали разнообразные инструменты.

– Вот это стол Марсалы, – показал Сандовал.

– У него была подружка? – спросил д’Агоста.

– Мне об этом не известно.

– А чем он занимался в свободное время?

Сандовал пожал плечами:

– Он не рассказывал. Он был довольно закрытый человек. Эта лаборатория фактически стала его домом – он оставался и внеурочно. Мне казалось, что у него не было личной жизни.

– Вы говорите, что он был человек колючий, неуживчивый. Он вступал с кем-нибудь в серьезный конфликт?

– Да он вечно с кем-то бранился.

– А ничего такого, что бы вам запомнилось?

Сандовал задумался. Д’Агоста ждал с блокнотом в руке.

– Было одно, – сказал наконец Сандовал. – Месяца два назад. Тогда хранитель маммологического отдела привез из Гималаев несколько экземпляров чрезвычайно редких, почти вымерших летучих мышей. Марсала поместил их в емкость с кожеедами. А потом… испортил. Не проверял их с той частотой, какая требовалась. Это совсем не похоже на Марсалу, но у него в то время было на уме что-то другое. Если экспонат вовремя не вынуть из емкости, то он будет уничтожен. Голодные жуки выгрызают сухожилия, и кости выходят из суставов. А потом жуки принимаются за сами кости. Именно это и случилось с летучими мышами. Тот хранитель – а он немного чокнутый, как и все хранители, – пошел вразнос. Наговорил Марсале всяких гадостей в

присутствии всего отдела. Марсала был вне себя, но ничего не мог возразить, ведь он сам был виноват.

– Как зовут этого хранителя?

– Брикстон. Ричард Брикстон.

Д’Агоста записал фамилию.

– Вы сказали, что у Марсалы в то время было на уме что-то другое. Не знаете, что бы это могло быть?

Сандовал задумался:

– Примерно тогда же он начал работать с одним командированным ученым.

– Это редкое событие?

– Напротив, очень частое. – Сандовал указал на дверь по другую сторону коридора. – Вон там командированные обследуют кости. Они постоянно приезжают и уезжают. Мы принимаем ученых со всего света. Марсала обычно с ними не работал, хотя это объяснялось только его характером, и ничем другим. Тот ученый был первым, с кем он сотрудничал в этом году.

– Марсала не говорил, что это было за исследование?

– Нет. Но в то время он казался очень довольным собой. Словно ждал награды или чего-то подобного.

– Вы не помните имя этого ученого?

Сандовал поскреб голову.

– Кажется, Уолтон. А может, Уолдрон. Они должны регистрироваться по прибытии и убытии, получать сертификат. Фрисби ведет список. Вы сможете у него уточнить.

Д’Агоста оглядел помещение:

– Больше мне ничего не надо знать о Марсале? Чего-то необычного, странного, идущего вразрез с его характером?

– Нет. – Сандовал шумно высморкался.

– Его тело было найдено в уголке брюхоногих в зале морской жизни. Как вы думаете, по какой причине он мог оказаться в данном отделе музея?

– Он никогда там не бывал. Кости и эта лаборатория были единственным, что его интересовало. Это даже не по дороге сюда.

Д’Агоста сделал очередную запись.

– Еще какие-нибудь вопросы? – спросил Сандовал.

Д’Агоста взглянул на часы:

– Где я могу найти Фрисби?

– Я вас провожу.

Д’Агоста последовал за ним из лаборатории в коридор, а оттуда – назад, в самую вонючую часть остеологического отдела.

8

Доктор Финистер Пейден отступил назад от дифракционной рентгеновской установки и тут же наткнулся на что-то, что показалось ему колонной, завернутой в черную материю. Он отпрянул с резким протестующим криком и обнаружил, что стоит перед высоким человеком в черном костюме, который каким-то образом материализовался у него за спиной и, вероятно, стоял в нескольких дюймах от него, пока он работал.

– Какого черта? – свирепо проговорил Пейден, дрожа от негодования всей своей невысокой упитанной фигурой. – Кто вас сюда впустил? Это мой кабинет!

Человек никак не прореагировал, он продолжал смотреть на Пейдена. Глаза незнакомца были цвета белого топаза, а лицо столь тонко вылеплено, что вполне могло принадлежать резцу Микеланджело.

– Послушайте, кто вы такой? – спросил Пейден, вновь обретая самообладание, присущее куратору. – Я пытаюсь закончить работу и не могу позволить, чтобы мне мешали.

– Прошу прощения, – произнес человек умиротворяющим тоном и отступил на шаг.

– Что ж, я тоже прошу прощения, – сказал, смягчившись, Пейден. – Но это и в самом деле вторжение. А где ваш беджик посетителя?

Человек извлек из кармана бумажник коричневой кожи.

– Это не беджик!

Бумажник раскрылся, явив свету ослепительное сияние золота и синевы.

– О, – сказал Пейден, присмотревшись. – ФБР? Господи боже!

– Меня зовут Пендергаст. Специальный агент А. К. Л. Пендергаст. Вы позволите присесть?

Пейден сглотнул:

– Прошу вас.

С изящным поклоном человек уселся на единственный, кроме стула Пейдена, стул в кабинете и закинул ногу на ногу, словно готовясь к долгому разговору.

– Это касается убийства? – выпалил Пейден. – Но ведь меня даже не было в музее, когда это случилось. Я ничего об этом не знаю, никогда не встречал убитого. А главное, меня не интересуют брюхоногие. За двадцать лет работы здесь я никогда не был в том зале, ни разу. Так что если вы…

Его голос замер, когда посетитель медленно поднял изящную руку.

– Речь пойдет не об убийстве. Вы не присядете, доктор Пейден? Ведь это же ваш кабинет.

Пейден настороженно уселся за свой стол, сложил руки на груди и тут же опустил их, спрашивая себя, с чем связан этот визит, почему служба безопасности музея не поставила его в известность и следует ли ему отвечать на вопросы или лучше позвать адвоката. Правда, адвоката у него не было.

– Я искренне хочу извиниться за это неожиданное вторжение. У меня есть одна проблема, и я попросил бы вас помочь мне в ее решении… конечно, неофициально.

– Сделаю, что смогу.

Человек протянул к нему сжатую в кулак руку. Он медленно разжал ее жестом фокусника, и на его ладони оказался синий камень. Пейден, обрадованный тем, что речь идет всего лишь об идентификации, взял камень и пригляделся к нему.

– Бирюза, – сказал он, вертя камень в пальцах. – Обработанная. – Он взял со стола лупу, вставил в глазницу и рассмотрел камень в увеличении. – Похоже, что это естественный камень, не стабилизированный и определенно не реконструированный, промасленный или вощеный. Превосходный образец, необычный по цвету и структуре. Очень необычный. Я бы сказал, что он стоит немалых денег, возможно, больше тысячи долларов.

– А что делает его таким ценным?

– Цвет. Бирюза по большей части имеет небесно-голубой цвет, нередко с зеленоватым оттенком. Но этот камень необыкновенно темный, темно-синий, почти фиолетовый. А это вкупе с сетчатыми золотыми прожилками – очень большая редкость. – Он вытащил лупу из

глазницы и вернул камень агенту ФБР. – Надеюсь, эта информация вам полезна.

– Весьма полезна, – раздался вкрадчивый ответ, – но я надеялся, что вы, возможно, скажете мне о происхождении камня.

Пейден снова взял камень и на этот раз рассматривал его дольше.

– Могу определенно сказать, что это не Иран. Предположительно, это Америка, Юго-Запад. Поразительная темно-синяя окраска с золотой паутинкой. Я бы сказал, что этот камень из Невады. Другие возможные места – Аризона или Колорадо.

– Доктор Пейден, мне сказали, что вы – один из самых крупных знатоков бирюзы в мире. И теперь я вижу, что меня не обманули.

Пейден слегка кивнул. Он не ожидал встретить в силовых органах человека столь проницательного и любезного, как этот мужчина.

– Но дело в том, доктор Пейден, что мне необходимо знать, из какой именно шахты этот камень.

Говоря это, бледнолицый агент ФБР очень пристально смотрел на Пейдена. Ученый провел рукой по плешивой макушке:

– Ну что ж, мистер… мм… Пендергаст, это уже совсем другая задача.

– Почему же?

– Если я не могу опознать шахту после первоначального визуального осмотра – а в данном случае я не могу это сделать, – то требуется опробование образца. Понимаете ли… – и тут Пейден оседлал своего любимого конька, – бирюза представляет собой водный фосфат меди и алюминия, который образуется в результате инфильтрации воды сквозь множество пустот в породе обычно вулканического происхождения. Вода несет в себе среди прочего растворенные сульфиды меди и фосфора, которые осаждаются в порах в виде бирюзы. Бирюза с юго-запада почти всегда встречается там, где имеются отложения сульфидов меди в полевом шпате, имеющем порфировые интрузии. Там могут также содержаться лимонит, пириты и другие окислы железа. – Он поднялся и, быстро передвигаясь на коротких ногах, подошел к массивному шкафу, наклонился и вытащил ящик. – Вот здесь небольшая, но превосходная коллекция бирюзы, все образцы добыты на доисторических шахтах. Мы помогали археологам опознавать источник происхождения доисторических артефактов из бирюзы. Посмотрите.

Пейден движением руки подозвал агента, взял у него бирюзовый камешек и быстро сравнил с другими в ящике.

– Я не вижу у себя ничего похожего, но бирюза внешне может отличаться даже в разных частях шахты. А это всего лишь маленький образец. Вот взгляните на этот камень из Серриллоса, шахта находится близ Санта-Фе. А этот редкий образец найден на знаменитом доисторическом месте, известном как гора Чалчихуитл. Он цвета слоновой кости, с бледно-известковыми включениями и имеет огромную историческую ценность, хотя качество камня не очень высокое. А здесь у нас образцы доисторической бирюзы из Невады…

– Очень интересно, – ровным голосом сказал Пендергаст, пресекая поток слов. – Вы говорили об опробовании. Какое опробование требуется?

Пейден откашлялся. Ему не раз говорили, что его иногда заносит.

– Мне придется сделать анализ вашего камня – и бирюзы, и включений, – используя разные средства. Начну с анализа методом рентгеновского излучения, индуцированного потоком протонов, в этом случае камень в вакууме бомбардируется высокоскоростными протонами и возникает эмиссия рентгеновских лучей, которую мы и анализируем. К счастью, у нас здесь, в музее, превосходная минералогическая лаборатория. Хотите посмотреть? – Он взглянул на Пендергаста, сияя улыбкой.

– Нет, спасибо, – ответил Пендергаст. – Но я рад, что вы готовы проделать эту работу.

– Конечно же! Это моя профессия. Конечно, я делаю это главным образом для археологов, но для ФБР… рад буду вам помочь, мистер Пендергаст.

– Я чуть не забыл сказать вам об одной маленькой проблеме.

– А именно?

– Результаты необходимы мне завтра к полудню.

– Что? Это невозможно. На это уйдут недели. Минимум месяц!

Долгая пауза.

– Но есть ли у вас *физическая возможность* завершить анализ к завтрашнему дню?

Пейден почувствовал, как у него покалывает кожу на черепе. Он уже вовсе не был уверен, что этот человек так обходителен и покладист, как это показалось вначале.

– Что ж. – Пейден откашлялся. – Думаю, физически возможно получить некоторые предварительные результаты. Но для этого потребуется

работать без остановки следующие двадцать часов. И даже в этом случае успех не гарантирован.

– Почему?

– Все будет зависеть от того, опробовали ли этот конкретный вид бирюзы прежде и имеется ли его химическая сигнатура в базе данных. Понимаете, я анализировал много образцов бирюзы для археологов. Это помогает им определить торговые пути и прочее. Но если этот образец происходит из какой-нибудь новой шахты, то возможно, что мы никогда не опробовали этот вид бирюзы.

Молчание.

– Могу я попросить вас, доктор Пейден, взяться за эту работу?

Пейден снова погладил плешь:

– Вы просите меня следующие двадцать часов работать над вашей проблемой?

– Да.

– У меня жена и дети, мистер Пендергаст! Сегодня воскресенье, я вообще здесь случайно оказался. И я далеко не молод.

Агент впитал эту информацию. Затем медленным, плавным движением он извлек из кармана какой-то предмет, зажав его в кулаке. Протянул руку и раскрыл пальцы. На его ладони лежал небольшой сверкающий красновато-коричневый обработанный камешек размером около карата. Пейден инстинктивно взял камень, вставил в глаз лупу, осмотрел его с разных сторон.

– Ой-ой. Ой-ой-ой. Сильнейший плеохроизм…[5]

Он схватил со стола небольшую ультрафиолетовую лампу и включил ее. Камень тут же поменял окраску, засиял ярким зеленым цветом.

Пейден посмотрел на Пендергаста широко раскрытыми глазами:

– Пейнит[6].

Агент ФБР кивнул:

– Я не обманулся, считая вас первоклассным минералогом.

– Скажите, бога ради, где вы его взяли?

– Мой прадед собирал всякие диковинки, которые я унаследовал вместе с его домом. Я взял это из его коллекции. Если вы сделаете для меня работу, о которой мы говорили, камень ваш.

– Но этот камень стоит… милостивый господи, я даже приближенно боюсь назвать цену. Пейнит – один из редчайших драгоценных камней.

– Мой дорогой доктор Пейден, для меня сведения о том, из какой шахты добыта эта бирюза, гораздо ценнее этого камня. Итак, вы можете сделать то, о чем я прошу? И, – сухо добавил он, – уверены ли вы, что ваши жена и дети не будут возражать?

Но Пейден уже поднялся на ноги и поместил бирюзовый камешек в полиэтиленовый пакетик на молнии, мысленно перебирая, какие химические и минералогические тесты ему придется провести.

– Возражать? – бросил он через плечо, удаляясь в святая святых своей лаборатории. – Да кого это волнует!

9

Трижды повернув не в ту сторону и дважды остановившись, чтобы узнать направление, лейтенант д’Агоста наконец выбрался из лабиринта остеологического отдела и оказался на первом этаже. Он медленно двинулся к выходу через Большую ротонду, глубоко погруженный в свои мысли. Его встреча со старшим хранителем Моррисом Фрисби оказалась пустой тратой времени. Ни один из последующих допросов также не пролил света на убийство. Д’Агоста так и не сумел выяснить, как преступнику удалось выйти из музея.

Он бродил по музею с самого утра, и теперь у него болели ноги и поясница. Это все больше начинало походить на типичное нью-йоркское убийство, случайное и бессмысленное; расследовать такие – чистый геморрой. Ни одна из сегодняшних ниточек никуда его не вывела. В сухом остатке получалось, что Виктор Марсала был неприятным человеком, но хорошим работником. Ни у кого в музее не было оснований его убивать. Единственный возможный подозреваемый – Брикстон, специалист по летучим мышам, поссорившийся с Марсалой двумя месяцами ранее, – во время убийства был за границей. И потом, ботаники такого рода никогда не бывают убийцами. Члены команды д’Агосты уже допрашивали соседей Марсалы в Саннисайде в Куинсе. Все отзывались о нем как о тихом холостяке, который держался особняком. Никаких подружек. Никаких вечеринок. Никаких наркотиков. И вполне вероятно, никаких друзей, кроме разве что Сандовала, лаборанта из остеологического отдела. Родители жили в Миссури, сына много лет не видели. Тело было найдено в темном, редко посещаемом уголке музея, пропали бумажник, часы и карманные деньги. Д’Агоста почти не сомневался, что это очередное ограбление, которое пошло по плохому сценарию. Марсала оказал сопротивление, а безмозглый преступник запаниковал, убил его и утащил тело в нишу.

Дело усложнялось тем, что у следствия не было недостатка в вещественных доказательствах, – если уж на то пошло, д’Агоста и его люди просто тонули во всем этом. На месте преступления была целая гора волосков, волокон, отпечатков. Тысячи людей прошли по этому залу с тех пор, как здесь в последний раз производилась тщательная уборка (включая протирку шкафов), и оставили повсюду свои жирные следы. Двое детективов просматривали видеозаписи с камер наблюдения музея, но пока ничего подозрительного не обнаружили. Тем вечером на работе задержалось более двухсот сотрудников – и это называется уик-энд! Д’Агоста теперь видел все очень ясно: еще неделю-другую он будет биться головой о стену, расследуя это дело, тратить время на бесплодные гипотезы. Потом дело будет сдано в архив и перейдет в категорию висяков – еще одно паршивое нераскрытое убийство с мегабайтами расшифрованных допросов, цифровых фотографий и различных анализов, которые будут плескаться в базе данных нью-йоркской полиции, как грязная вода у пирса, не имея другой цели, кроме как уменьшить процент раскрываемости по отделу.

Он ускорил шаг, направляясь к выходу, и тут заметил знакомую высокую фигуру: агент Пендергаст шагал по мраморному полу ротонды так быстро, что его черный костюм ходил ходуном.

Д’Агоста удивился, встретив его здесь, в музее. Он не видел Пендергаста со времени частного обеда, который дал агент ФБР за месяц до того, как д’Агоста отпраздновал свою свадьбу. Еда и вино были самыми изысканными. Пендергаст готовил все сам с помощью своей домохозяйки из Японии. Еда была просто невероятная… По крайней мере, до тех пор, пока Лора, жена д’Агосты, на следующее утро не прочла меню и они не поняли, что среди прочего ели суп из рыбьих губ и кишок (Sup Bibir Ikan) и коровий желудок, кипяченный с беконом в коньяке и белом вине (Tripes à la Mode de Caen). Но лучшее, что было на этом обеде, – сам Пендергаст. Он пришел в себя после трагедии, которая случилась с ним полтора года назад, и вернулся после восстановительной поездки на лыжный курорт в Колорадо; его смертельная бледность и невероятная худоба остались в прошлом, и теперь он физически и эмоционально пришел в норму, по крайней мере в своей обычной сдержанной манере.

– Привет, Пендергаст! – Д’Агоста поспешил через ротонду и ухватил его за руку.

– Винсент. – Бледные глаза Пендергаста на секунду задержались на д’Агосте. – Как я рад снова вас видеть.

– Хотел еще раз поблагодарить вас за обед. Вы превзошли самого себя. И для нас это было важно. Для нас обоих.

Пендергаст кивнул с отсутствующим видом и обвел взглядом ротонду. Его мысли явно были чем-то заняты.

– Что вы здесь делаете? – спросил д’Агоста.

– Консультировался… с одним хранителем коллекции.

– Забавно. Я делал то же самое. – Д’Агоста рассмеялся. – Как в прежние времена, да?

Однако Пендергасту это не показалось забавным.

– Послушайте, что, если я попрошу вас об услуге?

Ответом на это был неопределенный, уклончивый взгляд.

Д’Агоста храбро продолжил:

– Не успел я вернуться из медового месяца, как Синглтон повесил на меня это убийство. Вчера вечером был найден мертвым лаборант остеологического отдела – убит ударом по голове, тело спрятали в темном углу. Похоже на ограбление, которое переросло в убийство. У вас чутье на такие вещи, вот я и подумал, может, вы поделитесь соображениями, посмотрите…

На протяжении этой речи Пендергаст становился все более беспокойным. Наконец он взглянул на д’Агосту с таким выражением, что тот замолчал на полуслове.

– Извините, мой дорогой Винсент, но боюсь, что в настоящий момент у меня нет ни времени, ни желания обсуждать с вами какое-то дело. Всего доброго.

Он едва заметно кивнул и направился к выходу из музея.

10

В глубинах величественного, в стиле немецкого ренессанса, здания «Дакоты»[7], в конце ряда из трех соединенных и совершенно обособленных от остальной части дома апартаментов, за выдвижной перегородкой из дерева и рисовой бумаги находился учи-роджи – внутренний сад японского чайного дома. Между карликовых вечнозеленых деревьев петляла дорожка, выложенная плоскими камнями. В воздухе стоял запах эвкалипта, слышалось чириканье невидимых птиц. Чуть дальше располагался сам чайный домик, маленький и безукоризненный, едва видимый в импровизированном вечернем свете.

Этот практически мираж – частный сад, миниатюрный и изящный, в твердыне огромного жилого здания на Манхэттене – был создан

агентом Пендергастом как место для медитаций и восстановления душевных сил. Теперь он сидел на резной скамье дерева кейаки, чуть в стороне от тропинки и перед крохотным прудом с золотыми рыбками. Оставаясь неподвижным, он глядел на темную воду, где хаотично плавали оранжево-белые рыбки, похожие на тени.

Обычно это святилище дарило Пендергасту отдохновение от мирских забот или хотя бы временное забвение. Но в этот день он не находил здесь покоя.

Из кармана его пиджака донеслось верещание сотового телефона, номер которого был известен менее чем десятку человек. На дисплее высветилось: «Номер неизвестен».

– Слушаю.

– Агент Пендергаст…

Это был все тот же суховатый голос безымянного оперативника из ЦРУ, с которым он встречался в тире два дня назад. При их прошлых контактах в голосе человека слышалась легкая ирония, некая отстраненность от повседневных мирских забот. Сегодня этой иронии Пендергаст не почувствовал.

– Слушаю, – повторил он.

– Я звоню, так как знаю, что вы предпочитаете получать дурные новости скорее раньше, чем позже.

Пальцы Пендергаста чуть крепче сжали телефон.

– Продолжайте.

– Плохие новости в том, что у меня нет никаких новостей.

– Понятно.

– Я привлек довольно серьезные ресурсы, израсходовал немало денег и просил об оказании услуг как в стране, так и за границей. Я рисковал засветить нескольких оперативников под прикрытием, попросив их разузнать, не скрывают ли некоторые зарубежные правительства информацию, касающуюся операции «Лесной пожар». Но я остался с пустыми руками. Никаких свидетельств того, что Альбан когда-либо всплывал в Бразилии или какой-то другой стране. Никаких сведений о его въезде в Штаты – я попросил таможню и Министерство внутренней безопасности, они подключили к этому свои серверные парки с программой распознавания лиц, но все безрезультатно. Ни намека на какую-либо полезную информацию ни в федеральных, ни в местных силовых структурах.

Пендергаст выслушал это без комментариев.

– Конечно, что-то еще может всплыть на поверхность, какая-нибудь крупица из неожиданного источника, какая-то пропущенная нами база данных. Но весь стандартный – и не только стандартный – набор я уже исчерпал.

И опять Пендергаст ничего не сказал.

– Мне очень жаль, – произнес голос в трубке. – Ситуация довольно… унизительная. В моей работе, имея в своем распоряжении такие инструменты, привыкаешь к успехам. Боюсь, что я был слишком самоуверенным при нашей последней встрече, возбудил у вас надежды.

– Не стоит извиняться, – ответил Пендергаст. – Мои надежды ничуть не возбудились. Альбан был чудовищем.

После короткой паузы человек заговорил снова:

– Возможно, вам будет интересно узнать. Лейтенант Энглер из нью-йоркской полиции ведет расследование убийства вашего сына… Я просмотрел внутренние полицейские документы. Он определенно проявляет к вам интерес.

– В самом деле?

– Ваше нежелание сотрудничать со следствием и ваше поведение вызвало у него любопытство. Как и ваше появление на вскрытии. И ваш интерес к камешку бирюзы. Насколько мне известно, вы убедили полицию дать вам его на время и уже просрочили срок возврата. У вас могут возникнуть проблемы с Энглером.

– Спасибо за совет.

– Не за что. И еще раз: мне жаль, что я больше ничего не могу для вас сделать. Если вам еще понадобится моя помощь, звоните по основному номеру в Лэнгли[8] и попросите соединить вас с сектором Y. Я же со своей стороны буду вас информировать, если статус дела изменится.

На линии воцарилось молчание.

Пендергаст посидел несколько мгновений, глядя на сотовый. Потом убрал его в карман, встал и по каменной дорожке вышел из садика.

В большой кухне апартаментов экономка Пендергаста, Киоко Ишимура, нарезала лук-шалот. Она оглянулась на проходящего мимо агента ФБР и экономными жестами глухого человека показала, что у него на автоответчике сообщение. Пендергаст благодарно кивнул и прошел

дальше по коридору в свой кабинет, где взял трубку и, не садясь за стол, прослушал сообщение.

– Гм, мистер Пендергаст, – раздался торопливый сипловатый голос доктора Пейдена, минералога из музея. – Я провел анализ камня, который вы оставили мне вчера. Применялся метод рентгеновской дифракции, светлопольной микроскопии, флуоресцентного, поляризационного диаскопического и эпископического освещения и ряд других. Определенно можно сказать, что это естественная бирюза, твердость 6, индекс рефракции 1,614, удельный вес около 2,87. И, как я уже сказал раньше, нет никаких свидетельств стабилизации или реконструирования. Однако образец обладает некоторыми своеобразными свойствами. Крайне необычная зернистость. Я никогда не видел такого полупросветления в большой паутинчатой матрице. И цвет… в широко известных шахтах таких камней не находили, и в базе данных нет такой химической сигнатуры… Короче говоря, я боюсь, что это редкий образец из небольшой шахты и идентифицировать его весьма затруднительно, потребуется больше времени, чем я предполагал, вероятно, гораздо больше, так что я надеюсь, вы проявите терпение и не будете требовать возвращения пейнита, пока я…

Пендергаст не стал дослушивать сообщение до конца. Он стер его, нажав пальцем кнопку, и повесил трубку. Только после этого он сел за стол, упер локти в полированную поверхность, положил подбородок на сцепленные пальцы и невидящим взглядом уставился в пространство перед собой.

Констанс Грин сидела в музыкальной комнате особняка на Риверсайд-драйв и тихо играла на клавесине. Инструмент был замечательный, изготовленный в Антверпене в начале 1650-х годов знаменитым Андреасом Рюккерсом II[9]. Корпус клавесина из великолепной древесины имел золоченые кромки, а на нижней части крышки была написана пасторальная сцена с нимфами и сатирами, развлекающимися на зеленой поляне.

Сам Пендергаст мало интересовался музыкой. Но поскольку вкус Констанс был в основном ограничен барокко и ранним классическим периодом, она была настоящим виртуозом игры на клавесине, и Пендергаст с удовольствием приобрел для нее лучший из имеющихся в продаже инструментов того периода. Если не считать клавесина, комната была обставлена просто и со вкусом. На полу – персидский ковер, рядом разместились два кресла с потертой кожей, а по обе стороны от инструмента – одинаковые лампы от Тиффани. Вдоль одной стены стоял встроенный книжный шкаф с оригинальными изданиями произведений композиторов XVII–XVIII веков. На противоположной стене висели шесть рамок с голографическими изображениями

выцветших нотных страниц, написанных рукой Телемана, Скарлатти, Генделя и других великих композиторов.

Нередко Пендергаст, как призрак, проскальзывал сюда, садился в кресло и слушал, как играет Констанс. Сегодня Констанс подняла глаза и увидела, что он стоит в дверном проеме. Она выгнула брови, словно спрашивая, перестать ей играть или нет, но он только отрицательно покачал головой. Она продолжила играть Прелюдию № 2 до минор из «Хорошо темперированного клавира» Баха. Пока Констанс без всяких усилий исполняла эту короткую вещь, коварно быструю и технически трудную, Пендергаст, вместо того чтобы сесть на свое привычное место, принялся бесцельно бродить по комнате, вынимая то одну, то другую нотную тетрадь из шкафа и неторопливо листая. И лишь когда она закончила, он подошел к одному из кожаных кресел и сел.

– Ты прекрасно играешь эту вещь, Констанс, – сказал он.

– Девяносто лет ученичества способствуют улучшению техники, – ответила она с едва заметной улыбкой. – Какие новости о Прокторе?

– Он поправится. Его уже перевели из реанимации. Но ему придется провести еще несколько недель в больнице, а потом месяц или два на реабилитации.

В комнате воцарилось молчание. Наконец Констанс поднялась из-за клавесина и села в кресло напротив Пендергаста.

– Ты переживаешь, – сказала она.

Пендергаст хранил молчание.

– Естественно, это все из-за Альбана. Ты ни слова не произнес с того вечера. Как у тебя дела?

Поскольку Пендергаст так ничего и не сказал, продолжая неторопливо листать нотную тетрадь, Констанс тоже замолчала. Она, как никто другой, знала, что Пендергаст очень не любит говорить о своих переживаниях. Но она инстинктивно чувствовала, что он пришел к ней за советом. И потому просто ждала.

Наконец Пендергаст закрыл ноты.

– Я испытываю такие эмоции, каких не пожелал бы ни одному отцу. Это не скорбь. Сожаление – может быть. А кроме того, я испытываю облегчение. Облегчение оттого, что мир избавлен от Альбана и его болезни.

– Я понимаю. Но… он ведь был твоим сыном.

Пендергаст резко отшвырнул ноты в сторону, встал и принялся расхаживать по ковру.

– Однако самое сильное мое чувство – недоумение. Как они проделали это? Как они захватили и убили его? Если Альбан что и умел, так это выживать. А с его особыми талантами… потребовались невероятные усилия, расходы и планирование, чтобы до него добраться. Я никогда не сталкивался с таким безукоризненно совершенным преступлением, после которого остались лишь те следы, что хотел оставить преступник. И больше ничего. А самое главное, зачем? Какое послание они хотели отправить мне?

– Признаюсь, я в таком же недоумении, как и ты. – Констанс помолчала. – Твои расследования дали какой-нибудь результат?

– Единственное, что удалось найти, – это бирюзовый камешек в желудке Альбана. Да и тот не поддается идентификации. Мне звонил доктор Пейден, минералог из Музея естественной истории. Он, похоже, не уверен в успехе.

Констанс не отрывала глаз от агента ФБР, который продолжал расхаживать по комнате.

– Ты не должен так переживать, – сказала она наконец вполголоса.

Он пренебрежительно махнул рукой.

– Тебе нужно заняться новым делом. Наверняка есть множество нераскрытых убийств, которые только и ждут твоего участия.

– Идиотских убийств совершается сколько угодно, они не стоят умственных усилий. С какой стати я буду утруждать себя?

Констанс продолжала смотреть на него:

– Посмотри на это как на способ отвлечься. Порой ничто не доставляет мне такого наслаждения, как сыграть какую-нибудь простенькую вещицу, написанную для начинающих. Мысли после этого становятся яснее.

Пендергаст повернулся к ней:

– Зачем расходовать время на пустяки, когда передо мной стоит великая тайна убийства Альбана? Кто-то, наделенный выдающимися способностями, пытается втянуть меня в некую злую игру его собственного изобретения. Я не знаю ни моего противника, ни названия игры… даже правил не знаю.

– Именно поэтому ты и должен заняться чем-то другим, абсолютно непохожим на это, – возразила Констанс. – В ожидании следующего

поворота дела разреши какую-нибудь простенькую головоломку, какое-то банальное дело. Иначе… ты утратишь равновесие.

Последние пять слов были произнесены медленно и убежденно.

Пендергаст опустил взгляд:

– Ты, конечно, права.

– Я предлагаю это, потому что переживаю за тебя и знаю, каким одержимым и несчастным ты можешь стать из-за этого странного дела. Ты и без того достаточно настрадался.

Какое-то время Пендергаст оставался неподвижным. Потом медленно подошел к Констанс, наклонился, взял ее за подбородок и – к ее великому удивлению – нежно поцеловал.

– Ты мой оракул, – прошептал он.

11

Винсент д’Агоста сидел за столом в маленьком помещении, которое он объявил своим кабинетом в Нью-Йоркском музее естественной истории. Пришлось надавить как следует, чтобы администрация музея согласилась на это. Они неохотно выделили ему свободный бокс в глубинах остеологического отдела, который, слава богу, располагался вдали от вонючих мацерационных чанов.

В данный момент д’Агоста слушал, как один из его людей, детектив Хименес, подытоживает результаты просмотра записей с камер наблюдения в день убийства. Если одним словом, то голяк. Но д’Агоста делал вид, что внимательно слушает, он не хотел, чтобы Хименес считал, что его работа не оценивается по достоинству.

– Спасибо, Педро, – сказал д’Агоста, получив доклад в письменной форме.

– Что дальше? – спросил Хименес.

Д’Агоста посмотрел на часы: четверть пятого.

– Вы с Конклином на сегодня свободны, можете купить холодного пивка за мой счет. Завтра утром в десять у нас совещание по результатам проведенных работ.

Хименес улыбнулся:

– Спасибо, сэр.

Д’Агоста проводил взглядом удаляющуюся фигуру. Он и сам бы с удовольствием выпил с ребятами. Но у него еще были кое-какие дела.

Вздохнув, он принялся быстро листать доклад Хименеса. Затем, отложив доклад в сторону, вытащил из портфеля планшетник и начал готовить собственный доклад – для капитана Синглтона.

Несмотря на все затраченные его командой усилия и два дня – более двухсот человеко-часов – следовательской работы, в деле об убийстве Виктора Марсалы не было найдено ничего, за что можно было бы зацепиться. Ни одного свидетеля. Ни одной записи в журналах охраны о чем-то необычном. Оставался без ответа самый главный вопрос: как этот чертов преступник выбрался из музея. Они бились над этим вопросом с самого начала.

Ни одна из огромного количества собранных улик не имела существенно важного значения. У коллег Марсалы не было мотива для его убийства, а у тех, у кого действительно были к нему претензии, оказалось железобетонное алиби. Его личная жизнь была скучной и законопослушной, как у какого-нибудь епископа. Д’Агоста воспринял как личное оскорбление тот факт, что капитан Синглтон после стольких лет работы всучил ему подобное дело.

Он начал составлять предварительный доклад для Синглтона. В нем он сообщал о предпринятых его группой шагах, о допрошенных свидетелях, о том, что удалось узнать из биографии Марсалы; приводил данные судмедэксперта и выездной криминалистической бригады, анализ записей с камер наблюдения и показания соответствующих охранников. Он писал, что дальнейший план действий, если Синглтон решит его одобрить, будет включать продолжение допросов и распространение их на других работников музея, не ограничиваясь остеологическим отделом. Это будет означать масштабные допросы, сличение показаний на предмет противоречий и проверку биографий работников, задержавшихся в тот вечер на работе… фактически, возможно, всех сотрудников музея, работали они в тот день или нет.

Д’Агоста предполагал, что Синглтон не одобрит этот план. Расходы рабочего времени, усилий и денежных средств были слишком велики с учетом малой вероятности раскрытия преступления. Нет, он, скорее всего, предложит вести следствие малыми силами и понизит приоритет этого дела. Со временем и уменьшенную бригаду тоже переведут на другое расследование. Такова судьба висяков.

Он закончил писать доклад, быстро перечитал его, переслал Синглтону и выключил планшетник. Затем поднял голову и вздрогнул от неожиданности, обнаружив, что на единственном стуле у его стола сидит агент Пендергаст. Д’Агоста не видел и не слышал, как тот появился.

– Господи Исусе, – сказал д’Агоста и сделал глубокий вдох, чтобы быстрее прийти в себя. – Вы любите появляться неожиданно, верно?

– Признаю, мне это представляется забавным. Большинство людей похожи на морской огурец – понятия не имеют, что происходит вокруг них.

– Спасибо, я это оценил. Так что привело вас ко мне?

– Вы, мой дорогой Винсент.

Д'Агоста внимательно посмотрел на Пендергаста. Не далее как вчера он услышал о том, что сын Пендергаста убит, и задним числом понял, почему Пендергаст оборвал на полуслове их разговор в ротонде музея.

– Послушайте, – начал он, преодолевая неловкость, – я очень расстроился, узнав о том, что случилось. Когда я подошел к вам вчера, то и понятия не имел про вашего сына, я только-только вернулся из свадебного путешествия и еще не успел погрузиться в дела…

Пендергаст поднял руку, и д'Агоста замолчал.

– Если кто и должен извиняться, так это я.

– Давайте забудем об этом.

– Тут требуется краткое объяснение. И тогда я буду считать, что эта тема исчерпана.

– Валяйте.

Пендергаст выпрямился на стуле:

– Винсент, вы знаете, что у меня есть сын Альбан. Он был настоящим социопатом. Я видел его полтора года назад, когда он исчез в бразильских джунглях, совершив серию убийств в отелях Нью-Йорка.

– Я ничего не слышал об этом.

– С тех пор он не появлялся… пока четыре дня назад его тело не подбросили мне на порог. Я понятия не имею, кто это сделал и как. Дело расследует лейтенант Энглер, и я боюсь, что он слабоват для этой задачи.

– Я его хорошо знаю. Он отличный детектив.

– Я не сомневаюсь в его компетентности, поэтому и попросил одного крупного айти-специалиста уничтожить данные по ДНК Убийцы из отеля в базе данных нью-йоркской полиции. Вы, вероятно, помните, что как-то раз сами представили доклад, в котором утверждали, что Альбан и Убийца из отеля – одно лицо. К счастью для меня, никто не воспринял этот доклад всерьез. Так или иначе, меня не устраивало, чтобы Энглер, проверив ДНК моего сына по базе данных, получил сенсационные данные.

– Господи Исусе, я больше ничего не хочу слышать.

– В любом случае Энглер имеет дело с совершенно необычным убийцей, и ему не удастся найти преступника. Но это уже моя забота, а не ваша. И вот почему я здесь. Когда мы разговаривали в прошлый раз, вы сказали, что у вас есть дело, по которому вы хотели бы выслушать мой совет.

– Конечно. Но вас, вероятно, интересуют более важные вещи…

– Я буду рад отвлечься.

Д'Агоста уставился на агента ФБР. Тот был таким же мрачным, как всегда, но при этом абсолютно спокойным. Глаза, похожие на льдинки, холодно встретили его взгляд. Пендергаст был одним из самых необычных людей, каких знал д'Агоста, и одному богу было известно, что происходит в его голове.

– О'кей. Отлично. Только предупреждаю, дело самое рутинное.

Д'Агоста изложил подробности: обнаружение тела, особенности места преступления, куча вещдоков, ни один из которых не имеет отношения к делу, показания охранников, заявления хранителей и других сотрудников остеологического отдела. Пендергаст выслушал все это совершенно бесстрастно, разве что иногда моргал своими серебристыми глазами. Потом в боксе появилась чья-то тень, и глаза Пендергаста сместились в ту сторону.

Д'Агоста посмотрел через плечо, проследив за взглядом Пендергаста, и увидел высокую, мощную фигуру Морриса Фрисби, главы отдела. Встретившись с ним в первый раз, д'Агоста был немало удивлен: вопреки его ожиданиям, хранитель оказался не сутулым, близоруким книжным червем, а властным человеком, наводившим страх на персонал отдела. Д'Агоста и сам немного испугался. Фрисби был в дорогом костюме в тонкую полоску, в красном галстуке и говорил чеканным голосом нью-йоркского аристократа. Роста в нем было больше шести футов, и он сразу же занял главенствующее положение в крохотном помещении. Он перевел взгляд с д'Агосты на Пендергаста и обратно, излучая раздражение в связи с продолжающимся присутствием полиции в его владениях.

– Вы все еще здесь, – сказал он.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Дело пока не раскрыто, – ответил д'Агоста.

– И вряд ли будет раскрыто. Случайное преступление, совершенное кем-то посторонним. Марсала оказался в неудачном месте в неудачное время. Это убийство не имеет никакого отношения к остеологическому

отделу. Насколько я понимаю, вы все время допрашиваете моих сотрудников, а у них большая рабочая нагрузка, важная работа на столах. Могу ли я надеяться, что в ближайшее время вы закончите расследование и позволите моим людям спокойно продолжать работу?

– Кто этот человек, лейтенант? – мягко спросил Пендергаст.

– Я доктор Моррис Фрисби, – отчеканил тот, повернувшись к Пендергасту. У него были темно-голубые глаза навыкате, и они сфокусировались на Пендергасте, словно прожектора. – Я старший хранитель антропологической секции.

– Ах да. Вы получили должность после довольно таинственного исчезновения Хьюго Мензиса, если я не ошибаюсь.

– А кто вы, позвольте узнать? Еще один полицейский в штатском?

Плавным движением Пендергаст извлек из кармана свое удостоверение и значок и помахал ими перед Фрисби à la distance[10].

Фрисби уставился на него:

– Какое отношение к этому имеет федеральная служба?

– Я здесь из чистого любопытства, – беззаботно сказал Пендергаст.

– Не жалеете себя на работе, полагаю. Как это мило. Может быть, вы скажете лейтенанту, чтобы он побыстрее сворачивал дело и перестал бесполезно нарушать ход работы отдела и расходовать деньги налогоплательщиков, уже не говоря о захвате нашего рабочего пространства?

Пендергаст улыбнулся:

– Мое праздное любопытство может привести к чему-то более официальному, если лейтенант решит, что его работе мешает назойливый, чванливый бюрократ. Это я, конечно, не о вас. Я говорю вообще.

Фрисби уставился на Пендергаста, его крупное лицо побагровело.

– Воспрепятствование осуществлению правосудия – это серьезная вещь, доктор Фрисби. По этой причине я очень рад был услышать от лейтенанта, что вы с готовностью сотрудничаете с ним и продолжите в том же духе.

Долгое мгновение Фрисби оставался неподвижен. Потом он повернулся на каблуках, собираясь уходить.

– Да, кстати, доктор Фрисби… – проговорил Пендергаст своим самым медоточивым тоном.

Фрисби не повернулся. Он просто остановился.

– Вы сможете продолжить это полезное сотрудничество, откопав имя и документы, удостоверяющие полномочия того командированного ученого, который недавно работал с Виктором Марсалой, и предоставив их моему уважаемому коллеге.

На этот раз Фрисби все же повернулся. Лицо его почти почернело от гнева. Он открыл рот, собираясь заговорить.

Но Пендергаст опередил его:

– Прежде чем вы скажете что-нибудь, доктор, позвольте задать вам вопрос. Вы знакомы с теорией игр?

Старший хранитель не ответил.

– Если знакомы, то вы знаете, что существует определенная разновидность игр, известных среди математиков и экономистов как игры с нулевой суммой. Эти игры имеют дело с ресурсами, объем которых не уменьшается и не увеличивается, они просто переходят от одного игрока к другому. С учетом вашего настоящего настроения, если вы теперь заговорите, то, боюсь, можете сказать что-нибудь неосторожное. Я бы счел необходимым возразить в ответ. В результате этого словесного обмена вы будете подавлены и унижены, а это – как утверждает теория игр – увеличит мое влияние и статус за ваш счет. Поэтому я предлагаю более благоразумный образ действий: промолчите и отправляйтесь собирать информацию, о которой я упомянул. И сделайте это как можно скорее.

Пока Пендергаст говорил, на лице Фрисби медленно появлялось выражение, совершенно непохожее на то, что д’Агоста видел прежде. Старший хранитель ничего не сказал, только слегка качнулся, сначала назад, затем вперед, как ветка на ветру. Потом он едва заметно кивнул и исчез за углом.

– Очень меня обяжете! – прокричал Пендергаст вслед хранителю, наклонившись на стуле.

Д’Агоста молча наблюдал за происходящим.

– Вы так глубоко пнули его ботинком в задницу, что ему придется обедать обувным рожком.

– Я знаю, что у вас всегда найдется подходящее острое словечко.

– Боюсь, что вы нажили себе врага.

– У меня давний опыт работы с музеем. Тут есть определенная разновидность хранителей, которые ведут себя как средневековые

феодалы в своих владениях. С такими людьми я не церемонюсь. Привычка дурная, но расстаться с ней очень трудно. – Он встал со стула. – А теперь мне бы очень хотелось поговорить с этим лаборантом-остеологом, о котором вы говорили. С Марком Сандовалом.

Д’Агоста поднялся на ноги:

– Я вас провожу.

12

Они нашли Сандовала в хранилище дальше по коридору. Он ходил от одного набитого костями шкафа к другому, открывал их, рассматривал содержимое, делал заметки. Нос у него все еще оставался красным, глаза слезились – летняя простуда оказалась привязчивой.

– Это специальный агент Пендергаст из ФБР, – сказал д’Агоста. – Он хочет задать вам несколько вопросов.

Сандовал нервно огляделся, словно опасаясь, что кто-то может их увидеть, может быть Фрисби.

– Здесь?

– Да, здесь, – подтвердил Пендергаст, оглядывая кабинет. – Очаровательное местечко. Сколько в этой комнате человеческих останков?

– Около двух тысяч, плюс-минус десяток-другой.

– И откуда они?

– Океания, Австралия и Новая Зеландия.

– А сколько во всей коллекции?

– Около пятнадцати тысяч, если считать вместе антропологическую и остеологическую коллекции.

– Мистер Сандовал, насколько я понимаю, одна из составляющих вашей работы – помощь командированным ученым.

– Вообще-то, это наша основная обязанность. Командированные здесь постоянно сменяют друг друга.

– Но в обязанности Виктора Марсалы это не входило, хотя он и был лаборантом.

– У Вика был неподходящий характер. Иногда известные ученые бывают, как бы это сказать, людьми, трудными в общении… если не хуже.

– И в чем заключается ваша помощь им?

– Обычно командированные приезжают в музей, чтобы обследовать тот или иной экспонат или коллекцию. А мы – нечто вроде библиотекарей костей: подаем им экспонаты, дожидаемся, когда они их обследуют, потом возвращаем на место.

– Библиотекарь костей – очень точное определение. Сколько командированных ученых может обслужить каждый из вас, ну, скажем, за один месяц?

– По-разному. От шести до десяти, наверное.

– От чего это зависит?

– От того, насколько сложны или велики их требования. Если приезжает командированный ученый с подробно расписанным списком требований, то вам, возможно, придется работать исключительно с ним несколько недель. А есть и такие, которые просто хотят взглянуть на какой-нибудь череп или бедро.

– Какая квалификация должна быть у этих командированных?

Сандовал пожал плечами:

– У них должен быть документ с места работы и обоснование плана исследований.

– А специальные документы, удостоверяющие их полномочия?

– Ничего конкретного. Рекомендательное письмо, официальный запрос на бланке университета, свидетельство о том, что они работают в данном университете или медицинском институте.

Пендергаст лениво поправил запонку:

– Насколько я понял, Марсала, хотя это и случалось нечасто, все же работал с одним командированным ученым два месяца назад.

Сандовал кивнул.

– И он говорил вам, что этот проект имеет для него особый интерес?

– Мм, да.

– А что он об этом говорил?

– Он вроде как намекал, что этот ученый ему как-то поможет.

– Марсала работал исключительно с этим ученым?

– Ну да.

– Каким же образом работа заезжего ученого могла повлиять на положение мистера Марсалы, который считался специалистом по восстановлению костных соединений, но чья главная обязанность состояла в наблюдении за мацерационными чанами с жуками-кожеедами?

– Не знаю. Может быть, он планировал упомянуть Вика в статье, которую собирался опубликовать.

– С какой стати?

– В благодарность за его помощь. Костный библиотекарь – это работа вовсе не поднеси-подай. Иногда поступают очень необычные запросы, совершенно неконкретные, и тогда вам приходится прибегать к собственным специальным знаниям.

Д’Агоста слушал этот разговор со все возрастающим недоумением. Он предполагал, что Пендергаст займется криминальной стороной дела. Но агент ФБР, как обычно, отклонился от сути и задавал вопросы, никак напрямую не связанные с расследованием.

– Мистер Сандовал, вы не знаете, какие именно экспонаты обследовал этот ученый до своего отъезда?

– Нет.

– Сможете выяснить это для нас?

– Конечно.

– Отлично. – Пендергаст показал на дверь. – В таком случае, после вас, мистер Сандовал.

Выйдя из хранилища, они прошли по лабиринту коридоров к компьютерному терминалу в помещении, которое выглядело как главная лаборатория: пространство, заполненное столами и рабочими станциями, с несколькими наполовину собранными скелетами, разложенными на подстилках из зеленого сукна.

Д’Агоста и Пендергаст наклонились над Сандовалом, который уселся перед терминалом и вошел в базу данных остеологического и антропологического отделов музея. В лаборатории стояла тишина, нарушаемая лишь стуком по клавишам, пока Сандовал формулировал запрос. Потом зашуршал принтер, и Сандовал вытащил из него лист бумаги.

– Похоже, Марсала приносил этому ученому всего один экспонат, – сказал он. – Вот распечатка.

Д’Агоста наклонился ближе и стал читать вслух:

– Дата последнего запроса: двадцатое апреля. Готтентот[11], пол мужской, возраст приблизительно тридцать пять лет. Капская колония, бывший Восточный Гриквaланд[12]. Состояние: идеальное. Никаких обезображивающих повреждений. Причина смерти: дизентерия во время Седьмой пограничной войны[13]. Дата смерти: тысяча восемьсот восемьдесят девятый год. Привезен Н. Хатчинсом. Единица хранения: С-31234.

– Это, естественно, оригинальная запись, – сказал Сандовал. – Термин «готтентот» теперь считается унизительным. Правильное название – кой-коин.

– Согласно этой записи, тело было прислано в музей в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, – заметил Пендергаст. – Но если память мне не изменяет, то Седьмая пограничная война завершилась в конце тысяча восемьсот сороковых годов.

Сандовал хмыкнул и промычал что-то непонятное, прежде чем сказать:

– Возможно, тело перед доставкой в музей было эксгумировано.

В лаборатории снова повисло молчание.

– Подобная практика в прежние времена была обычной, – добавил Сандовал. – Откапывали могилы, чтобы получить нужный образец. Больше такого, конечно, не случается.

Пендергаст показал на номер хранения:

– Не могли бы мы увидеть этот экспонат?

Сандовал нахмурился:

– А зачем?

– Окажите любезность.

Снова пауза.

Пендергаст наклонил голову:

– Мне просто хотелось бы познакомиться с процессом: какова система хранения экспонатов, как вы их находите.

– Хорошо. Прошу за мной.

Сандовал нацарапал на клочке бумаги инвентарный номер, и они вышли следом за ним в центральный коридор, а потом – еще дальше в глубины отдела, в бесконечный лабиринт хранилищ. На поиски экспоната в старинных деревянных шкафах с медными ручками ушло

некоторое время. Наконец Сандовал остановился перед нужным шкафом. Искомый инвентарный номер, нацарапанный от руки на потускневшей медной пластинке, был прикреплен к большому плоскому лотку на верхней угловой полке шкафа. Сандовал еще раз проверил номер и вытащил лоток. После чего отнес его в лабораторию и положил на чистый кусок зеленого сукна, затем подал д’Агосте и Пендергасту по паре тонких резиновых перчаток, надел перчатки сам и снял крышку с лотка.

Внутри в беспорядке лежали кости – ребра, позвоночник, множество других костей. Из лотка поднимался необычный запах. Д’Агоста сказал бы, что это запах мускуса, старых корней и нафталина со слабой примесью запаха разложения.

– Эти кости очень чистые, хотя и пролежали в земле сорок лет, – заметил он.

– Прежде скелеты перед поступлением в музей тщательно очищались, – пояснил Сандовал. – Тогда еще не понимали, что сама земля является важной частью экспоната и должна быть сохранена.

Пендергаст целую минуту смотрел в лоток, потом вытащил оттуда череп без челюсти. Он заглянул в пустые глазницы, и д’Агоста подумал: ни дать ни взять Гамлет у могилы Йорика.

– Интересно, – пробормотал Пендергаст. – Очень интересно. Спасибо, мистер Сандовал.

Он положил череп обратно, кивнул Сандовалу, давая понять, что разговор закончен и, сняв перчатки, пошел в сопровождении д’Агосты обратно по коридору, в землю живых.

13

Ресторан для высших чинов, более известный под аббревиатурой РВЧ, был расположен на предпоследнем этаже здания Уан-Полис-Плаза[14]. Именно там во время ланча собирался анклав из комиссара полиции, его заместителя и прочих верховных князей. Д’Агоста был в РВЧ один лишь раз – на торжественном ланче, когда он и два десятка других полицейских были произведены в лейтенанты, и если сам ресторан напоминал законсервированное во времени низкопробное заведение начала шестидесятых, то вид на Нижний Манхэттен из окон во всю стену был великолепен.

Д’Агоста, сидевший в ожидании в просторном аванзале перед РВЧ, размышлял об этом виде из окна. Он вглядывался в лица выходящих – не появится ли Глен Синглтон. Сегодня была третья среда месяца, в этот день высокое начальство приглашало на ланч всех капитанов, начальников отделов, и д’Агоста знал, что среди них будет Синглтон.

Неожиданно он и в самом деле увидел ухоженного, хорошо одетого Синглтона. Д'Агоста быстро протиснулся сквозь толпу и оказался рядом с капитаном.

– Винни?! – удивился Синглтон.

– Я слышал, вы хотели меня видеть, – сказал д'Агоста.

– Хотел. Но вовсе не обязательно было меня выискивать. Это могло и подождать.

Д'Агоста перед этим справлялся у секретаря Синглтона и узнал, что капитан весь день будет занят.

– Ничего страшного. Так зачем вы хотели меня видеть?

Они двигались в общем направлении к лифту, но Синглтон вдруг остановился.

– Я прочитал твой доклад по делу об убийстве Марсалы.

– И?..

– Отличная работа с учетом всех обстоятельств. Я решил поставить на дело вместо тебя Формозу, а тебе даю убийство на Семьдесят третьей улице. Ну, ты в курсе: бегунья трусцой оказала сопротивление грабителю, и он полоснул ее ножом по горлу. Дело, похоже, ясное. Есть несколько свидетелей и четкие данные медэкспертизы. Можешь забрать на это дело своих людей из музея.

Именно это д'Агоста и предполагал услышать. И именно поэтому он ждал Синглтона перед РВЧ – хотел перехватить капитана, прежде чем эту ситуацию уже невозможно будет развернуть. Формоза… один из самых молодых лейтенантов в полиции, у него еще молоко на губах не обсохло.

– Если вам все равно, сэр, – сказал он, – то я бы хотел остаться на деле Марсалы.

Синглтон нахмурился:

– Но твой отчет… Дело-то довольно глухое. Недостаток улик, отсутствие свидетелей…

За спиной у Синглтона д'Агоста увидел свою молодую жену Лору Хейворд, которая вышла из РВЧ. Ее фигура на фоне Вулворт-билдинг за высоким окном смотрелась восхитительно. Она заметила его, инстинктивно улыбнулась, направилась было к нему, но увидела, что он разговаривает с Синглтоном, и удовольствовалась тем, что подмигнула ему, а потом направилась к лифтам.

Д’Агоста перевел взгляд на Синглтона:

– Я знаю, сэр, это лишний геморрой. Но я бы хотел еще на неделю остаться в музее.

Синглтон с любопытством посмотрел на него:

– Эта перестановка – вовсе не нагоняй тебе, если ты вдруг подумал. Просто я даю тебе нормальное резонансное дело, которое повысит тебе раскрываемость.

– Я ничего такого не думал, капитан. Я читал про убийство этой женщины и знаю, что получить такое дело – подарок судьбы.

– Тогда зачем тебе дело Марсалы?

А ведь всего лишь за день до этого д’Агоста был готов – и даже стремился – свалить это дело на какого-нибудь другого бедолагу.

– Я не уверен, сэр, – медленно ответил он. – Просто… просто я не люблю бросать дела. И иногда возникает какое-то шестое чувство, наитие, что вот сейчас случится прорыв. Вам, наверное, знакомо это ощущение, капитан.

Д’Агоста отдавал себе отчет, что имя его наития – Пендергаст.

Синглтон несколько секунд смотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Потом на его лице мелькнула улыбка.

– Еще как знакомо, – сказал он. – Я очень верю в наития. Хорошо, Винни, можешь оставаться на этом деле. А женщину-бегунью я отдам Клейтону.

Д’Агоста проглотил слюну и почувствовал, как саднит в горле.

– Спасибо, сэр.

– Удачи. Держи меня в курсе. – И Синглтон, кивнув еще раз, отвернулся.

14

Как только Пендергаст вошел в заставленный всякими вещами музейный кабинет, доктор Финистер Пейден тут же проводил его к стулу, предназначенному для посетителей:

– Агент Пендергаст. Прошу вас садиться.

Неуверенный тон его сообщения, оставленного на автоответчике два дня назад, куда-то исчез. Сегодня Пейден расплывался в улыбке и, кажется, был доволен собой.

Пендергаст наклонил голову:

– Насколько я понимаю, доктор Пейден, у вас есть для меня новости.

– Есть. Очень даже есть. – Минералог потер ладони. – Должен признаться, мистер Пендергаст, – надеюсь, это останется между нами, – что испытываю некоторое, очень легкое, разочарование.

Он отпер ящик, вытащил оттуда кусочек мягкой материи, развернул ее и осторожно, почти с нежностью прикоснулся к кусочку бирюзы.

– Красота. Слов нет, какая красота. – Минералог передал камень Пендергасту, явно заставляя себя сделать это. – Как бы то ни было, поскольку я не смог сразу же опознать камень или определить его принадлежность к известным источникам, мне пришлось исследовать его химическую сигнатуру, индекс рефракции и другие подобные опознавательные характеристики. Но дело в том, что я... гм, если говорить откровенно... за лесом не разглядел деревьев.

– Не уверен, что улавливаю ход вашей мысли, доктор Пейден.

– Я должен был сосредоточиться на внешнем виде камня, а не на его химических свойствах. Я сразу же сказал, что у вашего камня очень необычный вид и что его золотая паутинка – самое ценное, что в нем есть. Но возможно, вы помните мои слова о том, что подобные темно-синие камни встречаются только в трех штатах. Так оно и есть. За одним исключением.

Он протянул руку к своему цветному лазерному принтеру, вытащил из лотка лист бумаги и протянул его Пендергасту.

Агент окинул лист взглядом. На нем было изображение ювелирного изделия из каталога или аукционного перечня. Фотографию драгоценного камня сопровождали несколько абзацев описания. Хотя камень был значительно меньше, чем обнаруженный в желудке Альбана, во всех остальных отношениях камни были практически идентичны.

– Единственная лазурная бирюза, найденная за пределами тех трех штатов, – почти торжественно проговорил Пейден. – И единственная лазурная бирюза с золотой паутинкой, какую я видел.

– И откуда этот камень? – спросил Пендергаст.

– С малоизвестной калифорнийской шахты, известной как «Золотой паук». Это очень старая шахта, она истощилась более ста лет назад, и ее не называют ни в каких первостепенных книгах или каталогах. При всем том камень настолько необычен, что я должен был сразу же его узнать. Но понимаете, шахта была такая маленькая, производительность у нее такая низкая – по оценкам, там было добыто не больше пятидесяти-шестидесяти фунтов первосортных камней. Эта

малоизвестность и калифорнийское местоположение шахты сбили меня с толку.

– Где именно в Калифорнии находится эта шахта? – спросил Пендергаст еще более спокойным, чем всегда, голосом.

– Близ Солтон-Си, к северо-востоку от Анза-Боррего и к югу от национального парка Джошуа-Три[15]. Место очень необычное, в особенности с минералогической точки зрения, потому что единственное…

До этого момента Пендергаст неподвижно сидел на стуле. Внезапно он стремительно вскочил со стула и понесся из кабинета; полы его пиджака трепыхались следом, в кулаке он сжимал распечатку, и до испуганного хранителя донеслось лишь несколько наспех брошенных слов благодарности.

15

Комната хранения вещдоков Двадцать шестого участка нью-йоркской полиции представляла собой некое подобие беспорядочно построенного лабиринта с нишами, отсеками и закоулками, отгороженного от остальной части подвала толстой проволочной сеткой. Здание было старым, и в подвале сильно пахло плесенью и селитрой. Лейтенант Питер Энглер иногда думал, что если бы они предприняли поиски, то нашли бы в стенах замурованный скелет, который вдохновил Эдгара По на создание рассказа «Бочонок амонтильядо».

Энглер стоял в ожидании у вделанного в сетку большого окна с надписью: «Прием вещдоков». Из пространства за сеткой до него доносилось слабое позвякивание и поскребывание. Еще минута – и из мрака появился сержант Мульвахилл, который сжимал в руках небольшой контейнер для вещдоков.

– Вот оно, сэр, – сказал он.

Энглер кивнул, сделал несколько шагов по коридору и вошел в комнату для составления отчетов. Закрыв за собой дверь, он подождал, когда Мульвахилл поставит контейнер в сквозное окно, проделанное в стене. Энглер расписался в квитанции и передал ее сержанту. Потом поставил контейнер на ближайший стол, сел перед ним, снял крышку и заглянул внутрь.

Ничего.

Вообще-то, «ничего» было небольшим преувеличением. Там лежали образцы одежды Альбана Пендергаста, в маленьком полиэтиленовом пакете на молнии – частичка земли с подошвы его туфли. Были там и

несколько сильно покореженных пуль, извлеченных из автомобилей, но они все еще проходили баллистическую экспертизу.

Однако единственного настоящего вещдока – бирюзового камешка – не было. Только небольшой прозрачный пакетик, в котором лежал камень после описания, пока Пендергаст не забрал его.

Энглер нутром чуял, что камня здесь не окажется. Но помимо воли надеялся, что Пендергаст вернул камень. Глядя в контейнер, он чувствовал, как в нем медленно закипает гнев. Пендергаст обещал вернуть камень в течение двадцати четырех часов… которые истекли два дня назад. Дозвониться до Пендергаста Энглер не сумел – все его звонки остались без ответа.

Но как бы он ни был зол на Пендергаста, еще больше Энглер злился на себя. Агент ФБР практически выпросил у него этот камень (ни больше ни меньше на вскрытии собственного сына), и в момент слабости Энглер уступил вопреки доводам собственного разума. И что в результате? Пендергаст обманул его.

Что он делает с этим камнем, черт его раздери?

Что-то темное мелькнуло на периферии его зрения. Энглер повернулся и увидел в дверях комнаты самого Пендергаста, словно вызванного к жизни мыслями Энглера. Агент ФБР без слов подошел к нему, вытащил из кармана кусочек бирюзы и протянул ему.

Энглер внимательно рассмотрел камешек. Это была та же самая бирюза, по крайней мере так ему показалось. Он открыл пластиковый пакетик, положил туда темно-синий камень, закрыл молнию и вернул все это в контейнер. Потом снова взглянул на Пендергаста.

– И что я должен сказать по этому поводу? – спросил он.

Пендергаст ответил ему с легкой улыбкой:

– Я надеялся, что вы поблагодарите меня.

– Поблагодарить вас? Вы задержали камень на двое суток дольше договоренности. Не отвечали на мои звонки. Агент Пендергаст, правила хранения вещдоков не с потолка взялись. И ваш поступок был крайне непрофессиональным.

– Я прекрасно знаю правила хранения вещдоков, – ответил Пендергаст – Как и вы. И вы позволили мне взять камень на время, не согласуясь с правилами, а против них.

Энглер глубоко вздохнул. Он гордился тем, что никогда не терял присутствия духа, и будь он проклят, если этот мраморный призрак, облаченный в черное, если этот сфинкс выведет его из себя.

– Скажите, почему вы задержали возвращение камня?

– Я пытался определить источник его происхождения.

– И вам это удалось?

– Результаты пока не окончательные.

«Пока не окончательные». Более туманных ответов Энглер еще не слышал. Он немного помедлил и попытался зайти с другой стороны:

– Мы решили вести поиски убийцы вашего сына в новом направлении.

– В самом деле?

– Мы собираемся отследить, насколько это возможно, все перемещения Альбана в течение нескольких дней и недель перед убийством.

Пендергаст молча выслушал это. А затем, слегка пожав плечами, направился к выходу.

Энглер не смог сдержать раздражения:

– И это вся ваша реакция? Пожатие плечами?

– Я очень спешу, лейтенант. Еще раз позвольте поблагодарить вас за камень. А теперь, если вы не возражаете, я пойду.

Но Энглер еще не закончил. Он последовал за Пендергастом к двери:

– Я бы хотел понять, что происходит у вас в голове, черт возьми. Как это возможно, что вы совершенно… незаинтересованы? Неужели вы не хотите узнать, кто убил вашего сына?

Но Пендергаст уже исчез. Энглер, прищурив глаза, уставился в пустой дверной проем. Он слышал легкие быстрые шаги Пендергаста, гулким эхом отдающиеся в каменном коридоре по направлению к лестнице, ведущей из подвала на первый этаж. Наконец, когда звук шагов смолк окончательно, Энглер повернулся, закрыл контейнер, постучал по стене, вызывая Мульвахилла, и поставил контейнер в окошко.

А потом его взгляд невольно устремился к пустому дверному проему.

16

Привлекательная женщина лет тридцати пяти с гладкими каштановыми волосами до плеч отделилась от толпы посетителей, толкущихся в Большой ротонде музея, застучала каблучками, направляясь к широкой центральной лестнице, поднялась на второй этаж и прошла по гулкому мраморному коридору к двери, обрамленной красиво подсвеченными живописными изображениями петроглифов анасази[16]. Она помедлила,

сделала глубокий вдох и вошла в дверь. Метрдотель за небольшой деревянной стойкой выжидательно посмотрел на нее.

– У меня заказан столик на двоих, – сказала женщина. – На фамилию Грин. Марго Грин.

Метрдотель сверился с экраном компьютера:

– Да, конечно, доктор Грин. С возвращением. Ваш визави уже здесь.

Марго последовала за метрдотелем, лавирующим между столиками с льняными скатертями. Она оглядела зал, у которого была занятная история. Первоначально здесь находился зал захоронений народа анасази, наполненный десятками индейских мумий в их исходных согнутых положениях, а также бесчисленными одеялами, керамикой, наконечниками стрел, похищенными в конце XIX века из аризонской Пещеры мумии и других доисторических захоронений. Со временем зал стал причиной протестных настроений, и в начале 1970-х годов большая группа индейцев-навахо приехала в Нью-Йорк пикетировать музей – они возражали против такого, по их мнению, осквернения могил. И тогда зал без лишнего шума был закрыт, а мумии удалены. Так он и оставался пустым несколько десятилетий, пока два года назад кто-то из высокопоставленных прогрессивно мыслящих администраторов не понял, что это место идеально подходит для шикарного ресторана, обслуживающего дарителей, персонал музея и хранителей с важными гостями. Ресторан получил название «Чако», в нем сохранились очаровательные старые настенные росписи, украшавшие первоначальный зал в стиле ритуальных сооружений древних анасази, но без мумифицированных останков. Одна перегородка (подделка под глинобитную стену) была удалена, благодаря чему открылись громадные окна, выходящие на Мьюзеум-драйв, сиявшую в ярких солнечных лучах.

Марго с удовольствием посмотрела на окна.

Из-за столика навстречу ей поднялся лейтенант д’Агоста. Он почти не изменился с тех пор, как она видела его в последний раз, разве что похудел немного, стал спортивнее да волосы у него чуть поредели. То, что его нынешний вид остался таким же, каким его хранила ее память, задело какие-то благодарные и грустные струны в ее душе.

– Марго, – сказал д’Агоста, и они обменялись рукопожатием, которое перешло в объятие. – Как я рад вас видеть.

– И я тоже.

– Вы прекрасно выглядите. Спасибо, что нашли время сразу же приехать.

Они сели. Накануне д’Агоста вдруг ни с того ни с сего позвонил ей и попросил встретиться где-нибудь в музее. Марго предложила «Чако».

Д’Агоста огляделся:

– Это место здорово изменилось с того времени, как мы здесь познакомились. Кстати, сколько лет назад это было?

– Музейные убийства? – Марго задумалась. – Одиннадцать лет. Нет, двенадцать.

– Невероятно.

Официант принес им меню с изображением Кокопелли[17] на обложке. Д’Агоста заказал охлажденный чай, Марго тоже.

– Итак, чем вы занимались все это время?

– Я теперь работаю в некоммерческом медицинском фонде в Ист-Сайде. В Институте Пирсона.

– Вот как? И что вы там делаете?

– Я этнофармаколог. Оцениваю ботанические лечебные средства исконных народов, ищу, что можно использовать для разработки лекарств.

– Звучит захватывающе.

– Так и есть.

– По-прежнему преподаете?

– Нет, с этим я покончила. Сейчас я могу помочь тысячам, а работая преподавателем – одному классу.

Д’Агоста снова пробежался взглядом по меню.

– Уже нашли какое-нибудь чудодейственное средство?

– Самое серьезное, над чем я работала, – это вещество в коре дерева сейба, которое может помочь при эпилепсии и болезни Паркинсона. Майя используют эту кору при старческом слабоумии. Проблема в том, что на разработку нового лекарства уходит целая вечность.

Официант вернулся, и они сделали заказ. Д’Агоста посмотрел на Марго:

– По телефону вы сказали, что регулярно бываете в музее.

– Раза два-три в месяц, не реже.

– С какой целью?

– Печальная правда состоит в том, что естественная среда обитания интересующих меня растений катастрофически сокращается: леса вырубаются, площади выжигаются и распахиваются. Один Господь знает, сколько потенциальных средств излечения рака исчезло за последнее время. В музее лучшая в мире этноботаническая коллекция. Конечно, когда ее собирали, обо мне не думали – просто ученых интересовала туземная медицина и магические лечебные средства племен, обитающих в разных уголках мира. Но это точно согласуется с моими исследованиями. В коллекции музея есть растения, которых больше не существует в природе. – Она замолчала, напомнив себе, что не все разделяют ее страсть к этой работе.

Д'Агоста сцепил руки в замок.

– Вы регулярный посетитель музея, а это как раз то, что мне нужно.

– В каком смысле?

Он чуть подался к ней:

– Вы ведь слышали о том, что здесь недавно произошло убийство?

– Вы про Вика Марсалу? Я работала с ним, когда училась в магистратуре в антропологическом отделе. Была в числе немногих, с кем он ладил. – Марго покачала головой. – Не могу поверить, что кто-то его убил.

– Я возглавляю следствие. И мне нужна ваша помощь.

Марго не ответила.

– Похоже, Марсала незадолго до смерти работал с одним командированным и помог ему найти и обследовать один экспонат в антропологической коллекции – скелет мужчины-готтентота. Агент Пендергаст помогал мне в этом деле, и его чем-то заинтересовал этот скелет.

– Продолжайте, – сказала Марго.

Д'Агоста немного помедлил:

– Понимаете… гм… Пендергаст исчез. Уехал из города позавчера вечером и не сообщил, как его найти. Вы ведь его знаете. Кроме того, вчера мы обнаружили, что документы о полномочиях этого командированного ученого, который работал с Марсалой, поддельные.

– Поддельные?

– Да. Фальшивая аккредитация. Он назвался доктором Джонатаном Уолдроном, специалистом по физической антропологии из какого-то

филадельфийского университета. Но настоящий Уолдрон ничего об этом не знает. Я сам с ним разговаривал. Он никогда не был в музее.

– А что, если он и есть убийца, который заявляет, что ему ничего об этом не известно?

– Я показал его фотографию сотрудникам отдела антропологии. Ничего похожего. На фут ниже и на двадцать лет старше.

– Странно.

– Да уж. Зачем выдавать себя за кого-то другого для того лишь, чтобы посмотреть на скелет?

– Вы думаете, что этот липовый ученый и убил Марсалу?

– Я пока ничего не думаю. Но это довольно серьезная ниточка, к тому же единственная. Поэтому... – Он помолчал. – Я подумал, не согласитесь ли вы взглянуть на этот скелет.

– Я? – удивилась Марго. – Зачем?

– Вы же антрополог.

– Да, но моя специальность – этнофармакология. После магистратуры я не занималась физической антропологией.

– Уверен, что вы на голову выше большинства здешних антропологов. И потом, я вам доверяю. Вы здесь, вы знаете музей, и вы не состоите в штате.

– У меня работы выше головы.

– Да вы только взгляните. Так, краем глаза. Мне важно знать ваше мнение.

– Я действительно не понимаю, какое отношение к убийству может иметь старый скелет готтентота.

– И я тоже. Но у меня пока нет других ниточек. Марго, сделайте это для меня. Вы знали Марсалу. Пожалуйста, помогите мне раскрыть это убийство.

Марго вздохнула:

– Ну, если вы так ставите вопрос, разве я смогу вам отказать?

– Спасибо. – Д’Агоста улыбнулся. – Да, и за ланч плачу я.

Облаченный в выцветшие джинсы, рубашку с заклепками и старые ковбойские сапоги, агент А. К. Л. Пендергаст озирал Солтон-Си с толстого ковра травки-костреца близ заповедника Сонни Боно[18]. Над темной водой парили коричневые пеликаны, описывая круги и издавая крики. Было пол-одиннадцатого утра, и температура стояла на комфортных сорока трех градусах[19].

Вопреки названию, Солтон-Си было никаким не морем, а обычным внутренним озером. Оно возникло случайно в начале XX века, когда проливные дожди разрушили плохо спланированную сеть ирригационных каналов и вода реки Колорадо хлынула в Солтонскую впадину, затопила город Солтон и в конечном счете образовала озеро площадью около четырехсот квадратных миль. Некоторое время почва здесь была плодородная, и на берегах выросло несколько гостиничных комплексов и городков, куда наведывались отпускники. Но потом вода отступила, стала соленой, городки были оставлены и заброшены, отпускники перестали приезжать, гостиницы разорились. И теперь этот район, с его голыми пустынными холмами и покрытыми коркой соли берегами, опоясанный разрушенными трейлерными парками и заброшенными гостиницами, выглядел как мир после ядерной катастрофы. Эта земля обезлюдела, истощилась, выгорела добела, превратилась в суровый ландшафт, гиблый для всего живого, кроме тысяч и тысяч птиц.

Пендергасту это зрелище ласкало глаз.

Он убрал мощный бинокль и вернулся к своей машине – жемчужного цвета «кадиллаку де вилль» 1998 года. Выехав на 86-ю дорогу, Пендергаст направился к Империал-Вэлли, следуя вдоль западного берега озера. По пути он останавливался у придорожных киосков и унылых «антикварных» магазинов, рассматривал товары, спрашивал о коллекционных вещах, оставленных в залог и невыкупленных индейских драгоценностях, оставлял свои визитки и иногда покупал что-нибудь.

Около полудня он повернул «кадиллак» на не обозначенную на карте проселочную дорогу, проехал по ней мили две и припарковался у подножия Скаррит-Хиллс – ряда голых кряжей и пиков, изъеденных эрозией и лишенных всякой жизни. Пендергаст взял с пассажирского сиденья бинокль, вышел из машины и направился к ближайшему холму. Чем ближе к вершине, тем медленнее становился его шаг. Укрывшись за большим камнем, он поднес бинокль к глазам и оглядел гребень.

На востоке предгорье опускалось до уровня пустыни, а за нею на расстоянии около мили были видны мрачные берега самого Солтон-Си. По соляным пластам гуляли вихри, поднимая столбы пыли.

Внизу, на полпути между холмами и берегом, стояло странное сооружение, потрепанное ветрами и полуразрушенное. Это громадное, беспорядочно построенное здание из дерева и бетона когда-то было выкрашено в яркие цвета, но теперь солнце выжгло его почти добела. Здесь просматривались шпили, минареты и пагоды, словно кто-то задался целью создать нечто среднее между китайским храмом и площадкой аттракционов в Эсбери-парке. Это был бывший «Солтон-Фонтенбло». Шестьдесят лет назад здесь находился самый шикарный гостиничный комплекс на Солтон-Си, известный как «Лас-Вегас-Юг», куда наезжали кинозвезды и гангстеры. Здесь, на берегу и просторных верандах, снимался фильм об Элвисе. В здешних фойе пели актеры «Крысиной стаи»[20], а люди типа Фрэнка Костелло и Мо Далитца[21] заключали сделки за закрытыми дверями. Но потом воды озера отступили от изящных пристаней комплекса, возросшая соленость уничтожила рыбу, которая выбрасывалась на берег и разлагалась в смрадных кучах. Наконец комплекс был оставлен на милость солнца, ветров и перелетных птиц.

Из своего укрытия Пендергаст детально изучил бывший гостиничный комплекс. Солнце выжгло краску с досок, большинство окон смотрели пустыми глазницами. В нескольких местах громадная крыша обрушилась, образовались провалы. Там и тут изящные балконы накренились, ослабленные годами небрежения. И никаких следов недавнего пребывания человека. «Фонтенбло» стоял неприкасаемый, погруженный в сон, изолированный, даже молодежные банды и художники граффити не удостаивали его своим вниманием.

Пендергаст переместил бинокль и стал разглядывать места в полумиле к северу от здания. Старая петляющая дорога вела к черному отверстию в склоне холма, эта неровная дыра была заделана старой деревянной дверью, за которой начиналась шахта «Золотой паук», где и была найдена бирюза, обнаруженная в желудке Альбана. Пендергаст внимательнейшим образом осмотрел вход в шахту и близлежащую территорию. В отличие от «Фонтенбло», старая шахта явно была местом, куда недавно наведывались люди. На старой дороге обнаружились следы, оставленные покрышками, а перед входом была нарушена, разломана поверхностная солевая корка, обнажив солевые отложения более светлых оттенков. Предпринималась попытка уничтожить и следы покрышек, и разломы на корке, но с того места на вершине холма, где находился Пендергаст, следы пребывания человека возле шахты все равно были видны.

Это была не случайность, не совпадение. Альбан был убит, а камешек внедрен в его тело по одной-единственной причине: чтобы заманить Пендергаста в это забытое богом место. Для чего это было нужно, оставалось тайной.

Пендергаст позволил себя заманить. Но он не собирался позволить кому бы то ни было застать его врасплох.

Он долго рассматривал вход в шахту. Наконец направил бинокль еще дальше на север и осмотрел окрестности. Милях в двух за «Фонтенбло», на небольшом естественном возвышении, виднелась сетка улиц, покосившиеся уличные фонари и брошенные дома того, что когда-то было городком. Пендергаст внимательно рассмотрел это место. Следующий час он провел, изучая ландшафт как на севере, так и на юге в поисках любых следов пребывания человека.

Ничего.

Он спустился к машине, сел за руль и поехал в направлении заброшенного городка. На въезде его встретил большой, побитый стихиями и едва читаемый знак: «СОЛТОН-ПАЛМС».

Добравшись до окраин покинутого людьми поселения, Пендергаст остановил машину и пошел в Солтон-Палмс пешком. Он двигался без видимой цели, его ковбойские сапоги звонко отстукивали по асфальту, поднимая маленькие вихри похожей на снег пыли. Прежде Солтон-Палмс был застроен скромными летними домами. Теперь эти дома лежали в руинах – потрепанные ветрами, с выбитыми дверями, сожженные, а то и просто рухнувшие. Обрушившаяся пристань для яхт лежала на мели под безумным углом, догнивая в сотнях ярдов от нынешнего берега. Одинокий куст перекати-поля, украшенный кристалликами соли и похожий на гигантскую снежинку, зацепился за соляную корку.

Пендергаст медленно шел среди это хаоса, поглядывая на ржавые качели и высохшие газоны во дворах, старые мангалы для барбекю и растрескавшиеся бассейны для малышей. Посреди улицы валялась на боку старая игрушечная педальная машинка 1950-х годов. В тени крытого прохода между двумя домами лежал скелет собаки в корке соли и все еще в ошейнике. Единственным звуком здесь было тихое постанывание ветра.

На южной окраине Солтон-Палмс, вдали от других сооружений, стоял ветхий сарай с рубероидной крышей, сколоченный из того, что можно было позаимствовать у заброшенных домов, грязный, покрытый солевым инеем. Рядом с сараем стоял ржавый пикап, древний, но на ходу. Пендергаст долго смотрел на сарай, прикидывая. Потом легким, размашистым шагом двинулся к нему.

Кроме пикапа, никаких других признаков жизни здесь не наблюдалось. В сарае, похоже, не было ни воды, ни электричества. Пендергаст снова огляделся, потом постучал по куску рифленого металла, который

служил здесь подобием двери. Ответа не последовало, и он постучал еще раз.

Изнутри донесся еле слышный шорох, и сиплый голос произнес:

– Уходите!

– Прошу прощения, – сказал Пендергаст через закрытую дверь; сменив аристократический говор Старого Юга на мягкий техасский акцент, – но не уделите ли вы мне минутку своего времени?

Поскольку эти слова не вызвали никакой реакции, Пендергаст вытащил из нагрудного кармана визитку. Надпись на ней гласила:

Уильям У. Физерс

Покупка и продажа коллекционных предметов, невыкупленных ломбардных залогов, западных артефактов, предметов высокого ковбойского стиля.

Моя специализация – перепродажа через интернет-аукцион «eBay»

Он подсунул визитку под гофрированный металл. Несколько секунд она оставалась на месте, затем быстро исчезла, и снова раздался сиплый голос:

– Что вам надо?

– Я подумал, может, у вас есть какие-то вещи на продажу.

– Ничего у меня сейчас нет.

– Люди всегда так говорят. Они никогда не знают, что у них есть, пока я не покажу. Я плачу хорошую цену. Вы никогда не смотрели «Разъездное шоу антиквариата»?

Ответа не последовало.

– Наверняка вы разжились какими-нибудь интересными вещицами, прочесали этот городок на предмет редких штучек. Может быть, я куплю что-нибудь у вас. Конечно, если вам это не интересно, то я сам посмотрю, нет ли чего в брошенных домах. Не уезжать же отсюда с пустыми руками, в самом деле.

И опять ни звука почти целую минуту. Наконец дверь со скрипом открылась, и из темноты сарая выплыло, словно призрачный воздушный шарик, раздраженное бородатое лицо. Глаза подозрительно уставились на визитера.

Пендергаст немедленно воспользовался возможностью и, ловко просунув ногу в дверь, принялся с энтузиазмом пожимать руку хозяина и тут же просочился внутрь, демонстративно изображая расположение,

засыпая человека благодарностями и не давая ему возможности вставить ни слова.

В сарае стояли духота и зловоние. Пендергаст быстро огляделся. В углу лежал помятый тюфяк. Под единственным окном стояла плитка, а на ней – кастрюля с длинной ручкой. Вместо стульев использовались два пенька. В помещении царил хаос: одежда, одеяла, всевозможный хлам, пустые жестяные банки, старые дорожные карты, сломанные инструменты и бессчетное количество других предметов, разбросанных по тесному жилищу.

Что-то слабо сверкнуло среди этого хлама. Перестав трясти руку хозяина, Пендергаст нагнулся и с довольным криком поднял вещицу:

– Теперь вы понимаете, что я имел в виду? Вы только посмотрите! Черт возьми, почему это валяется на полу? Этому место на выставке!

«Этим» было ожерелье в индейском стиле, помятое и поцарапанное, из дешевого мельхиора, с вывалившимся камнем. Но Пендергаст держал вещицу с таким почтением, будто это была скрижаль Завета.

– На «eBay» я без труда получу за это шестьдесят долларов! – воскликнул он. – Я веду всю операцию от начала и до конца: делаю фотографию, описание, провожу почтовую отправку, получаю деньги – всё. Мне нужна лишь небольшая комиссия. Я дам вам аванс, чтобы запустить процесс, а потом, если получу больше на «eBay», возьму себе десять процентов. Я сказал шестьдесят? Пусть будет семьдесят.

Без дальнейших разговоров Пендергаст достал свернутые в рулончик банкноты.

Слезящиеся глаза обитателя сарая переместились с лица Пендергаста на деньги. И не отрывались от них, пока Пендергаст отсчитывал семь десятидолларовых бумажек. Слегка поколебавшись, старик выхватил их у него, как будто они в любой миг могли улететь, и засунул в карман брюк из грубой ткани.

С широкой техасской улыбкой Пендергаст удобно устроился на пеньке. Его хозяин, с неуверенным выражением на старом лице, сделал то же самое. Он был невысок и тощ, с длинными спутанными седыми волосами и баками, короткими руками и невыразимо грязными ногтями. Лицо и руки его потемнели после долгих дней, проведенных на солнце. Подозрительность все еще горела в его глазах, несколько смягченная при виде денег.

– Как вас зовут, дружище? – спросил Пендергаст, небрежно держа пачку банкнот в руке.

– Кайют.

– Что ж, мистер Кайют, позвольте и мне представиться. Билл Физерс к вашим услугам. У вас тут наверняка найдутся всякие симпатичные мелочи. Уверен, мы с вами договоримся!

Пендергаст приподнял старый металлический дорожный знак «Шоссе 111», положенный на два шлакобетонных блока в качестве столешницы. Краска на нем шелушилась, поверхность была испещрена дырочками от дроби.

– Вот это, например. Знаете, люди любят вешать такие штуки на стенах в закусочных. Большой спрос. Уверен, что смогу его продать… даже не знаю… ну, скажем, за пятьдесят баксов. Что скажете?

Глаза засветились ярче. Чуть помедлив, Кайют резко кивнул, как хорек. Пендергаст отсчитал еще пятьдесят долларов и передал их старику.

Потом он расплылся в улыбке:

– Мистер Кайют, я вижу, вы человек деловой. Думаю, для нас обоих это будет весьма полезный обмен.

18

Не прошло и пятнадцати минут, как Пендергаст приобрел еще пять совершенно бесполезных вещей на общую сумму 380 долларов. Это успокоило в высшей степени подозрительного Кайюта. Пинтовая бутылочка ликера «Южный комфорт», извлеченная из заднего кармана брюк Пендергаста и предложенная к употреблению, произвела дополнительный эффект, развязав старику язык. Похоже, он был сквоттером, который некоторое время провел здесь еще мальчишкой, а когда для него настали тяжелые времена, вернулся в Солтон-Палмс, после того как городок был уже оставлен жителями. Он использовал «бунгало» как свою базу, откуда совершал набеги на брошенные дома в поисках каких-нибудь вещей на продажу.

Пендергаст терпеливо и тактично расспрашивал его об истории городка и близлежащего «Солтон-Фонтенбло» и был вознагражден беспорядочным рассказом о взлете и расцвете казино и о его долгом, печальном увядании. Кайют вроде бы был помощником официанта в самом шикарном ресторане гостиничного комплекса в дни его славы.

– Боже мой, – проговорил Пендергаст, – вот где было на что посмотреть.

– Вы себе и представить не можете, – откликнулся Кайют своим сиплым голосом. Он допил ликер и отставил бутылку в сторону, словно это тоже был предмет для коллекции. – Все сюда приезжали. Все голливудские знаменитости. Сама Мэрилин Монро оставила автограф на моей манжете, когда я убирал посуду с ее столика!

– Не может быть!

– Случайно рубашку отдали в стирку, – грустно сказал Кайют. – Представьте, сколько бы она стоила сегодня.

– Вот ведь жалость. – Пауза. – И давно отель заколотили?

– Лет пятьдесят – пятьдесят пять.

– Какая трагедия, ведь такое прекрасное здание, и вообще.

– У них было все. Казино. Бассейн. Променад. Лодочная пристань. Спа. Зоосад.

– Зоосад?

– Да. – Старик взял пустую бутылку «Южного комфорта», тоскливо взглянул на нее и поставил на место. – Ниже отеля была такая естественная пещерка, вот там и устроили зоосад. Совсем рядом с коктейль-баром. Сделали все как в джунглях. У них там содержались живые львы, черные пантеры и сибирские тигры. По вечерам все шишки собирались с выпивкой на балконе над зоосадом и глазели на этих зверюг.

– Как интересно. – Пендергаст задумчиво потер подбородок. – А внутри там ничего ценного не осталось? Вы не ходили посмотреть, что там есть?

– Да там все распотрошили. Полностью.

Внимание Пендергаста привлекло что-то еще, выглянувшее из-под валяющегося на полу потрепанного, с разломанным корешком каталога «Сирса» не менее чем полувековой давности. Пендергаст поднял заинтересовавший его предмет и поднес к самодельному окну, чтобы разглядеть получше. Это был необработанный кусочек бирюзы с черными прожилками.

– Прекрасный камень. Может, мы сумеем сторговаться и по нему? – Он посмотрел на Кайюта. – Тут вроде неподалеку есть старая шахта. «Золотой паук», если память мне не изменяет. Вы его оттуда взяли?

Старик отрицательно покачал седой головой:

– Никогда туда не хожу.

– Почему? Мне кажется, если хочешь найти бирюзу, то именно туда и нужно идти.

– Да про эту шахту всякое рассказывают, вот я и не хожу.

– А что рассказывают?

Лицо Кайюта скривилось, приобрело странное выражение.

– Люди говорили, что туда приходят привидения.

– Не может быть.

– Сама шахта маленькая, но там есть жуть какие глубокие стволы. Всякие слухи ходят.

– Какие слухи?

– Ну вот я слышал, что владелец шахты спрятал где-то там бирюзы на целое состояние. Рассказывают, что он помер и теперича никто не знает, где она, эта его бирюза. Время от времени приходят люди, ищут, но так никто ничего и не нашел. Лет двадцать назад один искатель сокровищ отправился туда на поиски. Но где-то там доски прогнили, и он свалился на самое дно одного из стволов. Обе ноги сломал. Никто не слышал, как он звал на помощь. Так и помер там в темноте от жары и жажды.

– Ужасно.

– Люди говорят, что, если туда зайдешь, его все еще можно услышать.

– Услышать? В смысле, шаги?

Кайют покачал головой:

– Нет. Скорее похоже, будто ползет кто-то, на помощь зовет.

– Ползет? Ну да, ведь у него были сломаны ноги. Какая страшная история.

Кайют ничего не сказал, только снова задумчиво посмотрел на пустую бутылку.

– Думаю, эта легенда не всех останавливает, – заметил Пендергаст.

Кайют стрельнул в него глазами:

– Это вы про что?

– Да я тут сегодня прогулялся перед входом в шахту. Там следы ботинок. И покрышек. Свежие.

Глаза Кайюта так же быстро метнулись в сторону.

– Ничего об этом не знаю.

Пендергаст ждал уточнения, но такового не последовало. Наконец он шевельнулся на своем стуле-пеньке.

– Правда? Вы меня удивили. Из вашего жилища открывается такой хороший вид на вход в шахту. – С этими словами Пендергаст как бы между прочим вытащил из кармана тугой сверток банкнот.

Кайют никак не прореагировал.

– Я действительно очень удивлен. Это место отсюда не дальше мили. – Пендергаст медленно прошелся пальцами по десяткам, за которыми лежали двадцати– и пятидесятидолларовые купюры.

– А почему это вы интересуетесь? – спросил Кайют, снова ставший подозрительным.

– Понимаете, я специализируюсь на бирюзе. И если уж говорить откровенно, поиски сокровищ – тоже моя специализация. Как и у того парня из вашей истории. – Пендергаст заговорщицки подался вперед, всем своим видом показывая, что это секретная информация. – Если в «Золотом пауке» что-то происходит, это представляет интерес для меня.

Старик неуверенно посмотрел на него и заморгал налившимися кровью глазами:

– Они мне заплатили, чтобы я помалкивал.

– Я тоже могу заплатить. – Пендергаст вытащил из свертка пятидесятку, потом еще одну. – Вы можете заработать в два раза больше, и никто об этом не узнает.

Кайют жадно взглянул на деньги, но ничего не сказал. Пендергаст вытащил еще две пятидесятки. Снова неуверенность, а затем быстро – пока Пендергаст не передумал – старик выхватил у него деньги и сунул в карман к остальным.

– Это было несколько недель назад, – начал он. – Они приехали на двух грузовиках, подняли шум на всю округу. Остановились перед входом в шахту и начали распаковывать оборудование. Я подумал, что они решили возобновить работы на шахте, подошел к ним, поздоровался. Предложил купить у меня старую карту шахты.

– И?..

– Не самые дружелюбные оказались ребята. Сказали, что инспектируют шахту… на структурную целостность. Что-то в этом роде. Но мне так не показалось.

– Это почему?

– Не похожи они были на инспекторов. Да и оборудование у них было совсем не такое. В жизни ничего подобного не видел. Крюки, канаты и что-то типа… типа… – Кайют взмахнул руками. – Ну, типа такой штуки, какой пользуются ныряльщики.

– Противоакульная клетка?

– Ага. Только больше. Карта моя им не понадобилась, сказали, что у них карта уже есть. Посоветовали не совать нос в чужие дела и дали пятидесятку, чтобы я помалкивал. – Старик ухватил Пендергаста за рукав. – Но вы никому не скажете, что я видел?

– Конечно не скажу.

– Обещаете?

– Это останется нашей тайной. – Пендергаст потер подбородок. – Что случилось потом?

– Через пару часов они уехали. А вернулись только вчера. Поздно уже было. На этот раз в одной машине, всего двое парней. Остановились на некотором расстоянии, вышли.

– Ну-ну, – подбодрил старика Пендергаст.

– Стояла полная луна, и я все видел и слышал. Один стал граблями стирать все следы, а другой – подметать пыль вокруг. Возвращаясь к машине, они заметали за собой следы и все такое. Потом сели и уехали.

– Вы можете описать этих людей? Как они выглядели?

– Крутые ребята. Не понравились они мне. Я уже сказал больше, чем следовало бы. Не забудьте про ваше обещание.

– Можете не сомневаться, мистер Кайют. – Взгляд Пендергаста на миг устремился куда-то вдаль. – Кажется, вы упоминали о карте шахты?

Старые слезящиеся глаза снова загорелись корыстью, которая вытесняла возбуждение и постоянное подозрение.

– А что насчет карты?

– Возможно, я приобрету ее у вас.

Какое-то время Кайют оставался неподвижным. Потом, не поднимаясь со своего импровизированного стула, он покопался в мусоре у себя под ногами и нашел выцветшую, засиженную мухами бумагу, надорванную и сильно загрязненную, свернутую трубкой. Он молча развернул и показал карту Пендергасту, но не выпустил ее из рук.

Пендергаст наклонился, чтобы разглядеть получше. Так же молча отсчитал еще четыре пятидесятидолларовые купюры и показал их Кайюту.

Сделка была быстро завершена. Свернув карту и поднявшись со своего пенька, Пендергаст пожал старую, высохшую руку.

– Спасибо и всего вам доброго, мистер Кайют, – сказал он, рассовывая покупки по карманам, а карту и дорожный знак пряча под мышкой. – Иметь с вами дело – одно удовольствие. Можете не вставать. Я найду выход.

19

Д’Агоста сидел на столе в центральной лаборатории остеологического отдела. Марго Грин стояла рядом, сложив руки на груди и беспокойно постукивая пальцами одной руки по локтю другой. Д’Агоста с растущим раздражением наблюдал за тем, как этот лаборант, Сандовал, действует за своим компьютером, то стуча по клавиатуре, то пялясь на экран. Все в этом музее происходило так медленно, что д’Агоста вообще не понимал, как они умудряются доводить дела до конца.

– Я выкинул бумажку, на которой был записан номер хранения, – сказал Сандовал. – Никак не думал, что этот экспонат понадобится вам еще раз.

Он был недоволен тем, что приходится все это проделывать снова, а может, опасался, что вот-вот войдет Фрисби и увидит, как нью-йоркская полиция опять отнимает у него время.

– Я хотел, чтобы доктор Грин тоже осмотрела этот экспонат, – ответил д’Агоста, чуть выделив интонацией слово «доктор».

– Понятно.

Еще несколько ударов по клавишам, и из принтера с легким шорохом выполз лист бумаги. Сандовал протянул его д’Агосте, а тот передал распечатку Марго, которая быстро просмотрела ее.

– Это резюме, – сказала она. – Могу ли я увидеть детали?

Сандовал несколько секунд смотрел на нее, моргая, потом снова наклонился над клавиатурой. Из принтера появились еще несколько листов бумаги, и он протянул их Марго. Она стала изучать их.

В помещении – как и во всем музее – было прохладно, но д’Агоста заметил несколько капелек пота, выступивших у нее на лбу. И лицо у нее было бледное.

– Вы здоровы, Марго?

Марго с мимолетной улыбкой отмахнулась от его вопроса:

– Значит, других экспонатов Вик тому липовому ученому не показывал?

Сандовал кивнул в подтверждение, и Марго продолжила просматривать запись:

– Готтентот, мужского рода, приблизительно тридцати пяти лет. Цельный. Препаратор – доктор Э. Н. Паджетт.

Услышав это, Сандовал хмыкнул:

– О, тот самый.

Марго скользнула по нему взглядом и снова погрузилась в чтение распечатки.

– Видите что-нибудь интересное? – спросил д’Агоста.

– Вообще-то, нет. Вижу, что запрос был оформлен, как обычно, экспонат возвращен, больше ничего. – Она пролистала еще несколько страниц. – Похоже, музей заключил контракт с путешественником по Южной Африке на поставку скелетов для остеологической коллекции. Полевые записки этого путешественника – его звали Хатчинс – прилагаются. – Несколько секунд тишины, пока Марго читала распечатку дальше. – Думаю, этот Хатчинс был обычным расхитителем могил. Он, вероятно, узнал о намеченной погребальной церемонии, проследил за нею, а потом темной ночью раскопал могилу, приготовил скелет и прислал в музей. Предполагаемая причина смерти – дизентерия, подхваченная во время Седьмой пограничной войны, – была ухищрением, которое позволяло сделать эту операцию приемлемой для музея.

– Вы не можете этого знать, – возразил Сандовал.

– Вы правы, не могу. Но я прочла достаточно антропологических сопроводительных документов и научилась читать между строк.

Она положила бумаги.

– Будьте добры, принесите теперь скелет, – обратился д’Агоста к Сандовалу.

Тот вздохнул:

– Хорошо.

Он поднялся из-за стола, взял лист с инвентарным номером и направился в коридор. У двери оглянулся через плечо:

– Не хотите пойти со мной?

Д’Агоста дернулся было с места, но Марго остановила его, притронувшись к руке:

– Мы подождем в смотровой комнате.

Сандовал пожал плечами:

– Как угодно. – С этими словами он исчез за дверью.

Д’Агоста последовал за Марго по коридору в помещение, где командированные ученые обследовали экспонаты. Он уже начинал жалеть, что отверг предложение Синглтона и не занялся делом бегуньи трусцой. Так некстати, что Пендергаст исчез в своей обычной манере, даже не сказав, почему он считал этот скелет важным. Д’Агоста слишком поздно понял, что напрасно полагался на помощь агента ФБР. Помимо всего прочего, он начинал тонуть в записях допросов, протоколах и отчетах. Всем делам сопутствовала масса бесполезной бумажной работы, но дело об убийстве Марсалы – из-за размеров музея и числа сотрудников – было в этом смысле уникальным. Комната рядом с его рабочим кабинетом в управлении полиции уже была заполнена грудами макулатуры.

Марго надела резиновые перчатки, посмотрела на часы и снова начала расхаживать по комнате. У нее был озабоченный вид.

– Марго, – сказал д’Агоста, – если для вас сейчас неподходящее время, мы можем прийти позже. Я вам уже говорил, это скорее наитие, чем что-либо еще.

– Нет, – ответила она. – Я и в самом деле должна вскоре вернуться в институт, но дело не в этом.

Она сделала еще несколько шагов, затем, словно приняв решение, остановилась и повернулась к лейтенанту. Ее зеленые глаза, такие чистые и внимательные, заглянули в его, и д’Агосте показалось, что он вернулся на много лет назад, в те времена, когда он допрашивал ее по делу о музейных убийствах.

Несколько секунд она не отводила взгляд, потом опустилась на стул около смотрового стола. Д’Агоста тоже уселся.

Марго откашлялась и сглотнула:

– Я буду благодарна вам, если вы никому об этом не скажете.

Д’Агоста кивнул, приготовившись слушать.

– Вы знаете, что случилось со мной тогда.

– Да. Музейные убийства, убийства в подземке. Плохие были времена.

Марго опустила глаза:

– Дело не в этом. Я говорю о том, что… что случилось со мной после.

Поначалу д’Агоста не понял, но потом воспоминание обрушилось на него, как груда кирпичей. «Боже мой», – подумал он. Он совершенно забыл о том, что случилось с Марго, когда она вернулась в музей, чтобы редактировать научный журнал «Музееведение». О том, как она

кралась, как животное, по темным коридорам, охваченная ужасом, в страхе, что вот сейчас злобный маньяк, серийный убийца набросится на нее и убьет. Понадобилось много месяцев лечения, чтобы она восстановила здоровье. Он даже не предполагал, как это может повлиять на нее.

После паузы Марго снова заговорила, хотя и немного сбивчиво:

– С тех пор мне… трудно бывать в музее. Вот какая ирония судьбы: ведь я могу проводить свои исследования только здесь, и нигде больше. – Она сокрушенно покачала головой. – Я всегда была такой храброй. Таким сорванцом. Помните, как я настаивала на том, чтобы сопровождать вас и Пендергаста в туннели метро и ниже? Но теперь все иначе. В музее есть всего несколько мест, где я не чувствую приступов паники. Я не могу глубоко заходить в хранилища. Приходится вызывать кого-нибудь из персонала. Я заучила все ближайшие выходы, чтобы при необходимости выбежать как можно скорее. Когда я работаю, мне нужно, чтобы неподалеку кто-то был. И я никогда не остаюсь после закрытия, ухожу до наступления темноты. Даже само пребывание здесь, на верхнем этаже, для меня затруднительно.

Слушая Марго, д’Агоста почувствовал угрызения совести из-за того, что попросил ее помочь.

– После всего пережитого вами это вполне понятно.

– Дело обстоит еще хуже. Я не выношу темных мест. Вообще не выношу темноты. У меня в квартире всю ночь горит свет. Видели бы вы мои счета за электричество. – Она горько рассмеялась. – Я полная развалина. Наверное, у меня новый, неизвестный прежде синдром: музеефобия…

– Послушайте, – прервал ее д’Агоста, – давайте забудем об этом треклятом скелете. Я найду кого-нибудь другого, кто…

– Нет-нет. Может, я и психопатка, но не трусиха. Я это сделаю. Только не просите меня идти туда. – Она показала вглубь коридора, куда ушел Сандовал. – И *никогда* не просите меня… – она старалась говорить ровно, но тут ее голос дрогнул, – спускаться в подвал.

– Спасибо вам, – сказал д’Агоста.

В этот момент в коридоре раздались шаги. Появился Сандовал, держа обеими руками знакомый лоток. Он осторожно поставил его на стол между гостями.

– Я буду у себя, – сказал он. – Дайте мне знать, когда закончите.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Д’Агоста стал наблюдать за тем, как Марго натянула потуже перчатки, потом взяла из ящика стола сложенный кусок полотна, разгладила его на поверхности стола и начала извлекать кости из лотка и раскладывать их на ткани. Одно за другим появлялись ребра, позвоночник, кости рук и ног, череп, челюсти, множество мелких костей, которые д’Агоста не смог идентифицировать. Он вспомнил, как Марго оправлялась от психологической травмы после музейных убийств, как она начала возвращаться к нормальной жизни, получила лицензию на ношение огнестрельного оружия, как научилась стрелять. Она казалась такой собранной… Но он видел, какие срывы бывают у полицейских, и надеялся, что после сегодняшнего ей не станет хуже…

Взглянув на Марго, он потерял ход своих мыслей. Она сидела в каком-то оцепенении, держа обеими руками тазовую кость. Прежнее отстраненное, озабоченное выражение лица исчезло, сменившись недоумением.

– В чем дело? – спросил д’Агоста.

Вместо ответа Марго принялась крутить тазовую кость так и сяк, пристально вглядываясь. Потом аккуратно положила ее на стол, взяла нижнюю челюсть и внимательно рассмотрела ее под разными углами. Наконец она положила челюсть и взглянула на д’Агосту:

– Мужчина-готтентот тридцати пяти лет?

– Да.

Марго облизнула губы:

– Занятно. Мне еще придется вернуться, когда появится время, но одну вещь я могу вам сказать сразу: это был такой же мужчина-готтентот, как и я.

20

Полуденное солнце нещадно пекло, когда Пендергаст отъезжал на своем жемчужного цвета «кадиллаке» от Солтон-Палмс. А когда он вернулся, было уже за полночь.

Он остановился, не доехав трех миль до города-призрака. Выключил фары, съехал с дороги, спрятал машину за несколькими наклонившимися деревьями Джошуа. Заглушил двигатель и остался неподвижно сидеть на водительском сиденье, размышляя над ситуацией.

По большей части все оставалось окутанным тайной. Но теперь у него имелись две детали. Убийство Альбана было тщательно проработанной

уловкой с целью выманить его сюда – на шахту «Золотой паук». И сама шахта была тщательно подготовлена к его приезду. Пендергаст не сомневался, что вход в шахту даже сейчас находится под пристальным наблюдением. Они ждут его.

Пендергаст извлек два свернутых листа бумаги, разгладил у себя на коленях. На одном была карта шахты, которую он купил у Кайюта. На другом – копии строительных чертежей «Солтон-Фонтенбло».

Он вытащил из бардачка фонарик с узко направленным лучом и сначала занялся картой шахты. Шахта была относительно небольшой. Центральный ствол опускался под небольшим углом в юго-западном направлении от озера. От центрального ствола отходили несколько меньших, часть из них были прямые, другие искривлялись, следуя за бирюзовой жилой. Некоторые стволы уходили далеко вглубь.

Пендергаст переместил луч фонарика к дальнему краю карты. В конце шахты от главного ствола отходил извилистый ход, который чем дальше, тем становился уже и заканчивался через полмили крутым, почти вертикальным подъемом; возможно, это был вентиляционный ствол или, что вероятнее, запасной выход, которым перестали пользоваться. Линии, обозначавшие этот ход, были нечеткими и затертыми, словно сам составитель карты забыл о его существовании к тому времени, когда карта была завершена.

Теперь Пендергаст положил карту шахты рядом со строительными чертежами старого отеля. Он смотрел то на один документ, то на другой, пытаясь запомнить относительное положение «Золотого паука» и «Солтон-Фонтенбло». Чертежи были собраны по этажам, и на них отлично просматривались гостевые номера, просторное фойе, рестораны, кухня, казино, спа-салоны, танцевальные залы и забавное круглое сооружение между коктейль-баром и задним променадом, обозначенное как «ЗСД».

Зоосад. Как сказал Кайют: «Ниже отеля была такая естественная пещерка, вот там и устроили зоосад… У них там содержались живые львы, черные пантеры и сибирские тигры».

Пендергаст еще раз, очень тщательно, сравнил чертежи с картой. Зоосад отеля находился точно над запасным выходом из шахты «Золотой паук».

Он выключил фонарик и откинулся на спинку сиденья. Все было вполне разумно: лучшего места для подземного зоосада, чем забытый, неиспользуемый ход давно заброшенной шахты, не найти.

Его таинственная принимающая сторона приготовила шахту к приезду Пендергаста и предприняла меры, чтобы скрыть следы. Шахта явно была ловушкой… но ловушкой с запасным выходом.

Охлаждающийся двигатель тихонько пощелкивал, а Пендергаст размышлял, как ему действовать дальше. Он собирался под покровом темноты осмотреть здание бывшей гостиницы, проникнуть внутрь, найти вход в шахту и подойти к ловушке с другой стороны. Он разберется, что это за ловушка, а если будет необходимость, то и перенацелит ее для собственных нужд. Или же обезвредит. Тогда на следующий день он приедет к главному входу в шахту, не пытаясь скрыть свой приезд и вроде бы не ведая о подстерегающей его ловушке. Таким образом он сможет арестовать тех или того, кто его пригласил. Когда они окажутся в его власти, Пендергаст, несомненно, сумеет разговорить их и выяснит, что кроется за этой дорогостоящей и безумно сложной операцией… а также кто убил его сына, чтобы запустить этот механизм.

Разумеется, оставалась возможность, что он упустил что-то из виду, какое-то неизвестное осложнение, которое вынудило бы его пересмотреть свои планы. Но Пендергаст был очень аккуратен в своих наблюдениях и приготовлениях и полагал, что такая стратегия дает ему наибольшую надежду на успех.

Он провел еще пятнадцать минут, разглядывая чертежи отеля, запоминая каждый коридорчик, чуланчик и лестницу. Сам зоосад находился в подвале, животных держали на безопасном удалении от гостей. Войти туда можно было через небольшой ряд помещений, включающих служебную комнату и несколько вспомогательных и ветеринарных комнат. Чтобы попасть непосредственно в зоосад, а через него в запасной выход из шахты, Пендергасту придется пересечь эти помещения.

Вытащив из бардачка свой «лес-баер» сорок пятого калибра, Пендергаст проверил его и засунул за пояс. С чертежами в руке он вышел из машины, тихо закрыл дверь и подождал в темноте, максимально сконцентрировавшись. Луна была частично скрыта легкими облаками, но обеспечивала достаточно света, чтобы обостренная от природы чувствительность Пендергаста восприняла все, что ему было нужно. Теперь вместо джинсов, джинсовой рубашки и ковбойских сапог на нем были черные брюки, черные ботинки на кожаной подошве, черная водолазка и черный разгрузочный жилет.

Все вокруг было абсолютно спокойно. Пендергаст подождал еще несколько секунд, внимательно оглядывая окрестности. Потом засунул чертежи в карманы жилета и бесшумно двинулся на север в тени Скаррит-Хиллс.

Пятнадцать минут спустя он повернул на восток и поднялся по противоположному склону холма. Из-за камней на вершине он осмотрел очертания «Солтон-Фонтенбло», его шпили и минареты, выглядевшие даже более призрачными в слабом лунном свете. Еще дальше простиралась темная неподвижная поверхность Солтон-Си.

Вытащив из разгрузочного жилета бинокль, Пендергаст внимательно оглядел окрестности с севера на юг. Все вокруг было тихо и спокойно, ландшафт был мертвее озера, которое его омывало. На севере Пендергаст разглядел небольшой черный спуск, ведущий к главному входу в шахту. Возможно, прямо сейчас невидимые глаза, скрывающиеся где-то в развалинах Солтон-Палмс, тоже оглядывают окрестности в ожидании его появления.

Еще десять минут Пендергаст провел, прячась среди камней, не отрывая глаз от окуляров и постоянно перемещая бинокль. Когда облака вокруг луны сгустились, он перебрался через вершину и направился к дальней стороне холма, стараясь оставаться в тени за руинами «Фонтенбло», где его не могли увидеть те, кто наблюдал за входом в шахту. Он медленно продвигался вперед, черный на фоне темного песка, приближаясь к огромному гостиничному комплексу, который вскоре совершенно закрыл небо.

По задней стороне отеля проходила широкая веранда. Пендергаст подошел к ней, помедлил, затем осторожно поднялся по лестнице под тихое потрескивание рассохшегося дерева. С каждым его шагом поднимались облачка пыли, напоминающие маленькие грибы. Он шел словно по поверхности луны. С удобного места на веранде он посмотрел направо и налево по всей ее длине, оглянулся на короткий лестничный пролет, по которому только что поднялся, взглянул вдоль перил. Кроме его собственных следов, там ничего не было. «Фонтенбло» спал в ничем не нарушаемой тишине.

Пендергаст подошел к двойным дверям, ведущим внутрь. Двигался он беззвучно, как кот, перед каждым шагом проверяя надежность досок. Двери были закрыты, а когда-то и заперты, но вандалы давным-давно сорвали одну из дверей с петель, и теперь она висела полуоткрытой.

За дверями находилось что-то вроде общего зала, возможно использовавшегося для послеполуденного чая. Здесь было очень темно. Пендергаст замер в дверях, давая глазам время приспособиться. Ему в нос ударил запах пыли, соли, крысиной мочи. Главное место у одной из стен занимал громадный каменный камин. По всей комнате были расставлены «ушастые» кресла и драные диваны, сквозь прогнившую ткань которых торчали пружины. Вдоль дальней стены стояли кожаные банкетки со столиками, их некогда мягкие сиденья растрескались, сквозь дыры торчала набивка. На стенах висело несколько разорванных

и выцветших фотографий Солтон-Си в благословенные 1950-е годы: катера, водные лыжи, рыбаки в высоких сапогах, – приятно контрастируя с многочисленными пустыми бледными прямоугольниками на месте тех снимков, которые были украдены. Все было покрыто тонким слоем пыли.

Пендергаст пересек помещение, вошел под арку и оказался в главном коридоре. Здесь он увидел громадную лестницу, которая вела на верхние этажи, где располагались гостевые номера. Дальше виднелись неясные очертания главного фойе с мощными деревянными колоннами и едва видимыми настенными росписями, изображающими прибрежные пейзажи. Несколько мгновений он постоял в тишине, ориентируясь. Чертежи комплекса лежали у него в кармане, но они ему не требовались – план здания отпечатался в его мозгу. Широкий проход слева вел вниз, предположительно в спа-салоны и танцевальные залы. Справа от Пендергаста через узкую арку можно было попасть в коктейль-бар.

В ближайшую к нему стену был вделана рамка с разбитым стеклом, в которой находился один-единственный листок бумаги, отпечатанный на мимеографе, свернувшийся и выцветший. Пендергаст подошел и, напрягая глаза в лунном свете, прочитал:

Добро пожаловать в сказочный «Солтон-Фонтенбло»!

Роскошный отель на внутреннем море

Суббота, 5 октября 1962 года

Мероприятия на сегодня:

6:00 – оздоровительный заплыв с Ральфом Амандеро, двукратным участником Олимпийских игр

10:00 – соревнования водных лыжников

14:00 – избрание «мисс Солтон-Си»

20:30 – танцы в большом зале, играет оркестр Верна Уильямса с участием Джин Джестер

23:00 – «Ожившие джунгли», наблюдение за животными с бесплатным коктейльным обслуживанием

Пендергаст повернулся к арке, ведущей в коктейль-бар. Окна бара были заколочены, и свет сюда почти не проникал, хотя несколько досок были выломаны или выпали сами и на полу лежало битое стекло. Пендергаст вытащил из кармана жилета очки ночного видения с усилителем яркости третьего поколения, надел и включил. И тут же окружающие предметы приобрели четкость: стулья, стены, люстры – все засветилось

призрачным зеленоватым сиянием. Пендергаст отрегулировал яркость преобразователя изображения и двинулся по коктейль-бару.

В одном углу этого просторного помещения размещалась сцена, а у дальней стены – длинный полукруглый бар. По всей комнате были расставлены круглые столы. На полу и на столах валялись битые коктейльные бокалы, содержимое которых давно превратилось в смолистый осадок. Хотя все напитки давно исчезли, на стойке бара аккуратно лежали стопки салфеток и стояли стаканчики с соломинками, покрытые тонким слоем пыли. Стойка и пол за ней были усыпаны осколками разбитого зеркала в мраморной раме, висящего над баром. То, что вандалы или собиратели мусора вроде Кайюта не разграбили здесь все, было свидетельством скрытой угрозы, исходившей от «Солтон-Фонтенбло», – или, возможно, неопределенного ощущения тревоги, какую вызывают дома-призраки. Старый отель оставался своеобразной капсулой времени поколения «Крысиной стаи», оставленной на милость стихий.

Одна стена коктейль-бара представляла собой панорамное окно, которое все еще сопротивлялось безжалостному времени – на нем виднелись лишь несколько трещин. Правда, соляная корка, образовавшаяся на стекле за прошедшие годы, сделала его почти непрозрачным. Пендергаст подошел к стеклу, бумажной салфеткой расчистил оконце и выглянул наружу. Он увидел круглый участок с установленными по внешнему периметру шезлонгами, словно вокруг крытого бассейна, вот только вместо бассейна здесь зияла черная дыра, выложенная кирпичом и обнесенная металлическим ограждением. Эта дыра шириной около пятнадцати футов напоминала устье огромной скважины. Присмотревшись, Пендергаст вроде бы разглядел в черноте дыры пластиковые деформированные листья нескольких искусственных пальм.

Зоосад. Нетрудно было представить себе компанию великосветских мотов и голливудских звезд, собиравшихся здесь полвека назад в звездную ночь с коктейльными стаканами в руках: они смеялись, чокались под рев диких животных, попивали коктейли и глазели на зверей, бродящих туда-сюда внизу.

Пендергаст по памяти сравнил строительные чертежи и карту шахты «Золотой паук». Зоосад был расположен непосредственно над запасным выходом из шахты, и именно в шахтном стволе бродили животные, развлекая зрителей.

Пендергаст отошел от окна, поднял откидную доску на стойке и шагнул на место бармена. Он прошел мимо пустых полок, где когда-то стояли бесчисленные бутылки дорогих коньяков и винтажного шампанского. Стараясь не наступать на битое стекло, он подошел к затянутой

паутиной двери с круглым окошком. Надавил плечом на дверь, и она открылась с легким скрипом, разрывая нити паутины. Он слышал, как скребутся где-то грызуны. В нос ударил запах затхлости, прогорклой смазки и помета.

За дверью располагался ряд кухонь, кладовок и помещений для приготовления еды. Пендергаст бесшумно прошел по ним, поглядывая по сторонам через очки, пока не оказался у двери, за которой открывалась уходящая вниз лестница.

Служебные помещения в подвале гостиничного комплекса были просторными и функциональными, как нижние палубы пассажирского лайнера. Пендергаст прошел мимо бойлерной и нескольких кладовых (одна была наполнена гниющими лежаками и пляжными зонтами, другая – множеством стеллажей с поеденными молью облачениями для горничных) и наконец оказался перед металлической дверью.

Он снова помедлил, представляя себе план отеля. За этой дверью начиналась служебная территория зоосада: кабинеты персонала, ветеринарное отделение, помещение, где готовили еду для животных. А дальше располагалась площадка для выгула и запасной выход из шахты.

Пендергаст попытался открыть дверь, но за долгие годы она проржавела и не поддавалась. Он надавил еще раз, прикладывая больше сил. Дверь с неприятным металлическим скрежетом приоткрылась на дюйм. Из кармана жилета Пендергаст извлек маленький ломик и аэрозольный баллончик со смазкой высокой проникающей способности и с их помощью принялся отжимать дверь в разных местах, высвобождая ее из плена ржавчины. Когда он снова налег на дверь, она открылась достаточно, чтобы Пендергаст протиснулся внутрь.

За дверью протянулся коридор, выстланный белой плиткой. Двери по обеим сторонам были открыты, и внутри царила кромешная тьма. Пендергаст осторожно продвигался вперед. Даже теперь, много лет спустя, в воздухе висел запах диких зверей и их экскрементов. Слева находилось помещение с четырьмя большими клетками, в металлических решетках которых были вырезаны окна для подачи корма. За этим располагалось другое помещение – ветеринарное, для осмотра животных и, похоже, для небольших хирургических операций. Чуть дальше была еще одна металлическая дверь.

Пендергаст остановился и посмотрел на дверь через очки. Он знал, что за ней находится служебное помещение, где животным при необходимости делали наркоз для проведения специальных процедур, мытья, срочного удаления из зоосада или лечения. Насколько он мог понять по чертежам, это помещение представляло собой нечто вроде тамбура, технологической зоны между подземным зоосадом и служебными помещениями.

На чертежах не было показано, как именно устроен зоосад над запасным выходом из шахты: перекрыта ли шахта, или же она соединяется с зоосадом. В любом случае Пендергаст был готов; если вход перекрыт, у него имелись инструменты для проникновения внутрь – долото, кувалда, отмычки, ломик, смазка.

Вторая металлическая дверь тоже проржавела, но не так сильно, и Пендергаст открыл ее без особого труда. Стоя в дверном проеме, он осмотрел помещение. Маленькое и очень темное, оно было отделано керамической плиткой, стены упрочены балками и крепями, на потолке закрытые вентиляционные решетки. Это помещение было так хорошо защищено от внешнего воздействия, что смогло сохраниться в гораздо лучшем состоянии, чем остальное здание, и выглядело практически как новое. Стены были чистыми и почти сияли в пронзительном свете его очков…

Неожиданно сильный удар по шее свалил Пендергаста на пол. Он упал, оглушенный, а когда в голове у него прояснилось, увидел нападавшего – тот стоял между ним и дверью, высокий, мускулистый, в камуфляжной одежде и очках ночного видения, нацелив пистолет на Пендергаста.

Пендергаст медленно вытащил руку из жилета, оставив «лес-баер» в кобуре. Он тихо поднялся, увидев, как дверь за человеком закрылась сама по себе со щелчком замка. Всем своим видом изображая полную покорность и подчинение и держа руки на виду, Пендергаст постепенно приходил в себя после неожиданного нападения. Безлюдные развалины, пыль и разруха создали у него ложное ощущение безопасности.

Его обостренная чувствительность быстро вернулась.

Человек ничего не сказал. Не шелохнулся. Но от Пендергаста не укрылось, что он позволил себе чуть-чуть расслабиться, его абсолютная готовность к действию притупилась, поскольку Пендергаст своим телесным языком давал понять нападавшему, что смирился с собственным полностью подчиненным положением.

– Что происходит? – спросил он со слезой в голосе, включив на полную техасский акцент. – Почему вы меня ударили?

Человек ничего не ответил.

– Я всего лишь собиратель старины, проверял, не найдется ли здесь чего-нибудь. – Пендергаст заискивающе опустил голову и на шаг приблизился к человеку, словно собирался склониться перед ним. – Пожалуйста, не убивайте меня.

Он еще ниже опустил голову и упал на колени, едва сдерживая рыдания:

– Пожалуйста.

Монтировка, спрятанная в его жилете, с громким клацаньем упала на пол – не без помощи Пендергаста. Воспользовавшись этим отвлекающим маневром, который дал ему фору в миллисекунду, Пендергаст взрывным движением вскочил на ноги и сокрушительным ударом по правому запястью противника отбросил его пистолет в сторону.

Вместо того чтобы кинуться за пистолетом, человек развернулся на одной ноге, а другой, как заправский каратист, ударил Пендергаста в грудь с такой силой, что тот не смог вытащить собственный пистолет. Пендергаст снова оказался на полу, но, на сей раз готовый к атаке, сразу перекатился, избежав очередного сильного удара, и вскочил на ноги, успев уклониться от удара с разворота в голову. Он тут же вонзил носок своего ботинка под правую коленную чашечку нападающего и отскочил, услышав хлопок рвущихся связок. Его противник пошатнулся, пытаясь провести боковой удар. Пендергаст увернулся, провоцируя противника на прямой удар, и, когда тот ударил кулаком в пустоту, Пендергаст отпрянул и ответил ударом в лицо, сложив пальцы в положение «тигриная рука», рекомендуемое кун-фу. Его противник подался назад – удар не достал его на какой-то дюйм – и одновременно нанес Пендергасту удар почти под дых.

То была самая необыкновенная из схваток – она проходила в полной темноте, с необыкновенным накалом и яростью. Человек не произнес ни слова, ни звука, если не считать издаваемого время от времени кряхтения. Двигался он так быстро, что у Пендергаста не было никакой возможности извлечь свой пистолет. Его противник был искусным бойцом, и на протяжении бесконечных шестидесяти секунд они, казалось, дрались на равных. Но Пендергаст владел более широким набором приемов из разных боевых искусств, а кроме того, в высшей степени необычными приемами самообороны, которым научился в одном тибетском монастыре. Применив наконец один из этих финтов, так называемый «вороний клюв» (быстрый, как молния, убийственный удар сложенными словно в молитве ладонями), он сбил очки с глаз противника. Это дало ему некоторое преимущество, и он им воспользовался, нанеся серию ударов, которая повергла нападавшего на колени. У Пендергаста появилась пара секунд, чтобы вытащить свой сорок пятый и навести его на противника. На скорую руку обыскав его, Пендергаст нашел нож и отшвырнул в сторону.

– ФБР, – сказал он. – Вы арестованы.

Человек не ответил. Он вообще за все это время не произнес ни слова.

– Откройте дверь.

Молчание.

Пендергаст развернул человека, связал ему руки за спиной, нашел торчащий отрезок трубы и привязал его руки к трубе.

– Хорошо, я открою дверь сам.

И опять человек ничего не сказал, даже не подал знака, слышит ли он Пендергаста. С бесстрастным лицом он просто сидел на полу, привязанный к трубе.

Когда Пендергаст подошел к двери, собираясь выстрелить в замок, случилось что-то странное: помещение начало наполняться явственным запахом – приятным, сладковатым ароматом лилий. Пендергаст огляделся в поисках его источника. Судя по всему, запах исходил из вентиляционной решетки на потолке прямо над тем местом, где Пендергаст привязал своего противника, – из вентиляционной решетки, которая прежде была перекрыта, а теперь открылась, источая легкий туман. Противник Пендергаста, ослепший без своих очков ночного видения, в страхе озирался, пока облако тумана окутывало его лицо и тело. Внезапно он закашлялся и начал трясти головой.

Пендергаст наспех прицелился в замок и нажал на спусковой крючок. В тесном помещении выстрел прозвучал оглушительно, пуля отрикошетила от металла, что крайне удивило Пендергаста. Он хотел было выстрелить еще раз, но почувствовал, как отяжелели его конечности, как замедлились движения. Им овладело странное чувство – ощущение полного благополучия, безмятежности и апатии. В зеленом поле его зрения запрыгали черные точки. Он качнулся, но удержался на ногах, качнулся еще раз, пистолет выпал из его руки, и он опустился на пол, услышав, как вентиляционная решетка закрывается. И до него донесся шепоток:

– За это ты должен благодарить Альбана…

Позже – он не знал, насколько позже, – Пендергаст медленно вернулся из темных снов и пришел в сознание. Он открыл глаза и увидел зеленую дымку. Какое-то время он пребывал в недоумении, не понимая, на что смотрит. Потом понял, что на нем все еще очки ночного видения, а зеленый предмет – это вентиляционная решетка на потолке… и все вспомнил.

Пендергаст встал на колени, а затем с трудом поднялся на ноги. Тело у него ныло после схватки, но в остальном он чувствовал себя до странности сильным, посвежевшим. Запах лилий исчез. Противник Пендергаста по-прежнему полулежал на полу, все еще без сознания.

Пендергаст оценил ситуацию. Осмотрел комнату через свои очки, на этот раз гораздо внимательнее. Керамическая плитка на стенах

поднималась на высоту четырех футов от пола, выше была нержавеющая сталь. Хотя решетка на потолке была закрыта, а из стен торчали распылители, дренажное отверстие в полу было залито цементом.

Это напомнило Пендергасту о другом, совершенно ином помещении, которое когда-то использовалось для невыразимо варварских целей.

Тишина, темнота и странные особенности этой комнаты действовали на Пендергаста угнетающе. Он вытащил из кармана сотовый и начал набирать номер.

В этот момент раздался громкий щелчок замка, металлическая дверь открылась, и Пендергаст увидел короткий коридор, в котором не было ничего, кроме его собственных следов в пыли.

21

Лейтенант д'Агоста появился ровно в час дня. Он тихо закрыл за собой дверь, и Марго показала ему на стул.

– Что у вас есть? – спросил он, усаживаясь, и с любопытством взглянул на стол, заваленный костями.

Марго села рядом с ним и раскрыла ноутбук:

– Вы помните, что написано в инвентарной книге? Готтентот, мужского рода, приблизительно тридцати пяти лет.

– Как я могу забыть? Он мне снится.

– На самом деле это скелет белой женщины, скорее всего американки и, вероятно, не старше шестидесяти лет.

– Господи Исусе. Как вы это выяснили?

– Взгляните-ка сюда. – Марго осторожно взяла со стола тазовую кость. – Пол скелета проще всего определить по его тазу. Видите, какой широкий тазовый пояс? Это необходимо для деторождения. Мужской таз гораздо уже. Обратите внимание на плотность кости, на то, как отклонен назад крестец. – Она вернула тазовые кости на стол и взяла череп. – Посмотрите на форму лба, относительное отсутствие надбровных дуг – это еще один индикатор пола. Кроме того, вы видите, что стреловидный и венечный швы полностью срослись вот здесь и здесь. Это говорит о том, что человеку больше сорока. Я обследовала зубы в стереоувеличении, и, судя по их износу, человек был еще старше – как минимум шестьдесят лет, возможно даже, шестьдесят пять.

– Вы говорите, это скелет белого человека?

– С этим немного труднее, но расовую принадлежность скелета нередко можно определить по форме черепа и челюсти. – Марго покрутила череп в руках. – Обратите внимание на форму носовой полости – треугольную – и на пологий край глазницы. Такие формы свидетельствуют о европейском происхождении. – Она показала на пазуху в основании черепа. – Видите? Дуга верхней челюсти имеет параболическую форму. У готтентота дуга имела бы гиперболическую форму. Конечно, для абсолютной уверенности нужно провести анализ ДНК, но я готова поклясться на семейной Библии, что это была белая дама лет шестидесяти с чем-то.

Сквозь окошко в двери комнаты Марго увидела, как кто-то прошел по коридору, остановился и развернулся. Доктор Фрисби. Он посмотрел в окно на нее, потом на д’Агосту. На его лице появилось раздраженное выражение. Фрисби еще раз посмотрел на нее, отвернулся и исчез в коридоре. Ее пробрала дрожь. Этот тип ей никогда не нравился, а теперь она не могла понять, что такого сделал д’Агоста, чтобы вызвать у Фрисби явную вражду.

– А что касается американского происхождения? – спросил д’Агоста.

Марго посмотрела на него:

– Это скорее предположение. Зубы одинаково ровно изношены и хорошо сохранились. Кости в хорошем состоянии, никаких признаков болезни. Химические тесты скажут вам более точно: в зубах имеются изотопы, которые могут указать, где жил человек, а нередко и чем он питался.

Д’Агоста присвистнул:

– Каждый день узнаешь что-нибудь новенькое.

– И еще. В инвентарной книге отмечено, что скелет полный. Но у него отсутствует одна трубчатая кость.

– Канцелярская ошибка?

– Ни в коем случае. Обозначение «полный» довольно необычное. Тут ошибку не сделаешь. К тому же трубчатая кость – одна из самых больших в скелете.

В комнате воцарилась тишина. Марго принялась укладывать кости в лоток. Д’Агоста смотрел на нее, ссутулившись на своем стуле. На лице его застыло задумчивое выражение.

– Как здесь оказался этот чертов скелет? Неужели музей собирает коллекцию старушечьих скелетов?

– Нет.

– А сколько лет назад она умерла?

– Судя по стоматологическим приемам лечения, я бы сказала, в конце девятнадцатого века. Для вящей уверенности нужно сделать радиоуглеродный анализ. На это может уйти несколько недель.

Д’Агоста переварил эту информацию:

– Нужно убедиться, что не произошла путаница с инвентарными номерами и что отсутствующая кость не оказалась в соседнем лотке. Я попрошу нашего друга Сандовала проверить ближайшие ящики и лотки с похожими инвентарными номерами. Вы не смогли бы прийти еще раз и посмотреть, не обнаружится ли среди них тридцатипятилетнего готтентота?

– Буду рада. В любом случае я бы хотела сделать еще несколько тестов на этом скелете.

Д’Агоста рассмеялся:

– Если бы здесь был Пендергаст, он наверняка сказал бы что-нибудь вроде: «Эта кость имеет критическое значение для расследования». – Он встал. – Я позвоню вам, чтобы договориться о следующей встрече. И прошу вас, никому ни слова. В особенности Фрисби.

Марго шла к выходу по главному коридору остеологического отдела, когда из пыльного сумрака прилегающего коридора материализовался Фрисби и зашагал рядом с ней.

– Доктор Грин… – начал он, глядя прямо перед собой.

– Здравствуйте, доктор Фрисби.

– Вы разговаривали с этим полицейским.

– Да. – Она старалась говорить спокойным голосом.

Фрисби по-прежнему глядел перед собой.

– Что ему было надо?

– Он попросил меня осмотреть скелет.

– Какой?

– Тот, который Вик Марсала показывал командированному ученому.

– Он попросил вас осмотреть этот скелет? Почему вас?

– Мы с ним давно знакомы.

– И что вы обнаружили?

Это быстро превращалось в допрос. Марго пыталась сохранять спокойствие.

– Судя по записи, это готтентот мужского пола, попал в коллекцию в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году.

– И какое отношение может иметь скелет стодвадцатипятилетней давности к убийству Марсалы?

– Не могу сказать, сэр. Я просто оказала содействие полиции.

Фрисби фыркнул:

– Это невыносимо. Полицейские идут по ложному следу. Они словно пытаются все глубже затащить мой отдел в трясину этого бессмысленного дела об убийстве, в скандал, в подозрения. Всюду ходят, подглядывают… меня от них уже тошнит. – Фрисби помолчал. – Он больше не просил вас о помощи?

Марго помедлила:

– Он что-то говорил о консультации по нескольким другим скелетам из коллекции.

– Понятно. – Фрисби наконец посмотрел на нее. – Насколько мне известно, вам здесь создана самая благоприятная атмосфера для исследований.

– Да. И я очень за это благодарна.

– А что бы случилось, если бы вас лишили такого режима благоприятствования?

Марго уставилась на него немигающим взглядом. Это было возмутительно. Но она не хотела терять контроль над собой.

– Это поставило бы точку в моих исследованиях. Я могла бы потерять работу.

– Ах, как бы мне этого не хотелось!

Ничего больше не сказав, он развернулся и пошел по коридору, а Марго осталась стоять, глядя вслед его удаляющейся высокой, крепкой фигуре.

22

Было позднее утро. В большом номере на третьем этаже отеля «Хилтон» в Палм-Спрингс царила полутьма – занавеси на панорамном окне, выходящем на коктейльный домик и бассейн, поблескивающий в лучах солнца, были задернуты. В дальнем углу удобно расположился в кресле

агент Пендергаст, рядом на столике стояла чашка чая. Вытянув скрещенные ноги и положив их на кожаный пуфик, он разговаривал по сотовому:

– Поскольку он не мог внести залог, его поместили в тюрьму в Индио. Никаких документов у этого человека не обнаружилось, отпечатков его пальцев нет ни в одной базе данных.

– Он не объяснил, почему напал на тебя? – раздался в трубке голос Констанс Грин.

– Он молчит, как монах-цистерцианец[22].

– И вы оба подверглись воздействию какого-то анестезирующего агента?

– Похоже, что так.

– С какой целью?

– Это остается тайной. Я был у врача. Состояние у меня идеальное, если не считать нескольких синяков, полученных во время схватки. Не обнаружено следов какого-либо яда либо другого отрицательного воздействия на организм. Проколов на коже тоже не найдено, так что, пока я был без сознания, никаких инъекций мне не делали.

– Тот, кто на тебя напал, вероятно, был в сговоре с людьми, пустившими газ. Мне кажется странным, что они усыпили и своего.

– Да вообще вся эта цепь событий очень странная. Я думаю, этого человека тоже провели. Пока он не заговорит, его мотивы останутся неясными. Но кое-что понятно уже теперь. И это заставляет меня испытывать стыд. – Он замолчал.

– Что ты имеешь в виду?

– Все это: камешек бирюзы, шахта «Золотой паук», «Солтон-Фонтенбло», плохо стертые следы покрышек, даже сама карта шахты и, вероятно, старик, с которым я говорил, – все было приманкой. Все было тщательно организовано, чтобы заманить меня в ту конкретную комнату для работы с животными, где можно применить газ. Это помещение много лет назад было построено именно для того, чтобы давать наркоз опасным животным.

– Почему же тебе должно быть стыдно?

– Я думал, что опережаю их на один шаг, а на самом деле все это время они были на несколько шагов впереди.

– Ты говоришь «они». Думаешь, Альбан тоже каким-то образом участвовал?

Пендергаст ответил не сразу.

– «За это ты должен благодарить Альбана», – тихо проговорил он. – Довольно недвусмысленное заявление, тебе не кажется?

– Да, пожалуй.

– Эта сложная схема с «Солтон-Фонтенбло», продуманная до мелочей, чтобы исключить малейшую возможность неудачи, имеет все хитроумные признаки комбинации, которую с удовольствием провернул бы сам Альбан. Но в то же время именно его убийство запустило механизм в действие.

– Странный способ самоубийства? – спросила Констанс.

– Сомневаюсь. Самоубийство вовсе не в стиле Альбана.

На линии воцарилось молчание, наконец Констанс снова заговорила:

– Ты сказал д’Агосте?

– Я никому ничего не говорил. А в особенности лейтенанту д’Агосте. Он и без того столько знает об Альбане, что это может повредить его здоровью. Что же касается нью-йоркской полиции в целом, то я не думаю, что они могут помочь мне в этом деле. Боюсь, они будут топтаться на месте и только уничтожат все следы. Я сегодня вернусь в тюрьму в Индио, попробую вытянуть что-нибудь из этого типа. – Пауза. – Констанс, я ужасно раздосадован тем, что вообще попался в эту ловушку.

– Он был твоим сыном. Ты не мог мыслить ясно.

– Это меня не утешает и не оправдывает.

На этом Пендергаст закончил разговор, сунул телефон в карман пиджака и остался недвижим – нечеткая задумчивая фигура в полутемной комнате.

23

Терри Бономо был крутым экспертом нью-йоркской полиции по программе «Айденти-КАД», используемой для составления портретов преступников. Еще он был большим знатоком итальянских традиций в штате Джерси и, следовательно, одним из самых дорогих д’Агосте людей в полиции. Д’Агоста чувствовал, как улучшается у него настроение, пока он просто сидел в криминалистическом отделе среди компьютеров, мониторов, графиков и лабораторного оборудования. Он чувствовал облегчение, выбравшись из заплесневелой, мрачной атмосферы музея. И потом, настроение улучшалось оттого, что он наконец-то делал что-то. Нет, он, конечно, все время что-то делал, пытаясь идентифицировать

заезжего «профессора», пока его бригада криминалистов искала на костях и лотке отпечатки пальцев, волоски, волокна, чтобы можно было получить ДНК. Но создание фоторобота липового доктора Уолдрона – это было что-то новое. Важный шаг вперед. И никто лучше Терри Бономо не смог бы это сделать.

Д’Агоста наклонился над плечом Бономо, наблюдая, как он работает со сложной программой. По другую сторону стола сидел Сандовал, лаборант остеологического отдела. Работу эту можно было проделать в музее, но д’Агоста всегда предпочитал для составления фотороботов приводить свидетелей в полицейское управление. Приход в управление действовал подавляюще, помогал свидетелю сосредоточиться. И Сандовал, который казался бледнее обычного, явно собрался.

– Привет, Винни, – громогласно проговорил Бономо со своим нью-джерсийским акцентом. – Помнишь, я как-то составлял портрет подозреваемого в убийстве, используя показания самого убийцы?

– Да, легендарный случай, – со смешком сказал д’Агоста.

– Иисус Г. Кристофер. Этот парень считал себя большим умником, изображая свидетеля убийства, а не убийцу. Он хотел сбить нас со следа этим липовым фotoроботом. Но я сразу же начал подозревать туфту. – Разговаривая, Бономо не прекращал работать, стучал по клавишам, водил мышкой. – У многих свидетелей плохая память. Но этот клоун давал нам портрет, абсолютно противоположный тому, как выглядел он сам. У него был большой нос, поэтому он сказал, что у убийцы нос маленький. Губы? Тонкие. Значит, у преступника губы должны быть толстые. Подбородок? Узкий. Значит, у преступника – широкий. Парень был лысый, и вот так у преступника появились длинные густые волосы.

– Да. Никогда не забуду, как ты раскусил его и стал рисовать нечто совершенно противоположное тому, что он говорил. Когда ты закончил, на нас с экрана смотрел настоящий преступник. Он пытался быть умником, а рассказал нам про собственную образину.

Бономо издал резкий смешок.

Д’Агоста смотрел, как Бономо работает над наброском лица, основываясь на ответах Сандовала, видел, как здесь появлялось новое окошко, там – дополнительный слой.

– Ну и программка, – сказал он. – Ее модернизировали с тех пор, как я в последний раз был у тебя.

– Ей постоянно делают апгрейд. Это что-то вроде «Фотошопа» с единственной задачей. Я три месяца ее осваивал, а они взяли и все переделали. Но теперь-то я разобрался. Ты помнишь прежние времена, когда пользовались такими маленькими карточками и шаблонами лиц?

Д’Агоста притворно вздрогнул.

Бономо эффектным движением руки нажал на клавишу, завершая работу, и развернул ноутбук экраном в сторону Сандовала. В большом центральном окне появилось цифровое изображение мужского лица, окруженное окошками меньших размеров.

– Насколько это похоже? – спросил Бономо.

Сандовал долго всматривался в изображение и наконец сказал:

– Мне кажется, похоже.

– Мы только начали. Теперь пойдем по отдельным чертам. Начнем с бровей.

Бономо кликнул по окошку с каталогом лицевых частей и выбрал «Брови». Появился горизонтальный набор с изображением бровей разного вида. Сандовал показал самые подходящие, после чего появился новый набор – все разновидности выбранного. И Сандовал опять показал наиболее подходящий образец. Д’Агоста наблюдал, как Бономо отсеивает изображения бровей подозреваемого: форма, толщина, сужение, расстояние между бровями и так далее, и так далее. Наконец, когда оба – Сандовал и Бономо – были удовлетворены, они перешли к глазам.

– Так что совершил этот предполагаемый преступник? – спросил Бономо у д’Агосты.

– Он один из подозреваемых в деле об убийстве музейного сотрудника.

– Да? И чем же он вызвал подозрения?

Д’Агоста вспомнил, что Бономо неизменно проявлял интерес к личностям, чьи лица воссоздавал.

– Он получил доступ к музейной коллекции под чужой фамилией и, вероятно, убил сотрудника музея. Назвался фамилией преподавателя из колледжа Брин-Мор в Пенсильвании. Этот слабоумный старый пердун в трифокальных очках чуть не испачкал штанишки, когда узнал, что кто-то выдал себя за него и теперь разыскивается по подозрению в убийстве.

Бономо снова издал трубный клич:

– Представляю себе.

Он продолжил бесконечный процесс уточнения формы носа, губ, челюсти, подбородка, скул, ушей, волос, цвета кожи и пигментных пятен и десятка других особенностей. К счастью, у него был хороший

свидетель в лице Сандовала, который не раз видел липового ученого. Бономо нажал на клавишу, и программа «Айденти-КАД» выдала ряд смоделированных компьютером окончательных вариантов лиц на выбор для Сандовала. Бономо еще кое-где подчистил, положил тень, добавил несколько штрихов и удовлетворенно откинулся на спинку стула, как художник, закончивший работу над портретом.

Компьютер, казалось, завис.

– Что он сейчас делает? – спросил д’Агоста.

– Готовит фоторобот.

Прошло несколько минут, потом компьютер заверещал, и на экране появилась маленькая иконка с надписью «Процесс завершен». Бономо стукнул по клавише, ближайший к нему принтер ожил, и из него пополз лист с черно-белым изображением. Бономо взял лист из лотка, полюбовался и передал Сандовалу.

– Это он? – спросил Бономо.

Сандовал в изумлении уставился на портрет.

– Боже мой. Точная копия. Невероятно. Как вы это сделали?

– Это *вы* сделали, – ответил Бономо, похлопав его по плечу.

Д’Агоста через плечо Бономо посмотрел на распечатку. Изображение по своей четкости приближалось к фотографическому.

– Терри, ты гений, – пробормотал он.

Бономо засиял, распечатал еще с полдесятка экземпляров и передал д’Агосте.

Д’Агоста сложил листы на краю стола и засунул в свой портфель.

– Пришли мне изображение по электронке, ладно?

– Непременно, Винни.

Д’Агоста вышел из кабинета, Сандовал последовал за ним. Лейтенант подумал, что теперь осталось только показать этот фоторобот тем двенадцати тысячам человек, которые были в музее в день убийства. Вот будет работенка.

24

Комната для допросов в Калифорнийском изоляторе временного содержания в Индио представляла собой просторное помещение с бежевыми шлакобетонными стенами, в котором стояли один стол и четыре стула: три с одной стороны стола и один – с другой. С потолка

свешивался микрофон, в двух углах размещались видеокамеры. В дальнюю стену был вмонтирован темный прямоугольник зеркала, прозрачного с другой стороны.

Специальный агент Пендергаст сидел на среднем из трех стульев, положив на стол руки, сцепленные в замок. В кабинете стояла полная тишина. Бледные глаза Пендергаста были уставлены в какую-то далекую точку в пространстве, а сам он оставался неподвижен, как мраморная статуя.

Из коридора донесся звук шагов. Потом послышался скрежет задвижки, и дверь распахнулась внутрь. Пендергаст повернул голову – в кабинет вошел Джон Шпандау, старший надзиратель.

Пендергаст поднялся (тело у него еще побаливало после вчерашней схватки) и протянул руку.

– Мистер Шпандау, – сказал он.

Шпандау едва заметно улыбнулся и кивнул:

– Он готов, если вы готовы.

– Он говорил что-нибудь?

– Ни слова.

– Ясно. Все равно приведите его.

Шпандау вышел в коридор, послышался гул голосов, затем в сопровождении двух тюремных охранников появился человек в оранжевой робе, тот, что напал на Пендергаста в «Солтон-Фонтенбло». На запястье у человека был гипс, на колене – бандаж. Руки и ноги у него были скованы. Охранники подвели его к одиночному стулу на дальней стороне стола и посадили.

– Вы хотите, чтобы мы остались? – спросил Шпандау.

– Нет, спасибо.

– Если что понадобится, они будут за дверями.

Шпандау кивнул охранникам, и все трое вышли из кабинета. Раздался звук задвигаемой щеколды и поворачиваемого в замке ключа.

Пендергаст некоторое время продолжал смотреть на закрытую дверь. Потом он сел за стол и посмотрел на человека, сидящего напротив. Тот выдержал его взгляд. Лицо неизвестного оставалось абсолютно бесстрастным. Он был высок, мускулист, с широким лицом, высоким лбом и густыми бровями.

Довольно долго они без слов разглядывали друг друга. Наконец Пендергаст нарушил молчание.

– Я намерен вам помочь, – сказал он. – Если вы мне позволите.

Человек не ответил.

– Вы жертва в той же мере, что и я. Вы были не меньше меня удивлены, когда в ту комнату стал поступать газ. – Голос Пендергаста звучал мягко, проникновенно, чуть ли не уважительно. – Вас сделали козлом отпущения или, говоря на уголовном языке, использовали как шестерку. Это не очень приятно. Так вот, я не знаю, почему вы взялись за это дело, почему согласились напасть на меня или что вам за это пообещали. Я знаю только, что это был заказ, а не личная месть, потому что я вас в жизни не видел. Вас подставили, обманули, использовали, а потом бросили на съедение волкам. – Он помолчал. – Я сказал, что готов помочь вам. И я вам помогу, если вы скажете, кто вы такой и на кого работаете. Больше мне ничего не нужно – всего два имени. Остальное я сделаю сам.

Человек продолжал смотреть него с тем же бесстрастным выражением.

– Если вы и дальше будете молчать из чувства ложной преданности, то позвольте объяснить: вас уже принесли в жертву. Вы меня понимаете? Кто бы ни был вашим кукловодом, кто бы ни направлял ваши действия, он явно с самого начала имел в виду вашу нейтрализацию. Как и мою. Так зачем же хранить молчание?

Неизвестный по-прежнему молчал.

– Я расскажу вам одну историю. Мой коллега-агент посадил одного гангстера в тюрьму на семь лет за вымогательство и шантаж. Гангстеру много раз предоставлялась возможность назвать имена его боссов в обмен на снисходительность. Но он остался преданным солдатом. Он отбыл весь срок – все семь лет приговора. Его освободили всего две недели назад. Первое, что он сделал, – поехал домой к семье, которая встретила его слезами радости. Но не прошло и часа, как его застрелили те самые гангстеры, защищая которых он отбыл полный срок. Они сделали это, чтобы заткнуть ему рот… хотя он семь лет хранил им верность.

Пока Пендергаст говорил, человек мигнул несколько раз, но никаких других движений не сделал.

– Вы храните молчание в надежде получить вознаграждение? Этого никогда не случится.

Ничего. Пендергаст помолчал некоторое время, оценивающе глядя на сидящего напротив. Наконец он заговорил снова:

– Может быть, вы защищаете свою семью, опасаетесь, что если заговорите, то их убьют?

Человек не ответил и на это.

Пендергаст поднялся:

– Если вами движут эти соображения, то единственный выход для вашей семьи – это начать говорить. Мы сможем их защитить. В противном случае и вы, и ваша семья обречены. Можете мне поверить. Я видел такое много раз.

Что-то мелькнуло в глазах человека… может быть, мелькнуло.

– Всего доброго.

Пендергаст позвал охранников. Дверь была отперта, щеколда отодвинута, и вошли охранники, а с ними Шпандау. Пока два охранника уводили задержанного, Пендергаст оставался стоять.

Помедлив, он сказал:

– Я возвращаюсь в Нью-Йорк. Будьте добры, подготовьте для меня его фотографии, отпечатки пальцев, ДНК и медицинский отчет его лечащего врача.

– Сделаем.

– Вы были очень любезны. – Он помолчал. – Скажите, мистер Шпандау… вы ведь, кажется, знаток вин?

Человек посмотрел на него с плохо скрываемым удивлением:

– Почему вы так подумали?

– Вчера я видел у вас на столе брошюрку – фьючерсы на бордоские вина.

Шпандау после некоторой паузы ответил:

– Должен признаться, что люблю это дело.

– Тогда вы должны быть знакомы с Château Pichon Longueville Comtesse de Lalande.

– Конечно.

– Вам нравится это вино?

– Никогда его не пробовал. – Шпандау покачал головой. – Да и вряд ли попробую на жалованье надзирателя.

– Жаль. Так сложились обстоятельства, что сегодня утром я смогу получить ящик урожая двухтысячного года. Отличный год. Вино уже пользуется успехом. Я попрошу доставить его к вам домой.

Шпандау нахмурился:

– Не понимаю.

– Вы окажете мне огромную личную услугу, если позвоните сразу же, когда наш друг заговорит. Все это ради доброго дела – раскрытия преступления.

Шпандау молча обдумывал услышанное.

– А если бы вы смогли сделать запись того, что он скажет, – разумеется, официально, – то это будет просто ягодка на торте. Возможно, я сумею быть вам полезен. Вот моя визитка.

Шпандау еще несколько секунд молчал. Потом на его обычно бесстрастном лице появилась улыбка.

– Агент Пендергаст, – сказал он, – я с удовольствием сделаю все, о чем вы просите.

25

Покинув тюрьму, Пендергаст поехал на юг от Индио. День начал клониться к закату, когда он съехал с главной дороги и остановил машину под грозными очертаниями кряжа Скаррит-Хиллс.

Он поднялся на вершину и посмотрел на восток. Между ним и мертвым берегом Солтон-Си находился «Фонтенбло», его аляповатые неровные очертания терялись среди бескрайних просторов. Все было спокойно. От горизонта до горизонта, протянувшегося в бесконечность, ни малейшего намека на жизнь. Единственным его собеседником был слабо стонущий ветер.

Пендергаст перевел взгляд на север, в сторону ухабистой дороги, ведущей к шахте «Золотой паук». Плохо затертые следы покрышек, которые он видел днем ранее, исчезли, и теперь не осталось ничего, кроме внешне не потревоженной соляной корки.

Он спустился по другому склону холма и приблизился к руинам отеля, в точности как предыдущей ночью. Его шаги поднимали облачка соленой пыли. Но от его следов, оставленных вчера вечером, ничего не осталось, – лестница, ведущая на веранду, и сама веранда выглядели так, словно в течение десятилетий здесь не ступала нога человека.

Пендергаст свернул в сторону от «Солтон-Фонтенбло» и прошел полмили на север, к главному входу в шахту «Золотой паук». Ее древняя

дверь была до половины завалена слоем соли. Ухабистый подход к шахте был усеян маленькими соляными дюнами – последствиями воздушных вихрей. Все было таким, каким выглядело с вершины холма: соляная корка казалась нетронутой.

Пендергаст разглядывал вход под разными углами, отходил то в одну сторону, то в другую, время от времени останавливаясь, чтобы бросить оценивающий взгляд. Потом он опустился на колени и тщательно обследовал корку у своих ног с помощью крохотной метелочки, очень бережно обмахивая ею поверхность и постепенно обнажая более светлую соль под наносом. И наконец он увидел едва заметные следы человеческой деятельности, так тщательно затертые, что восстановить их или получить по ним какую-то информацию было невозможно. Он долгое время изучал эти следы, удивляясь тем усилиям, которые были затрачены на их уничтожение, потом встал.

Ветер завывал и постанывал, шевелил его волосы, трепал лацканы пиджака. На краткий миг к сухому воздуху примешался приятный запах лилий.

Отвернувшись от шахты, Пендергаст продолжил движение на север и прошагал две мили до окраины Солтон-Палмс. Городок выглядел таким же, как и вчера: покосившиеся фонарные столбы, руины домов, темные глазницы окон, ржавеющие купальни для птиц, пустые бассейны. Но наскоро сколоченный сарай с рубероидной крышей, стоявший на южной окраине городка, исчез.

Пендергаст подошел к тому месту, где стояла эта лачуга и где всего день назад он постучался в грубую дверь и разговаривал с Кайютом. Теперь здесь не было ничего, кроме земли и пятен пожухлой травы.

Как будто все – и отель, и шахта – простояло здесь многие годы, ни разу не увидев человека. Как будто этот старик и его жалкие пожитки никогда не существовали.

Как будто все, что случилось с Пендергастом, было лишь сном.

Внезапно Пендергаст покачнулся, не сумев удержать равновесие, когда налетевший ветер обвился вокруг его щиколоток. Он повернулся на юг и начал спускаться по соли, пыли и песку к взятой напрокат машине.

26

– Да, – сказал младший хранитель. – Конечно, я его помню. Он работал с Марсалой месяца два назад. Они с Марсалой вроде как подружились, а это довольно необычно.

– Этот парень на экране похож на него? – спросил Бономо.

– Почти точная копия. Разве что… – Хранитель уставился на монитор ноутбука. – Лоб у него, пожалуй, был чуть шире. Может быть, здесь, у висков.

Бономо принялся колдовать с программой «Айденти-КАД».

– Вот так?

– Пожалуй, еще чуть шире, – сказал хранитель с еще большей убежденностью. – И повыше.

Снова операция колдовства.

– Так?

– Да. Вот теперь точно.

– Точно? Вы уверены?

– Уверен.

– Наша задача – угождать гражданам! – сказал Бономо со своим фирменным смешком.

Д’Агоста с любопытством слушал их разговор. Они обходили остеологический отдел, разговаривали со всеми, кто видел «ученого», которому помогал Марсала. Это позволило Бономо улучшить портрет, созданный днем ранее, добавить к нему черты, которые еще больше увеличили сходство. Д’Агоста настолько исполнился оптимизма, что собирался приступить к сравнению фоторобота с записью с видеокамер, имея перед собой этот портрет. В особенности его интересовали две даты – день смерти Марсалы и день, когда он выписывал экспонат для командированного.

Д’Агоста вычеркнул фамилию младшего хранителя из своего списка, и они пошли дальше по коридору. Увидев еще одну сотрудницу остеологического отдела, которая встречалась с фальшивым ученым, д’Агоста представил ее Бономо, и тот продемонстрировал ей фоторобот и спросил о ее мнении. Бономо произвел настоящий фурор в пыльном, тихом музее, громко разговаривая, отпуская шутки, делая хитроумные замечания и смеясь до упаду. Это стало для д’Агосты поводом для тайного удовольствия, особенно когда Фрисби высовывал голову из своего кабинета и свирепо сверкал глазами. Он ничего не говорил, да и что он мог сказать? Это было делом полиции.

Краем глаза д’Агоста заметил Марго Грин. Она шла по коридору от главного входа в остеологический отдел. Их глаза встретились, и она показала ему на ближайшее хранилище.

– Что случилось? – спросил д’Агоста, зайдя следом за ней и закрыв дверь. – Вы готовы осмотреть новые экспонаты?

– Я их уже осмотрела. Ни одного готтентота там нет. И ни в одном из ближайших лотков трубчатой кости не обнаружено. Но я, как и обещала, провела дополнительный анализ женского скелета. Я пришла, чтобы дать вам последнюю информацию.

– Слушаю.

Д’Агосте показалось, что Марго дышит с трудом.

– Я смогла подтвердить большинство моих первоначальных выводов относительно этих костей. Более детальное обследование, в частности определение соотношения изотопов кислорода и углерода в скелете, указывает на питание и географическое местонахождение, позволяющие определить, что скелет принадлежит женщине конца девятнадцатого века, приблизительно шестидесяти лет от роду, которая жила в городской американской среде обитания, вероятно в Нью-Йорке или его пригородах.

Из коридора донесся новый взрыв раскатистого смеха Бономо, от которого чуть не сотряслись стены.

– Еще немного громче, – сказала Марго, – и ваш друг превзойдет Джимми Дюранте[23].

– Он, может, немного надоедливый, но он первоклассный специалист. И потом, я получаю удовольствие оттого, что Фрисби крутится, как уж на сковородке.

При имени Фрисби лицо Марго потемнело.

– Как вы себя чувствуете? – спросил д’Агоста. – Я имею в виду, здесь, в музее. Я понимаю, что для вас это нелегко.

– Ничего, я справляюсь.

– Вам не дает покоя Фрисби?

– С ним я тоже могу справиться.

– Хотите, я с ним поговорю?

– Спасибо, но это не поможет. При открытой конфронтации можно потерять все и не приобрести ничего. Музей – это настоящий гадюшник. Если я не буду особо высовываться, то все будет в порядке. – Она помолчала. – Слушайте, я хотела поговорить с вами кое о чем еще.

– Да?

Хотя они были одни, Марго понизила голос:

– Вы помните, как Сандовал проверял для нас запись в инвентарной книге к этому скелету?

Д’Агоста кивнул. Он пока не понимал, к чему она клонит.

– И, когда дошло до имени препаратора – доктора Паджетта, Сандовал сказал: «О, тот самый».

– Да.

– Мне тогда это показалось странным. И вот сегодня я спросила об этом у Сандовала. Он, как и многие музейные сотрудники, любит собирать старые байки и слухи. Так вот, он сказал, что у этого Паджетта, служившего хранителем коллекции много лет назад, была жена, и она исчезла. Случился скандал. Ее тело так и не было обнаружено.

– Исчезла? – переспросил д’Агоста. – Это как? И что, был за скандал?

– Он не знает, – ответила Марго.

– Вы думаете о том же, что и я?

– Вероятно… и у меня от этого мурашки по коже.

27

Лейтенант Питер Энглер сидел за заваленным бумагами потертым столом в шумном офисе Администрации по безопасности на транспорте. За окном располагалась взлетно-посадочная полоса 4L-22R аэропорта Кеннеди, по которой, грохоча двигателями, непрерывно двигались самолеты. Внутри было не менее шумно; здесь стоял непрерывный звон телефонов, сотрудники АБТ стучали по клавиатурам, хлопали дверями и – что случалось довольно часто – протестующе или гневно повышали голос. Прямо через коридор некий плотно сбитый человек из Картахены проходил обыск на предмет того, не прячет ли он что-нибудь в полостях тела (это было видно через довольно широко раскрытую дверь).

Как это сказано в «Царе Эдипе» Софокла? «Каким ужасным может быть знание истины». Энглер быстро перевел взгляд на бумаги, разбросанные на столе.

Поскольку других возможностей у них почти не осталось, его люди проверяли, каким путем Альбан мог попасть в Америку. У Энглера на руках имелся один неопровержимый факт: последним известным местонахождением Альбана (прежде чем он объявился мертвым у дверей дома в Нью-Йорке) была Бразилия. Поэтому Энглер разослал своих людей в аэропорты, на Пенн-стейшн[24] и автобусный терминал

Портового управления в поисках каких-либо сведений о перемещениях Альбана.

Энглер взял стопку бумаги. Списки людей, прилетевших в Штаты из Бразилии за последние несколько месяцев через аэропорт Кеннеди. Это была одна из многих подобных стопок толщиной в дюйм. Ищете улики? Да их тут целая гора, и все они, скорее всего, просто бесполезные бумажки. Пустая трата времени. Его люди изучали такие же списки, искали известных преступников, с которыми мог быть связан Альбан, проверяли все, что казалось неестественным или подозрительным.

Сам Энглер часами просматривал лист за листом, ожидая чего-то – чего угодно, – что привлекло бы его внимание.

Он знал, что мыслит не как средний коп. У него было правополушарное мышление: он всегда ждал некоего интуитивного скачка, некой странной связи, которая остается незаметной для более правильного, логически мыслящего мозга. Такой метод не раз сослужил ему добрую службу. И вот он сидел, листал страницы и читал имена, даже не зная, чего ищет. Потому что им было известно одно: под своим настоящим именем Альбан границу не пересекал.

Говард Миллер

Диего Кавальканти

Беатрис Кавальканти

Роджер Тейлор

Фриц Циммерманн

Габриэл Азеведу

Педро Алмейда

Внезапно его посетило ощущение (причем не впервые за время расследования этого дела), что кто-то уже прошел этим путем перед ним. Ощущение это основывалось на мелочах: незначительный беспорядок в бумагах, в которых не должно было быть беспорядка, картотечные ящики, содержимое которых вроде бы недавно просматривалось, и несколько человек, туманно помнивших, что кто-то, кажется, уже обращался с подобными запросами то ли полгода, то ли год назад.

Но кто бы это мог быть? Пендергаст?

При мысли о Пендергасте Энглер испытал знакомое раздражение. Никогда прежде он не встречал таких людей. Если бы этот человек

проявил хоть малейшее стремление к сотрудничеству, то, возможно, не было бы и нужды просматривать все эти документы.

Энглер выкинул из головы этим мысли и вернулся к спискам. У него было легкое несварение, и он не хотел усугублять его мыслями о Пендергасте.

Денер Гуларт

Маттиас Кан

Элизабет Кемпер

Роберт Кемпер

Наталия Роча

Тапанес Ланьдберг

Марта Берлиц

Юрий Паис

Он вдруг остановился. Одно имя – Тапанес Ланьдберг – выделялось среди других.

Чем? Ему и раньше попадались необычные имена… но они ни о чем не говорили. Что же зацепило его в этом?

Он принялся размышлять. Что там Пендергаст говорил о сыне? Он сказал так мало, что каждое слово запечатлелось в мозгу Энглера. «Он обладал удивительной способностью справляться с худшими неприятностями». Было и еще что-то. Что-то запомнившееся. «Ему доставляли удовольствие злые игры. Он был большим докой в устрашении и унижении».

Игры. Устрашение и унижение. Интересно. Какой смысл скрывался за этой завесой слов? Может быть, Альбан был пройдохой? Любил пошутить?

Энглер взял карандаш и медленно, вытянув губы трубочкой, стал на верхнем поле страницы строить анаграммы из имени Тапанес Ланьдберг.

Тапанес Ланьдберг

Тапанес Бергланьд

Сада Планьтенберг

Абрадес Планьгент

Абрадес Планьгент. Подчиняясь какому-то озарению, Энглер вычеркнул из последнего варианта буквы, входящие в имя Альбан. У него осталось:

рдесПагент

Он перешел на нижнее поле страницы и начал переставлять оставшиеся буквы.

дергаПенст

Пендергаст

Энглер прочитал данные в начале списка. Рейс компании «Эйр Бразил» из Рио-де-Жанейро в Нью-Йорк.

Человек, прилетевший в аэропорт Кеннеди из Бразилии, носил имя, которое было анаграммой другого имени – Альбан Пендергаст.

Впервые за несколько дней Питер Энглер улыбнулся.

28

Зал чтения микрофишей на первом этаже Нью-Йоркской публичной библиотеки был ярко освещен, уставлен аппаратами для чтения пленок, и здесь было слишком жарко. Д’Агоста сел рядом с Марго, ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Марго загрузила в аппарат бобину, пропустила пленку через механизм протяжки, намотала на приемную катушку.

– Боже мой, – сказал д’Агоста. – А ведь кое-кто думает, что все это уже давно оцифровано. Так что мы ищем?

– «Нью-Йорк ивнинг индепендент». Газета была довольно профессиональной для своего времени, но уделяла больше внимания сенсационным историям, чем «Таймс». – Марго посмотрела на коробку из-под пленки. – На этой пленке годы с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого по тысяча восемьсот девяносто второй. С чего начать, как вы думаете?

– Этот скелет появился в коллекции в восемьдесят девятом году. Давайте с него и начнем. – Д’Агоста еще больше ослабил галстук. Черт, какая жарища! – Если этот тип избавился от своей жены, то не стал бы затягивать и как можно скорее избавился бы и от ее тела.

– Верно.

Марго перевела большой диск на аппарате в положение «вперед». На экране замелькали страницы старых газет, сначала медленно, потом все ускоряясь. Машина издавала жужжащий звук. Д’Агоста посмотрел на

Марго. Вне стен музея она становилась другим человеком, более спокойным.

Он не мог отделаться от чувства, что это занятие, пусть и довольно любопытное, в конечном счете никак не продвинет расследование, даже если Паджетт действительно убил жену, а ее скелет спрятал в коллекции музея. В нем снова шевельнулась обида на Пендергаста, который объявился вдруг в музее, обнадежил д’Агосту, а потом, не сказав ни слова, исчез. Это было пять дней назад. Д’Агоста начал отправлять Пендергасту все более брюзгливые послания, но пока это не принесло плодов.

Когда они добрались до 1889 года, Марго замедлила прокрутку, листая страницу за страницей: истории о нью-йоркской полиции, колоритные или страшные события за рубежом, слухи, преступления и всевозможные происшествия, неизбежные в городе, который продолжал расти с сумасшедшей скоростью. А в конце лета появилось кое-что интересное:

Колонка местных новостей

Выпуск акций надземной железной дороги

Человек подозревается в убийстве исчезнувшей жены

Новая премьера в театре Гаррика

Разрушение сахарного кольца

Стинсон в тюрьме по приговору за клевету

Специальное экстренное приложение к «Нью-Йорк ивнинг индепендент»

*Нью-Йорк, 15 августа. «Консолидейтид стил» сообщила о выпуске новых акций, обеспеченных приобретением стали для конструкций надземной железной дороги, сооружение которой планируется на Третьей авеню * Нью-йоркская полиция арестовала некоего доктора Эванса Паджетта из Нью-Йоркского музея в связи с недавним исчезновением его жены * Театр Гаррика в следующую пятницу выступает с премьерой новой версии «Отелло» с Джулианом Холкомбом в роли мавра * Пресловутое сахарное кольцо недавно, по слухам…*

– Боже мой, – пробормотала Марго. – Значит, он и в самом деле убил жену.

– Здесь сообщается только об аресте, – возразил д’Агоста. – Давайте дальше.

Марго пролистала несколько следующих выпусков. Приблизительно неделю спустя появилось еще одно сообщение по этой теме. История вызвала интерес, и теперь ей была посвящена целая заметка.

Ученый из музея обвиняется в убийстве жены
Поиски тела и громкий скандал

*Подозреваемый говорил об убийстве собственной жены за несколько дней до ее исчезновения * Во время допроса показал себя неразговорчивым * Директор музея отрицает сопричастность его организации.*

Нью-Йорк, 23 августа. Доктору Эвансу Паджетту предъявлено обвинение в связи с исчезновением и предполагаемым убийством его жены, Офелии Паджетт. Друзья и соседи знали, что миссис Паджетт чахнет и страдает болями, которым сопутствуют усиливающиеся признаки умственных нарушений. Доктор Паджетт впервые попал под подозрение, когда его коллеги в Нью-Йоркском музее естественной истории, где он служит хранителем, сообщили полиции, что он несколько раз говорил о желании прекратить страдания жены. Названные коллеги сообщили, что в нынешнем прискорбном состоянии его жены виноват некий чудодейственный медицинский препарат, рекламируемый как панацея, и доктор туманно высказывался в том смысле, что жену «необходимо избавить от страданий». Доктор Паджетт после ареста не делал никаких заявлений ни полиции, ни прокуратуре, а лишь упорно хранил молчание. В настоящее время он содержится в «Тумсе»[25] в ожидании суда. Директор музея, когда к нему обратились за комментариями, ответил, что он ничего не может сказать в связи с этими прискорбными событиями, но должен отметить, что музей не имеет никакого отношения к исчезновению миссис Паджетт.

Д’Агоста усмехнулся:

– Даже в те времена музей был больше озабочен сохранением репутации, чем помощью в расследовании преступления. – Он помолчал. – Интересно, что это было за чудодейственное средство. Наверно, оно содержало кокаин или опий.

– Ее состояние вроде бы не похоже на обычную наркотическую ломку. Чахнуть… так в девятнадцатом веке говорили о человеке, больном туберкулезом. Но тут вот что интересно… – Она замолчала.

– Да?

– Один из проведенных мной анализов показал аномальную минерализацию костей. Возможно, Офелия Паджетт страдала от какой-то болезни костей или их перерождения.

Марго продолжила листать газетные страницы. Было еще одно или два кратких упоминания о предстоящем процессе, потом сообщение о том, что процесс начался. И вот 14 ноября 1889 года:

Сегодня с доктора Эванса Паджетта, проживающего на Грамерси-лейн, подозревавшегося в убийстве жены, были сняты все обвинения, выдвинутые против него председательствующим в суде на Парк-роу, 2. Несмотря на некоторые свидетельства о туманных заявлениях Паджетта, касающихся прекращения страданий жены, и косвенные улики, представленные прокурором штата Нью-Йорк, доктор Паджетт был признан невиновным, поскольку никаких вещественных доказательств обнаружено не было, хотя манхэттенская полиция предприняла самые тщательные поиски. Паджетт был освобожден судебным приставом и вышел из зала суда свободным человеком сегодня в полдень.

– «Никаких вещественных доказательств», – проговорил д’Агоста. – Конечно, никакого тела не было обнаружено. Старик погрузил его в мацерационный чан остеологического отдела, а потом сунул кости в коллекцию, назвав их скелетом готтентота!

– В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году судмедэкспертиза была не такой продвинутой, как сегодня. Как только от миссис Паджетт остался один скелет, уже никто не смог бы ее идентифицировать. Идеальное убийство.

Д’Агоста сидел ссутулившись. Он чувствовал себя гораздо более усталым, чем до прихода в читальный зал.

– Но что это может значить, черт побери? И зачем этому липовому ученому понадобилось воровать одну из ее костей?

Марго пожала плечами:

– Это загадка.

– Замечательно. Вместо того чтобы расследовать убийство недельной давности, мы обнаружили убийство вековой давности.

29

«Откуда мы взялись? Как началась наша жизнь? Как она закончится на этой пылинке под названием Земля, окруженной бессчетным числом других пылинок, которые и составляют Вселенную? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны вернуться на миллиарды лет назад, во времена до существования Вселенной. Во времена, когда не было ничего, – ничего, кроме темноты...»

Д’Агоста отвернулся от слегка изогнутого, прозрачного с одной стороны зеркала и потер усталые глаза. Он выслушивал эту презентацию уже пять раз и, наверно, мог бы оттарабанить эту хрень наизусть.

Подавив зевоту, он оглядел тесное сумрачное пространство просмотровой комнаты службы охраны. Вообще-то, это помещение предназначалось не для просмотра записей с камер видеонаблюдения, а для поддержки работы музейного планетария. Здесь размещались компьютеры с программным обеспечением, серверы с банками драйверов и изображений, которые приводили в действие систему показа внутрикупольного видео в сердце музейного планетария. Комната была втиснута в уголок шестого этажа у самой верхней части купола планетария – отсюда и изогнутое зеркало на дальней стене. Когда музей поспешил повсюду установить камеры видеонаблюдения, никому не пришло в голову, что записи с них когда-нибудь придется просматривать. Поэтому мониторы для просмотра архивов службы безопасности музея были внедрены в служебное помещение планетария, а технология просмотра изображения позаимствована у компьютеров планетария, – видимо, таким образом какой-то крохобор-бухгалтер воплотил свое представление об экономии ресурсов.

Проблема состояла в том, что во время работы планетария свет в этом помещении необходимо было приглушать почти полностью, иначе он проникал сквозь одностороннее зеркало в купол планетария и портил иллюзию посетителям, занявшим места внизу. Мониторы для просмотра записей приходилось отворачивать от этого единственного окна. К тому же здесь было очень тесно: д’Агосте и двум его детективам, Хименесу и Конклину, работавшим с тремя имеющимися терминалами, приходилось сидеть чуть ли не на коленях друг у друга. Д’Агоста проторчал в этой темноте уже несколько часов, уставившись в маленький зернистый экран, и у него уже начинали болеть глаза. Но что-то не давало ему бросить это занятие: если они ничего не найдут на видеозаписях, дело опять перейдет в разряд висяков.

Внезапно темная комната наполнилась ярким сиянием: в планетарии за окном произошел Большой взрыв. Д’Агосте уже пора было бы подготовиться (ведь он слышал, как несколько минут назад начал звучать вступительный текст), но это снова застало его врасплох, и он подпрыгнул на месте. Д’Агоста закрыл глаза, но поздно: за закрытыми веками заплясали яркие звездочки.

– Черт побери! – выругался Конклин.

Теперь в их тесную комнатку проникла громкая музыка. Д’Агоста сидел неподвижно с закрытыми глазами, пока звездочки не исчезли, а музыка немного не стихла. Тогда он открыл глаза, моргнул и постарался сосредоточиться на мониторе.

– Есть что-нибудь? – спросил он.

– Нет, – ответил Конклин.

– Nada[26], – сказал Хименес.

Д’Агоста понимал, что задает глупый вопрос. Если бы они что-то увидели, то сразу же сообщили бы. Но он все равно спросил, в дурацкой надежде, что одним вопросом можно вызвать результат.

Запись, которую он просматривал, – главный вход в зал морской жизни с пяти до шести вечера в субботу, 12 июня, в день убийства Марсалы, – закончилась, ничего интересного на ней не оказалось. Д’Агоста закрыл окно, снова потер глаза, поставил галочку против соответствующей записи в блокноте, лежащем между ним и Хименесом, и перешел в главное меню, чтобы выбрать очередную, еще не просмотренную запись. Без особого энтузиазма он приступил к просмотру: зал морской жизни с шести до семи вечера, снова от 12 июня. Он начал просмотр сначала с нормальной скоростью, потом с удвоенной, а когда в зале никого не осталось, с восьмикратной.

Ничего.

Поставив галочку против этой записи в блокноте, он для разнообразия выбрал другое место – камеру, стоящую в южной части Большой ротонды, время с четырех до пяти вечера. Привычным движением перевел запись в начало, переключился на полноэкранный режим и начал просмотр с нормальной скоростью. На экране появилась ротонда с высоты птичьего полета, потоки людей двигались справа налево по экрану. Приближалось время закрытия, и люди толпами направлялись к выходу. Д’Агоста протер глаза и вгляделся в изображение, полный решимости сосредоточиться, несмотря на паршивое качество. Все было как всегда: охранники стояли на своих местах, экскурсоводы с флажками на древках протискивались через толпу, волонтеры у информационного стола к концу работы начинали убирать карты, брошюры и листовки с просьбой о пожертвованиях.

Из планетария за дальней стеной раздался раскатистый грохот, а затем крики и аплодисменты зрителей: перед ними разворачивалось важное событие – возникновение Земли, сопровождаемое фонтанами огня, цветовыми коронами и огненными шарами. От низких частот органной музыки стул под д’Агостой завибрировал так, что лейтенант чуть не свалился на пол.

Черт! Он резко отодвинулся от экрана. Нет, на сегодня хватит. Завтра утром он пойдет к Синглтону, упадет на колени, поцелует его в зад, сделает все возможное, лишь бы его перебросили на убийство в Верхнем Ист-Сайде.

Вдруг он замер. Подтащил стул к экрану, вгляделся в него. Наблюдал секунд тридцать. Затем дрожащими от нетерпения пальцами нажал кнопку обратной перемотки, снова просмотрел запись, впившись в экран глазами. Потом еще раз. И еще.

– Матерь Божья! – прошептал он.

Перед ним был тот самый липовый ученый.

Д'Агоста сверился с фотороботом, сконструированным Бономо, – распечатка была приклеена к боковине монитора, за которым сидел Хименес, – и снова перевел взгляд на свой экран. Это несомненно был тот человек. Легкий широкий плащ, темные брюки, кроссовки на липучках – в таких можно ступать бесшумно. Не самое типичное одеяние для ученого. Д'Агоста проследил, как тот вошел через главные двери, огляделся, явно отмечая расположение камер, купил билет, прошел через пропускной пункт и двинулся по ротонде (против движения толпы), после чего исчез из виду. Д'Агоста просмотрел запись еще раз, удивился спокойствию человека и почти дерзкой медлительности походки.

Господи Исусе. Вот же оно.

Он возбужденно повернулся, чтобы сообщить о своем открытии, и тут заметил у себя за спиной темную фигуру.

– Пендергаст! – удивленно воскликнул он.

– Винсент. Миссис Траск сообщила мне, что вы меня искали. По срочному делу. – Пендергаст оглядел комнату. – Места в ложе для путешествующих в космос… это должно щекотать нервы. Скажите мне, бога ради, что происходит.

В своем опьянении успехом д'Агоста забыл обо всех прежних претензиях к Пендергасту.

– Мы его нашли!

– Бога?

– Нет-нет, фальшивого доктора Уолдрона! Вот здесь!

На лице Пендергаста отразилось легкое нетерпение.

– Фальшивого кого? Я что-то не понимаю.

Хименес и Конклин подошли к монитору д'Агосты, и тот начал рассказывать:

– Помните, когда вы были здесь в последний раз, у вас возникли вопросы в связи с этим командированным ученым, с которым работал

Виктор Марсала? Так вот, его документы оказались поддельными. А теперь смотрите: я его засек, когда он входил в музей в четыре двадцать в тот самый день, когда убили Марсалу!

– Занятно, – произнес Пендергаст скучающим тоном, поворачиваясь к двери.

По-видимому, он потерял интерес к этому делу.

– Мы составили фоторобот, – продолжал д'Агоста. – Вот он. Сравните этого типа на экране с фотороботом. – Д'Агоста снял распечатку с боковины монитора Хименеса и протянул Пендергасту. – Полное совпадение. Вы только взгляните!

– Я рад, что расследование так успешно продвигается, – сказал Пендергаст, делая шаг к двери. – К сожалению, мой мозг сейчас занят совершенно другими вещами, но я уверен, что в ваших надежных руках...

Его взгляд упал на распечатку фоторобота в руках д'Агосты, и он остановился. Голос его смолк. В комнате воцарилась тишина, а лицо агента смертельно побледнело. Он протянул руку, взял распечатку и уставился на нее; бумага в его руке слегка подрагивала, издавая шуршание. Пендергаст опустился на свободный стул у стены, не выпуская распечатку из рук и внимательно глядя на нее.

– Бономо проделал блестящую работу, – отметил д'Агоста. – Теперь нам остается только найти этого сукина сына.

Пендергаст откликнулся не сразу. Когда же он заговорил, голос его звучал тихо, как из могилы.

– Просто замечательно, – сказал он. – Но искать его нет нужды.

Это озадачило д'Агосту.

– Что вы имеете в виду?

– Я недавно познакомился с этим джентльменом. Совсем недавно, если уж говорить точно.

Рука с фотороботом очень медленно опустилась, лист бумаги выпал из нее на пыльный пол.

30

Лейтенант д'Агоста никогда прежде не бывал в оружейной комнате особняка на Риверсайд-драйв. Там было много комнат, которых он еще не видел, – дом Пендергаста казался бесконечным. Но в этой комнате его ждали особенно приятные сюрпризы. Его отец был страстным

собирателем старинного оружия, и д’Агоста тоже этим интересовался, хотя и в гораздо меньшей степени. Оглядевшись, он увидел, что во владении Пендергаста есть поистине редкие образцы. Комната была невелика, но роскошно отделана: стены розового дерева, кессонированный потолок. Два громадных гобелена, явно очень старых, висели на противоположных стенах. На других стенах разместились встроенные шкафчики с запертыми стеклянными дверцами, за которыми хранилась удивительная коллекция классического оружия. Здесь, похоже, не было ни одного предмета, созданного после Второй мировой. «Ли-энфильд» калибра 0,303, «маузер» модели 1983 года, оба в идеальном состоянии. Редкий «люгер» калибра 0,45. Слонобой «нитро-экспресс» калибра 0,577 от Уэстли Ричардса с прикладом, инкрустированным слоновой костью. Несамовзводный револьвер «кольт» калибра 0,45 прямо с Дикого Запада, с семью зарубками на рукоятке. И много других ружей, дробовиков и пистолетов, незнакомых д’Агосте. Он переходил от шкафа к шкафу, заглядывал внутрь и тихонько присвистывал, пораженный увиденным.

Кроме стола в центре с полудюжиной стульев вокруг него, другой мебели в комнате не было. Пендергаст сел во главе стола, соединил кончики пальцев, постукивая указательными пальцами друг о друга и глядя в никуда своими кошачьими глазами. Д’Агоста перевел взгляд с оружия на агента ФБР. Его раздражал загадочный отказ Пендергаста объяснить, кто этот человек на фотороботе, но он напомнил себе, что агент всегда вел себя довольно эксцентрично. Он подавил свое нетерпение и вместе с Пендергастом перебрался из музея в особняк на Риверсайд-драйв.

– У вас не коллекция, а настоящее чудо, – сказал д’Агоста.

Пендергасту понадобилось несколько секунд, чтобы посмотреть в его сторону. И еще больше времени, чтобы ответить.

– Эту коллекцию собрал мой отец, – наконец произнес он. – Если не считать моего «лес-баера», то мои собственные интересы направлены на другие области.

В комнату вошла Марго. Мгновение спустя появилась Констанс Грин. Кроме одинаковой фамилии, между ними не было ни малейшего сходства. Констанс была в старомодном вечернем платье с белыми кружевами на шее и запястьях, что делало ее похожей на персонаж из фильма. Д’Агоста восхищался ее густыми рыжеватыми волосами. Она была красива. Красива неприступной, даже пугающей красотой.

Увидев д’Агосту, она кивнула.

Лейтенант улыбнулся ей в ответ. Он не знал, зачем Пендергаст собрал их, но не сомневался, что скоро ему это станет известно.

Пендергаст пригласил всех сесть. В этот момент с улицы через толстые стены донесся слабый удар грома. Сильная гроза, которую обещали вот уже два дня, пришла.

Агент ФБР посмотрел сначала на д'Агосту, потом на Марго, его глаза в сумеречном свете напоминали серебряные монеты.

– Доктор Грин, – сказал он, обращаясь к Марго. – Сколько лет, сколько зим. Я рад снова видеть вас. Жаль, что не при более приятных обстоятельствах.

Марго признательно улыбнулась.

– Я пригласил вас сюда, – продолжил Пендергаст, – поскольку теперь точно известно, что два убийства, которые мы расследовали как отдельные дела, на самом деле связаны. Винсент, я скрывал от вас кое-какую информацию, потому что не хотел втягивать вас в расследование убийства моего сына больше, чем это необходимо. Я и без того уже достаточно усложнил ваше положение в нью-йоркской полиции. Но теперь пришло время поделиться тем, что я знаю.

Д'Агоста наклонил голову. Так оно и было: Пендергаст не по своей вине обременил д'Агосту страшной тайной. Но это было, как говорила бабушка лейтенанта, acqua passata, вода под мостом. По крайней мере, ему хотелось так думать.

Агент обратился к Марго:

– Доктор Грин, я знаю, что могу быть уверен в вашей рассудительности, но тем не менее должен попросить вас и всех остальных присутствующих сохранить абсолютную конфиденциальность нашего разговора.

Раздался шепоток согласия.

Д'Агоста обратил внимание, что Пендергаст казался беспокойным, постукивал пальцами по столу. Обычно он был неподвижен, как кот.

– Давайте рассмотрим факты, – начал Пендергаст. – Ровно одиннадцать дней назад, вечером, мой сын Альбан был найден мертвым на пороге этого дома. При вскрытии в его пищеварительном тракте обнаружен кусочек бирюзы. Я выяснил, что эта бирюза была добыта в небольшой шахте на берегу Солтон-Си в Калифорнии. Несколько дней назад я побывал в этой шахте. Меня там ждала засада – я подвергся нападению.

– Кому же это удалось застать вас врасплох? – спросил д'Агоста.

– Любопытный вопрос, пока не имеющий ответа. Мне удалось нейтрализовать нападавшего, но потом мы оба подверглись действию какого-то парализующего агента. Я потерял сознание. Придя в себя, я

арестовал того, кто напал на меня, и он теперь в заключении. Этот человек не сказал ни слова, и личность его до сих пор не установлена.

Он снова посмотрел на д’Агосту.

– А теперь обратимся к делу, которое ведете вы, – к смерти Виктора Марсалы. Главным подозреваемым, судя по всему, является джентльмен, который выдал себя за ученого и исследовал один занятный скелет в музейной коллекции. С помощью Марго вам удалось выявить еще три дополнительных пункта, вызывающих интерес следствия. Первое: у скелета отсутствует кость.

– Правая бедренная, – уточнила Марго.

– Очевидно, что наш липовый ученый по неизвестным причинам похитил эту кость. Позднее он же убил Марсалу.

– Вероятно, – вставил д’Агоста.

– Второе: скелет в коллекции не совпадает с его описанием. Оказалось, что это не молодой готтентот, а пожилая американка, скорее всего жена музейного хранителя, которому в тысяча восемьсот восемьдесят девятом году было предъявлено обвинение в ее убийстве. Он был оправдан за отсутствием тела пропавшей жены. Теперь вы нашли тело. – Пендергаст оглядел сидящих за столом. – Я пока не пропустил ничего важного?

Д’Агоста встрепенулся:

– Да, но каким образом связаны эти два убийства?

– А это уже мой третий пункт: человек, который напал на меня у Солтон-Си, и человек, которого вы ищете в связи с убийством Виктора Марсалы, так называемый командированный ученый, – *одно и то же лицо*.

Д’Агоста похолодел:

– Что?!

– Я сразу узнал его по вашему замечательному фотороботу.

– Но какая тут связь?

– И в самом деле, какая? Когда узнаем это, мой дорогой Винсент, мы будем близки к раскрытию обоих преступлений.

– Мне, конечно, придется съездить в Индио и допросить его, – сказал д’Агоста.

– Естественно. Возможно, вам повезет больше, чем мне. – Пендергаст беспокойно шевельнулся и обратился к Марго: – А теперь не будете ли

вы так любезны сообщить нам подробности вашего собственного расследования?

– Вы практически все уже сказали, – ответила Марго. – Я пришла к допущению, что этот хранитель, человек по имени Паджетт, пронес труп жены в музей, поместил его в мацерационный чан остеологического отдела, а потом включил в коллекцию, сделав подложное описание.

Констанс Грин, сидящая напротив нее, резко набрала в грудь воздуха. Все головы повернулись к ней.

– Констанс? – спросил Пендергаст.

Но она смотрела на Марго:

– Вы сказали, доктор Паджетт?

Это были ее первые слова с начала совещания.

– Да. Эванс Паджетт. А что?

Констанс немного помолчала, потом поднесла руку к кружевам на шее.

– Я проводила архивные разыскания, касающиеся семьи Пендергаст, – сказала она своим низким, до странности несовременным голосом. – Мне эта фамилия знакома. Паджетт был одним из первых, кто публично обвинил Езекию Пендергаста в продаже ядовитого лекарственного средства.

Настала очередь Пендергаста удивляться.

В голове у д'Агосты все смешалось.

– Постойте. Кто такой этот Езекия Пендергаст, черт побери? Я совершенно запутался.

В комнате воцарилась тишина. Констанс не сводила взгляда с Пендергаста. Целую вечность агент ФБР хранил молчание. Наконец он едва заметно кивнул:

– Пожалуйста, продолжай, Констанс.

– Езекия Пендергаст, – заговорила Констанс, – был прапрадедом Алоизия. И первостатейным мошенником. Он начал карьеру продавцом змеиного масла при странствующих лекарях[27] и со временем изобрел собственное лечебное средство: микстуру-эликсир и восстановитель желез Езекии. Он тонко чувствовал рынок, и в конце тысяча восемьсот восьмидесятых годов продажи этой панацеи быстро пошли вверх. Эликсир нужно было вдыхать – частая практика в те дни – с использованием специального пульверизатора, названного им «гидракониум». На самом деле это был обычный ингалятор, но Езекия

его запатентовал и продавал вместе с эликсиром. Эти продажи позволили поправить финансовые дела семейства Пендергаст, которые в то время были не в лучшем состоянии. Насколько мне помнится, эликсир рекламировали как «приятное лекарство при любых жалобах на разлитие желчи», которое может «укрепить слабого и успокоить неврастеника», а также «ароматизировать сам воздух, которым дышит больной». Но по мере того, как ширились продажи эликсира Езекии, стали распространяться и слухи о том, что принимающие это средство склонны к безумию, убийствам, что они чахнут и умирают мучительной смертью. Стали раздаваться одинокие голоса протеста, – например, доктора Паджетта, – но их никто не желал слушать. Некоторые врачи заговорили о ядовитых свойствах эликсира. Но это не вызывало публичного отклика до тех пор, пока журнал «Кольерс» не напечатал разоблачительную статью, в которой было показано, что эликсир представляет собой вызывающую привыкание и смертельно опасную смесь хлороформа, кокаина, вредных трав и других токсичных ингредиентов. Производство эликсира прекратилось около тысяча девятьсот пятого года. По иронии судьбы, одной из последних жертв этого средства стала собственная жена Езекии, ее звали Констанс Ленг Пендергаст, а по-семейному – Станца.

В комнате воцарилась зловещая тишина. Пендергаст снова устремил свой взгляд в никуда и принялся слегка постукивать пальцами по столешнице, храня на лице непроницаемое выражение.

Тишину нарушила Марго:

– В одной газетной статье говорится, что Паджетт объяснял болезнь жены воздействием некоего чудодейственного лекарственного средства. Я сделала изотопный анализ ее костей и получила аномальные химические показания.

Д’Агоста посмотрел на Констанс:

– Вы хотите сказать, что жена Паджетта стала жертвой этого чудодейственного средства – эликсира, изобретенного и продававшегося предком Пендергаста, и Паджетт убил жену, чтобы прекратить ее страдания?

– Таково мое предположение.

Пендергаст поднялся со стула. Все взгляды устремились на него. Но он просто разгладил рубашку на груди слегка дрожащими пальцами и снова сел.

Д’Агоста хотел было сказать что-то, но остановил себя. В его мозгу забрезжило понимание, собиравшее воедино все эти факты, но оно было

таким диким, таким ужасным, что он не мог заставить себя серьезно его рассматривать.

В этот момент дверь открылась, и вошла миссис Траск.

– Вам звонят, сэр, – сообщила она Пендергасту.

– Пожалуйста, примите информацию.

– Извините, но звонят из Индио в Калифорнии. Человек сказал, это не может ждать.

– Ах да.

Пендергаст снова поднялся и направился к двери. На полпути он остановился и повернулся к Марго:

– Мисс Грин, то, о чем мы здесь говорили, – очень деликатное дело. Я надеюсь, вы не сочтете некорректным с моей стороны, если я попрошу вас пообещать, что эти сведения не выйдут за порог моего дома.

– Как я уже сказала, вы можете на меня положиться. Вы уже попросили нас практически принести обет молчания.

Пендергаст кивнул.

– Да, – сказал он. – Да, конечно.

Скользнув взглядом по троице, сидящей за столом, он последовал за миссис Траск из комнаты и закрыл за собой дверь.

31

Подъезжая к городу Индио по 10-й Восточной федеральной трассе, д’Агоста с любопытством смотрел вокруг из окна машины исправительной службы штата. Прежде он только один раз был в Калифорнии, девятилетним мальчишкой, когда родители возили его в Диснейленд. В его памяти остались лишь какие-то мимолетные впечатления: пальмы, роскошные бассейны, широкие чистые бульвары, украшенные кадками с цветами, пик Маттерхорн, Микки-Маус. Но вот это – изнанка штата – стало для него открытием. Это был мир иссушенный и выгоревший под солнцем, мир адской жары, странных кустов, деревьев, похожих на кактусы, и голых холмов. Д’Агоста не понимал, как можно жить в этой забытой богом пустыне.

Рядом с ним на заднем сиденье пошевелился Пендергаст.

– Вы уже пытались один раз разговорить этого типа. Есть ли какие-нибудь новые идеи? – спросил д’Агоста.

– Я узнал кое-что, э-э, свеженькое из вчерашнего вечернего звонка. Звонил старший надзиратель тюрьмы. Похоже, наш арестованный друг начал говорить.

– Неужели?

Д'Агоста снова посмотрел в окно. Как это похоже на Пендергаста – до самого конца утаивать такую важную информацию. Или не похоже? Во время ночного рейса Пендергаст казался молчаливым и раздраженным. Д'Агоста объяснил это недосыпом.

Калифорнийский изолятор временного содержания в Индио представлял собой длинное, низкое, непривлекательное здание, которое, если бы не вышки охраны и три кольца стен с колючей проволокой наверху, выглядело бы как выстроенные в ряд склады фирмы «Костко»[28]. Несколько печальных пальм стояли перед проволокой, неподвижные на безжалостном солнце. Гости из Нью-Йорка въехали в главные ворота, прошли через несколько пропускных пунктов и наконец оказались перед официальным входом. Там они вышли из машины. Д'Агоста моргнул на солнце. Он был на ногах вот уже семь часов, и у него никак не укладывалось в голове, что по калифорнийскому времени сейчас только девять утра.

Их встретил худощавый темноволосый человек. Увидев Пендергаста, он протянул руку:

– Агент Пендергаст. Рад снова вас видеть.

– Мистер Шпандау. Спасибо, что так оперативно связались со мной. – Пендергаст представил их друг другу: – Джон Шпандау, старший надзиратель. А это лейтенант д'Агоста из нью-йоркской полиции.

– Лейтенант. – Шпандау пожал д'Агосте руку, после чего они двинулись по коридору.

– Как я упоминал в нашем вчерашнем телефонном разговоре, – сказал Пендергаст, обращаясь к Шпандау, – заключенный подозревается в недавнем нью-йоркском убийстве, которое расследует лейтенант. – Они миновали еще один пропускной пункт. – Лейтенант хотел бы допросить его первым.

– Хорошо. Я сообщил вам, что он заговорил, но, по правде сказать, в его речах мало смысла, – заметил Шпандау.

– Еще что-нибудь важное?

– Он стал беспокойным. Всю ночь ходил по камере. Не ел.

Д’Агосту провели в типичную комнату для допросов. Пендергаст и Шпандау вышли в соседнее помещение, чтобы наблюдать за допросом через одностороннее зеркало.

Д’Агоста ждал стоя. Некоторое время спустя открылась дверь, и двое охранников ввели в комнату человека в тюремной робе. На одном запястье у него был гипс. Охранники посадили человека на одинокий стул у другой стороны стола и встали возле двери.

Д’Агоста посмотрел на человека за столом, хорошо сложенного и, конечно, со знакомым лицом. Он не был похож на преступника, но это не удивило д’Агосту: парню хватило пороху выдать себя за ученого, причем он делал это так убедительно, что провел Марсалу. Здесь требуется не только присутствие духа, но и мозги. Однако в лице этого человека была какая-то ущербность. Какой-то таинственный внутренний диалог наводил тень на его харизматичные черты, так хорошо узнаваемые по реконструкции Бономо. Покрасневшие глаза блуждали по комнате замедленно, как у наркомана, не останавливаясь на человеке, сидящем напротив него. Руки, схваченные в запястьях наручниками, он сложил на груди жестом защиты. Д’Агоста обратил внимание, что подозреваемый слегка раскачивается взад-вперед на своем стуле.

– Я – лейтенант Винсент д’Агоста, отдел по расследованию убийств нью-йоркской полиции, – начал д’Агоста, доставая блокнот и кладя его перед собой. Со своими правами человек был уже ознакомлен, так что д’Агоста мог приступить прямо к делу. – Этот допрос записывается. Не хотите назвать для записи свое имя?

Человек ничего не ответил, продолжая слегка покачиваться туда-сюда. Его глаза теперь более осмысленно озирали комнату, брови нахмурились, словно он вспоминал что-то забытое. Или потерянное.

– Эй, вы меня слышите? – попытался привлечь его внимание д’Агоста.

Наконец глаза человека остановились на лейтенанте.

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов об убийстве, которое произошло две недели назад в Нью-Йоркском музее естественной истории.

Человек безмятежно посмотрел на него, потом его взгляд скользнул в сторону.

– Когда вы в последний раз были в Нью-Йорке?

– Лилии, – ответил человек.

Голос у него был удивительно высокий и певучий для такого крупного человека.

– Какие лилии?

– Лилии, – повторил человек задумчивым тоном, подразумевающим какое-то печальное воспоминание.

– И что лилии?

– Лилии, – снова сказал человек и внезапно впился взглядом в д’Агосту, испугав лейтенанта.

Это было безумие.

– Имя Джонатан Уолдрон вам о чем-нибудь говорит?

– Этот запах, – произнес человек совсем уже печально. – Этот приятный запах, запах лилий. Он прошел. Теперь… теперь пахнет отвратительно. Ужасно!

Д’Агоста уставился на человека. Он что, издевается?

– Нам известно, что вы выдали себя за профессора Джонатана Уолдрона, чтобы получить доступ к некоему скелету в Музее естественной истории. Вы работали с лаборантом из остеологического отдела, с Виктором Марсалой.

Человек внезапно замолчал.

Д’Агоста подался вперед, сцепив пальцы:

– Я не буду бродить вокруг да около. Я считаю, что вы убили Виктора Марсалу.

Покачивание прекратилось. Человек отвел глаза от д’Агосты.

– Я даже знаю, что вы его убили. Теперь у нас есть ваша ДНК, и мы сравним ее с ДНК с места преступления. А мы ее найдем.

Молчание.

– Что вы сделали с похищенной бедренной костью?

Молчание.

– Знаете, что я думаю? Я думаю, что вам лучше немедленно пригласить к себе адвоката.

Человек оставался неподвижным, как статуя. Д’Агоста глубоко вздохнул.

– Послушайте, – сказал он, усиливая угрожающую нотку в голосе. – Вас арестовали за нападение на агента федеральной службы. Это серьезное

преступление. Но я здесь потому, что нью-йоркская полиция собирается экстрадировать вас в Имперский штат[29] за убийство при отягчающих обстоятельствах. У нас есть свидетели. У нас есть видеозапись с вашим изображением. Если вы не начнете сотрудничать, то окажетесь в таком медвежьем углу, что никакие Льюис и Кларк[30] вас не найдут.

Человек оглядывал комнату так, будто вообще не отдавал себе отчета в присутствии д’Агосты.

На плечи д’Агосты обрушился тяжелый груз усталости. Лейтенант ненавидел такие допросы с повторяющимися вопросами и упрямыми подозреваемыми. А этот тип к тому же казался психом. Д’Агоста не сомневался, что перед ним преступник. Что ж, придется строить дело без признательных показаний.

Дверь приоткрылась, и он увидел в коридоре темную фигуру Пендергаста. Тот жестом показал: «Не возражаете, если я попробую?»

Д’Агоста взял свой блокнот и встал. «Конечно, – ответил он пожатием плечами. – Получите по полной программе».

Он прошел в соседнюю комнату и сел у прозрачного зеркала рядом со Шпандау, наблюдая за тем, как Пендергаст устраивается на своем месте напротив подозреваемого. Целую вечность он поправлял на себе галстук, застегивал пиджак, проверял запонки, разглаживал воротничок. Наконец он подался вперед, упершись локтями в столешницу и положив ладони на исцарапанное дерево. Несколько секунд пальцы нервно отплясывали по столу, потом Пендергаст сжал кулаки, словно взяв себя в руки. Он спокойно смотрел через стол на человека, который напал на него. И когда д’Агоста совсем уже подумал, что сейчас лопнет от нетерпения, Пендергаст вдруг заговорил своим певучим, любезным голосом.

– В тех краях, откуда я родом, считается очень грубым, если ты не называешь человека по имени, – начал он. – Когда мы встречались в прошлый раз, вы не были расположены назвать свое имя… имя, которое, как мне известно, вовсе не Уолдрон. Вы не передумали?

Человек посмотрел на него, но не ответил.

– Прекрасно. Поскольку я ненавижу грубость, я сам выберу вам имя. Я буду называть вас Немо, а это на латыни, как вам известно, означает «никто».

Это не произвело никакого эффекта.

– Не хочу тратить на этот свой приезд столько же времени, сколько и на прошлый, мистер Немо. Так что я буду краток. Вы готовы сказать, кто вас нанял?

Молчание.

– Вы готовы сказать, почему согласились? Или в чем состояла цель этой необычной ловушки?

Молчание.

– Если вы не хотите называть имена, тогда, может быть, скажете, какой результат ожидался от всей этой операции?

Молчание.

Пендергаст неторопливо посмотрел на свои золотые часы.

– От меня зависит, какой суд вас будет судить – штата или федеральный. Отвечая или не отвечая на мои вопросы, вы делаете выбор между Рикерс-Айленд или Административным центром строгого содержания во Флоренции, штат Колорадо. Рикерс – настоящий ад на земле. АЦСС во Флоренции – ад, который даже Данте не мог бы вообразить. – Он вперился взглядом в человека. – Мебель в камере из литого бетона. Душ по расписанию, три раза в неделю в пять часов ровно на три минуты. Из окна видны только бетон и небо. Один час прогулки в день по бетонной яме. В АЦСС тысяча четыреста стальных дверей с дистанционным управлением, здание в кольце охраны, обнесено несколькими рядами ограждений с колючей проволокой. Там ваше существование будет стерто со скрижалей истории. Если вы не заговорите со мной сейчас, то в прямом смысле этого слова станете никем.

Пендергаст замолчал. Человек зашевелился на стуле. Д’Агоста, который наблюдал за допросом через одностороннее зеркало, был теперь убежден, что парень свихнулся. Ни один здравомыслящий человек не выдержал бы такого напора.

– В АЦСС нет лилий, – тихо сказал Пендергаст.

Д’Агоста обменялся недоуменным взглядом со Шпандау.

– Лилии, – медленно проговорил человек, словно пробуя слово на вкус.

– Да. Лилии. Такой прекрасный цветок, вам не кажется? С таким приятным, исключительным ароматом.

Человек наклонился вперед. Наконец-то Пендергаст завладел его вниманием.

– Но потом запах исчез, верно?

Человек явно напрягся. Он медленно покачал головой из стороны в сторону.

– Нет… я ошибся. Лилии никуда не делись, и вы об этом сказали. Но с ними что-то случилось. Они ушли.

– Они воняют, – пробормотал человек.

– Да, – произнес Пендергаст с любопытной смесью сочувствия и насмешки в голосе. – Ничто не пахнет хуже тронутых гнилью цветов. – Пендергаст неожиданно повысил голос: – Какая от них жуткая вонь!

– Убирайтесь из моего носа! – завопил человек.

– Не могу, – ответил Пендергаст, чей голос вдруг упал до шепота. – В вашей камере в АЦСС не будет лилий. Но вонь останется. И она будет усиливаться с разложением. Пока вы не…

Неожиданно человек со звериным криком вскочил со стула и бросился через стол на Пендергаста, его закованные в наручники руки изогнулись, словно когти, в глазах горела убийственная ярость, с губ срывалась пена и капли слюны. Пендергаст легко, как матадор, вскочил со стула и увернулся от удара. На заключенного бросились два охранника с тазерами наготове и быстро его обездвижили. Чтобы он угомонился, потребовалось три разряда. Наконец он распростерся на столе, судорожно подергиваясь; крохотные облачка дыма воспарили к микрофону и лампам в потолке. Пендергаст стоял в стороне, хладнокровно наблюдая за этим, потом повернулся и вышел из кабинета.

Через секунду Пендергаст появился в комнате наблюдения за допросом и раздраженным жестом стряхнул пылинку с пиджака.

– Что ж, Винсент, я не вижу смысла и дальше оставаться здесь, – сказал он. – Боюсь, что наш друг… как там говорится? С прибамбасом?

– С прибабахом.

– Спасибо. – Он обратился к Шпандау: – Еще раз благодарю вас, мистер Шпандау, за вашу неоценимую помощь. Прошу вас, дайте мне знать, если у него наступит просветление.

Шпандау пожал протянутую руку.

Когда они вышли из тюрьмы, Пендергаст достал сотовый и начал набирать номер.

– Я опасался, что нам придется лететь в Нью-Йорк ночным рейсом, – сказал он. – Но наш друг оказался таким необщительным, что мы можем успеть и на более ранний рейс. Если вы не возражаете, я проверю. Теперь мы ничего от него не добьемся… И боюсь, что не только теперь, но и никогда.

Д'Агоста глубоко вздохнул:

– Может, объясните мне, что там происходило?

– О чем это вы?

– О ваших странных вопросах. Про цветы, про лилии. Откуда вы знали, что он именно так прореагирует?

Пендергаст перестал набирать номер и опустил телефон:

– Это была догадка, не лишенная оснований.

– Да, но откуда она у вас взялась?

Пендергаст ответил не сразу, и голос его прозвучал очень тихо:

– Все дело в том, мой дорогой Винсент, что наш заключенный – не единственный, кто в последнее время начал чувствовать запахи цветов.

32

Пендергаст вошел в музыкальную комнату в особняке на Риверсайд-драйв так неожиданно, что Констанс, вздрогнув, оборвала игру на клавесине. Под ее пристальным взглядом он направился к столику, положил на него большую стопку бумаг, достал пузатый бокал, налил себе большую порцию абсента, сверху на бокал поместил ложку с отверстиями наподобие шумовки, положил в нее кубик сахара, полил его охлажденной водой из графина, потом прихватил бумаги и пошел к кожаному креслу.

– Не прекращай играть из-за меня, – сказал он.

Констанс, пораженная его немногословием, вернулась к сонате Скарлатти. Хотя она видела Пендергаста лишь краем глаза, у нее возникло ощущение, что случилось что-то нехорошее. Он наспех глотнул абсента, со звоном поставил бокал, затем сделал еще один большой глоток. Одна его нога не в такт музыке постукивала по персидскому ковру. Он пролистал бумаги – кажется, это был пестрый набор каких-то старых научных трактатов, медицинских журналов и новых распечаток – и отложил их в сторону. После того как он отхлебнул абсента в третий раз, Констанс перестала играть (это была дьявольски трудная вещь, требовавшая абсолютной концентрации) и повернулась к нему:

– Как я понимаю, поездка в Индио принесла разочарование.

Пендергаст, разглядывавший одну из голограмм на стене, молча кивнул.

– Этот человек так ничего и не сказал?

– Напротив, он был очень разговорчив.

Констанс разгладила на себе юбку:

– И?..

– Нес чушь.

– Что именно он сказал?

– Я же говорю – чушь.

Констанс сложила руки на груди:

– Я бы хотела точно знать, что он сказал.

Пендергаст посмотрел на нее и прищурился:

– Ты сегодня очень настойчива.

Констанс молча ждала.

– Он говорил о цветах.

– Случайно, не о лилиях?

После паузы:

– Да. Как я уже не раз повторил, это была бессмысленная чушь.

Констанс опять погрузилась в молчание. Какое-то время никто не произносил ни слова. Пендергаст продолжал играть со своим бокалом, допил его, встал и снова взял со столика бутылку абсента.

– Алоизий, – заговорила Констанс, – возможно, он и нес чушь, но не бессмысленную.

Игнорируя ее, Пендергаст начал готовить второй бокал.

– Есть один вопрос, который мне нужно с тобой обсудить. Дело довольно деликатное.

– Конечно, прошу тебя, – сказал Пендергаст, наливая абсент в бокал и кладя сверху ложку с отверстиями. – Где этот чертов сахар? – пробормотал он себе под нос.

– Я изучала историю твоей семьи. Во время нашего разговора вчера в оружейной комнате всплыло имя доктора Эванса Паджетта. Тебе оно знакомо?

Пендергаст положил кубик в ложку и начал обливать его ледяной водой:

– Не люблю драм. Я с ними покончил.

– Жена доктора Паджетта отравилась эликсиром твоего прапрадеда. Человек в калифорнийской тюрьме страдает теми же симптомами, что и жена Паджетта и все остальные, кто принимал чудодейственное средство Езекии.

Пендергаст взял бокал с абсентом и сделал большой глоток.

– Человек, убивший сотрудника музея и напавший на тебя, похитил бедренную кость жены Паджетта. Зачем? Возможно, он работал на кого-то, кто пытался воссоздать эликсир. Наверняка в кости имеются остаточные вещества.

– Какая ерунда, – пробормотал Пендергаст.

– Боюсь, что нет. Я тщательно изучила этот эликсир. Все жертвы поначалу говорили о запахе лилий, это была изюминка, часть рекламной кампании. Когда человек начинал принимать эликсир, запах был преходящий, сопровождался ощущением благополучия и концентрации внимания. Со временем запах становился постоянным. Более тяжелым. Когда человек принимал дополнительные дозы эликсира, запах лилий начинал пропадать, словно цветы портились. Жертва становилась раздражительной, беспокойной, у нее нарушался сон. Ощущение благополучия сменялось тревогой и маниакальным поведением с периодами неожиданной апатии. В течение этого периода дополнительные дозы эликсира становились бесполезны, напротив, они лишь усугубляли страдания жертвы. У больного возникали приступы неуправляемой ярости, перемежаемые время от времени крайней вялостью. Потом начиналась боль – головная, суставная, человек уже не мог пошевелиться, не причиняя себе мучительных страданий. И… – Констанс помедлила. – И в конце приходила смерть, как благодать.

Слушая ее, Пендергаст поставил бокал и выпрямился. Начал ходить по комнате.

– Я прекрасно осознаю грех моего предка.

– Есть еще одно соображение: эликсир принимали в форме паров, а не в виде капель или таблеток. Его нужно было вдыхать.

Пендергаст сделал еще несколько кругов по комнате.

– Ты, конечно, понимаешь, к чему я клоню, – сказала Констанс.

Пендергаст пренебрежительно махнул рукой, отметая ее опасения.

– Алоизий, бога ради, тебя отравили этим эликсиром. Не просто отравили – доза, судя по всему, была чудовищной!

– Констанс, перестань кричать.

– Ты не начал ощущать запах лилий?

– Это довольно распространенный цветок.

– После нашего вчерашнего совещания я попросила Марго выяснить кое-что по его результатам. Она обнаружила, что кто-то, явно под вымышленным именем, интересовался эликсиром Езекии, запрашивал материалы по нему в Нью-Йоркской публичной библиотеке и в Нью-Йоркском историческом обществе.

Пендергаст остановился, сел в кресло и взял бокал. Откинувшись на спинку кресла, он сделал быстрый глоток, потом поставил бокал.

– Извини меня за откровенность, но кто-то мстит тебе за грехи твоего предка.

Пендергаст как будто не слышал ее. Он допил остатки абсента и начал готовить следующую порцию.

– Тебе нужно срочно обратиться за медицинской помощью, или ты окажешься в таком же состоянии, как этот тип в Калифорнии.

– Для меня нет иной помощи, кроме той, которую я сам себе могу оказать, – с неожиданной резкостью сказал Пендергаст. – И я буду тебе благодарен, если ты перестанешь мешать моему расследованию.

Констанс поднялась с фортепьянного табурета и подошла к нему:

– Дорогой Алоизий. Не так давно в этой самой комнате ты назвал меня своим оракулом. Позволь мне играть эту роль. Ты заболеваешь. Я это вижу. Мы можем тебе помочь, все мы. Самообман будет иметь роковые последствия…

– Самообман? – Пендергаст издал резкий смешок. – Здесь нет никакого самообмана! Я прекрасно осознаю мое состояние. Неужели ты думаешь, что я не приложил все свои силы, чтобы исправить положение? – Он схватил стопку бумаг и швырнул их в угол комнаты. – Если мой предок Езекия, чья жена умирала от эликсира, не смог найти противоядия… то как его могу найти я? А вот чего я не могу допустить, так это твоего вмешательства. Да, ты права, я назвал тебя моим оракулом. Но теперь ты становишься моим альбатросом[31]. Ты женщина с идеей фикс, что и продемонстрировала так драматически, когда низвергла своего любовника в жерло вулкана Стромболи[32].

Констанс внезапно переменилась. Ее тело напряглось. Пальцы сжались в кулаки. В фиалковых глазах засверкали искры. Сам воздух вокруг нее потемнел. Перемена была такой резкой и в ней чувствовалась такая угроза, что Пендергаст, подносивший бокал к губам, вздрогнул и на тыльную сторону его ладони выплеснулось немного абсента.

– Если бы такие слова мне сказал какой-нибудь другой мужчина, – проговорила Констанс низким голосом, – он не дожил бы до утра.

Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты.

33

– Вас кто-то хочет видеть, лейтенант.

Питер Энглер оторвался от стопки лежащих на его столе распечаток и вопросительно поднял бровь, глядя на своего помощника сержанта Слейда, появившегося в дверях.

– Кто там?

– Блудный сын, – с тонкой улыбкой сказал Слейд, отходя в сторону.

Мгновение спустя в дверях появилась худощавая, аскетичная фигура специального агента Пендергаста.

С большим трудом скрыв удивление, Энглер молча показал Пендергасту на стул. Он почувствовал, что в этом человеке произошла какая-то перемена. Он не мог сказать толком, в чем тут дело, но подумал, что это связано с выражением глаз Пендергаста, которые казались необыкновенно яркими на очень бледном лице.

Энглер откинулся на спинку стула, не собираясь проявлять инициативу. Он уже достаточно обхаживал этого человека, пусть теперь агент ФБР заговорит первым.

– Я хотел поздравить вас, лейтенант, с вашей вдохновенной находкой, – начал Пендергаст. – Мне бы и в голову не пришло искать анаграмму имени моего сына в списках пассажиров из Бразилии. Это так похоже на Альбана – он любил подобные шутки.

«Конечно, тебе бы это не пришло в голову», – подумал Энглер. Мозг Пендергаста работал иначе. Энглер лениво спросил себя, уж не был ли Альбан Пендергаст умнее своего батюшки.

– Мне вот что любопытно, – продолжал Пендергаст. – В какой именно день Альбан прилетел в Нью-Йорк?

– Четвертого июня, – ответил Энглер. – Рейсом «Эйр Бразил» из Рио.

– Четвертого июня, – повторил Пендергаст, как бы для себя. – А через неделю его убили. – Он кинул взгляд на Энглера. – Найдя анаграмму, вы, естественно, вернулись назад и проверили более ранние списки?

– Естественно.

– Нашли что-нибудь?

Энглер немного поколебался, не дать ли максимально уклончивый ответ, чтобы Пендергаст ощутил, что чувствуют люди, задавая вопросы *ему*. Но это было не в характере Энглера.

– Нет пока. Расследование продолжается. Нам предстоит проверить огромное число списков, и не все они в идеальном порядке. В особенности это касается зарубежных авиарейсов.

– Понятно. – Пендергаст обдумал что-то. – Лейтенант, я бы хотел извиниться за то, что прежде был не так общителен, как следовало бы. В то время мне казалось, что я быстрее продвинусь в этом деле, если буду вести его самостоятельно.

«Иными словами, ты считал меня неумелым идиотом, какими, по твоему мнению, являются большинство полицейских», – подумал Энглер.

– Видимо, в этом я ошибался. И чтобы исправить ситуацию, я хочу поделиться с вами той информацией, которой располагаю на сегодня.

Энглер махнул рукой, повернув ее ладонью кверху и тем самым приглашая Пендергаста продолжать. В дальнем углу кабинета стоял сержант Слейд, который, по своему обыкновению, не произносил ни звука, только слушал и впитывал.

Пендергаст вкратце изложил Энглеру историю с калифорнийской шахтой и засадой и поведал о связи этих событий с убийством музейного сотрудника. Слушая о том, что прежде утаивал от него Пендергаст, Энглер испытывал удивление, раздражение, даже гнев. В то же время он понимал, что эта информация может быть очень полезной, она позволит открыть новые направления расследования, – разумеется, если на ее достоверность можно положиться. Энглер слушал с бесстрастным лицом, прилагая усилия, чтобы не выдать своих чувств.

Пендергаст закончил рассказ и замолчал, глядя на Энглера в ожидании ответа. Но так ничего и не дождался.

Прервав затянувшееся молчание, Пендергаст встал:

– Как бы то ни было, лейтенант, на сегодня это продвигает дело. Или дела. Я предлагаю вам эту информацию в духе сотрудничества. Если я могу быть полезен еще в чем-то, надеюсь, вы дадите мне знать.

Энглер наконец шевельнулся на своем стуле:

– Спасибо, агент Пендергаст. Мы непременно с вами свяжемся.

Пендергаст вежливо кивнул и покинул кабинет.

Какое-то время Энглер сидел, откинувшись на спинку стула. Затем он повернулся к Слейду и жестом подозвал его к себе. Плотно закрыв дверь, сержант Слейд подошел к столу лейтенанта и сел на место, только что освобожденное специальным агентом.

Энглер несколько мгновений смотрел на сержанта. Этот невысокий, темноволосый, мрачный человек исключительно хорошо разбирался в тонкостях человеческой натуры. Он был также самым большим циником из всех, с кем Энглеру приходилось встречаться в жизни. Все эти качества делали Слейда исключительно полезным советником.

– Что скажешь?

– Не могу поверить, что этот сукин сын утаивал от нас столько информации.

– И я тоже. Так почему же он явился сегодня? Почему сначала из кожи вон лез, чтобы мне доставались лишь какие-то крохи, а теперь приходит по собственной воле и выдает все свои тайны?

– Тут два варианта, – сказал Слейд. – Первый: ему что-то нужно.

– А второй?

– Он этого не делает.

– Чего не делает?

– Не выдает всех своих тайн.

Энглер хохотнул:

– Сержант, мне нравится, как у тебя работают мозги. – Он помолчал. – Слишком уж кстати. Такой неожиданный поворот на сто восемьдесят градусов, такое открытое и явно дружественное предложение сотрудничества… и эта история о шахте, о ловушке, о таинственном преступнике.

– Поймите меня правильно, – сказал Слейд, отправляя в рот лакричную конфетку (у него всегда в кармане лежала горсть конфет) и кидая смятую бумажку в корзинку для мусора. – Я верю в эту историю, какой бы бессмысленной она ни казалась. Дело только в том, что он говорит не всё.

Энглер посмотрел на стол, задумавшись. Потом снова поднял глаза:

– Так чего же он хочет?

– Хочет выудить у нас информацию. Хочет узнать, что нам удалось выяснить о перемещениях его сына.

– А это означает, что ему это еще не известно.

– А может, и известно. Может, он делает вид, что ему это интересно, чтобы направить нас по ложному пути.

Слейд плутовски улыбнулся, жуя конфетку.

Энглер подался вперед, подтянул к себе лист бумаги и набросал скорописью несколько заметок. Он любил стенографию не только потому, что это был быстрый вид записи, но и потому, что в нынешнее время ею никто не пользовался, а значит, его заметки оставались недоступными для посторонних. Потом он отодвинул лист в сторону.

– Я пошлю людей в Калифорнию, чтобы осмотрели эту шахту и допросили человека, который сидит в тюрьме в Индио. А еще позвоню д'Агосте и попрошу у него все материалы по делу об убийстве в музее. Тем временем ты будешь тихонько – *тихонько* – раскапывать о Пендергасте все, что можно. Его историю, результаты деятельности по арестам и приговорам, благодарности, выговоры. Все, что удастся найти. У тебя есть дружки в ФБР. Пригласи их выпить. Не игнорируй и слухи. Я хочу знать об этом человеке все, от и до.

Лицо Слейда расплылось в улыбке. Такую работу он любил. Не сказав больше ни слова, он поднялся и вышел из кабинета.

Энглер снова откинулся на спинку стула, закинул руки за голову и уставился в потолок. Он вспоминал все свои прошлые встречи с Пендергастом: первую в этом самом кабинете, когда Пендергаст демонстрировал абсолютное нежелание к сотрудничеству; встречу на вскрытии; встречу в комнате хранения вещдоков, когда Пендергаст пытался создать у него ложное впечатление, будто его не интересуют поиски убийцы сына; и сегодняшнюю встречу, снова в его кабинете, где Пендергаст вдруг предстал образцом искренности. Такое неожиданное превращение напомнило Энглеру общую тему многих греческих мифов, которые он так хорошо знал: предательство. Атрей и Фиест, Агамемнон и Клитемнестра. И теперь, уставившись в потолок, он понял, что все последние недели, параллельно с испытываемыми им по отношению к Пендергасту раздражением и сомнением, в нем медленно зрело другое чувство.

Темное подозрение.

34

Специальный агент Пендергаст нетерпеливо расхаживал по небольшому кабинету на верхнем этаже консульства США в Рио-де-Жанейро. Комната была аскетичная, серо-коричневая, здесь стояли только стол и несколько стульев, на одной стене аккуратно, в линию висели обязательные фотографии президента, вице-президента и

государственного секретаря. Кондиционер потрескивал и подрагивал на окне. Пендергаста утомил перелет из Нью-Йорка и спешная подготовка, сделавшая его возможным, и теперь он время от времени останавливался, брался за спинку стула и делал несколько глубоких вдохов. Затем снова принимался ходить, время от времени выглядывая в единственное окно кабинета, выходившее на склон холма, на котором прилепились бесчисленные ветхие сооружения с одинаковыми бежевыми крышами и поразительным многоцветьем стен, ярко освещенных утренним солнцем. Дальше простирались воды залива Гуанабара, а еще дальше виднелась гора Сахарная Голова.

Дверь открылась, и в комнату вошли двое. В первом, одетом в скромный деловой костюм, Пендергаст узнал агента ЦРУ из сектора Y. Его сопровождал человек пониже ростом, коренастый, в форме со множеством значков и медалей.

Агент ЦРУ не подал виду, что знаком с Пендергастом. Он подошел к нему и протянул руку:

– Чарльз Смит, помощник генерального консула, а это полковник Азеведу из БРА – Бразильского разведывательного агентства.

Пендергаст пожал обоим руки, и все сели. Пендергаст не предъявил никаких документов. В этом явно не было необходимости. Он поймал взгляд Смита, который осматривался вокруг с таким видом, словно находился здесь впервые в жизни. Возможно, так оно и было. Интересно, давно ли он получил это задание под прикрытием?

– Будучи немного знаком с вашей ситуацией, – начал Смит, – я попросил полковника Азеведу об этой любезности, и он согласился помочь нам.

Пендергаст благодарно кивнул и пояснил:

– Я прилетел в связи с операцией «Лесной пожар».

– Да, конечно, – сказал Смит. – Может быть, вы посвятите полковника Азеведу в детали?

Пендергаст повернулся к полковнику:

– Цель операции «Лесной пожар» состояла в том, чтобы использовать как американские, так и зарубежные средства для выявления каких-либо признаков того, что на поверхность всплыла некая персона, которая представляет интерес для Лэнгли – и для меня лично – и которая исчезла в бразильских джунглях полтора года назад.

Азеведу кивнул.

– Мертвое тело этой персоны две недели назад было подброшено на порог моего дома в Нью-Йорке. Послание было отправлено и получено. Я прилетел сюда, чтобы выяснить, кто отправитель, какие цели он преследовал и в чем суть послания.

Азеведу удивленно посмотрел на Пендергаста. В глазах Смита удивления не было.

– Этот человек прилетел из Рио в Нью-Йорк четвертого июня, – продолжил Пендергаст, – под именем Тапанес Ланьдберг. Это имя вам знакомо, полковник?

Полковник отрицательно покачал головой.

– Мне необходимо проследить его перемещения в Бразилии за последние полтора года. – Пендергаст провел по лбу тыльной стороной ладони. – На поиски этой персоны было потрачено множество человеко-часов, брошены самые современные секретные технологии. И тем не менее операция «Лесной пожар» пока не дала никакого результата. Как такое возможно? Как этот человек сумел ни разу не засветиться в Бразилии в течение восемнадцати месяцев, если, конечно, все это время он пребывал здесь?

Полковник Азеведу наконец заговорил на идеальном, почти без малейшего акцента английском:

– Такое вполне возможно. – Его мягкий, почти кроткий голос никак не соответствовал мощному телосложению. – Если предположить, что этот человек был в Бразилии, – а это вполне вероятно с учетом того, что вы сказали, – есть только два места, где он мог прятаться: джунгли… или фавелы.

– Фавелы, – повторил Пендергаст.

– Да, сеньор Пендергаст. Вы слышали о них? Это одна из наших серьезнейших социальных проблем. Точнее сказать, социальных бедствий. Фавелами называются изолированные от остального города трущобы-крепости, где заправляют наркодилеры. Они крадут из сети воду и электричество, живут по собственным законам, вводят собственную железную дисциплину, защищают свои границы, убивают членов соперничающих с ними банд, угнетают местных жителей. Это что-то вроде маленьких, коррумпированных феодальных владений, государства внутри государства. В фавелах нет полиции, нет камер наблюдения. Человек, которому нужно было исчезнуть, вполне мог исчезнуть там… и многие так и делают. До последнего времени вокруг Рио было множество фавел. Но теперь, с приближением Олимпиады[33], правительство начало действовать. Батальон специальных полицейских операций и Unidade de Policia Pacificadora[34] начали осуществлять рейды

на фавелы и восстанавливать в них порядок. – Азеведу помолчал. – Во всех, кроме одной, куда не суются ни военные, ни полицейские. Эта фавела называется Cidade dos Anjos – Город Ангелов.

– А почему к ней такое отношение?

Полковник мрачно улыбнулся:

– Это самая большая, самая жестокая и самая мощная из всех фавел. Наркобароны, которые там заправляют, не только безжалостны, но и бесстрашны. Если ближе к делу: год назад они совершили налет на военную базу и разграбили ее, унесли тысячи единиц оружия и боеприпасов. Пулеметы пятидесятого калибра, гранаты, РПГ, минометы, гранатометы… даже ракеты «земля – воздух».

Пендергаст нахмурился:

– Тем больше оснований зачистить ее.

– Вы смотрите на ситуацию глазами постороннего. Фавелы воюют только друг с другом – не с населением. Атака на Cidade dos Anjos превратится в жуткое кровопролитие, погибнет множество наших военных и полицейских. Ни одна другая фавела не осмеливается бросить им вызов. А со временем все остальные фавелы исчезнут. Так зачем пытаться изменить естественный порядок вещей? Лучше известный враг, чем неизвестный.

– Интересующая нас персона исчезла в джунглях восемнадцать месяцев назад, – сказал Пендергаст. – Но я сомневаюсь, что она долго там оставалась.

– Что ж, мистер Пендергаст, – заметил агент ЦРУ, – похоже, у нас есть один возможный ответ на то, как мистер Тапанес Ланьдберг оставался невидимым. – За этим последовала слабая улыбка.

Пендергаст поднялся со стула:

– Благодарю вас обоих.

Полковник Азеведу оценивающе посмотрел на него:

– Сеньор Пендергаст, мне даже страшно представить, каким будет ваш следующий шаг.

– Мой дипломатический статус не позволяет мне сопровождать вас, – сказал агент ЦРУ.

Пендергаст только кивнул на это и повернулся к двери.

– Если бы речь шла о каком-либо другом месте, мы бы дали вам сопровождение, – сказал полковник. – Но не в Cidade dos Anjos. Я могу

вам только посоветовать: уладьте все ваши дела, прежде чем отправляться туда.

35

Пендергаст, полностью одетый, лежал на огромной кровати в номере отеля «Копакабана-палас». Свет был выключен, и, хотя стоял полдень, в комнате было очень темно. Сквозь закрытые окна и жалюзи в номер доносился приглушенный шум прибоя с пляжа Копакабана.

Он лежал совершенно неподвижно, как вдруг его охватила дрожь, настоящий приступ, сила которого все нарастала. Пендергаст плотно сжал веки и кулаки, стараясь усилием воли прогнать этот неожиданный, внезапный припадок. Несколько минут спустя дрожь стала стихать. Но полностью не прошла.

– Я справлюсь с этим, – еле слышно прошептал Пендергаст.

Поначалу, когда симптомы только начали проявляться, Пендергаст лелеял надежду, что есть способ дать им обратный ход. Не найдя ответа в прошлом, он начал искать в настоящем, в надежде найти способ борьбы со своим мучителем. Но чем яснее он понимал дьявольскую сложность заговора с целью отравить его, чем больше размышлял над историей своего предка Езекии и его погибшей жены, тем яснее ему становилось, что все его надежды – жестокое заблуждение. Им двигало теперь одно желание: пока у него еще есть время, продвинуть расследование, которое, судя по всему, должно было стать его последним расследованием.

Он заставил себя мысленно вернуться к утренней встрече и к словам бразильского полковника. «Есть только два места, где он мог прятаться, – сказал он про Альбана. – Джунгли… или фавелы».

Вдруг иные слова непрошено возникли в мозгу Пендергаста. Это были слова, которые сказал ему Альбан при расставании, в тот день полтора года назад, когда он с почти дерзкой неторопливостью уходил в бразильский лес. «У меня впереди долгая и увлекательная жизнь. Как говорится, весь мир теперь – моя устрица, и я обещаю, что в нем станет гораздо интереснее, когда я вскрою его»[35].

Пендергаст держал в голове эту сцену прощания, напрягая все свои интеллектуальные способности, чтобы вспомнить ее во всех подробностях.

Он, конечно, знал, что для сына эти восемнадцать месяцев начались в бразильских джунглях. Пендергаст своими глазами видел, как его фигура скрылась в плотных зарослях. Но он был уверен в том, что Альбан не остался в джунглях. Там не было ничего такого, что могло бы занять его, увлечь, а самое главное, там он не мог воплотить в жизнь

задуманные им многочисленные махинации. Он не вернулся и в город своего рождения Нова-Годой – город был теперь в руках бразильского правительства, под своего рода военным управлением. И потом, Альбану там больше нечего было делать: комплекс был уничтожен, его ученые, солдаты и молодые вожди убиты, получили сроки, реабилитированы или разбежались кто куда. Нет, чем больше Пендергаст размышлял об этом, тем больше он утверждался в мысли, что скорее раньше, чем позже Альбан вышел из джунглей и… скрылся в фавеле.

Для него это было бы идеальным местом: никакой полиции, никаких камер наблюдения, никакой слежки и никаких агентов разведки, следующих за ним по пятам. При его остром интеллекте, выдающихся криминальных способностях и социопатических наклонностях он, безусловно, был находкой для наркобаронов, заправлявших в фавеле. Все это должно было дать Альбану необходимое время и пространство для обдумывания планов.

«Весь мир теперь – моя устрица, и я обещаю, что в нем станет гораздо интереснее, когда я вскрою его».

Пендергаст не сомневался и в том, какую фавелу выбрал бы Альбан. Всегда самую большую и лучшую для него.

Но эти ответы всего лишь вели к новым вопросам. Что случилось с Альбаном в Городе Ангелов? Что за странное путешествие привело Альбана из фавелы к дверям особняка на Риверсайд-драйв? И что связывало его и нападение, которому подвергся Пендергаст у Солтон-Си.

«Мне даже страшно представить, каким будет ваш следующий шаг». Следующий шаг был, конечно, очевиден.

Пендергаст несколько раз глубоко, с дрожью, вздохнул. Потом сел на кровати и поставил ноги на пол. Комната вокруг него закачалась, и дрожь обернулась мучительной мышечной судорогой, которая медленно, но все же отпустила его. Он стал принимать целый комплекс лекарств, которые прописал сам себе: атропин, хелаты, глюкагон и анальгетики, чтобы продержаться во время приступов, случавшихся все чаще. Но все это было как стрельба наугад в темноте и никакой пользы не приносило.

Пендергаст почувствовал, что его тело готовится к новой судороге. Это его совсем не устраивало.

Он дождался, когда вторая судорога отпустит его, и направился к столу у дальней стены. На столе лежал его дорожный несессер и служебная кобура с «лес-баером» сорок пятого калибра. Рядом – несколько пустых магазинов.

Он сел за стол и вытащил оружие из кобуры. В Бразилию он провез его без труда. Зарегистрировался по стандартному протоколу в Службе безопасности на транспорте и получил разрешение носить оружие в нескольких странах. Через смотровой сканер пистолет не проходил.

Впрочем, если бы и проходил, это не имело бы значения.

Пытаясь унять дрожь в пальцах, Пендергаст поднял пистолет и ногтем вытащил из ствола резиновую заглушку, потом перевернул пистолет стволом вниз, и из него на столешницу упали маленький шприц и несколько игл для внутривенных инъекций. Он взял шприц, надел на него одну из игл, отложил в сторону.

Затем занялся одним из магазинов. Вытащил из него верхний патрон, достал из кармана миниатюрные плоскогубцы и осторожно извлек пулю из гильзы. Из стола взял лист бумаги, повернул над ним гильзу, высыпал ее содержимое. Это был не порох, а мелко толченный белый порошок.

Пустую гильзу и бесполезную пулю Пендергаст отодвинул в сторону тыльной стороной ладони. Придвинув к себе несессер, он вытащил оттуда два пузырька рецептурных лекарств. В одном находился полусинтетический опиоид (для смягчения боли) из второго списка[36]. В другом пузырьке были таблетки мышечного релаксанта. Он положил по две таблетки из каждого пузырька на лист бумаги и при помощи столовой ложки истолок их в мелкий порошок. Теперь на листе бумаги лежали три маленькие горки. Пендергаст тщательно смешал их и высыпал в ложку. Взяв зажигалку, он щелкнул ею под ложкой. Смесь под воздействием температуры начала темнеть, пузыриться, сжижаться.

Пендергаст уронил зажигалку на столешницу и ухватил ложку обеими руками, когда новая мучительная судорога сотрясла его тело. Он подождал минуту, чтобы опасная токсичная смесь остыла, потом погрузил иглу в жидкость и наполнил шприц.

Тихо вздохнув, Пендергаст опустил ложку на стол; с самым трудным было покончено. Он вытащил из несессера последний нужный ему предмет – отрезок жгута. Закатав рукав, он обмотал жгутом руку над локтем, сжал кулак и затянул жгут потуже зубами.

На его руке ниже локтя появилась вена.

Осторожно держа жгут зубами, Пендергаст свободной рукой взял шприц. Координируя движения так, чтобы они не совпали с очередной судорогой, он направил шприц в вену, подождал немного, потом немного разжал зубы, приотпуская жгут. Медленно и аккуратно он вдавил поршень до упора.

Потом позволил глазам закрыться и сидел так несколько минут. Игла со шприцем торчала из его руки. Открыв глаза, Пендергаст вытащил шприц с иглой из вены, отложил в сторону. Сделал неглубокий пробный вздох, как купальщик, проверяющий температуру воды пальцами ног.

Боль отпустила его. Судороги смягчились. Он был слаб и дезориентирован, но мог функционировать.

Медленно, словно проснувшийся старик, он встал со стула, надел кобуру и пиджак. Вынул из бумажника удостоверение ФБР и значок, запер их в сейфе. В бумажнике у него остался только паспорт. Оглядевшись в последний раз, Пендергаст вышел из номера.

36

Вход в Город Ангелов располагался в северной части Рио, в конце узкой улочки, делавшей в этом месте крутой поворот. На первый взгляд начинавшаяся здесь фавела не очень отличалась от соседнего района Тижука. Над лабиринтом почти средневековых по своей запутанности и кривизне улочек тесно стояли унылые бетонные коробки в три или четыре этажа. Ближайшие здания имели серый цвет, но по мере того, как эти трущобы карабкались выше по крутым склонам, простирающимся на север, цвет менялся на зеленый, а еще дальше – на красный с коричневым отливом. Над фавелой стояли тысячи мглистых, подрагивающих на жарком солнце дымков, поднимающихся над костерками, на которых готовили еду. И только когда Пендергаст заметил двух праздно восседающих на пустых бензиновых бочках парней в шортах и гавайских сандалиях, с автоматами, ремни которых были наброшены на голые плечи (это были дозорные, проверяющие всех входящих в фавелу), он понял, что оказался у ворот в совершенно иной Рио-де-Жанейро.

Слегка покачиваясь, он постоял в проулке. Средства, которые он принял, хотя и необходимые для его физического функционирования, притупляли мыслительную способность и замедляли реакцию. В его состоянии было бы слишком рискованно пытаться выдавать себя за какого-то другого человека. Пендергаст знал по-португальски всего несколько слов и уж точно не смог бы общаться на местном говоре, который разнился от фавелы к фавеле. Если наркодилеры или их охранники в Cidade dos Anjos примут его за копа, работающего под прикрытием, то убьют немедленно. У него был единственный выбор: вообще ничего не скрывать, выставить себя напоказ.

Он подошел к парням, которые сидели не двигаясь и смотрели на него прищуренными глазами. Провода наверху – электрические и кабельного телевидения – были проложены густой сетью, провисающей под собственной тяжестью, и улица была постоянно погружена в сумерки. На душной улице было жарко, как в духовке, в воздухе стояла

вонь отходов, собачьих фекалий и едкого дыма. Пендергаст подошел ближе, и парни, не слезая со своих бочек, приспустили автоматы с плеч и взяли их на изготовку. Пендергаст не делал попытки пройти мимо, напротив, он направился к старшему из двоих.

Парень – судя по виду, ему было не больше шестнадцати – оглядел агента с ног до головы со смешанным чувством любопытства, враждебности и презрения. В такую жару Пендергаст в черном костюме, белой рубашке и шелковом галстуке казался пришельцем с другой планеты.

– Onde você vai, gringo?[37] – спросил парень угрожающим тоном.

В это время другой парень – более высокий, с бритой головой – спрыгнул со своей бочки и небрежно прицелился в Пендергаста.

– Meu filho, – сказал Пендергаст. – Мой сын.

Парень хмыкнул и переглянулся с приятелем. Такая ситуация явно была обычной: отец ищет заблудшего сына. Бритоголовый предпочел бы без дальнейших разговоров прикончить Пендергаста. Но тот, что пониже (он, похоже, был здесь главным), решил иначе. Поведя стволом автомата, он приказал Пендергасту поднять руки. Когда Пендергаст сделал это, тот, что помоложе, обыскал его. Вытащил его паспорт, бумажник. Немного денег, что лежали в бумажнике, были извлечены и тут же поделены. Когда парень обнаружил «лес-баер», между дозорными начался спор. Тот, что пониже, отобрал пистолет Пендергаста у бритоголового, задавая сердитые вопросы на португальском.

Пендергаст пожал плечами.

– Meu filho, – повторил он.

Спор продолжился, вокруг собралась небольшая группка любопытных. Казалось, что бритоголовый в конечном счете возьмет верх в споре. Из потайного кармана пиджака Пендергаст извлек пачку денег – тысячу реалов – и предложил тому, что пониже.

– Meu filho, – сказал он еще раз спокойным, без малейшей угрозы голосом.

Парень посмотрел на деньги, но не взял их.

Пендергаст вытащил из кармана еще пачку в тысячу реалов и добавил к первой. Две тысячи реалов – тысяча долларов – это была целая куча денег в таком районе.

– Por favor, – сказал он, слабо помахивая деньгами перед дозорным. – Deixe-me entrar[38].

На лице парня неожиданно появилась гримаса, и он выхватил деньги.

– Porra[39], – пробормотал он.

Это вызвало новый взрыв протестов со стороны его бритоголового товарища, который явно горел желанием прикончить Пендергаста и забрать деньги. Но коренастый пресек его возражения залпом ругательств. Он вернул Пендергасту паспорт и бумажник, оставив себе пистолет.

– Sai da aqui, – сказал он, снисходительно махнув Пендергасту. – Fila da puta[40].

– Obrigado[41].

Проходя через этот импровизированный пропускной пункт, Пендергаст краем глаза заметил, что бритоголовый отделился от собравшейся группки и исчез в проулке.

Пендергаст двинулся по главной улице фавелы, быстро разделившейся на путаный лабиринт все более узких дорожек, которые снова и снова пересекались друг с другом, поворачивали под странными углами, а иногда неожиданно заканчивались тупиками. Люди молча поглядывали на него, некоторые с любопытством, другие подозрительно. Он время от времени останавливался и спрашивал у кого-нибудь «meu filho», но ответом ему было быстрое, безмолвное покачивание головой и ускорение шага, словно чтобы не слышать бормотания сумасшедшего.

Преодолевая отупляющее действие наркотика, Пендергаст старался запоминать все, что видел. Ему необходимо было понять. Улицы здесь были относительно чисты, лишь иногда попадались на глаза курица или тощая бездомная собака. Кроме как у двоих дозорных, он ни у кого не видел оружия, не был свидетелем продажи наркотиков или явных преступлений. Да что говорить, в фавеле, похоже, было больше порядка, чем в городе за ее границами. Здания были в изобилии украшены яркими постерами и афишами, большая часть которых частично отклеилась и трепыхалась на ветру. Изобилие звуков давило на уши. Из открытых окон доносилась бразильская фанк-музыка, разговоры или громкие споры, а порой и крепкое ругательство вроде «Caralho!»[42]. В воздухе стоял ошеломительный запах жареного мяса. Время от времени мимо проносились мопеды и ржавые велосипеды, машин почти не было. На каждом перекрестке находилось не меньше одного barzinho – бара с грубыми пластиковыми столиками и десятком клиентов, сгрудившихся у древнего телевизора с бутылками «Cerveja Skol»[43] в руках и созерцающих неизбежный футбол. После каждого гола они вопили, не жалея глоток.

Пендергаст остановился и попытался сориентироваться, потом стал взбираться по склону горы, на котором расположился Город Ангелов. Поднимаясь по петляющим улочкам, он отмечал, что характер зданий меняется. Трехэтажные бетонные дома уступали место лачугам и хибарам удручающего убожества, сляпанным из досок и бревен, скрепленных проводом или веревками, и покрытым (если вообще покрытым) гофрированными металлическими листами. Здесь повсюду был разбросан мусор, в воздухе витали запахи протухшего мяса и гнилой картошки. Соседние дома опирались друг на друга, видимо, чтобы не упасть. Куда ни глянь, на веревках, образующих невероятную путаницу, висело белье, безвольно колышущееся на этой невыносимой жаре. Проходя мимо импровизированного футбольного поля на пустующем участке, окруженном остатками сеточного ограждения, Пендергаст далеко внизу увидел величественные очертания высоток в северной части Рио. Отсюда до них была всего миля-другая, но казалось, что их разделяет тысяча миль.

Чем круче становился склон, тем больше изменялся окружающий ландшафт, превратившись в путаницу террас, жалких уличных лестниц из плохо залитого бетона с деревянными перилами и узких серпантинных дорожек. Из-за колючей проволоки и ломаных реек на Пендергаста глазели грязные дети. Здесь было меньше музыки, меньше криков, меньше жизни. Спертый воздух был насыщен бациллами бедности и отчаяния. Всюду ползли вверх связанные между собой постройки, каждая на своем уровне и под своим углом, никак не согласуясь с соседними, – трехмерный лабиринт закоулков, проходов, общих пространств и крохотных площадей. Пендергаст продолжал бормотать всем прохожим одну и ту же нелепую фразу: «Meu filho. Por favor. Meu filho».

Когда он проходил мимо лавочки, торговавшей обивочными материалами, перед ним, заскрежетав тормозами, остановился помятый и поцарапанный четырехдверный пикап «тойота-хайлакс». Водитель остался за рулем, а три парня в брюках защитного цвета и ярких рубашках выскочили из трех других дверей. У каждого была винтовка АР-15, и все они были нацелены на Пендергаста.

Один из парней быстро встал перед ним, а двое других остались сзади.

– Pare! – приказал первый парень. – Стой!

Пендергаст остановился. Возникло напряженное мгновение бездействия. Пендергаст сделал шаг вперед, и один из парней остановил его тычком приклада в спину. Двое других встали рядом, направив оружие в голову Пендергасту.

– Coloque suas maos no carro![44] – прокричал первый, развернул Пендергаста и прижал его к пикапу.

Пока двое других держали его на прицеле, первый обыскал его, проверяя, не спрятано ли где оружия. Потом он открыл ближайшую заднюю дверь пикапа.

– Entre[45], – грубо сказал он.

Пендергаст никак не прореагировал, только заморгал на ярком солнце, и тогда парень схватил его за плечи и усадил на заднее сиденье. Двое других уселись по бокам от Пендергаста. Первый расположился на переднем сиденье, водитель включил передачу, и они рванулись с грязной улочки, подняв облако пыли, в котором целиком скрылась машина.

37

В дверь кабинета д’Агосты просунул голову дежурный:

– Лейтенант, вам звонят. Некто по имени Шпандау.

– Прими сообщение. Я сейчас занят.

– Он говорит, это важно.

Д’Агоста посмотрел на сержанта Слейда, сидевшего на стуле для посетителей. Он-то был бы рад перерыву. Слейд, мальчик на побегушках у Энглера, по просьбе начальника разговаривал с д’Агостой, пытаясь нащупать связи между двумя убийствами – в музее и на пороге дома Пендергаста. Д’Агоста не знал, насколько Энглер в курсе того, что объединяет эти дела, Энглер своих карт не раскрывал. Как и Слейд. Но они хотели заполучить копии всех материалов дела – всего-всего, – и причем немедленно. Слейд не нравился д’Агосте, и дело было не только в лакричных конфетах, к которым пристрастился сержант. По какой-то причине он напоминал д’Агосте школьного ябедника, который, если увидит, где что не так, сразу спешит сообщить учителю, чтобы подлизаться. Д’Агоста знал, что Слейд – парень умный и предприимчивый, и это только ухудшало ситуацию.

Д’Агоста поднял трубку:

– Извини. Нужно ответить. Это может занять несколько минут. Я тебя позову.

Слейд посмотрел на него, на дежурного и встал:

– Конечно. – Он вышел из кабинета, оставив за собой ароматный лакричный шлейф.

Д’Агоста проводил его взглядом и поднес трубку к уху:

– Что случилось? Неужели у нашего парня крыша на место встала?

– Не совсем, – раздался сухой голос Шпандау в трубке.

– Так что же тогда?

– Он умер.

– Умер? Как? Ну, то есть парень и в самом деле был болен. Но не настолько же!

– Охранник нашел его в камере меньше получаса назад. Самоубийство.

Самоубийство. Это было не расследование, а чистый геморрой.

– Господи, да что ж такое? – В голос д'Агосты вкралась нотка растерянности, а это его ни в коей мере не устраивало. – Разве у него не было антисуицидного обеспечения?

– Было, конечно. Все по полной программе. Камера с мягкими стенами, кожаные фиксаторы. Но он сразу после проверки высвободился из фиксаторов, сломав при этом ключицу, откусил себе большой палец на ноге, а потом… подавился им.

Пораженный д'Агоста молчал.

– Я пытался дозвониться до агента Пендергаста, – продолжал Шпандау. – Но его не застать, вот я и звоню вам.

Так оно и было: Пендергаст снова исчез. Это выводило д'Агосту из себя, но он выкинул мысли о Пендергасте из головы.

– Ясно. А просветление у него какое-нибудь было?

– Совсем наоборот. После вашего отъезда дела пошли совсем плохо. Он бредил, все время повторял одно и то же.

– Что именно?

– Вы это отчасти слышали. Все время говорил о запахе – о гниющих цветах. Спать перестал, днем и ночью галдел. Жаловался на боли. Говорил, что у него все тело болит. После вашего отъезда все стало еще хуже. Тюремный доктор давал ему лекарства, но, похоже, ему ничего не помогало. Диагноз так и не удалось поставить. А в последние двадцать четыре часа он вообще слетел с катушек. Бредил без конца, стонал, плакал. Я договаривался о его переводе в тюремную больницу, но тут сообщили о его смерти.

Д'Агоста набрал в грудь побольше воздуха и долго, медленно выпускал его.

– Вскрытие назначено на сегодня, на вторую половину дня. Я пришлю вам отчет, когда будет готов. Чем еще я могу вам помочь?

– Если что-то возникнет, я вам позвоню. – И с запозданием: – Спасибо.

– Мне жаль, что я принес плохие новости. – Шпандау отключился.

Д’Агоста откинулся на спинку стула. При этом его взгляд медленно, неохотно скользнул по кипе бумаг на столе, которые нужно было копировать для Слейда.

Здорово. Ну просто лучше не бывает.

38

«Хайлакс», гудя, несся по узким улочкам фавелы, словно слон сквозь заросли камыша. У лотошников не оставалось выбора – только отступать подальше от дороги; пешеходы и велосипедисты либо сворачивали в сторону, либо прятались за дверями. Боковые зеркала заднего вида не раз царапали стенки домов то с одной, то с другой стороны. Похитители Пендергаста молчали и постоянно держали его под прицелом своих винтовок. Машина все время поднималась, решительно петляя по серпантинам, за окнами мелькали сооружения, стоявшие вдоль дороги, как многоцветные грибы.

Наконец они остановились у небольшого огороженного участка на самом верху фавелы. Еще один вооруженный человек откатил самопальные решетчатые ворота, и «хайлакс» проехал на маленькую парковочную площадку. Все четверо вышли из пикапа. Один из них показал винтовкой, что Пендергаст тоже должен выйти.

Агент подчинился. Выйдя, он заморгал от яркого света. Казавшееся бесконечным пространство развалюх и трущобных сооружений простиралось до самого подножия холма, за которым начинались более упорядоченные улицы самого Рио, а дальше виднелась сверкающая лазурь залива Гуанабара.

За ограждением располагались три здания, отличающиеся от остальных сооружений фавелы только тем, что находились в лучшем состоянии. Несколько больших рваных дыр в центральном здании были заделаны цементом и закрашены. Во дворе стоял тарахтящий генератор. По верху проходило не меньше десятка проводов разного цвета, зафиксированных в разных точках крыши. Двое парней показали, что Пендергаст должен войти в центральное здание.

Внутри было темно, прохладно и аскетично. Стволами своих полуавтоматических винтовок парни показали ему на выложенный плиткой коридор с двумя лестничными пролетами, которые вели в большое помещение, наверняка кабинет. Подобно остальной части дома, кабинет не имел никаких украшений, почти как монашеская келья. Из мебели здесь был только стол из какой-то неопределенной древесины, по бокам которого стояли еще два охранника с

полуавтоматическими винтовками, и несколько жестких стульев. На одном из стенных шлакобетонных блоков висело распятие, а напротив него – телевизор с большим жидко-кристаллическим экраном. Шла трансляция футбольного матча, но звук был выключен.

За столом сидел человек лет тридцати, темнокожий, с непокорными курчавыми волосами и трехдневной щетиной на щеках. Он был в шортах, майке и обычных гавайских сандалиях. На шее у него висела толстая платиновая цепочка, на запястье – золотой «Ролекс». Несмотря на относительную молодость и неформальную одежду, он излучал уверенность и властность. Человек взглянул на вошедшего Пендергаста сверкающими черными глазами. Он надолго приложился к горлышку стоявшей на столе бутылки богемского пива. Потом что-то сказал похитителям Пендергаста на португальском. Один из них обшарил Пендергаста, извлек паспорт и бумажник, положил их на стол.

Человек посмотрел на эти предметы, но даже и не подумал открыть.

– Pasporte. – Он нахмурился. – Só isso? Это все?

– Sim.

Пендергаста еще раз обыскали, на сей раз тщательнее. Были обнаружены оставшиеся реалы и тоже положены на стол. Когда они закончили, Пендергаст подбородком указал на подшитую полу пиджака.

Они проверили там и нащупали сложенную хрустящую бумажку. Один из них с проклятием раскрыл выкидной нож, вскрыл шов и извлек оттуда фотографию. Это была фотография Альбана после смерти, слегка отретушированная, чтобы он выглядел как живой. Они развернули ее и положили на стол рядом с бумажником и паспортом.

Когда человек увидел фотографию, скучающее выражение на его лице сменилось крайним удивлением. Он схватил фотографию и уставился на нее.

– Meu filho, – повторил Пендергаст.

Человек посмотрел на него, потом на фотографию, снова пристально вгляделся в Пендергаста. Только теперь он проявил интерес к другим предметам – взял сначала паспорт, затем бумажник и внимательно изучил их. Наконец он повернулся к одному из охранников:

– Guarda a porta. Niguen pode entrar[46].

Охранник подошел к двери кабинета, закрыл ее и встал перед ней, держа оружие наготове.

Человек за столом снова посмотрел на Пендергаста.

– Ну, – сказал он на отличном английском, хотя и не без акцента. – Вы – тот человек, который бесстрашно входит в Cidade dos Anjos, одетый как гробовщик, с пистолетом, бродит тут и спрашивает всех про своего сына.

Пендергаст не ответил. Он просто стоял перед столом, чуть покачиваясь.

– Я удивлен, что вы еще живы. Заявиться сюда было настоящим безумием, и, наверно, поэтому все решили, что вы безобидны. А теперь… – он постучал пальцем по фотографии, – я понимаю, что вы вовсе не безобидны.

Человек взял паспорт и фотографию и встал. За пояс его шортов был засунут большой пистолет. Человек обошел стол и остановился перед Пендергастом.

– Вы неважно выглядите, cada[47], – сказал он, видимо обратив внимание на бледность Пендергаста и капельки пота на его висках. Он снова взглянул на паспорт и фотографию. – Сходство тем не менее поразительное, – сказал он скорее себе, чем кому-то другому.

Минута прошла в молчании.

– Когда вы видели сына в последний раз? – спросил он.

– Две недели назад, – ответил Пендергаст.

– Где?

– На пороге моего дома. Мертвым.

Лицо молодого человека исказилось от потрясения или боли, а может, и того и другого. Прошла целая минута, прежде чем он заговорил снова.

– И зачем вы здесь?

Пауза.

– Чтобы выяснить, кто его убил.

Человек кивнул. Такой мотив был ему понятен.

– И поэтому вы приходите в нашу фавелу и спрашиваете всех про него?

Пендергаст провел рукой по глазам. Действие лекарства заканчивалось, боль возвращалась.

– Да, мне нужно… знать, что он здесь делал.

В комнате воцарилось молчание. Наконец человек вздохнул.

– Caralho, – прошептал он.

Пендергаст ничего не сказал.

– Вы хотите отомстить убийце?

– Я только ищу информацию. Что случится потом… я не знаю.

Какое-то время человек обдумывал это. Потом показал на стулья:

– Прошу вас. Садитесь.

Пендергаст опустился на ближайший стул.

– Меня зовут Фабио, – продолжил человек. – Когда мои разведчики доложили, что в мой город вошел необычный человек, бормочущий что-то про своего сына, меня это не заинтересовало. Но когда мне описали этого человека, высокого, с руками как нервные белые пауки, с белой как мрамор кожей и глазами как серебряные раковины, – тут я задумался. Но как я мог быть уверен? Прошу прощения за то, каким способом вас доставили сюда, но… – Он пожал плечами. Потом впился взглядом в Пендергаста. – То, что вы говорите, – это правда? Трудно представить, что такого человека, как он, могли убить.

Пендергаст кивнул.

– Значит, все было так, как он и опасался, – сказал человек по имени Фабио.

Пендергаст посмотрел на него. Он знал, что именно так и одеваются наркобароны Рио; так они живут; такое оружие носят. Он постарался вспомнить слова полковника Азеведу: «Это самая большая, самая жестокая и самая мощная из всех фавел. Наркобароны, которые там заправляют, не только безжалостны, но и бесстрашны».

– Мне всего лишь нужна информация, – сказал Пендергаст.

– Вы ее получите. Собственно говоря, это мой долг – предоставить ее вам. Я расскажу вам эту историю. Историю вашего сына. Альбана.

39

Сев за стол, Фабио допил бутылку богемского пива и отодвинул ее на угол стола. Вместо пустой бутылки немедленно поставили полную. Он взял со стола фотографию и легонько, почти ласково прикоснулся к ней кончиками пальцев. Потом положил ее и посмотрел на Пендергаста.

Пендергаст кивнул, давая понять, что готов.

– Когда вы видели сына в последний раз… живого?

– Полтора года назад в Нова-Годой. Он ушел в джунгли.

– С этого момента я и начну историю. Первое время ваш сын Альбан жил в небольшом индейском племени в глубине амазонского дождевого

леса. Это было трудное для него время, и он проводил его, приходя в себя и – как это говорят? – перегруппировываясь. У него были планы для себя, планы для мира. И планы для вас, rapiz[48].

Сказав это, Фабио многозначительно кивнул.

– Альбану не нужно было много времени, чтобы понять: из гущи джунглей он никак не может способствовать воплощению своих планов в жизнь. Он пришел в Рио и быстро растворился в нашей фавеле. Ему это удалось без всякого труда. Вы, сеньор, не хуже меня знаете, что он великолепный мастер… был великолепным мастером притворства и обмана. И говорил на чистейшем португальском и на многих диалектах. В Рио сотни фавел, но он сделал правильный выбор. Идеальное место, чтобы найти приют и чувствовать себя в безопасности.

– Cidade dos Anjos, – сказал Пендергаст.

Фабио улыбнулся:

– Верно, rapiz. Тогда это место было иным. Он кого-то здесь убил – пустого человечишку, одиночку – и похитил его дом и имя. Стал бразильским гражданином двадцати одного года по имени Адлер и легко вписался в жизнь фавелы.

– Имя похоже на Альбан, – заметил Пендергаст.

В глаза Фабио загорелись искорки и тут же погасли.

– Не судите его, cada, пока не выслушаете всю историю. Пока не поживете в таком месте, как это. – Он сделал движение рукой, словно охватывая всю фавелу. – Он занялся делом – импортно-экспортными операциями, что давало ему основания путешествовать по миру.

Фабио свернул крышку с бутылки пива и сделал глоток.

– В то время в Городе Ангелов заправлял гангстер по имени О Пунхо – Кулак – со своей бандой. О Пунхо получил прозвище по тому особенному и жестокому способу, каким он убивал своих врагов. На Альбана – Адлера – О Пунхо и его люди не произвели впечатления. Их беспорядочное ведение бизнеса претило тому чувству порядка, которое он впитал с молоком матери. Верно, сеньор? – Он заговорщицки улыбнулся Пендергасту. – Адлер занимал себя тем, что прикидывал, насколько он был бы эффективнее во главе фавелы. Но тогда он не предпринимал никаких действий, поскольку у него на уме были более неотложные дела. А потом все изменилось.

Фабио замолчал. Пендергаст почувствовал, что человек ждет от него каких-нибудь слов.

– Похоже, вы многое знаете о моем сыне, – сказал он.

– Он был… моим другом.

Пендергаст сумел скрыть свои эмоции.

– Альбан встретил девушку, дочь норвежского дипломата. Ее имя было Даника Эгланд, но все называли ее Анжа дас Фавелас.

– Ангел Фавелы, – перевел Пендергаст.

– Она получила это имя за то, что бесстрашно входила в фавелы, приносила лекарства больным, раздавала деньги и еду. Проповедовала обучение и независимость угнетенных. Вожди фавел, конечно, ей не доверяли. Но им приходилось мириться с ней потому, что она была очень популярна среди людей, и потому, что у нее был влиятельный отец. Даника произвела сильное впечатление на Адлера. Ее осанка, смелость и красота были очень… очень… – Фабио сделал движение пальцем, очерчивая лицо Пендергаста.

– Нордические, – подсказал Пендергаст.

– То самое слово. Но Адлер в то время был занят другими делами. Он много времени проводил за исследованиями.

– Что именно он исследовал?

– Не знаю. Но документы, которые он читал, были очень старыми. Научные, с химическими формулами. А потом он уехал в Америку.

– Когда это было? – спросил Пендергаст.

– Год назад.

– Зачем он поехал?

Впервые за все время Фабио утратил свою уверенность.

– Вы не хотите об этом говорить. Вы сказали, что у Альбана были планы. Эти планы были как-то связаны со мной, верно? Месть?

Фабио не ответил.

– Сейчас не имеет смысла это отрицать. Он собирался убить меня.

– Я не знаю деталей, сеньор. Но да, я думаю, его планы включали… наверное, он хотел не просто убить вас. Он хотел сделать кое-что похуже. И это он держал в секрете.

Тишина, наступившая после этих слов, была нарушена металлическими щелчками – один из охранников играл со своей винтовкой.

Фабио продолжил:

– Адлер вернулся изменившимся. У него будто груз сняли с плеч. Он сосредоточился на двух пунктах – на руководстве фавелой и на Данике Эгланд. В свои двадцать пять она была старше Адлера. Он ею восхищался, его к ней тянуло. А ее – к нему. – Он пожал плечами. – Кто знает, как случаются такие вещи, cada? В один прекрасный день они поняли, что любят друг друга.

Услышав слово «любят», Пендергаст насмешливо хмыкнул.

– Отец девушки знал о ее работе в фавелах и сильно не одобрял это. Он опасался за ее жизнь. Она скрывала от семьи свою любовь. Анжа не сразу переехала к Адлеру, но она много ночей проводила в его доме, вдали от отцовского особняка в охраняемой зоне в центре города. А потом Адлер узнал, что Даника беременна.

– Беременна, – повторил Пендергаст тихим шепотом.

– Они тайно обвенчались. Адлер в то время был одержим идеей захвата власти в фавеле. Он верил, что под его руководством фавела сможет стать чем-то иным, нежели нагромождение трущоб. Он верил, что может превратить ее в нечто аккуратное, эффективное, упорядоченное.

– Меня это не удивляет, – сказал Пендергаст. – Фавела была идеальным местом для организации и запуска его плана властвования. Заменой тому, что было разрушено в Нова-Годой. Государством в государстве с Альбаном во главе.

В глазах Фабио снова загорелись искорки.

– Я не стану делать вид, будто мне известно, что было у него в голове, сеньор. Могу только сказать, что он за минимальное время составил очень умный план переворота в Cidade dos Anjos. Но кто-то рассказал об этом плане О Пунхо и его банде. Кулак знал, что Ангел Фавел – возлюбленная и жена Адлера. И он решил действовать. Как-то ночью он и его люди окружили дом Адлера и подожгли. Дом сгорел дотла. Самого Адлера в доме не было… но его жена и нерожденный ребенок сгорели в пламени.

Пендергаст молча ждал конца истории, пытаясь прогнать одолевавшую его боль. Жена Альбана и нерожденный ребенок сгорели заживо…

– Я никогда не видел человека, так одержимого жаждой мести. Но он держал все это внутри, а внешне выглядел таким, будто ничего не случилось. Однако я знал Адлера и понимал, что все его существо охвачено одним – местью. Он отправился в укрепленное жилище О Пунхо. Он был хорошо вооружен, но пошел один. Я был уверен, что его убьют. Но он устроил там такую оргию насилия, о какой я никогда не слышал и даже вообразить не мог. Он убил Кулака и всех его подельников. В одну ночь он в одиночку покончил со всеми прежними

главарями фавелы. Кровь на полмили стекала по водостокам. Ту ночь фавела никогда не забудет.

– Естественно, – сказал Пендергаст. – Он хотел переплавить фавелу в нечто гораздо более величественное – и гораздо худшее, – чем то, что она собой представляла.

На лице Фабио появилось удивленное выражение.

– Нет. Нет, вы совсем не так понимаете. Я как раз к этому и перехожу. Что-то изменилось в нем после гибели жены и ребенка. Я сам этого не понимаю. Изменилось что-то внутри его.

Видимо, сомнение Пендергаста было слишком явным, потому что Фабио продолжил с величайшей серьезностью:

– Я думаю, его изменила доброта его жены и ее жестокая смерть. Он внезапно осознал, что хорошо, а что плохо в этом мире.

– Ну конечно, – саркастически заметил Пендергаст.

– Это правда, rapiz! И доказательство тому – вокруг вас. Да, Адлер захватил власть в Городе Ангелов. Но он переделал его. К лучшему! Исчезли жестокость, наркотики, голод, бесчинства банд. Конечно, вам фавела кажется бедной. И конечно, у нас есть оружие, самое разное оружие. Нам по-прежнему приходится защищать себя от жестокого и безразличного мира: от соперничающих банд, от военных, от коррумпированных политиков, которые тратят миллиарды на футбол и олимпийские стадионы, в то время как люди голодают. В Cidade dos Anjos почти нет насилия. Мы на пути к преобразованию. Мы... – Фабио несколько секунд искал подходящее слово. – Мы заботимся о наших людях. Мы даем им возможности. Да, именно так он говорил. Люди могут жить здесь без коррупции, преступлений, налогов и жестокостей полиции, которые процветают в остальной части Рио. У нас остаются свои проблемы, но благодаря Адлеру ситуация меняется к лучшему.

Пендергаст внезапно почувствовал, что сила его воли начинает ослабевать. Голова у него резко закружилась, кости пронзила боль. Он глубоко вздохнул и спросил:

– Откуда вы все это знаете?

– Потому что я был первым помощником вашего сына в новом Городе Ангелов. Я был его правой рукой. Я знал его лучше, чем кто-либо другой, исключая Данику.

– И зачем вы рассказали мне все это?

Фабио снова уселся за стол и помедлил несколько мгновений, прежде чем ответить:

– Я уже сказал вам, сеньор: это мой долг. Три недели назад Адлер во второй раз покинул фавелу. Он сказал мне, что летит в Швейцарию, а оттуда – в Нью-Йорк.

– В Швейцарию? – неожиданно встревожившись, переспросил Пендергаст.

– После смерти Даники Адлер – Альбан – заставил меня пообещать, что если с ним что-то случится, то я найду его отца и расскажу историю его искупления.

– Искупления! – повторил Пендергаст.

– Но он мне так и не сказал, как вас зовут, – продолжил Фабио, – или как вас найти. Он уехал три недели назад… Я ничего о нем не знал. И вот появляетесь вы и говорите мне, что он мертв. – Фабио снова присосался к бутылке пива. – Я рассказал вам его историю, как он об этом просил. Теперь мой долг исполнен.

Некоторое время оба не произносили ни слова.

– Вы мне не верите, – заговорил наконец Фабио.

– Этот дом Альбана… – сказал Пендергаст. – Тот, что сгорел. Какой у него был адрес?

– Тридцать один, Рио-Параноа.

– Вы не прикажете своим людям отвезти меня туда?

Фабио нахмурился:

– Там ничего нет, кроме пожарища.

– И все-таки.

Поколебавшись, Фабио кивнул.

– А этот О Пунхо, о котором вы рассказывали. Где он жил?

– Здесь, в этом доме, конечно. – Фабио пожал плечами, словно это было очевидно. – Что-нибудь еще, сеньор?

– Я бы хотел получить назад свое оружие.

Фабио повернулся к одному из охранников:

– Me da a arma.

Через минуту Пендергасту принесли его «лес-баер».

Пендергаст спрятал пистолет в карман пиджака. Медленно, очень медленно он забрал со стола свой бумажник, паспорт, фотографию и

пачку денег. Благодарно кивнув напоследок Фабио, он повернулся и последовал за вооруженными людьми вниз по лестнице, на жаркую улицу.

40

Ровно в два часа дня д’Агоста вошел в просмотровую комнату музея. Его просил об этом Хименес, и д’Агоста надеялся, что его визит не продлится больше пятнадцати минут: он пришел в пересменок между представлениями в планетарии и очень рассчитывал, что ему не придется переживать еще одно восьмидесятидецибельное рождение космоса.

Хименес и Конклин сидели за маленьким столиком и тарабанили по клавиатуре ноутбуков. Д’Агоста подошел к ним, двигаясь в полутьме между стеллажами с оборудованием.

– Что тут у нас? – спросил он.

Хименес поднял голову:

– Мы закончили.

– Да ну?

– Просмотрели все записи с камер у входа в музей с двенадцатого июня, дня убийства Марсалы, до шестого апреля. То есть на неделю раньше того дня, когда, по показаниям свидетелей, убийца впервые появился в музее, но мы прибавили эту неделю на всякий случай. – Он показал на ноутбук. – На записи, которую вы нашли первой, он входит в музей двенадцатого июня во второй половине дня. У нас есть записи, как он входит и выходит из музея двадцатого апреля, а также аналогичные записи от четырнадцатого апреля.

Д’Агоста кивнул. 20 апреля скелет Офелии Паджетт выдавался на изучение в последний раз. И без сомнения, 14 апреля было тем днем, когда убийца, выдав себя за командированного ученого, впервые встретился с Марсалой и договорился об исследованиях. 12 июня было совершено убийство.

Он опустился на стул рядом с детективами и сказал:

– Хорошая работа.

И он не кривил душой. Работенка была еще та: день за днем просматривать под грохот Большого взрыва зернистое видео, от которого слезятся глаза и садится зрение. Детективы выявили две предыдущие даты прихода убийцы в музей и его появление непосредственно в день убийства. Но момент его выхода из музея *после* убийства оставался неустановленным.

Д’Агоста и сам не мог понять, почему приказал своим людям довести поиски до конца. Подозреваемый был мертв – покончил с собой. Собирать улики для предъявления в судебном процессе было не нужно. Наверно, подумал он, это старомодный полицейский в нем требует расставить все точки над i.

Самоубийство. Перед его мысленным взором вновь и вновь возникал образ убийцы на допросе в тюрьме города Индио. То, как он нес эту чушь про вонь гниющих цветов, его возбуждение, бессвязная речь. Не говоря уже о том, что он бросился на Пендергаста с явным желанием убить его. Подобные вещи быстро не забываются. И господи боже, надо же придумать такой способ самоубийства: откусить большой палец ноги и подавиться им! Значит, у него были очень веские основания для того, чтобы выйти из игры таким вот образом. Как-то плохо это согласовывалось с образом липового профессора Уолдрона, человека явно уравновешенного и рационального, если уж ему удалось провести Виктора Марсалу и других работников музея.

Д’Агоста вздохнул. Что бы ни происходило с этим человеком после убийства Марсалы, один факт оставался неизменным: 12 июня, в день убийства, он определенно был в здравом уме. Ему хватило убедительности заманить Марсалу в глухой музейный уголок, быстро и эффективно убить его и придать убийству вид грошового ограбления, пошедшего по дурному сценарию. И самое главное, ему удалось после этого каким-то образом выйти из музея, минуя камеры наблюдения.

Может быть, совсем не важно, как этот чертов тип выбрался из музея?

Д’Агоста восстановил в памяти свое путешествие по музею в сопровождении охранника Уиттакера. Убийство произошло в уголке брюхоногих в дальнем конце зала морской жизни, рядом с выходом в подвал и неподалеку от зала южноамериканского золота…

Внезапно д’Агоста подскочил на месте.

«Конечно же!»

Ну какой же он идиот! Он встал и принялся расхаживать по комнате, потом подошел к Хименесу:

– Марсала был убит в субботу вечером. А когда музей открывается в воскресенье?

Хименес порылся в бумагах на столе и нашел сложенный музейный путеводитель:

– В одиннадцать.

Д’Агоста подошел к одной из рабочих станций службы безопасности музея и сел. Рядом начиналось трехчасовое представление планетария, но он не обратил на это внимания. Просмотрел несколько меню на экране, пробежал длинный список файлов и выбрал интересующий его: запись с северной камеры Большой ротонды от одиннадцати утра до полудня в воскресенье, 13 июня.

На экране появилось знакомое изображение ротонды с высоты птичьего полета. Д’Агоста запустил запись с нормальной скоростью, а когда его глаза привыкли к зернистому изображению, увеличил скорость в два раза, потом в четыре. Хименес и Конклин встали у него за спиной, наблюдая, как в ускоренном темпе густые, плотные потоки людей входят в музей через посты охраны и двигаются слева направо по экрану.

Вот оно! Одинокая фигура, идущая справа налево, в противоположном направлении, как пловец, борющийся с приливом. Д’Агоста уменьшил скорость прокрутки и отметил время: одиннадцать тридцать четыре. За полчаса до того, как д’Агоста вошел в музей и открыл дело. Он увеличил изображение и снова запустил запись. Ошибиться было невозможно: лицо, одежда, до наглости неторопливая походка – это был убийца.

– Черт! – пробормотал Конклин над плечом д’Агосты.

– Прямо за уголком брюхоногих есть выход, ведущий в подвал, – сказал д’Агоста. – Подвал – настоящий лабиринт туннелей на разных уровнях, там множество хранилищ. Убийца прикинул, что видеозапись в лучшем случае будет крупнозернистой. Он провел там ночь, дождался открытия музея и на выходе просто смешался с толпой.

Д’Агоста отодвинулся от экрана. Значит, они нашли ответ и на этот вопрос. Вход и выход убийцы из музея теперь задокументированы.

Зазвонил сотовый д’Агосты. Номер звонившего был ему неизвестен, код принадлежал Южной Калифорнии. Д’Агоста нажал зеленую клавишу:

– Лейтенант д’Агоста.

– Лейтенант? – раздался голос с другого конца континента. – Меня зовут доктор Сэмюэлс. Я патологоанатом пенитенциарного центра в Индио. Мы проводили аутопсию безымянного самоубийцы и обнаружили кое-что интересное. Старший надзиратель Шпандау сказал, что я должен позвонить вам.

– Я слушаю, – сказал д’Агоста.

Обычно д’Агоста гордился своим полицейским профессионализмом. Он не терял присутствия духа, не вытаскивал оружие по пустякам. Не бранился в присутствии гражданских. Но, слушая коронера, д’Агоста забыл про служебную этику.

– Твою мать… – пробормотал он, все еще прижимая телефон к уху.

41

«Тойота-хайлакс» свернула за угол и, заскрежетав тормозами, остановилась. Охранник, сидевший сзади, вышел из машины (теперь ствол его полуавтоматической винтовки смотрел в землю) и показал Пендергасту, что они приехали.

Пендергаст выбрался из пикапа. Охранник кивнул на руины здания. Когда-то оно было такой же узкой трехэтажкой, как и соседние дома, но теперь представляло собой лишь обгоревший остов без крыши. Верхний этаж провалился, тяжелые подтеки черной сажи пятнали штукатурку над пустыми глазницами окон. На обугленных остатках передней двери виднелось несколько неровных пробоин, словно спасатели пытались тараном снести дверь и прорваться внутрь.

– Obrigado, – сказал Пендергаст.

Охранник кивнул, вернулся в машину, и она уехала.

Пендергаст немного постоял в узком проулке, наблюдая, как машина удаляется от него. Потом оглядел прилегающие здания. Так же, как и в других частях Cidade dos Anjos, они были построены без всякого плана, близко друг к другу, и раскрашены в яркие цвета, а линия крыш поднималась и опускалась безумными зигзагами, согласуясь с топографией склона. Из некоторых окон на Пендергаста с любопытством смотрели люди.

Он снова повернулся к пожарищу. Уличного знака не было (обычное дело для фавелы), но на разбитой двери еще можно было разглядеть призрачные остатки нарисованного краской номера 31. Пендергаст толкнул дверь – замок валялся на полу внутри, заржавевший и покрытый сажей, – медленно вошел внутрь и кое-как закрыл за собой дверь.

Внутри было душно и до сих пор сильно пахло обгоревшим деревом и расплавленным пластиком. Пендергаст огляделся, давая глазам время приспособиться к сумраку и пытаясь не замечать боль, которая медленными волнами накатывала на него. В потайном кармане его пиджака, не обнаруженном теми, кто его обыскивал, лежала крохотная упаковка анальгетиков, и он подумал, что стоит принять несколько таблеток, но потом отказался от этой мысли. Это могло помешать тому, что он собирался сделать.

Придется пока оставить все как есть.

Пендергаст прошел по первому этажу. Планировка узкого дома напоминала о лачугах в дельте Миссисипи. Здесь была гостиная: стол,

обгоревший до неузнаваемости, диван, из которого торчали почерневшие пружины, пластиковый коврик, вплавившийся в бетонный пол. Дальше располагалась кухонька с плиткой на две горелки, с поцарапанной и помятой чугунной раковиной, несколькими ящиками и полками. Пол был усыпан черепками битой посуды, осколками стекла и дешевыми полурасплавившимися столовыми приборами. Дым и огонь оставили на стенах и потолке странные угрожающие рисунки.

Пендергаст постоял в дверях кухни. Он попытался представить себе, как его сын Альбан входит в дом, в эту кухню, целует жену, болтает с ней о всяких пустяках, смеется, разговаривает о будущем ребенке, строит планы.

Этот образ никак не укладывался в его голове. Слишком невероятно. Немного погодя он оставил эти попытки.

Столько всего несообразного. Жаль, что он сейчас не способен мыслить ясно. Пендергаст стал вспоминать подробности услышанной от Фабио истории. Альбан, который прячется в фавеле, убивает какого-то неприкаянного и крадет его имя, – в это легко можно поверить. Альбан, который тайком приезжает в Штаты, чтобы привести в действие план мести отцу, – и в это поверить нетрудно. Альбан, который строит заговор и захватывает власть в фавеле для осуществления собственных грязных целей, – это, пожалуй, самое вероятное из всего.

«За это ты должен благодарить Альбана…»

Но представить Альбана любящим отцом и семейным человеком? Альбана, тайно женившегося на Ангеле Фавелы? Нет, это было невозможно. Не видел он Альбана и в роли великодушного вождя фавелы, избавителя от тирании, проповедника мира и процветания. Альбан наверняка обманул Фабио, как обманывал и всех остальных.

И вот что еще сказал Фабио: собираясь в Америку во второй раз, Альбан планировал лететь туда через Швейцарию.

Вспомнив об этом, Пендергаст похолодел, невзирая на удушающую жару в сгоревшем доме. У Альбана была лишь одна причина посетить Швейцарию. Но как он мог узнать, что его брат Тристрам учится там в частной школе под вымышленным именем? Впрочем, для человека со способностями Альбана узнать местонахождение Тристрама не составляло труда.

…Однако Тристрам жив и здоров. Пендергаст точно знал это, потому что после смерти Альбана он предпринял дополнительные меры для обеспечения безопасности Тристрама.

Что было на уме у Альбана? В чем заключались его планы? Ответы – если только на это были ответы – могли обнаружиться в этих руинах.

Пендергаст вышел в переднюю часть дома, к бетонной лестнице. Она сильно почернела, перила на ней выгорели. Придерживаясь одной рукой за стену, Пендергаст осторожно поднялся по черным ступеням, зловеще поскрипывающим под ногами.

Второй этаж выгорел сильнее первого. Едкий запах здесь был еще крепче. Во время пожара третий этаж местами обрушился на второй, и здесь образовался опасный хаос из обугленной мебели и обгоревших, расколотых балок. В нескольких местах на фоне проемов в крыше виднелись сохранившиеся балки, а выше их – голубое бразильское небо. Медленно пробираясь между завалами, Пендергаст определил, что когда-то на этом этаже имелись три комнаты: подобие кабинета, ванная и маленькая спальня, которая, судя по остаткам веселеньких обоев и детской кроватки, предназначалась для будущего ребенка. Несмотря на почерневшие стены, провисший и местами обвалившийся потолок, эта комната сохранилась в лучшем состоянии, чем остальные.

Спальня Даники – Даники и Альбана, – вероятно, размещалась на третьем этаже. От нее ничего не осталось. Пендергаст постоял в полутьме детской, раздумывая. Пожалуй, эта комната сгодится для его планов.

Он простоял неподвижно три, пять, десять минут. Потом, морщась от боли, осторожно лег на пол, прямо на слой пепла, угля и грязи, покрывающий плитку. Он сложил руки на груди, скользнул взглядом по стенам и потолку, сомкнул веки и погрузился в полную неподвижность.

Пендергаст входил в очень узкий круг людей, владевших эзотерической дисциплиной медитации, известной как чонгг ран, – за пределами Тибета таких было всего двое, включая его самого. За годы напряженных занятий, почти фанатической интеллектуальной дисциплины и благодаря знакомству с другими умственными упражнениями (например, «Ars Memoriae»[49] Джордано Бруно и «Девять уровней сознания», описанными в редкой брошюрке XVII века неким Александром Каримом) Пендергаст развил способность погружаться в состояние максимальной сосредоточенности. В этом состоянии – состоянии полного отключения от физического мира – он мог анализировать тысячи отдельных фактов, наблюдений, предположений и гипотез. Благодаря такому всеобъемлющему охвату и синтезу Пендергаст был способен воссоздавать сцены из прошлого и помещать себя в несуществующие более места и общество давно исчезнувших людей. Эта практика иногда приводила к поразительным открытиям, сделать которые другим способом было невозможно.

В данный момент ему не хватало интеллектуальной дисциплины, необходимой для того, чтобы перед началом погружения очистить свой

мозг от всего постороннего. В его нынешнем состоянии это было чрезвычайно трудно.

Сначала он должен был изолировать и отделить боль, сохраняя при этом максимальную ясность мышления. Отключаясь от всего остального, он начал с математической задачи – с интеграции $e^{-(x^2)}$, возведения *e* в степень минус *x* в квадрате.

Боль осталась.

Пендергаст перешел к тензорному исчислению, решая в уме одновременно две задачи векторного анализа.

Боль никуда не девалась.

Ему требовался иной подход. Учащенно дыша, плотно, но без напряжения сомкнув веки, невероятным усилием воли отвлекая свой разум от боли, пронизывающей тело, Пендергаст позволил воображению сформировать небольшую идеальную орхидею. Несколько мгновений этот образ парил перед ним, вращаясь в абсолютной темноте. Затем Пендергаст позволил орхидее неторопливо разложиться на отдельные части: лепестки, чашелистик, завязь…

Он сосредоточился на одной детали – губе, нижнем лепестке цветка. Усилием воли заставил остальные части цветка раствориться в темноте и позволил губе расти, пока она не заняла все поле его мысленного взора. Она продолжала расти, расширяясь с геометрической точностью, пока он не сумел через энзимы, нити ДНК и электронные оболочки разглядеть саму атомную структуру и еще глубже – частицы податомного уровня. Долгое мгновение Пендергаст отстраненно наблюдал, как самые глубинные и скрытые элементы в структуре орхидеи двигаются по своим странным и непостижимым курсам. Колоссальным усилием воли он остановил атомный двигатель цветка, и бессчетные миллиарды частиц зависли неподвижно в черном вакууме его воображения.

Когда он наконец прогнал губу орхидеи из своего воображения, боль исчезла.

Он мысленно покинул несостоявшуюся детскую, спустился по лестнице и через закрытую входную дверь вышел на улицу. Была ночь, то ли шесть, то ли девять месяцев назад.

Внезапно дом, из которого он только что вышел, полыхнул ярким пламенем. На его глазах – на глазах бестелесного, бессильного, не имеющего возможности действовать наблюдателя – горючие вещества быстро помогли пламени проникнуть на третий этаж жилища. В темном проулке он увидел две убегающие фигуры.

Почти сразу к треску пламени добавились женские вопли. Собралась толпа, люди кричали, бились в истерике. Несколько мужчин попытались взломать запертую парадную дверь импровизированными таранами. У них ушла на это почти минута, и к тому времени женские крики смолкли, а третий этаж дома начал обваливаться в огненную мешанину балок и раскаленных потолочных плит. Тем не менее несколько человек (среди них Пендергаст узнал Фабио) вбежали в здание и быстро образовали цепочку, передавая друг другу ведра с водой.

Пендергаст наблюдал за этой бешеной активностью, за этим призрачным созданием его интеллекта и памяти. Через полчаса огонь погасили, но поджигатели добились своего. Пендергаст увидел новую фигуру, бегущую по Рио-Параноа. В этом человеке он сразу узнал своего сына Альбана. Но такого Альбана он еще не видел. Куда девался обычно высокомерный, презрительный, скучающий Альбан, которого он знал? Этот человек был вне себя от волнения. Судя по виду, бежать ему пришлось издалека. Запыхавшийся, он протолкнулся через толпу к двери дома 31.

У двери его встретил его первый помощник Фабио, лицо которого было покрыто потом вперемешку с сажей. Альбан попытался оттолкнуть Фабио в сторону, но тот твердо стоял в дверях, отчаянно мотая головой и тихо умоляя Альбана не пытаться входить внутрь.

Наконец Альбан отшатнулся назад. Он оперся рукой о стену, чтобы не упасть. Пендергасту, видевшему эту картину мысленным взором, казалось, что мир Альбана вот-вот готов рухнуть. Его сын рвал на себе волосы, колотил руками по черной стене, полустонал, полувыл от отчаяния. Пендергаст еще не видел такого полного отчаяния. И уж точно никогда не предполагал увидеть Альбана в таком состоянии.

Внезапно Альбан переменился. Он стал спокойным, почти неестественно спокойным. Окинул взглядом сгоревший, все еще дымящийся дом, его разрушенные верхние этажи, откуда сыпались раскаленные угли. Затем повернулся к Фабио и низким взволнованным голосом задал несколько конкретных вопросов. Фабио слушал его, кивая в ответ. Потом оба развернулись и двинулись по боковой улочке.

На несколько мгновений сцена перед мысленным взором Пендергаста исчезла. Когда он снова обрел мысленное зрение, место действия переменилось. Он оказался снаружи того самого комплекса зданий на вершине Cidade dos Anjos, из которого его привезли на пожарище меньше часа назад. Но теперь это место было больше похоже на военный лагерь, чем на жилище. Ограждение патрулировали два охранника, по двору ходили туда-сюда собаки с проводниками в толстых

кожаных перчатках. Окна верхнего этажа центрального здания были ярко освещены, оттуда доносились разговоры и резкий смех. Со своей выгодной позиции в тени по другую сторону улицы Пендергаст заметил в одном из окон силуэт крупного, крепко сбитого человека. Это был О Пунхо – Кулак.

Пендергаст бросил взгляд через плечо на фавелу, раскинувшуюся на склонах холма. Внизу, приблизительно в полумиле отсюда, в центре тесного скопления улочек виделось слабое мерцание. Дом Альбана все еще тлел.

Послышался новый звук – низкое постукивание двигателя. Пендергаст увидел потрепанный джип с выключенными фарами. Джип приблизился и, не доезжая примерно четверти мили, свернул на боковую дорогу. Из водительской двери появился Альбан.

Пендергаст мысленно прищурился, чтобы видеть четче. Через плечо у Альбана была переброшена громадная сумка, в обеих руках он держал оружие. Он прижался к фасаду ближайшего дома, потом, убедившись, что его не обнаружили, быстро пошел по темной улице к воротам огороженного участка.

И тут случилось нечто удивительное. Подойдя к воротам, Альбан остановился, повернулся и посмотрел прямо на Пендергаста.

Конечно, Пендергаста нельзя было увидеть. Его телесная оболочка находилась в другом месте – в обгоревшей детской, да и вообще все это было созданием его разума. И все же пронзительный, до странности проницательный взгляд Альбана обеспокоил его, угрожая растворить и без того хрупкое пересечение памяти…

…Потом Альбан отвернулся и сел на корточки, чтобы проверить оружие – пару самозарядных автоматических пистолетов ТЕК-9, каждый с глушителем и магазинами на тридцать два патрона.

Один из охранников за ограждением отвернулся и принялся раскуривать сигару. Альбан незаметно подкрался и стал ждать, когда другой охранник вернется на свое место. Он каким-то шестым чувством предвидел перемещения этого человека. Вытащив из-за пояса нож, Альбан дождался, когда охранник остановится и чиркнет зажигалкой, и, пока тот был занят тем, что подносил сигарету к пламени, перерезал ему горло. Тело тихо рухнуло на землю, издав лишь один звук – протяжный всхлип воздуха. В этот момент повернулся второй охранник, раскуривший свою сигару. Он потянулся было за оружием, но Альбан, опять руководимый сверхъестественной способностью предвидения, вырвал у него оружие и одновременно вонзил нож ему в сердце.

Удостоверившись, что оба охранника мертвы, Альбан снова отступил на свою первоначальную выигрышную позицию. Сняв с плеча громадную сумку и поставив ее на землю, он извлек из нее что-то длинное и зловещее. Когда он соединил все части, Пендергаст распознал гранатомет РПГ-7.

Подготовившись, Альбан снова накинул сумку на плечо, засунул за пояс пару ТЕК-9 и опять приблизился к охраняемым зданиям. На глазах у Пендергаста, наблюдающего из темноты памяти, Альбан остановился на некотором расстоянии от ворот, положил гранатомет на плечо, прицелился и выстрелил.

Вслед за выстрелом последовал сильный взрыв, сопровождаемый бурлящим облаком оранжевого пламени и дыма. Пендергаст услышал доносящиеся до него издалека крики, лай и клацанье металла, когда решетка ограждения начала заваливаться то тут, то там. Из дыма стали выбегать проводники с собаками. Альбан перекинул РПГ через другое плечо, вытащил из-за пояса ТЕК-9 и принялся поливать врагов автоматическим огнем еще до того, как они появлялись из непроницаемого дыма.

Когда все охранники полегли, Альбан вытащил из сумки еще одну гранату и зарядил ее в РПГ-7. Держа оружие наготове, он осторожно перешагнул через обвалившуюся ограду и скрылся в густой пелене дыма. Пендергаст последовал за ним.

Двор был пуст. Однако в центральном здании кипела жизнь. Еще несколько секунд – и верхнее окно разразилось автоматным огнем. Но Альбан нашел себе место вне полосы обстрела. Он снова прицелился из гранатомета и выстрелил в окно верхнего этажа. Оно рассыпалось ливнем осколков стекла, обломков шлакобетона и дерева. Звук взрыва разнесся по окрестностям, из дома послышались крики боли. Альбан зарядил еще одну гранату и выстрелил снова.

Из здания высыпали вооруженные люди и стали разбегаться направо и налево. Отбросив РПГ, Альбан принялся стрелять по ним из ТЕК-9, перемещаясь из одного омута темноты в другой, из одного укрытия в другое и успевая уйти от вражеского огня, прежде чем тот начинался.

Через несколько минут этот смертельный танец закончился. Еще полтора десятка были убиты, их тела перекрывали дверные проемы, устилали брусчатку двора.

И вот теперь Альбан направился к центральному зданию, держа наготове пистолеты. Он вошел в главную дверь. Пендергаст последовал за ним. Альбан быстро огляделся, немного помедлил и крадучись стал подниматься по лестнице.

Из затемненной комнаты на верхнюю площадку лестницы выскочил человек с пистолетом наготове, но своим сверхъестественным шестым чувством Альбан предвидел это движение, и его пистолеты были уже подняты. Он начал стрелять еще до того, как противник показался полностью, губительная очередь прошила дверную раму и убила человека в самый миг его появления. Альбан остановился, чтобы вставить в пистолеты заряженные магазины вместо отстрелянных, и стал осторожно подниматься по лестнице на третий этаж.

Кабинет (тот самый кабинет, который Пендергаст покинул всего час назад, но в то же время за полгода до этого) лежал в руинах. Мебель горела, в стене зияли два входных отверстия от гранат. Альбан встал посреди кабинета, держа оружие наготове, и медленно огляделся. По меньшей мере четыре окровавленных тела лежали без движения кто на полу, кто на опрокинутых стульях, а один убитый был пришпилен к стене отщепившимся от мебели куском дерева.

Поперек стола лежал коренастый человек, из его рта и носа текли ручейки крови. О Пунхо. Он слабо подрагивал. Альбан повернулся к нему и выпустил очередь из десятка пуль, прошивших тело предводителя банды насквозь. О Пунхо жутко задергался, издавая хрипы и бульканье, и все кончилось. Кровь ручьями струилась по полу, вытекала наружу через дыры в стене.

Альбан помедлил, прислушиваясь. Но все было тихо. Помощники О Пунхо, его личная охрана – все были мертвы.

Несколько мгновений Альбан стоял среди этой крови и разрушения. А потом очень медленно опустился на пол, прямо в ручьи крови.

Глядя на него, Пендергаст вспомнил слова Фабио: «Вы совсем не так понимаете. Что-то изменилось в нем после гибели жены и ребенка».

Мысленным взором Пендергаст наблюдал из-за дверей за сыном, который сидел на полу, не двигаясь и не издавая ни звука, в одежде, пропитанной кровью, посреди учиненной им разрухи. Неужели Фабио сказал правду? Неужели то, что видел сейчас Пендергаст, было чем-то бóльшим, чем жестокое возмездие? Возможно ли, что это было еще и раскаянием? Или своего рода правосудием? Неужели Альбан понял, что такое зло, *настоящее* зло? Неужели он начал меняться?

Неожиданно стены разрушенного кабинета дрогнули, на миг почернели, снова вернулись в поле его мысленного зрения и опять дрогнули. Пендергаст отчаянно пытался сохранить этот перекресток памяти, чтобы проследить, что случилось с его сыном после, узнать ответы на мучающие его вопросы. Но тут его тело снова пронзила вспышка боли, особенно сильная, потому что долго подавлялась, и тогда вся картина – горящие здания, окровавленные тела и Альбан – исчезла.

Несколько мгновений Пендергаст неподвижно лежал в выгоревшей детской. Потом он открыл глаза и с трудом поднялся на ноги. Он отряхнулся, обвел комнату неуверенным взглядом. Словно во сне, покинул детскую, спустился по лестнице и вышел на грязноватую улочку, в сумрак ясного солнечного дня.

42

Марго Грин заняла место за большим столом для совещаний в отделе судебно-медицинской экспертизы на десятом этаже Уан-Полис-Плаза. Помещение это представляло собой странный микс компьютерной лаборатории и медицинского кабинета: терминалы и рабочие станции стояли здесь вперемежку с каталками, негатоскопами[50] и контейнерами для утилизации острых предметов.

Напротив Марго за столом сидел д'Агоста. Он вызвал ее из музея, где она анализировала аномальный химический состав, обнаруженный в костях миссис Паджетт, и пыталась не попадаться на глаза доктору Фрисби. Рядом с д'Агостой сидел высокий худощавый азиат, а еще дальше – Терри Бономо, специалист по составлению фотороботов, со своим неизменным ноутбуком. Он раскачивался на стуле и ухмылялся неведомо чему.

– Спасибо, что пришли, Марго, – сказал д'Агоста. – Вы знакомы с Терри Бономо. А это доктор Лу из медицинского колледжа Колумбийского университета. Он специалист по пластической хирургии. Доктор Лу, это доктор Грин, этнофармаколог и антрополог, в настоящее время она работает в Институте Пирсона.

Марго кивнула Лу, и тот улыбнулся ей в ответ. У него были ослепительно-белые зубы.

– Теперь, когда вы оба здесь, я могу позвонить человеку, который мне нужен.

Д'Агоста протянул руку к телефону в центре стола, нажал кнопку громкой связи и набрал номер. На третий звонок ответили:

– Слушаю?

Д'Агоста подался ближе к телефону:

– Доктор Сэмюэлс?

– Да?

– Доктор Сэмюэлс, говорит лейтенант д'Агоста из нью-йоркской полиции. Вы на громкой связи со специалистом по пластической хирургии из Колумбийского университета и антропологом,

сотрудничающим с Нью-Йоркским музеем естественной истории. Не могли бы вы сообщить им то, что сказали мне вчера?

– Конечно. – Человек откашлялся. – Как я уже говорил лейтенанту, я патологоанатом из пенитенциарного центра города Индио в Калифорнии. Я делал аутопсию неизвестного самоубийцы – человека, подозреваемого в убийстве сотрудника вашего музея, – и обнаружил некоторые странности. – Он помолчал. – Первым делом я установил причину смерти, которая, как вам известно, была довольно нетривиальной. Я завершал общий осмотр тела, когда обратил внимание на необычные зажившие шрамы. Они находились внутри рта, вдоль верхней и нижней десневых борозд. Поначалу я подумал, что это следствие старого избиения или автокатастрофы. Но шрамы были слишком ровные. К тому же похожие шрамы обнаружились и с другой стороны рта. Тогда я понял, что это последствия хирургического вмешательства, точнее, восстановительной лицевой хирургии.

– Щечные и подбородочный импланты? – спросил доктор Лу.

– Да. Рентгеноскопия и томография подтвердили это. Вдобавок снимки показали, что на челюстной кости закреплены пластины, как выяснилось титановые.

Доктор Лу задумчиво кивнул:

– Других шрамов вы не обнаружили? На черепе, на бедре или внутри носа?

– Когда мы обрили голову, то никаких шрамов не увидели. Но вы правы, внутриназальные надсечения есть, и есть шрам на бедре в районе подвздошной кости. На тех изображениях, что я переправил лейтенанту д’Агосте, все это зафиксировано.

– Аутопсия не выявила каких-либо аномалий, химических или иного рода? – спросил д’Агоста. – Перед самоубийством покойный явно страдал от болей. И вел себя как настоящий сумасшедший. Возможно, он был отравлен.

Последовала пауза.

– К сожалению, определеннее сказать не могу. В его крови присутствуют какие-то необычные вещества, которые мы все еще пытаемся определить. Человек был на грани почечной недостаточности; вероятно, эти химические вещества стали тому причиной.

– Если обнаружится что-нибудь определенное, пожалуйста, свяжитесь со мной через лейтенанта, – сказала Марго. – И еще одно: буду очень признательна, если вы проверите кости на наличие этих же необычных веществ.

– Хорошо. Да, кстати. У него крашеные волосы. Они у него были не черные, а светло-каштановые.

– Спасибо, доктор Сэмюэлс. Если появится что-нибудь еще, мы на связи.

Д’Агоста, нажав клавишу, закончил разговор.

На столе лежал большой конверт, который д’Агоста подтолкнул к доктору Лу:

– Доктор, хотелось бы услышать ваше просвещенное мнение.

Пластический хирург открыл конверт, вытащил его содержимое и быстро разобрал на две стопки. В одной стопке оказались фотографии из досье арестованного и фотографии, сделанные в морге. В другой – цветные рентгенограммы и томографические сканы.

Лу просмотрел фотографии, на которых Марго узнала липового профессора Уолдрона. Он поднял одну из фотографий, сделанных крупным планом, и показал присутствующим. Марго разглядела рот изнутри: верхние десны, мягкое нёбо, нёбный язычок.

– Доктор Сэмюэлс был прав, – сказал Лу, проводя пальцем по едва заметной линии над десной. – Обратите внимание на этот внутриротовой разрез вдоль десневой борозды, о котором говорил доктор Сэмюэлс.

– И что это значит? – спросил д’Агоста.

Лу положил фотографию:

– Существует два основных вида лицевой хирургии. Первый – это кожная хирургия. Подтяжки, удаление мешков под глазами, то есть процедуры, предназначенные для внешнего омоложения. Второй вид – костная хирургия. Она гораздо более инвазивна и применяется при травмах. Скажем, после автомобильной аварии, когда страдает лицо. Костная хирургия имеет целью скорректировать повреждения. Большинство манипуляций с этим человеком относятся к костной хирургии.

– Может ли костная хирургия использоваться для изменения внешности?

– Определенно. Я вам больше скажу: поскольку у нас нет свидетельств о каких-либо травмах, полученных этим человеком, я бы предположил, что все эти операции были проведены именно с целью изменить его внешность.

– А сколько нужно операций, чтобы добиться этого?

– Если проведенного хирургического вмешательства достаточно, чтобы изменить расположение костей – к примеру, выдвинуть вперед среднюю лицевую зону, – то хватит и одной. Внешность пациента при этом совершенно меняется. Особенно если еще и волосы покрасить.

– Но этому человеку, похоже, сделали несколько операций.

Лу кивнул и показал им еще одну фотографию. Марго не без отвращения узнала в ней волосатую носовую полость.

– Видите эти интраназальные надсечения? Они малозаметны, но если вы знаете, где искать, то обнаружить их легко. Врач делал эти надсечения для введения силикона в нос, явно с намерением удлинить его. – Он перешел к другой фотографии. – Верхние интраоральные надсечения в месте, где десна встречается с бороздой, используются для изменения формы щек. Здесь вы делаете надрез с обеих сторон и вводите в костную ткань импланты. Нижнее интраоральное надсечение используется для наполнения подбородка силиконом, что делает его более выступающим.

Ноутбук Терри Бономо был открыт, и Терри со страшной скоростью молотил по клавишам, записывая за хирургом.

Марго взглянула на д’Агосту, который заерзал на стуле.

– Значит, у нашего друга были изменены щеки, подбородок и длина носа. – Он выразительно посмотрел в сторону Бономо. – Что-нибудь еще?

– Сэмюэлс упоминал о титановых пластинах.

Лу взял рентгенограммы, встал и подошел к ряду негатоскопов на стене. Он включил приборы, вставил рентгенограммы и принялся их разглядывать.

– Ну да, – сказал он. – Лицо было изменено за счет более выступающего подбородка.

– Вы не могли бы прояснить это? – спросил Бономо.

– Речь идет о так называемой остеотомии Лефорта. Вы практически перестраиваете лицо. Используя такое же надсечение в верхней десенной борозде, вы внедряетесь в кость, делаете ее мобильной и выдвигаете челюсть вперед. Для заполнения образовавшегося пространства используются кусочки костной ткани из других частей тела. Обычно с черепа или бедра пациента. В данном случае мы имеем шрам близ подвздошной кости, таким образом, костная ткань явно была взята из бедра. По завершении операции челюсть закрепляется с

помощью титановых пластин. Одну из них мы видим здесь. – Он показал на рентгенограмму.

– Господи боже, – простонал Бономо. – Это, наверное, очень больно.

– Можно ли определить, как давно была сделана операция? – спросила Марго.

Лу снова обратился к рентгенограмме:

– Трудно сказать. Челюсть полностью залечилась – вы видите здесь костную мозоль. Титановые пластины не были удалены; правда, это случается довольно часто. Я бы сказал, что операцию делали несколько лет назад.

– Я вижу здесь четыре операции, – сказал д'Агоста. – И вы говорите, что этого должно быть достаточно, чтобы полностью изменить внешность человека?

– Хватило бы одной остеотомии Лефорта.

– А вы бы не могли на основании фотографий, томографических сканов и рентгенограмм восстановить внешность до операции? Показать нам, как выглядел человек до пластической хирургии?

Лу кивнул:

– Могу попытаться. Тут четко видны разрывы в костном мозге и размеры надсечения в слизистой оболочке. Это позволяет нам отыграть назад.

– Отлично. Прошу вас, поработайте с Терри Бономо, попытайтесь воссоздать внешность этого человека. – Д'Агоста повернулся к Терри. – Как думаешь, у тебя получится?

– Надеюсь, – ответил Бономо. – Если доктор даст мне исходные данные, то проблем с изменением лицевой биометрии не будет. Макет у меня уже есть, трехмерные параметры головы преступника введены в программу. Осталось только взять мою стандартную рабочую процедуру и провести ее в обратном, так сказать, направлении.

Доктор Лу сел на стул рядом с Бономо, и они вместе, склонившись над монитором ноутбука, начали перестраивать лицо убийцы, то есть, по сути, уничтожать работу неизвестного пластического хирурга, проделанную несколько лет назад. Лу то и дело возвращался к фотографиям, сделанным во время аутопсии, рентгенограммам и сканам томографа, по которым они не без труда изменяли разные параметры щек, подбородка, носа и челюсти.

– Не забудьте про светло-каштановые волосы, – напомнил д'Агоста.

Двадцать минут спустя Бономо театральным жестом опустил руку на клавишу ноутбука:

– Сейчас программа выдаст изображение.

Через полминуты жесткий диск ноутбука начал потрескивать.

Бономо повернул компьютер экраном к доктору Лу, который несколько секунд смотрел на картинку, потом кивнул. Тогда Бономо развернул ноутбук так, чтобы результаты их работы были видны Марго и д’Агосте.

– Боже мой, – пробормотал д’Агоста.

Марго была потрясена. Пластический хирург оказался прав: с экрана на них смотрел совсем иной человек.

– Я прошу тебя смоделировать изображения под разными углами, – сказал Д’Агоста. – Потом загрузи это в наш банк данных, мы запустим программу опознания и проверим, не всплывет ли где-нибудь это личико. – Он обратился к Лу: – Доктор, спасибо, что смогли уделить нам время.

– Рад был оказаться полезным.

– Марго, я сейчас вернусь.

Не сказав больше ни слова, д’Агоста встал и вышел из кабинета. Меньше чем через минуту он вернулся, слегка раскрасневшийся и запыхавшийся.

– Черт побери, – сказал он. – Мы попали в яблочко. И без малейшего труда.

43

Пендергаст заехал на парковку санатория «Пиц Юлиер»[51] и заглушил двигатель. Площадка, как он и рассчитывал, была пуста: этот оздоровительный спа-комплекс располагался вдали от курортных мест, был маленьким и предназначался для избранных. А в настоящий момент там находился всего один пациент.

Специальный агент вышел из машины – двенадцатицилиндрового «ламборгини-галлардо-авентадор» – и медленно двинулся к дальнему концу площадки. Очень далеко внизу зеленый пояс Альп тянулся вплоть до швейцарского курорта Санкт-Мориц, который с этого расстояния казался настолько идеальным и красивым, что не воспринимался как реальность. На юге высился пик Бернина, самая высокая гора в Восточных Альпах. На нижней части ее склонов мирно паслись овцы, крохотные белые точки.

Пендергаст развернулся и направился к санаторию, похожему на красно-белое пирожное с имбирной лепниной и утопающими в цветах подоконниками. Он был очень слаб и плохо держался на ногах, но самые сильные болевые симптомы и моменты помутнения разума, которые он испытывал в Бразилии, прошли. По крайней мере, временно. Он даже отказался от мысли нанять шофера и вместо этого взял напрокат машину. Он знал, что «ламборгини» слишком бросается в глаза и совсем не в его стиле, но сказал себе, что скорость и техника вождения на горных дорогах помогут ему собраться с мыслями.

Пендергаст остановился у парадной двери и нажал кнопку звонка. Незаметная камера наблюдения над дверью повернулась в его направлении. Потом раздался звуковой сигнал домофона, дверь распахнулась, и он вошел. Внутри находилась маленькая приемная и сестринский пост, за которым сидела женщина в белой форменной одежде и с небольшим чепцом на голове.

– Ja? – произнесла женщина, выжидательно глядя на него.

Пендергаст вытащил из кармана визитку и протянул ей. Она залезла в ящик стола, извлекла оттуда журнал, взглянула на фотографию между страниц, потом снова на Пендергаста.

– Ах да, – сказала женщина, убирая журнал и переходя на английский с акцентом. – Герр Пендергаст. Мы ждали вас. Одну минуту, пожалуйста.

Она сняла трубку с телефона на столе и сказала несколько слов. Минуту спустя дверь за ее спиной звякнула и открылась, появились еще две медсестры. Одна из них движением руки попросила Пендергаста идти следом за ними. Войдя во внутреннюю дверь, он направился за двумя женщинами по прохладному коридору с окнами, сквозь которые проникали яркие лучи утреннего солнца. Это место с изысканными занавесками и красочными фотографиями альпийских гор казалось ярким и веселым. Но на окнах были стальные решетки, а под белыми крахмальными халатами двух медсестер проступали контуры оружия.

В конце коридора была закрытая дверь, сестры отперли ее, отошли в сторону и жестом пригласили Пендергаста войти.

Он оказался в большой, просторной комнате, из окон которой – тоже открытых и тоже зарешеченных – открывался великолепный вид на озеро внизу. В комнате стояли кровать, письменный стол, книжный шкаф с книгами на английском и французском, «ушастое» кресло, за дверью находилась ванная.

За столом, залитый лучами солнца, сидел молодой человек лет семнадцати. Он старательно – и даже с усердием – переписывал что-то из книги в тетрадь. Солнце золотило его светлые волосы. Взгляд

серо-голубых глаз перемещался с книги на тетрадь и обратно. Он был настолько погружен в работу, что даже не заметил, как кто-то вошел в комнату. Пендергаст молча разглядывал патрицианские черты юноши, его поджарую фигуру.

Его ощущение усталости усилилось.

Молодой человек оторвался от работы. На краткий миг на его лице застыло непонимание, но потом оно сменилось радостной улыбкой.

– Папа! – воскликнул он, вскочив со стула. – Какой сюрприз!

Пендергаст позволил себе обнять сына. За этим последовало неловкое молчание.

– Когда я смогу уехать отсюда? – спросил наконец Тристрам. – Я ненавижу это место. – Он говорил на слишком правильном, школьном английском с немецким акцентом, смягченным налетом португальского.

– Потерпи еще немного, Тристрам.

Юноша нахмурился и покрутил кольцо на среднем пальце левой руки, – золотое кольцо с великолепным звездчатым сапфиром.

– С тобой тут хорошо обращаются?

– Достаточно хорошо. Еда превосходная. Каждый день выхожу на прогулки. Но они все время следуют за мной. У меня тут нет друзей, и это не жизнь, а скука. Мне больше нравилось в École Mère-Église[52]. Я могу туда вернуться, отец?

– Скоро сможешь. – Пендергаст помолчал. – Как только я улажу кое-какие вопросы.

– Какие?

– Среди них нет ни одного, который может вызывать у тебя беспокойство. Послушай, Тристрам, я должен спросить тебя кое о чем. С тобой не происходило ничего необычного после нашей прошлой встречи?

– Необычного? – переспросил Тристрам.

– Да, чего-нибудь особенного. Может, приходили какие-то письма? Звонил кто-то? Приезжал нежданно?

На лице Тристрама появилось отсутствующее выражение. Немного помолчав, он отрицательно покачал головой:

– Нет.

Пендергаст внимательно взглянул на него:

– Ты лжешь.

Тристрам ничего не ответил, уставившись в пол.

Пендергаст сделал глубокий вдох.

– Не знаю, как тебе об этом сказать. Твой брат умер.

Тристрам вздрогнул:

– Альбан? Tot?[53]

Пендергаст кивнул.

– Как?

– Его убили.

В комнате стало очень тихо. Тристрам посмотрел на отца ошеломленным взглядом и снова опустил глаза в пол. Одна-единственная слеза задрожала в уголке его глаза и скатилась по щеке.

– Ты огорчен? – спросил Пендергаст. – И это после того, как он так ужасно обходился с тобой?

Тристрам покачал головой:

– Он был моим братом.

Пендергаста это задело за живое. «И моим сыном». Он спросил себя, почему смерть Альбана оставила его безразличным, почему у него нет сострадания, каким оказался наделен его сын.

Тристрам поднял на него потемневшие серые глаза:

– Кто это сделал?

– Не знаю. Пытаюсь выяснить.

– Нужно было сильно постараться, чтобы… убить Альбана.

Пендергаст ничего не сказал. Ему было неловко под внимательным взглядом сына. Он понятия не имел, как быть отцом такому сыну.

– Ты болен, отец?

– Всего лишь прихожу в себя после приступа малярии – подхватил во время последних моих поездок. Ничего серьезного, – поспешно ответил он.

Комната снова погрузилась в тишину. Тристрам, который во время разговора стоял рядом с отцом, вернулся к письменному столу и сел.

Было заметно, что он борется собой. Наконец он посмотрел на Пендергаста:

– Да, я солгал. Я должен сказать тебе кое-что. Я обещал ему молчать, но если он мертв… Думаю, ты должен знать.

Пендергаст ждал.

– Отец, Альбан приезжал ко мне.

– Когда?

– Несколько недель назад. Я тогда все еще был в Mère-Église. Пошел на прогулку в предгорье. Он появился там на тропе раньше меня. Сказал, что ждал меня.

– Продолжай, – проговорил Пендергаст.

– Он выглядел иначе.

– В чем это выражалось?

– Стал старше. Похудел. Вид у него был печальный. И то, как он со мной говорил… иначе, чем прежде. В нем не было этого… этого… – Он сделал движение руками в поисках нужного слова. – Verachtung.

– Пренебрежения.

– Точно. В его голосе не было пренебрежения.

– О чем он с тобой говорил?

– Сказал, что летит в Штаты.

– Не сказал зачем?

– Сказал. Он хотел исправить зло. Остановить тот ужас, который им же и был запущен в действие.

– В точности так и сказал?

– Да. Я не понял. Исправить зло? Я спросил, что он имеет в виду, но он отказался объяснять.

– Что еще он говорил?

– Он просил меня обещать, что я не скажу тебе о его приезде.

– И все?

Тристрам немного поколебался:

– Было кое-что еще.

– Что?

– Он сказал, что прилетел попросить у меня прощения.

– Прощения? – переспросил Пендергаст, крайне удивленный.

– Да.

– И что ты ему ответил?

– Я его простил.

Пендергаст поднялся. Отчаяние снова накатило на него, когда он понял, что опять утрачивает ясность мысли, что боль начинает возвращаться.

– Как именно он просил у тебя прощения? – резко произнес он.

– Он плакал. Был сам не свой от горя.

Пендергаст покачал головой. Было ли это искренним раскаянием или какой-то жестокой игрой, которую Альбан опробовал на своем брате-близнеце?

– Тристрам, – сказал Пендергаст, – я поместил тебя сюда, чтобы ты был в безопасности после убийства брата. Я пытаюсь найти убийцу. Ты должен оставаться здесь, пока я не распутаю это дело… и не буду уверен в твоей безопасности. Когда это произойдет, я надеюсь, ты не захочешь возвращаться в Mère-Église. Я надеюсь, ты пожелаешь вернуться в Нью-Йорк и жить… – он помедлил, – с семьей.

У молодого человека расширились глаза, но он промолчал.

– Я буду с тобой на связи. Либо напрямую, либо через Констанс. Если тебе что-то потребуется, пожалуйста, пиши, сообщай мне.

Он подошел к Тристраму, легонько поцеловал его в лоб и повернулся, собираясь уходить.

– Папа, – остановил его Тристрам.

Пендергаст посмотрел на сына.

– Я хорошо знаю, что такое малярия. Там, в Бразилии, многие Schwächlinge[54] умирали от малярии. У тебя не малярия.

– Что у меня – это мое дело, – резко ответил он.

– А разве это и не мое дело? Ведь я твой сын.

Пендергаст помедлил:

– Извини. Я не хотел так с тобой говорить. Я делаю все, что могу, в связи с моей… болезнью. До свидания, Тристрам. Надеюсь, что я скоро себя увижу.

С этими словами он поспешно вышел из комнаты. Две сестры, которые ждали в коридоре, заперли дверь, а потом проводили его к выходу.

44

Тьерри Габлер занял свое место на террасе кафе «Ремуар» и со вздохом открыл «Курьер». Официантке потребовалось меньше минуты, чтобы принести его обычный заказ: рюмка «Pflümli»[55], тарелочка холодной солонины и несколько ломтиков черного хлеба.

– Bonjour, monsieur[56] Габлер, – сказала она.

– Merci[57], Анна, – ответил Габлер с обаятельной, как он надеялся, улыбкой.

Она ушла, и он проводил ее покачивающиеся бедра долгим, неотрывным взглядом. После этого он занялся «Pflümli»: поднял рюмку, сделал маленький глоток и удовлетворенно вздохнул. Год назад он ушел на пенсию с чиновничьей должности, и аперитив во время вечерней прогулки за уличным столиком кафе стал для него чем-то вроде ритуала. Особенно ему нравилось кафе «Ремуар»: хотя из него не открывался вид на озеро, это было одно из немногих традиционных кафе, оставшихся в Женеве, а с учетом его расположения в центре, на Плас-дю-Сирк, здесь было идеальное место для того, чтобы наслаждаться городской суетой.

Габлер сделал еще глоток шнапса, аккуратно раскрыл газету на третьей странице и огляделся. В это время дня в кафе было полно разношерстной публики – туристов, бизнесменов, студентов и небольших группок кумушек. Сама улица была весьма оживленной: по дороге мчались машины, сновали туда-сюда люди. До Fêtes de Genève[58] оставались считаные дни, и городские отели уже заполнялись людьми, предвкушающими знаменитый во всем мире фейерверк.

Габлер ловко уложил кусочек солонины на ломтик хлеба, поднес к губам и уже собирался откусить, как вдруг не более чем в четырех футах от того места, где он сидел, с громким скрежетом тормозов машина уперлась носом в край тротуара. И не просто какая-то там машина. Казалось, она появилась из будущего века: с низким клиренсом, одновременно хищная и угловатая, словно высеченная из единого монолитного куска граната цвета пламени. Массивные колесные диски машины достигали высоты верхней кромки торпеды в салоне, которая была едва видна за черным тонированным стеклом. Габлер в жизни не видел таких машин. Он непроизвольно опустил ломтик хлеба с

солониной, продолжая глазеть на машину. На злобной морде машины, в том месте, где должна была находиться решетка радиатора, он разглядел эмблему «Ламборгини».

Наконец водительская дверь открылась вверх, в стиле «крыло чайки», и из нее вышел человек, не обращая внимания на уличное движение. Приближающаяся машина чуть не сбила его, ей пришлось вильнуть и выехать на полосу обгона. Водитель недовольно гуднул, но человек не обратил на это внимания. Он захлопнул дверь машины и направился к кафе. Габлер не сводил с него глаз. Вид у этого типа был такой же необычный, как и у его автомобиля: сшитый на заказ черный костюм, белая рубашка и дорогой галстук. Человек был очень бледен, таких бледных людей Габлер еще не видел. Глаза у него были темные и больные, он шел целеустремленной и в то же время шаткой походкой, как пьяный, который пытается выдать себя за трезвого. Человек поговорил с хозяйкой внутри кафе, потом вышел и сел на террасе в нескольких столиках от Габлера. Тот еще раз глотнул «Pflümli», вспомнил про хлеб с солониной и закусил, заставляя себя не глазеть открыто на незнакомца. Краем глаза он заметил, что человеку вроде бы подали абсент, который лишь недавно был легализован в Швейцарии[59].

Габлер взял свою газету и погрузился в чтение третьей страницы, позволяя себе время от времени скользнуть взглядом по странному человеку. Тот сидел неподвижно, как камень, ни на что и ни на кого не обращая внимания, его тусклые глаза были устремлены в никуда и лишь изредка моргали. Он то и дело поднимал бокал с абсентом и подносил к губам. Габлер обратил внимание, что руки у человека дрожат и бокал позвякивает о столешницу, когда его ставят.

Вскоре бокал опустел и был заказан другой. Габлер жевал хлеб, потягивал «Pflümli», читал «Курьер», и в конечном счете странный человек был вытеснен из памяти привычными повседневными занятиями.

Потом случилось кое-что, привлекшее его внимание. Габлер увидел сотрудника дорожной полиции, медленно идущего по Плас-дю-Сирк в их сторону. В руках у него была книжка с отрывными штрафными квитанциями, и он одну за другой осматривал припаркованные машины. Когда ему попадалась незаконно припаркованная машина или такая, чье время парковки на счетчике истекло, он останавливался, довольно улыбался, выписывал квитанцию и засовывал ее под дворник.

Габлер посмотрел на «ламборгини». Правила парковки в Женеве были запутанными и строгими, и эта машина явно была припаркована в нарушение правил.

Полицейский приближался к террасе кафе. Габлер продолжал смотреть, уверенный, что человек в черном костюме сейчас поднимется и

переставит машину, пока к ней не подошел полицейский. Но нет, тот остался сидеть на своем месте, попивая абсент.

Полицейский добрался до «ламборгини». Он был невысокий, пухлый, с красноватым лицом и густыми светлыми волосами, выбивающимися из-под фуражки. Машина, несомненно, была припаркована против правил – затиснута в узкое пространство под ухарским углом, с явной демонстрацией безразличия, даже презрения к закону и порядку. Улыбка на лице полицейского стала еще шире и удовлетвореннее, чем раньше; он лизнул палец и перелистнул страничку в книжке с квитанциями. Когда штраф был выписан, полицейский торжественно засунул квитанцию под дворник, – ему пришлось потрудиться, потому что дворник располагался где-то в глубине капота.

Только теперь, когда полицейский двинулся дальше, человек в черном поднялся из-за стола. Он сошел с террасы, подошел к полицейскому и встал между ним и следующей припаркованной машиной. Не говоря ни слова, он просто указал пальцем на «ламборгини».

Полицейский взглянул на человека, потом на машину, потом снова на человека.

– Est-ce que cette voiture vous appartient?[60] – спросил он.

Человек в черном медленно кивнул.

– Monsieur, elle est…[61]

– По-английски, если не возражаете, – сказал человек с американским произношением, в котором Габлер услышал южный акцент.

Полицейский, как и большинство женевцев, сносно говорил по-английски. Со вздохом, будто делая большое одолжение, он перешел на английский:

– По-английски так по-английски.

– Похоже, я каким-то образом нарушил правила парковки. Как вы, вероятно, уже заметили, я иностранец. Прошу вас, позвольте мне переставить машину, и забудем о штрафе.

– Мне очень жаль, – сказал полицейский, хотя никакой жалости в его голосе не слышалось. – Штраф уже выписан.

– Я это заметил. Но объясните, пожалуйста, какое чудовищное нарушение я совершил?

– Месье, вы припарковали машину в голубой зоне.

– Все эти машины тоже припаркованы в голубой зоне. Поэтому я предположил, что парковка в голубой зоне допустима.

– Ага! – сказал полицейский, словно подчеркивая важный пункт в философском споре. – Но у вашей машины нет disque de stationnement.

– Чего нет?

– Парковочного диска. В голубой зоне нельзя парковаться без парковочного диска, на котором указывается время, когда вы припарковались.

– Вот оно что. Парковочный диск. Как странно. И откуда же я, приезжий, могу об этом знать?

Полицейский посмотрел на человека с бюрократическим презрением:

– Месье, как гость нашего города, вы должны понимать мои правила и подчиняться им.

– *Мои* правила?

Полицейского несколько смутила собственная оговорка:

– Наши правила.

– Понятно. Даже притом, что эти правила произвольны, неуместны и в конечном счете пагубны?

Невысокий полицейский нахмурился. Он был сбит с толку и потерял уверенность.

– Закон есть закон, месье. Вы его нарушили и…

– Минуточку. – Американец прикоснулся к запястью полицейского, пресекая словесный поток. – Какой штраф полагается за это нарушение?

– Сорок пять швейцарских франков.

– Сорок пять швейцарских франков.

Продолжая преграждать полицейскому путь, американец с нарочитой медлительностью вытащил из кармана пиджака бумажник и отсчитал деньги.

– Я не принимаю штрафы, месье, – сказал полицейский. – Вы должны прийти в…

Американец внезапно резкими движениями принялся рвать банкноты – надвое, натрое, на четыре части, – пока в его руках не остались лишь маленькие квадратики. Он швырнул их в воздух, и они разлетелись, как конфетти, осыпав фуражку и плечи полицейского. Габлер, раскрыв рот,

наблюдал за происходящим. Прохожие и другие посетители кафе, сидящие на террасе, были в неменьшей степени поражены таким развитием событий.

– Месье, – сказал полицейский, покраснев еще больше, – вы явно находитесь в состоянии опьянения. Я должен потребовать, чтобы вы не садились за руль, иначе…

– Что «иначе»? – презрительно спросил американец. – Вы выпишете мне штраф за то, что я в состоянии алкогольного опьянения мусорю на улице? Смотрите внимательнее, любезный, сейчас я перейду улицу вот прямо здесь. Тогда вы сможете выписать мне штраф и за переход улицы в неположенном месте в состоянии алкогольного опьянения. Или нет, дайте угадаю: вы не наделены полномочиями для наложения столь тяжелого наказания. Для этого нужен *настоящий* полицейский. Позвольте вам посочувствовать! «Или в сердце мне вонзенный клюв не вынешь с этих пор?»[62]

Пытаясь держаться с достоинством, дорожный полицейский принялся набирать номер на сотовом. В этот момент американец оставил свои неожиданные клоунские выходки и на сей раз извлек из кармана другой бумажник. Габлер увидел какой-то значок. Американец несколько мгновений держал его перед глазами дорожного полицейского, потом спрятал в карман.

Манеры дорожного полицейского тут же изменились. От высокомерно-официального, бюрократического поведения дорожного полицейского не осталось и следа.

– Сэр, – сказал он, – вы должны были с самого начала сообщить мне об этом. Если бы я знал, что вы здесь с официальной миссией, я бы не стал выписывать штраф. Но это не извиняет…

Американец наклонился к невысокому полицейскому:

– Вы не понимаете. Я здесь не с официальной миссией. Я простой путешественник, остановился выпить на посошок по пути в аэропорт.

Дорожный полицейский пошел на попятную. Он посмотрел на «ламборгини», на квитанцию, медленно трепещущую под дворником на ветерке, гулявшем по Плас-дю-Сирк.

– Позвольте мне забрать квитанцию, месье, но я должен попросить вас…

– Не забирайте квитанцию! – рявкнул американец. – Даже прикасаться к ней не думайте!

Полицейский, совершенно запуганный и запутавшийся, повернулся к человеку в черном:

– Месье, я не понимаю.

– Не понимаете? – Голос американца с каждым словом становился все холоднее. – Тогда позвольте мне объясниться словами, которые, я надеюсь, понятны даже самому зачаточному интеллекту. Я решил, что хочу иметь эту квитанцию, мой добрый льстец. Я собираюсь оспорить этот штраф в суде. И если я не ошибаюсь, это означает, что вы тоже должны будете появиться в суде. И тогда я с огромным удовольствием объясню судье, адвокатам и всем, кто придет на заседание, какое вы позорище в человеческом образе. Позорище? Видимо, я преувеличиваю. Позорище – это, по крайней мере, нечто крупное, по-настоящему крупное. А вы… вы пигмей, сушеный коровий язык[63], геморрой в заднице человечества. – Неожиданным движением американец сбил фуражку с головы полицейского. – Да вы посмотрите на себя! Вам никак не меньше шестидесяти. А вы здесь выписываете штрафы за неправильную парковку, чем занимались, вероятно, и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Вы, должно быть, прекрасный работник, крайне эффективный, и ваше начальство просто не отваживается вас повышать. Я приветствую замечательную всеобъемлемость вашего занудства. Воистину, какое чудо природы человек![64] Но все же я чувствую, что вы не вполне довольны вашим положением: красноватый нос и лицо свидетельствуют о том, что вы нередко топите свои печали в вине. Вы не согласны? Я вижу, что не согласны. И ваша жена тоже не очень этим довольна. О, в ваших рыщущих повадках, в вашем нахальном самодовольстве, которое тем не менее тут же сдается превосходящей силе, я вижу истинного Уолтера Митти[65]. Что ж, если это вас утешит, я, по крайней мере, могу предсказать, что будет начертано на вашем надгробии: «С вас сорок пять франков, месье». А теперь, если вы будете так добры и отойдете от моей машины, я поеду в ближайшее полицейское отделение и обеспечу… и обеспечу…

Во время этой напыщенной речи с лицом американца что-то происходило: оно исказилось, осунулось и посерело. На висках выступили капельки пота. Один раз он прервал свою тираду, проведя рукой по лбу; в другой раз помахал пальцами перед носом, словно отгоняя какой-то запах. Габлер обратил внимание, что все посетители кафе и даже прохожие на улице замерли, наблюдая за развитием этой странной драмы. Человек в черном на нетвердых ногах двинулся к своему «ламборгини», и полицейский поспешно убрался с его дороги. Американец потянулся к ручке дверцы – вернее, попытался ухватить ее слепым, неверным движением – и промахнулся. Он сделал еще шаг вперед, качнулся, восстановил равновесие, снова качнулся и наконец рухнул на тротуар. Раздались крики о помощи, кто-то поднялся из-за столиков. Габлер тоже вскочил на ноги, перевернув стул. Он даже не сразу понял, что пролил добрую половину бокала «Pflümli» на свои хорошо отглаженные брюки.

45

Лейтенант Питер Энглер сидел за столом в своем кабинете в Двадцать шестом участке. Вся масса бумаг на его столе была разложена по четырем углам, в центре же было пусто, если не считать трех предметов: серебряной монетки, кусочка дерева и пули.

В каждом расследовании наступал момент, когда у Энглера возникало ощущение, что они достигли поворотного пункта. В таких случаях он неизменно прибегал к своему маленькому ритуалу: вытаскивал три этих сувенира из ящика стола, который всегда держал запертым, и по очереди разглядывал их. Каждый из них знаменовал некую веху в его жизни (так же как и каждое удачное его расследование было миниатюрной вехой), и ему нравилось размышлять об их важности.

Сначала он взял монетку. Это был старый денарий времен Римской империи, выпуска 37 года новой эры, с изображением Калигулы на аверсе и Агриппины Старшей на реверсе. Энглер купил монетку после защиты работы по этому императору, за которую получил первую премию на старшем курсе. В своей работе он давал медицинский и психологический анализ изменений, которые претерпел Калигула в результате серьезного заболевания в тот год, и доказывал роль болезни в его трансформации из относительно великодушного правителя в безумного тирана. Монетка была очень дорогой, но он почему-то чувствовал, что должен ее купить.

Положив монетку на стол, он взял деревяшку. Этот кусочек дерева поначалу был изогнутым и шероховатым, но Энглер обстругал его и отшлифовал своими руками, пока тот не уменьшился до размеров карандаша, а потом покрыл его лаком, и теперь он ярко сверкал в свете дневных ламп кабинета. Это была часть первой древней секвойи, которую он защитил от вырубки, будучи активистом-экологом. Он обосновался в кроне дерева и прожил там почти три недели, пока лесорубы не сдались и не ушли в другое место. Спускаясь с дерева, он отломил сухой сучок на память о своей победе.

Последней Энглер взял пулю. Он была погнута и сплющена от удара в его левую большеберцовую кость. Ни на работе и нигде в другом месте он не говорил о том, что сохранил эту пулю, никогда не носил и никому не показывал Полицейский боевой крест[66], которым его наградили за необыкновенный героизм. Не многие из тех, кто работал с ним, знали, что он был ранен при исполнении служебных обязанностей. Это не имело значения. Энглер повертел пулю в руке, потом положил ее на столешницу. Он знал, и этого было достаточно.

Он убрал свои сувениры в ящик стола и запер замок, после чего набрал номер секретаря отдела.

– Пусть войдут, – сказал он.

Минуту спустя дверь открылась, и вошли три человека: сержант Слейд и два штабных сержанта, приписанных к делу Альбана.

– Докладывайте, – велел Энглер.

Один из них вышел вперед:

– Сэр, мы закончили работу с документами Службы безопасности на транспорте.

– Дальше.

– Согласно вашему поручению, мы просмотрели все документы за восемнадцать месяцев в поисках каких-либо указаний на то, что убитый мог совершать путешествия в США до четвертого июня этого года. Мы нашли такие свидетельства. Убитый под тем же вымышленным именем Тапанес Ланьдберг въехал в Штаты из Бразилии приблизительно год назад. Это случилось семнадцатого мая, через аэропорт Джона Кеннеди. Пять дней спустя, двадцать второго мая, он улетел в Рио.

– Что-нибудь еще?

– Да, сэр. По документам Министерства внутренней безопасности мы обнаружили, что человек с таким именем восемнадцатого мая вылетел из аэропорта Ла Гуардия в Олбани[67], а вернулся двадцать первого мая.

– Фальшивый бразильский паспорт, – сказал Энглер. – Качество документа, вероятно, было самое высокое. Интересно, где он его заполучил.

– Такие вещи наверняка легче получить в Бразилии, чем здесь, – заметил Слейд.

– Это точно. Что еще?

– Это все, сэр. В Олбани след обрывается. Мы проверили все имеющиеся возможности с помощью местной полиции, турфирм, автобусных терминалов, региональных аэропортов и авиакомпаний, отелей и фирм по прокату автомобилей. Тапанес Ланьдберг нигде не засветился, пока не сел на обратный самолет до Ла Гуардия двадцать первого мая, а на следующий день вылетел в Бразилию.

– Спасибо. Отличная работа. Вы свободны.

Энглер дождался, когда двое штабных выйдут из кабинета, и кивнул Слейду, показывая ему на стул. Из кипы бумаг на одном углу стола он взял пачку больших каталожных карточек. В них содержалась

информация, с энтузиазмом собранная сержантом Слейдом за последние несколько дней.

– Зачем наш друг Альбан вдруг поехал в Олбани? – спросил Энглер.

– Понятия не имею, – ответил Слейд. – Но я готов спорить на что угодно, что два этих полета связаны.

– Олбани – городок небольшой. Тамошний аэропорт и центральный автобусный терминал запросто поместятся в приемную Портового управления Нью-Йорка. Альбану было бы трудно скрыть там свои следы.

– Откуда вы столько знаете про Олбани?

– У меня есть родственники в Колони, на северо-западе Олбани. – Энглер занялся каталожными карточками. – Ты славно поработал. В другой жизни ты мог бы стать первостатейным журналистом-расследователем.

Слейд улыбнулся.

Энглер медленно листал карточки:

– Налоги Пендергаста и декларация собственности. Думаю, заполучить это было непросто.

– Пендергаст довольно закрытый человек.

– У него четыре объекта недвижимости: два в Нью-Йорке, один в Новом Орлеане и еще один тут поблизости. Тот, что в Новом Орлеане, – парковка. Странно.

Слейд пожал плечами:

– Не удивлюсь, если у него есть и офшорная недвижимость.

– Я тоже не удивлюсь. Но боюсь, что мои дальнейшие раскопки на этот счет будут безуспешны, сэр.

– Об этом нет и речи. – Энглер отложил карточки в сторону и взял другую пачку. – Список произведенных им арестов и обвинительных приговоров. – Он пролистал карточки. – Впечатляет. Очень впечатляет.

– Мне представляется наиболее интересной статистика по числу преступников, погибших в процессе задержания.

Энглер отыскал цифры, и брови его удивленно взметнулись. Затем он продолжил чтение.

– Как я погляжу, количество объявленных ему благодарностей не уступает количеству выговоров.

– Мои друзья из ФБР говорят, что это противоречивая личность. Одинокий волк. Он богат и независим, берет жалованья по доллару в год для отчета. В последние годы руководство ФБР не вмешивается в его дела, пока раскрываемость высокая и он не совершил ничего из ряда вон выходящего. У него в Бюро, кажется, есть один влиятельный невидимый друг. А может, и не один.

– Мм. – Энглер снова принялся просматривать карточки. – Работа в спецслужбах. Чем он занимался?

– Засекречено. Мне только удалось узнать, что он был награжден несколькими медалями за храбрость и завершение неназванных особо важных операций под прикрытием.

Энглер сложил карточки в пачку, выровнял ее края и отложил в сторону:

– Тебя все это смущает, Лумис?

Слейд посмотрел на Энглера:

– Да.

– Меня тоже. И какой отсюда вывод?

– Как-то все это дурно пахнет… сэр.

– Вот именно. Ты это знаешь, и я это знаю. Мы оба знаем это уже некоторое время. Вот и занялись этим. – Энглер похлопал ладонью по пачке каталожных карточек. – Давай-ка разберем все по косточкам. По его собственному признанию, Пендергаст в последний раз видел своего сына живым полтора года назад в Бразилии. Год назад Альбан на короткое время возвращался в Штаты под вымышленным именем, слетал на север штата Нью-Йорк, а потом улетел в Бразилию. Около трех недель назад он снова появился в Нью-Йорке. И на сей раз за свои старания он был убит. В его желудке обнаружили камешек бирюзы. Агент Пендергаст заявляет, что этот камешек привел его в «Солтон-Фонтенбло», где на него, предположительно, напал человек, который выдавал себя за ученого и, вероятно, убил одного из сотрудников музея. И тут вдруг Пендергаст, который прежде не желал сотрудничать со следствием и отвечал на вопросы уклончиво, становится откровенным. И случается это после того, как мы обнаруживаем Тапанеса Ланьдберга. Но, выдав нам груду сомнительной информации, он снова закрывается и прекращает сотрудничество. К примеру, ни он, ни лейтенант д’Агоста не потрудились сообщить нам, что липовый профессор покончил с собой в тюрьме города Индио. Нам пришлось самим узнавать об этом. А когда мы отправили сержанта Докинса в «Фонтенбло», он по возвращении сообщил, что, судя по всему, никто не бывал там вот уже несколько лет. И никакой серьезной

стычки там уж совершенно точно не было. Ты абсолютно прав, Лумис, дело пахнет дурно. Так дурно, хоть нос затыкай. Куда ни посмотри, напрашивается один вывод: Пендергаст раз за разом посылает нас по ложному пути. И мне в голову приходит единственное объяснение этому: он сам замешан в убийстве сына. Кроме того, мы имеем вот что. – Подавшись вперед, Энглер взял из другой стопки бумаг на столе распечатку статьи на португальском языке. – Сообщение из Бразилии, туманное и без ссылки на источник. Там описана кровавая бойня, имевшая место в джунглях, с участием неназванного гринго, который описан здесь как человек «de rosto pálido».

– «De rosto pálido»? Это что?

– Бледной наружности.

– Черт побери!

– И все это происходило полтора года назад, как раз в то время, когда сам Пендергаст был в Бразилии.

Энглер положил распечатку обратно.

– Мне эта статья попалась на глаза только сегодня утром. Это ключ, Лумис, я это чувствую. Ключ ко всей этой тайне. – Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок. – Но мне кажется, что одна часть пазла отсутствует. Всего одна. И когда я ее найду… тогда он будет у меня в кармане.

46

Констанс Грин шла по сияющему чистотой коридору на пятом, последнем этаже частной женевской клиники «Ла Коллин», следуя за врачом в халате.

– Как бы вы описали его состояние? – спросила она на идеальном французском.

– Поставить диагноз было очень трудно, мадемуазель, – ответил доктор. – Прежде мы с таким не сталкивались. У нас многопрофильная клиника. На консилиум было приглашено шесть специалистов. Результаты консультаций и анализов… поразительны. И противоречивы. Некоторые специалисты полагают, что у него неизвестное генетическое нарушение. Другие считают, что он был отравлен или страдает от абстинентного синдрома после принятия какого-то состава или наркотика, – у него в крови следы необычных элементов, но ни для одного из них мы не нашли соответствия в нашей базе данных. Третья группа специалистов считает, что проблема отчасти психологическая. Но никто не может отрицать острых физических проявлений.

– Какие медикаменты вы используете для его лечения?

– Понимаете, чтобы лечить, нужно сначала поставить диагноз. Мы применяем трансдермальные анестезирующие пластыри для снятия болевых ощущений. Сома как мышечный релаксант. И бензодиазепин как седативное средство.

– Какой именно бензодиазепин?

– Клоназепам.

– Ужасающий коктейль, доктор.

– Вы правы. Но до тех пор, пока нам неизвестен источник, мы можем воздействовать только на симптомы, иначе пришлось бы прибегать к смирительным средствам.

Доктор открыл дверь и пригласил Констанс войти. Она оказалась в современной, идеально оборудованной палате с одной кроватью, вокруг которой стояли многочисленные мониторы и медицинские приборы. На жидкокристаллических экранах одних приборов вспыхивали какие-то сложные показатели, другие приборы ритмично попискивали. В дальнем конце комнаты располагался ровный ряд тонированных в синий цвет окон, выходящих на авеню Бо-Сежур.

На кровати лежал специальный агент Алоизий Пендергаст. К его вискам были прикреплены датчики, на сгибе запястья установлен внутривенный катетер, на руке закреплена манжета для измерения кровяного давления, на кончике пальца – измеритель уровня кислорода в крови. Отдельный экран был закреплен на подвесных кольцах в изножье кровати.

– Он почти не говорит, – пояснил доктор. – А если и говорит, то в этом мало смысла. Если бы вы могли предоставить нам какую-то информацию, мы были бы благодарны.

– Спасибо, доктор, – сказала Констанс. – Я сделаю, что смогу.

– Мадемуазель.

Доктор слегка кивнул, развернулся и вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

Несколько секунд Констанс стояла, глядя на закрытую дверь. Потом разгладила на себе платье и села на стул у кровати. На свете не было человека хладнокровнее, чем Констанс Грин, но то, что она увидела, потрясло ее до глубины души. Лицо агента ФБР было землисто-серым, его светлые волосы растрепались и потемнели от пота. Точеное лицо потеряло свои очертания, покрывшись многодневной щетиной. От него исходил почти ощутимый жар. Глаза были закрыты, но Констанс

видела, что глазные яблоки двигаются под синими веками. Внезапно его тело напряглось как от боли, по нему прошла судорога, потом оно расслабилось.

Констанс наклонилась к нему и положила руку на его сжатый кулак.

– Алоизий, – тихо позвала она. – Это Констанс.

Сначала он никак не реагировал. Наконец кулак разжался. Пендергаст повернул голову на подушке и пробормотал что-то неразборчивое.

Констанс слегка сжала его руку:

– Что ты сказал?

Пендергаст открыл рот и сделал хриплый вдох.

– «Lasciala, indegno, – прошептал он. – Battiti meco. L'assassino m'ha ferito»[68].

Констанс ослабила давление на его руку.

По телу Пендергаста прошла новая судорога.

– Нет, – сказал он тихим, придушенным голосом. – Нет, ты не должна. Врата ада…[69] не подходи… отойди, пожалуйста… не смотри… трехдольный горящий глаз!..[70]

Тело его расслабилось, и на несколько минут наступила тишина. Потом Пендергаст пошевелился.

– Ты ошибаешься, Тристрам, – произнес он более ясно и четко. – *Он* никогда не сможет измениться. Боюсь, тебя провели.

Наступившее после этого молчание длилось гораздо дольше. Вошла медсестра, проверила состояние Пендергаста по приборам, заменила трансдермальный пластырь на новый и вышла. Констанс оставалась сидеть на стуле, неподвижная, как статуя, по-прежнему касаясь руки Пендергаста. Наконец его веки затрепетали и открылись. Поначалу глаза оставались затуманенными, несфокусированными. Потом Пендергаст заморгал и обвел взглядом больничную палату. Взгляд его остановился на той, что сидела рядом.

– Констанс, – прошептал он.

Вместо ответа она снова сжала его руку.

– Меня… мучает кошмар. Похоже, он никогда не кончится.

Голос его звучал слабо, бестелесно, словно шелест пожухлой листвы на легком ветерке, и Констанс наклонилась к нему, чтобы разобрать слова.

– Ты цитировал либретто «Дон Жуана», – сказала она.

– Да. Я… воображал себя Командором.

– По-моему, если снится Моцарт, то это не такой уж и кошмар.

– Мне… – Несколько секунд губы двигались, не производя ни звука, потом она услышала: – Мне не нравится опера.

– Ты говорил что-то еще, – сказала Констанс. – Что-то действительно похожее на кошмар. Ты говорил о Вратах ада.

– Да. Да. В моих кошмарах присутствуют и воспоминания.

– Потом ты упомянул Тристрама. Сказал, что он ошибается.

На это Пендергаст только покачал головой и снова ускользнул в бессознательное состояние.

Констанс терпеливо ждала. Десять минут спустя он пошевелился и снова открыл глаза.

– Где я? – спросил он.

– В больнице в Женеве.

– В Женеве. – Пауза. – Ну конечно.

– Насколько мне известно, ты оскорбил какого-то дорожного полицейского.

– Я помню. Он требовал, чтобы я оплатил штраф. Я вел себя с ним ужасно. К несчастью, я не выношу мелких бюрократов. – Еще одна пауза. – Это одна из моих дурных привычек.

Он опять замолчал, и Констанс, уверенная, что он сейчас в ясном сознании, рассказала ему все, что узнала от д’Агосты о последних событиях: человек, который напал на Пендергаста, покончил с собой в тюрьме; его внешность была изменена путем пластических операций, но команде д’Агосты удалось реконструировать его подлинное лицо и установить личность этого человека. Она сообщила и о другой находке д’Агосты по материалам дела Энглера: год назад Альбан прилетал в Штаты под именем Тапанеса Ланьдберга, слетал на север штата Нью-Йорк, а потом вернулся в Бразилию. Пендергаст слушал с интересом. Один или два раза в его глазах вспыхнул прежний свет, так хорошо ей знакомый. Но когда она закончила, он закрыл глаза, отвернулся и снова потерял сознание.

Когда он пришел в себя в следующий раз, стояла ночь. Констанс, которая не отходила от кровати, ждала, когда он заговорит.

– Констанс, – начал он таким же тихим, как и прежде, голосом. – Ты должна понять, что мне временами становится трудно… сохранять связь с реальностью. Она приходит и уходит, как и боль. Вот сейчас, например, мне требуются невероятные усилия, чтобы связно говорить с тобой. Поэтому позволь, я скажу тебе то, что должен, очень кратко.

Констанс замерла, слушая его.

– Я сказал тебе кое-что непростительное.

– Я тебя простила.

– Ты добрая душа. Почти сразу после того, как я вдохнул запах лилий в той странной газовой камере для животных возле Солтон-Си, мне стало ясно, что меня преследует прошлое моей семьи. В лице кого-то, кто одержим жаждой мщения.

Он несколько раз судорожно вздохнул.

– То, что совершил мой предок Езекия, было преступлением. Он создал эликсир, который на самом деле оказался ядом, вызывающим привыкание. И этот яд убил многих и разрушил жизнь их близких. Но это… случилось… так давно. – Пауза. – Я понимал, что происходит со мной, и ты это тоже поняла. Но в тот момент мне была невыносима твоя жалость. Те надежды, что я поначалу питал на излечение, быстро таяли. Я предпочитал не думать об этом. Тогда у меня и вылетели те отвратительные слова, которые я сказал тебе в музыкальной комнате.

– Пожалуйста, не надо об этом.

Он погрузился в молчание. В комнате стояла темнота, единственный свет исходил от медицинской аппаратуры, и Констанс не знала, заснул он опять или нет.

– Лилии начали гнить, – произнес он.

– Ах, Алоизий…

– В этом есть нечто более ужасное, чем боль. И это нечто – отсутствие ответов. Сложный заговор, который привел меня к Солтон-Си, имеет все признаки того, что организовал его Альбан. Но с кем он сотрудничал и почему его убили? И… как мне справиться с этим сползанием в безумие?

Констанс обхватила его ладонь обеими руками:

– Должно быть какое-то средство. Противоядие. Все вместе мы его найдем.

Пендергаст покачал головой:

– Нет, Констанс. Никакого противоядия нет. Ты должна уехать. Я улечу домой. Я знаю частных врачей, которые смогут обеспечить мне более или менее комфортное состояние, пока не наступит конец.

– Нет! – сказала Констанс громче, чем хотела. – Я тебя никогда не оставлю.

– Я не хочу, чтобы ты видела… меня в таком состоянии.

Она встала и наклонилась к нему:

– У меня нет выбора.

Пендергаст чуть шевельнулся под одеялом:

– У тебя всегда есть выбор. Пожалуйста, отнесись к моему желанию с уважением. Ты не должна видеть меня на смертном одре. Когда я стану таким, как тот человек из Индио.

Она медленно склонилась над распростертым на кровати страдальцем и поцеловала его в лоб:

– Прости. Но мой выбор – бороться до конца. Потому что…

– Но…

– Потому что ты – вторая половина моего сердца, – прошептала Констанс.

Она снова села, взяла его за руку и больше не произнесла ни слова.

47

Полицейский в форме припарковал служебную машину у тротуара.

– Мы приехали, сэр, – сказал он.

– Вы уверены? – спросил лейтенант д’Агоста, глядя в окно.

– Сорок один двадцать семь, Колфакс-авеню. Я не перепутал адрес?

– Нет, не перепутали.

Д’Агоста был удивлен. Он предполагал увидеть трейлерный парк или жуткие новостройки. Но этот дом в районе Миллер-Бич города Гэри, штат Индиана, был хорошо ухожен и, несмотря на небольшие размеры, недавно покрашен, а газон вокруг него аккуратно подстрижен. Всего в нескольких кварталах отсюда находился Маркетт-парк.

Д’Агоста попросил местного полицейского:

– Вы не прочтете мне его досье еще раз? Чтобы освежить в памяти.

– Да, конечно. – Полицейский расстегнул портфель и достал компьютерную распечатку. – Все довольно чисто. Несколько штрафов за нарушение правил дорожного движения: один – за превышение скорости, тридцать восемь миль в зоне с ограничением в тридцать; другой – за езду по обочине.

– Езду по обочине? – переспросил д'Агоста. – За это здесь выписывают штрафы?

– При прошлом шефе выписывали. Он был такой крутой мужик. – Полицейский снова посмотрел в досье. – Если на этого парня и есть что-то серьезное, то лишь одно: его задержали во время налета на одну известную бандитскую малину. Он был чист – ни наркотиков, ни оружия, – и поскольку нам не было известно ни о каких других его связях или контактах, то обвинение ему не было предъявлено. Четыре месяца спустя жена заявила о его исчезновении. – Полицейский убрал досье в портфель. – Ну вот. С учетом его возможных связей с гангстерами мы решили, что он убит. Он так и не появился, ни живой, ни мертвый. Тело не было найдено. В конце концов дело перевели в висяки.

Д'Агоста кивнул:

– Если не возражаете, говорить буду я.

– Бога ради.

Д'Агоста посмотрел на часы: половина седьмого. Он открыл дверь и, крякнув, вышел из машины.

Он прошел по дорожке за полицейским, дождался, когда тот нажмет кнопку звонка. Почти сразу в дверях появилась женщина. Опытным глазом д'Агоста отметил подробности: рост пять футов шесть дюймов, вес сто сорок фунтов, брюнетка. В одной руке она держала тарелку, в другой – полотенце. На ней был рабочий брючный костюм, старенький, но чистый и отглаженный. Когда она увидела полицейского, на ее лице появилось выражение тревоги и надежды.

Вперед вышел д'Агоста:

– Мэм, вы – Кэролин Рудд?

Женщина кивнула.

Д'Агоста показал ей свой полицейский значок:

– Я лейтенант Винсент д'Агоста из нью-йоркской полиции, а это сотрудник местной полиции Гектор Ортилло. Не могли бы вы уделить нам несколько минут?

Она задумалась лишь на мгновение.

– Да, конечно. Входите.

Она открыла дверь и провела их в небольшую гостиную. Мебель тоже была старенькой и практичной, но ухоженной и безукоризненно чистой. И опять у д'Агосты возник ясный образ дома, в котором туго с деньгами, но внешние приличия соблюдаются.

Миссис Рудд пригласила их сесть.

– Хотите лимонаду или кофе? – спросила она.

Оба полицейских отказались.

С лестницы, ведущей на второй этаж, донесся шум, и появились две любопытные мордашки – мальчика лет двенадцати и девочки на несколько лет младше.

– Хауи, Дженнифер, – сказала женщина. – Мне нужно поговорить с этими джентльменами. Идите к себе и заканчивайте домашнее задание, ладно? Я скоро приду.

Дети молча посмотрели на полицейских широко раскрытыми глазами, поднялись по лестнице и исчезли из виду.

– Подождите секундочку, пойду уберу эту тарелку.

Женщина ушла на кухню, а вернувшись, села напротив полицейских.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

– Мы пришли поговорить о вашем муже, – ответил д'Агоста. – О Говарде Рудде.

Надежда, появившаяся в ее глазах немного ранее, вспыхнула сильнее.

– Ой! – сказала миссис Рудд. – У вас есть… какие-то новости? Он жив? Где он?

Энтузиазм, с которым она произнесла эти слова, удивил д'Агосту не меньше, если не больше, чем вид этого дома. За последние несколько недель его воображение нарисовало четкий портрет человека, который напал на агента Пендергаста и, скорее всего, убил Виктора Марсалу: жестокий ублюдок без всяких нравственных устоев, продажный сукин сын, не наделенный никакими человеческими добродетелями. Когда Терри Бономо и программа распознавания идентифицировали этого человека как Говарда Рудда, прежде жившего в городке Гэри, штат Индиана, д'Агоста проникся убеждением, что, приехав поговорить с женой этого человека, увидит вполне определенную картинку. Но

надежда в ее глазах заставила его скорректировать свои допущения. Он вдруг почувствовал, что не знает, как ему продолжать допрос.

– Нет, мы его не нашли. Не совсем так. Миссис Рудд, я приехал сюда, чтобы побольше узнать о вашем муже.

Она перевела взгляд с д’Агосты на полицейского Ортилло и обратно:

– Они заново открывают дело? Я чувствовала, что они поспешили убрать его куда подальше. Я хочу вам помочь. Скажите мне, что я должна делать.

– Начните с рассказа о том, каким человеком он был. Каким мужем и отцом.

– Не «был».

– Простите?

– Каким человеком он *является*. Я знаю, в полиции считают, что он мертв, но я уверена, что он жив. Что он где-то там. Если он ушел, то у него для этого были веские основания. Настанет день, и он вернется. Объяснит, что случилось и почему.

Д’Агоста почувствовал себя еще хуже. Эта убежденность в голосе женщины была пугающей.

– Пожалуйста, расскажите нам о нем, миссис Рудд.

– А что рассказывать? – Женщина помедлила мгновение, размышляя. – Он был хорошим мужем, преданным семьянином. Много работал, был замечательным отцом. Не пил, в азартные игры не играл, на других женщин не смотрел. Его отец был методистским проповедником. И Говард унаследовал его хорошие черты. Я не знала другого такого же упорного человека. Если он за что-то брался, то непременно доводил до конца. Чтобы учиться в муниципальном колледже, подрабатывал мытьем посуды. В молодости он увлекался боксом и получил Золотую перчатку. Сдержать слово – вот что было для него самое главное. После семьи. Он трудился не покладая рук, чтобы удержать на плаву наш хозяйственный магазин. Работал день и ночь, даже когда на Двадцатом хайвее открылся «Хоум депо»[71] и бизнес совсем застопорился. Это не его вина, что пришлось занимать деньги. Если бы он только знал…

Поток слов неожиданно пресекся, глаза женщины чуть расширились.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросил д’Агоста. – Если бы он только знал *что*?

Женщина задумалась. Потом со вздохом посмотрела на лестницу, чтобы убедиться, что дети не слышат ее, и продолжила:

– Если бы он только знал, у каких людей занимает деньги. Понимаете, в банке считали, что давать деньги на магазин – дело рискованное. Они не дали ему кредит. С деньгами стало плохо. – Она сцепила руки и уставилась в пол. – Он занимал деньги у плохих людей.

Внезапно она снова подняла умоляющий взгляд:

– Но разве можно его в этом винить? Правда?

Д’Агоста в ответ лишь сочувственно кивнул.

– А эти вечера, когда он сидел за кухонным столом, молчал и смотрел в стену… ох, у меня сердце разрывалось! – Женщина смахнула слезу. – А потом он вдруг исчез. Просто исчез. Это было больше трех лет назад. С тех пор я не получила от него ни словечка. Но для этого есть какая-то причина. Я знаю, что есть. – На лице миссис Рудд появилось дерзкое выражение. – Мне известно, что думает полиция. Но я в это не верю. И никогда не поверю.

Когда д’Агоста снова заговорил, голос его звучал очень мягко:

– Вы не замечали какие-либо признаки того, что он собирается уходить? Хоть самые незначительные?

Женщина покачала головой:

– Нет. Никаких, кроме того телефонного звонка.

– Какого телефонного звонка?

– Вечером накануне того дня, когда он исчез. Звонок был очень поздний. Говард снял трубку в кухне. Говорил вполголоса – наверное, не хотел, чтобы я слышала, о чем он говорит. После этого он был сам не свой. Но мне ничего не сказал об этом разговоре.

– И вы понятия не имеете, что могло с ним случиться и где он пропадал все это время?

Женщина снова отрицательно покачала головой.

– Как же вы сводите концы с концами?

– Поступила работать в рекламную компанию. Делаю для них верстку и дизайн. Платят неплохо.

– А те люди, у которых ваш муж занимал деньги. После его исчезновения они вам не угрожали? Ничего плохого с вами не происходило?

– Ничего.

– Нет ли у вас фотографии вашего мужа?

– Есть конечно. И немало.

Миссис Рудд повернулась, взяла с приставного столика одну из фотографий в рамочке и протянула д’Агосте. Он посмотрел на фото. Это был семейный снимок: родители посередине, двое детей по бокам.

Терри Бономо попал в точку. Человек на фотографии был точной копией компьютерной реконструкции лица до пластической хирургии.

Он протянул фотографию назад, и миссис Рудд неожиданно ухватила его за запястье. Пальцы у нее были на удивление сильными.

– Пожалуйста, – взмолилась он. – Помогите мне найти мужа. Пожалуйста!

Д’Агоста больше не мог этого выносить:

– Мэм, у меня для вас плохие новости. Раньше я сказал вам, что мы не нашли вашего мужа. Но у нас есть тело, и боюсь, что это он.

Пальцы на его запястье сжались еще сильнее.

– Но для полной уверенности нам нужен образец его ДНК. Не могли бы вы дать нам какую-нибудь его вещь? Расческу, зубную щетку? Мы, конечно, все вам вернем.

Женщина ничего не сказала.

– Миссис Рудд, – продолжил д’Агоста, – иногда незнание гораздо хуже знания, даже если это знание мучительно.

Женщина долго сидела не двигаясь. Внезапно до нее дошло, что она держит д’Агосту за запястье. Она уронила руку на колени, глядя в никуда. Потом овладела собой, встала, подошла к лестнице и поднялась наверх, ни говоря ни слова.

Двадцать минут спустя, сидя на пассажирском сиденье полицейской машины, которая везла его назад в аэропорт О’Хары, с расческой Говарда Рудда в кармане пиджака, аккуратно помещенной в полиэтиленовый пакетик с молнией, д’Агоста с грустью размышлял о том, какими ошибочными бывают предположения. Меньше всего ожидал он увидеть прибранный домик на Колфакс-авеню и бесконечно преданную и решительную вдову – хозяйку дома.

Возможно, Рудд и был убийцей. Но похоже, когда-то он был хорошим человеком, который принял неправильное решение. Д’Агоста уже сталкивался с подобным. Иногда чем больше сил ты прикладываешь, тем глубже погружаешься в дерьмо. Д’Агоста был вынужден пересмотреть свое мнение о Рудде. Он понимал теперь, что Рудд очень

любил семью, и только обязательства, которыми он был связан (какими бы они ни были), вынуждали его совершать все эти ужасные поступки, включая изменение внешности и имени. Д'Агоста не сомневался, что именно маленькая семья Рудда была тем рычагом, посредством которого какие-то люди оказывали на Рудда влияние.

Какие-то гнусные мерзавцы.

Он посмотрел на полицейского за рулем:

– Спасибо вам.

– Не за что.

Д'Агоста снова уставился на дорогу. Все это было странно… очень странно. У них был Немо, вероятный убийца Марсалы и человек, напавший на Пендергаста, человек без прошлого… и вдруг оказалось, что когда-то он был трудягой и хорошим семьянином по имени Говард Рудд. Между исчезновением Рудда из Гэри и его появлением в музее, где он выдал себя за профессора Уолдрона, прошло три года.

И это ставило перед д'Агостой один большой вопрос: что, черт побери, случилось в этом промежутке?

48

Лейтенант Энглер сидел в задней комнате агентства по прокату машин «Рипаблик» в аэропорту Олбани и с мрачным видом вращал карандаш на столе перед собой. Он ждал Марка Молмана, менеджера, который должен был вернуться в кабинет, как только обслужит клиента. Все шло так хорошо, что Энглеру казалось, будто это ему снится. И теперь Энглер понял, что, возможно, ему это действительно снится.

Его команда по просьбе Энглера подготовила список всех, кто брал в аренду автомобиль в Олбани на той неделе в мае, когда Альбан прилетал в город. Просматривая этот список, Энглер совершил очередной прорыв: некто Абрадьес Плангент (еще одна анаграмма имени Альбан Пендергаст) взял в «Рипаблик» напрокат машину 19 мая, на следующий день после прилета в Олбани. Энглер позвонил в прокатную фирму, и ему ответил Марк Молман. Да, они ведут учет клиентов. Да, машина эта все еще активно используется и ее можно взять напрокат, хотя в настоящий момент она в другом агентстве в сорока милях отсюда. Да, Молман может договориться, и машину вернут в Олбани. И поэтому Энглер и сержант Слейд сели в служебную машину и за три-четыре часа добрались из города Нью-Йорк до столицы штата Нью-Йорк.

Молман оказался именно тем человеком, который был им нужен. Бывший моряк, действительный член Национальной стрелковой ассоциации, он помог им со всем энтузиазмом несостоявшегося

полицейского. Вопросы, которые могли бы потребовать утомительной бумажной работы, а возможно даже, и судебного ордера, решались проще простого. Он нашел сведения о выдаче Альбану машины (голубой «тойоты-авалон») и передал их Энглеру. Альбан вернул машину три дня спустя, намотав на спидометре всего 196 миль.

Именно в этот момент в мозг Энглера закралось назойливое подозрение. Альбан Пендергаст обладал раздражающей способностью исчезать практически в любое нужное ему время. Поставив себя на место Альбана, Энглер подумал, что этот молодой человек наверняка предпринял дополнительные меры, чтобы скрыть свои перемещения. Он попросил Молмана перепроверить мониторинговую информацию по этому автомобилю за тот период, пока его арендовал Альбан. И опять Молман был рад услужить. Он вошел в мониторинговую систему «Рипаблик» и получил сведения по отслеживанию «тойоты». Догадка Энглера оказалась правильной: эти данные не совпадали с показаниями спидометра. Судя по данным «Рипаблик», машина прошла 426 миль за то время, пока Альбан арендовал ее.

И тут расследование стало давать сбой. Неожиданно появилось слишком много переменных. Альбан мог подкрутить спидометр (предполагалось, что это невозможно, но Энглер не стал бы недооценивать таланты Альбана). Он мог снять с машины маячок слежения и поставить его на другую, а потом вернуть на «тойоту», сфальсифицировав таким образом данные. А может, даже и не стал затрудняться, просто оставил на машине другой маячок, чтобы совсем запутать следы. Им нужно было выбрать одну из этих возможностей, но Энглер понятия не имел, как это сделать.

В этот момент Молман был вынужден оставить кабинет, чтобы обслужить клиента. И потому Энглер сидел с мрачным видом, вращая карандашик. Сержант Слейд сидел напротив него и, как обычно, помалкивал. Крутя карандаш, Энглер спрашивал себя, чего именно он хотел достичь этой поездкой. Ну будет он знать, сколько именно миль накрутил Альбан и какую машину брал напрокат, и что дальше? За эти три дня Альбан мог укатить куда угодно. Синих «авалонов» было миллионы. А в крохотных городишках на севере штата Нью-Йорк камеры наблюдения встречались исключительно редко.

Но когда Молман вернулся в кабинет, на его лице сияла улыбка.

– Черный ящик, – сказал он.

– Это что такое?

– Черный ящик. Регистратор происшествий. На каждой прокатной машине есть такие устройства.

– Правда?

Из собственного опыта работы на полицейских машинах Энглер знал про маячки слежения, но черный ящик – это было для него в новинку.

– Конечно. Вот уже несколько лет. Вначале их использовали только для сбора информации о том, как и почему срабатывают подушки безопасности. Эти ящики по умолчанию находились в выключенном состоянии; требовался сильный толчок, чтобы они начали вести запись. Но недавно прокатные компании стали доплачивать, чтобы машины оборудовались специальными ящиками с гораздо бо́льшими возможностями. Теперь все, что происходит со взятой напрокат машиной, фиксируется.

– А какую именно информацию они регистрируют?

– Новейшие регистрируют приблизительное местонахождение. Расстояние, пройденное за день. Среднюю скорость. Рулевое управление. Торможение. Даже использование ремней безопасности. Кроме того, черный ящик совмещен с системой GPS. Когда двигатель выключен, черный ящик регистрирует направление автомобиля относительно того направления, в котором находился автомобиль, когда двигатель был включен. И так же как в самолете, этот ящик невозможно удалить или как-то подделать регистрируемые данные. Люди еще не поняли, что в прокатном бизнесе мы можем отслеживать абсолютно все, что они делают с нашими машинами.

«Этот ящик невозможно удалить или как-то подделать регистрируемые данные». Надежда начала снова закрадываться в душу Энглера.

– Но мы говорим о событиях годичной давности. Неужели информация хранится до сих пор?

– Всяко бывает. Когда память полностью исчерпывается, прибор начинает стирать старые данные. Но тут вы можете не беспокоиться. Этот «авалон» последние шесть месяцев был приписан к нашему офису в Таппер-Лейке, а там спрос на прокатные машины невелик. Так что те данные, возможно, еще сохраняются.

– А как получить к ним доступ?

Молман пожал плечами:

– Подключаете его к компьютеру, и всё. Последние модели даже имеют систему беспроводной передачи данных.

– И вы можете это сделать? – спросил Энглер.

Он никак не мог поверить в такую удачу. Альбан, может, и был умен, но тут он сильно промахнулся. Энглер отчаянно надеялся, что Молман не станет требовать судебный ордер.

Но Молман в ответ лишь кивнул:

– Машина все еще в гараже. Я попрошу ребят снять эти данные и распечатать для вас.

Час спустя Энглер сидел за компьютером в управлении полиции города Олбани, держа на коленях карту штата Нью-Йорк. За другим компьютером рядом с ним сидел сержант Слейд.

Молман оказался на высоте. Помимо массы бесполезной информации, самописец, установленный на «авалоне», дал им главное: в тот день, когда Альбан взял напрокат эту машину, она прошла от аэропорта Олбани восемьдесят шесть миль, двигаясь на север.

Судя по карте, это должно было привести машину точно в городок Адирондак на берегу озера Шрун. Благодарность Энглера не знала границ. Лейтенант попросил Молмана держать эту историю в тайне и пообещал прокатить его на патрульной машине по всему Манхэттену, когда тот окажется в Нью-Йорке.

– Адирондак, штат Нью-Йорк, – вслух произнес Энглер. – Почтовый индекс сто двадцать восемь ноль восемь, население триста человек. Какого черта Альбан поперся из Рио в Адирондак?

– Полюбоваться пейзажем? – предположил Слейд.

– Вид с Сахарной горы куда привлекательнее.

Энглер открыл полицейскую базу данных и посмотрел, не было ли в этом районе совершено каких-либо преступлений в ту самую неделю.

– Ни одного убийства, – сообщил он через минуту. – Ни одной кражи. Вообще никаких преступлений! Господи Исусе, такое впечатление, что девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого мая округ Уоррен просто спал.

Выйдя из системы, он стал искать в «Гугле».

– Адирондак, – пробормотал он. – Там ничего нет, кроме множества высоких деревьев. И одной-единственной фирмы – «Ред Маунтин индастриз».

– Никогда о такой не слышал, – откликнулся Слейд.

«Ред Маунтин индастриз». Что-то такое ему помнилось. Энглер ввел запрос в поисковую строку и быстро нашел нужное.

– Это крупная частная фирма, подрядчик Министерства обороны. – Он прочитал дальше. – С несколько сомнительной историей, если верить сетевым любителям конспирологических теорий. К тому же засекреченная. Принадлежит некоему Джону Барбо.

– Сейчас я его проверю, – сказал Слейд, обращаясь к компьютеру, перед которым сидел.

Энглер помолчал несколько секунд. Правое полушарие его мозга снова стало думать, и думать быстро. В последний раз Пендергаст видел сына в Бразилии полтора года назад.

– Сержант, ты помнишь ту газетную статью, о которой я тебе говорил? – спросил Энглер. – Когда Пендергаст был в Бразилии полтора года назад, сообщалось о кровавой бойне в глубине джунглей, спровоцированной бледнолицым гринго.

Слейд перестал стучать по клавиатуре:

– Да, сэр.

– А несколько месяцев спустя Альбан тайно едет в Адирондак, штат Нью-Йорк, где находится штаб-квартира «Ред Маунтин», подрядчика Министерства обороны.

Последовало молчание – Слейд переваривал слова Энглера.

– Вы думаете, что за той кровавой бойней стоял Пендергаст? – спросил наконец Слейд. – И что кто-то из «Ред Маунтин» помогал ему? Финансировал проект, поставлял оружие? Что-то вроде наемнических действий?

– Именно такая мысль и посетила меня.

Слейд нахмурился:

– Но зачем Пендергасту ввязываться в такие дела?

– Кто знает? Этот тип – загадка. Но я уверен, что знаю, зачем Альбан ездил в Адирондак. И почему его убили.

Слейд молча ждал, что еще скажет начальник.

– Альбан знал о той кровавой бойне. Велика вероятность того, что он сам при этом присутствовал, – ты помнишь, Пендергаст сказал, что он встречался с сыном один-единственный раз и это было в бразильских джунглях. Что, если Альбан шантажировал своего отца Пендергаста и его подельника из «Ред Маунтин», грозился рассказать о том, что ему

известно? И тогда они совместными усилиями осуществили его убийство.

– Вы хотите сказать, что Пендергаст прикончил собственного сына? – поразился Слейд. – Это уж слишком хладнокровно. Даже для Пендергаста.

– Чтобы шантажировать отца, тоже нужно быть хладнокровным. И взгляни-ка на послужной список Пендергаста – мы с тобой знаем, на что он способен. Может, это и гипотеза, но это и ответ на все вопросы.

– А зачем оставлять тело на пороге Пендергаста?

– Чтобы сбить полицию со следа. Вся эта история с бирюзовым камешком и якобы нападением на Пендергаста в Калифорнии – еще одна дымовая завеса. Вспомни, каким он был поначалу замкнутым, незаинтересованным. А когда я принялся отслеживать перемещения Альбана, тут-то его и припекло.

Наступила еще одна короткая пауза.

– Если вы правы, то мы можем сделать лишь одно, – сказал Слейд. – Съездить в «Ред Маунтин» и поговорить с самим Барбо. Если в этой фирме где-то завелось гнилое яблоко, которое приторговывает оружием и прикарманивает денежки, – а может, и непосредственно участвует в наемнических действиях, – ему об этом следует знать.

– Это рискованно, – возразил Энглер. – Что, если Барбо сам замазан? Тогда мы войдем прямо в клетку ко льву.

– Я только что закончил его проверку. – Слейд похлопал по системному блоку. – Он чист, как свежевыпавший снежок. Скаутский орел[72], в армии служил в подразделении рейнджеров, награжден медалью, дьякон в местной церкви, никаких скандалов, ни одного задержания.

Энглер обдумал услышанное:

– Он будет наилучшей фигурой, чтобы без шума предпринять расследование в собственной компании. А если он сам замаран, несмотря на значок Скаутского орла, то мы сумеем застать его врасплох и вывести на чистую воду.

– Просто с языка у меня сняли, – заметил Слейд. – В любом случае мы узнаем правду. Если наше обращение к нему останется тайной.

– Хорошо. Мы предложим ему сохранить все в тайне, если он пообещает провести добросовестное расследование. А ты пока вот что: сделай всю необходимую бумажную работу, сообщи команде, куда мы направляемся, кого будем допрашивать и когда возвращаемся.

– Уже делаю. – Слейд снова повернулся к компьютеру.

Энглер отложил в сторону карту и встал.

– Следующая остановка – Адирондак, штат Нью-Йорк, – произнес он тихо.

49

Во второй раз менее чем за неделю лейтенант д’Агоста оказался в оружейной комнате особняка на Риверсайд-драйв. Здесь ничего не изменилось: все то же раритетное оружие, стены, отделанные панелями красного дерева, кессонированный потолок. И люди в комнате были те же: Констанс Грин в блузке из тонкой ткани и плиссированной юбке темно-бордового цвета, и Марго, рассеянно улыбнувшаяся д’Агосте. Подозрительным было только отсутствие хозяина особняка, Алоизия Пендергаста.

Констанс заняла место во главе стола. Она казалась еще более загадочной, чем обычно, с ее чопорными манерами и старомодным выговором.

– Благодарю вас обоих за то, что пришли, – сказала она. – Я просила вас об этом, потому что ситуация сложилась чрезвычайная.

Д’Агоста, удобно устроившийся в кожаном кресле, внезапно почувствовал что-то недоброе.

– Мой опекун, наш друг, болен… очень серьезно болен.

– Насколько серьезно? – спросил д’Агоста, подавшись вперед.

– Он умирает.

В комнате наступила мертвая тишина.

– Значит, он был отравлен, как и тот тип в Индио? – спросил д’Агоста. – Проклятье! Где он пропадал все это время?

– Он был в Бразилии, потом в Швейцарии, пытался узнать, почему его отравили и что произошло с Альбаном. В Швейцарии болезнь подкосила его. Я нашла его в женевской больнице.

– А где он сейчас?

– Наверху. Под врачебным наблюдением.

– Насколько я понимаю, потребители эликсира Езекии умирали через несколько месяцев, а то и лет, – сказала Марго. – Видимо, Пендергаст получил дозу очень высокой концентрации.

Констанс кивнула:

– Да. Тот, кто напал на него, знал, что другой возможности ему не представится. Будет логичным допустить, что человек, который напал на Пендергаста в «Солтон-Фонтенбло» и потом умер в Индио, получил еще более сильную дозу.

– Похоже, что так, – подтвердила Марго. – Я получила отчет от доктора Сэмюэлса из Индио. В костях умершего присутствуют такие же необычные вещества, какие я обнаружила в костях миссис Паджетт, только в гораздо более высокой концентрации. Неудивительно, что эликсир убил его так быстро.

– Если Пендергаст умирает, – сказал д’Агоста, вставая, – то почему, черт побери, он не в больнице?

Констанс холодно взглянула на него:

– Он настоял на том, чтобы покинуть больницу в Женеве и лететь домой на частном санитарном самолете. Невозможно уложить человека в больницу против его воли. Он утверждает, что помочь ему никто не в силах, а умирать в больнице он не хочет.

– Господи… – выдохнул д’Агоста. – Что мы можем сделать?

– Нам нужно противоядие. А чтобы его найти, нам нужна информация. Поэтому я вас и пригласила. Лейтенант, расскажите нам о ваших последних успехах.

Д’Агоста потер лоб:

– Не знаю, какое отношение это имеет к делу, но мы выяснили прошлое человека, который напал на Пендергаста. Он жил в Гэри, штат Индиана. Три года назад его звали Говард Рудд, у него была семья и магазин хозтоваров. Он залез в долги, кредиторы оказались плохими людьми, и он в конечном счете исчез, оставив жену и детей. Два месяца назад он появился с новым лицом. Этот человек напал на Пендергаста и, вероятно, убил Виктора Марсалу. Мы пытаемся выяснить, что с ним происходило в течение этих трех лет – где он был, на кого работал. Пока что упираемся в стену. – Д’Агоста взглянул на Марго.

Она ничего не сказала, но ее лицо было бледным.

Воцарилось молчание. Наконец Констанс снова заговорила:

– Не совсем.

Д’Агоста вопросительно посмотрел на нее.

– Я составила список жертв Езекии, предполагая, что за отравление несет ответственность кто-то из потомков. В числе пострадавших были Стивен и Этель Барбо, семейная пара, которая стала жертвой эликсира в

тысяча восемьсот девяносто пятом году, оставив трех сирот, включая и ребенка, зачатого, когда Этель принимала эликсир. Семья жила в Новом Орлеане на Дофин-стрит, всего в двух домах от семейного особняка Пендергастов.

– Почему именно они? – спросил д’Агоста.

– У них есть правнук, Джон Барбо. Он директор военной консалтинговой компании «Ред Маунтин индастриз», человек богатый, ведет затворнический образ жизни. У Барбо был сын, единственный ребенок. Мальчик был талантливым музыкантом. Всегда был слаб здоровьем. Два года назад он заболел. Я не смогла узнать подробностей болезни, но ее необычные симптомы озадачили целую армию врачей и специалистов. Были предприняты титанические усилия, но жизнь мальчику спасти не удалось. – Констанс перевела взгляд с Марго на д’Агосту, потом снова на Марго. – Его история болезни описана в британском медицинском журнале «Ланцет».

– Что вы хотите сказать? – спросил д’Агоста. – Что яд, который убил прабабку и прадеда Джона Барбо, через несколько поколений убил его сына?

– Да. Перед смертью он жаловался на запах гнилых цветов. И я обнаружила несколько других похожих смертей в семье Барбо на протяжении нескольких поколений.

– Я в это не верю, – заявил д’Агоста.

– А я верю, – сказала Марго, заговорив впервые за все это время. – Ваше предположение состоит в том, что эликсир Езекии вызвал эпигенетические изменения[73]. Такие изменения могут передаваться из поколения в поколение. Главная причина эпигенетических изменений – природные яды.

– Спасибо, – сказала Констанс.

Снова наступила короткая пауза.

Д’Агоста поднялся на ноги и принялся беспокойно расхаживать по комнате, пытаясь собраться с мыслями.

– Хорошо. Давайте сведем все воедино. Получается, что Барбо отравил Пендергаста этим эликсиром, чтобы отомстить не только за своих предков, но и за сына. Как эта мысль могла прийти в голову Барбо? Маловероятно, чтобы он знал о несчастье с его прабабкой и прадедом, которые умерли больше века назад. И вообще, весь этот замысел мести: убить Альбана, затолкать ему в желудок камешек бирюзы, выманить Пендергаста на другую часть континента – все это неимоверно сложно. Для чего? Кому такое могло прийти в голову?

– Человеку по имени Тапанес Ланьдберг, – ответила Констанс.

– Кому? – переспросила Марго.

– Ну конечно! – Д’Агоста хлопнул в ладони и резко повернулся. – Альбан! Я ведь говорил вам, что почти за год до того, как его убили, он прилетал в Нью-Йорк, в район Олбани, судя по материалам дела, которое ведет лейтенант Энглер!

– «Ред Маунтин индастриз» находится в Адирондаке, штат Нью-Йорк, – сказала Констанс. – В полутора часах езды от Олбани.

Д’Агоста снова повернулся:

– Альбан. Этот бешеный мерзавец. Из того, что мне говорил Пендергаст, этот негодяй любил играть именно в такие игры. Конечно, с его блестящим умом он наверняка все узнал про эликсир Езекии. И тогда он начал действовать, нашел потомка жертвы эликсира – человека, у которого был и мотив для мести, и средства воплотить план мщения в жизнь. С Барбо он попал в самое яблочко. Вероятно, Альбану стало что-то известно о личности Барбо; этот парень наверняка исповедует принцип «око за око». В других обстоятельствах это выглядело бы даже красиво: Пендергаст расплачивается за свою вину перед обоими – Барбо и Альбаном.

– Да. От этой схемы попахивает Альбаном, – сказала Констанс. – Только он мог придумать всю эту историю с «Солтон-Фонтенбло» и шахтой по добыче бирюзы. А потом явился к Барбо: «Вот вам прекрасный план. Нужно только синтезировать эликсир и заманить туда Пендергаста».

– Получается, что Альбан сам себя переиграл, – заметила Марго.

– Вопрос лишь в том, – подхватил д’Агоста, – как это поможет нам найти противоядие?

– Прежде всего мы должны расшифровать формулу эликсира, чтобы понять, как повернуть его действие вспять. Если Барбо сумел воссоздать эликсир, то сможем и мы. – Констанс огляделась вокруг. – Я изучу коллекции, которые находятся здесь в подвале, папки, семейные архивы, старую химическую лабораторию – вдруг мне удастся обнаружить формулу Езекии. Марго, вы сможете провести углубленные исследования с костей миссис Паджетт? В этих костях содержится важный ключ, судя по тем немалым усилиям, которые предпринял Барбо, чтобы раздобыть одну из них.

– Да, – кивнула Марго. – Отчет коронера, делавшего вскрытие тела Рудда, тоже может помочь раскрыть формулу.

– Что касается меня, – сказал д’Агоста, – то я займусь проверкой этого Барбо. Если окажется, что он виновен, я так на него надавлю, что эта формула выскочит из него…

– *Нет.*

Это слово, долетевшее от дверей оружейной комнаты, было произнесено другим, новым голосом, больше похожим на хриплый шепот. Д’Агоста повернулся на голос. Пендергаст в мятом шелковом халате нетвердо стоял на ногах, опираясь о дверной косяк. Выглядел он хуже смерти, и только глаза его сверкали, как монеты.

– Алоизий! – вскрикнула Констанс, вскакивая на ноги. – Почему ты встал с постели? – Она поспешила к нему, обходя стол. – Где доктор Стоун?

– От доктора нет никакой пользы.

Она попыталась увести его из комнаты, но Пендергаст оттолкнул ее.

– Я должен сказать кое-что. – Он покачнулся, но сумел выпрямиться. – Если вы правы, то человек, который сделал это, оказался способен *убить моего сына*. Это очень сильный и опасный противник. – Он тряхнул головой, прогоняя туман из головы. – Если вы поедете к нему, то подвергнете себя смертельной опасности. Это моя борьба. Я, и только я… доведу это дело… должен довести…

В дверях появился высокий худой человек в очках в роговой оправе и костюме в белую полоску, со стетоскопом, висящим на шее.

– Идемте, мой друг, – мягко сказал. – Вы не должны напрягаться. Давайте вернемся наверх. Мы можем сесть в лифт.

– Нет! – снова возразил Пендергаст, на сей раз слабее.

Усилия, которые он потратил, чтобы подняться с кровати и спуститься сюда, вымотали его. Доктор Стоун бережно, но уверенно увел его. Они исчезли в коридоре, откуда до д’Агосты донесся голос Пендергаста:

– Свет! Как он сверкает! Умоляю, выключите его…

Трое в комнате остались стоять. Д’Агоста заметил, что Констанс, обычно отстраненная и хладнокровная, раскраснелась от волнения.

– Он прав, – сказал д’Агоста. – Этого Барбо голыми руками не возьмешь. Нужно будет все продумать. Мы должны постоянно быть на связи и делиться информацией. Одна ошибка – и нас всех могут убить.

– Поэтому мы не совершим ни одной ошибки, – тихо произнесла Марго.

Кабинет был по-спартански простой и удобный и – в соответствии с личностью хозяина – нес на себе отпечаток военной деловитости. На большом лакированном столе в безукоризненном порядке были расставлены старомодное пресс-папье, органайзер с карандашами и ручками, телефон и фотография в серебряной рамке. Ни компьютера, ни клавиатуры. На деревянной подставке в углу стоял американский флаг. Вдоль задней стены расположились книжные шкафы с томами по военной истории и ежегодниками издательства «Джейнс»: «Броня и артиллерия», «Обезвреживание боеприпасов», «Военный транспорт и логистика». На другой стене висели в рамках медали, награды и благодарности.

За столом сидел человек в деловом костюме, свежей белой рубашке и темно-красном галстуке. Он сидел очень прямо, и костюм на нем выглядел как военная форма. Человек что-то писал перьевой авторучкой, и в кабинете раздавался один-единственный звук – поскрипывание пера. Из панорамного окна была видна небольшая группа однотипных построек в облицовке из черного стекла, обнесенная двумя рядами сеточного ограждения с колючей лентой наверху. За наружным ограждением виднелся ряд деревьев, густых и зеленых, а еще дальше – проблеск синего озера.

Зазвонил телефон, и человек снял трубку.

– Да? – коротко сказал он.

Голос его звучал хрипловато, как будто исходил из самых глубин его широкой груди.

– Мистер Барбо, – раздался в трубке голос секретарши из приемной, – тут два полицейских хотят вас видеть.

– Дайте мне шестьдесят секунд, а потом впустите их, – сказал он.

– Хорошо, сэр.

Человек повесил трубку. Несколько секунд он неподвижно сидел за столом. Потом, кинув взгляд на фотографию, поднялся со стула. Ему было чуть больше шестидесяти, но двигался он без усилий, как двадцатилетний юноша. Он повернулся и посмотрел на себя в маленькое зеркало, висевшее на стене за столом. На него смотрело крупное тяжелое лицо с голубыми глазами, выступающим подбородком и римским носом. Хотя галстук был повязан идеально, человек поправил его. Затем повернулся к дверям своего кабинета.

В этот момент дверь открылась, и секретарша впустила двух человек.

Барбо посмотрел на каждого из них по очереди. Один был высок, со светло-каштановыми волосами, чуть растрепанными ветром. Он

двигался уверенно, с прирожденной грацией спортсмена. Другой был ниже и темнее. Он посмотрел на Барбо ничего не выражающим взглядом.

– Джон Барбо? – спросил высокий.

Барбо кивнул.

– Лейтенант Питер Энглер, нью-йоркская полиция, а это мой коллега, сержант Слейд.

Барбо пожал по очереди протянутые руки и вернулся на свое место за столом.

– Прошу садиться. Кофе, чай?

– Нет, спасибо. – Энглер сел на стул перед столом, Слейд последовал его примеру. – У вас здесь настоящая крепость, мистер Барбо.

Барбо улыбнулся:

– Ну, главным образом это для виду. Фирма – частный подрядчик Министерства обороны. Я обнаружил, что выгодно иметь соответствующий вид.

– Простите мое любопытство, но зачем строить такое мощное предприятие у черта на куличках?

– А почему бы и нет? – ответил вопросом Барбо. Не дождавшись реакции от Энглера, он добавил: – Мои родители прежде приезжали сюда каждое лето. Мне нравится район озера Шрун.

– Понятно. – Энглер положил ногу на ногу. – Здесь у вас очень красиво.

Барбо снова кивнул:

– А кроме того, земля здесь дешевая. «Ред Маунтин» владеет более чем тысячей акров для обучения, моделирования военных действий, испытания боеприпасов и тому подобного. – Он помолчал. – Итак, джентльмены, что привело вас на север штата?

– Откровенно говоря, «Ред Маунтин». По крайней мере, отчасти.

Барбо удивленно нахмурился:

– Правда? Какой интерес может быть у нью-йоркской полиции к моей компании?

– Скажите, чем конкретно занимается «Ред Маунтин индастриз»? – спросил Энглер. – Я попытался посмотреть по Интернету, но ваш официальный сайт очень короткий и совсем неинформативный.

На лице Барбо сохранялось удивленное выражение.

– Мы обеспечиваем подготовку и поддержку правоохранительных органов, служб безопасности и армии. Кроме того, мы разрабатываем новые системы вооружений, а также самые передовые тактические и стратегические теории.

– Понятно. Эти теории распространяются на борьбу с терроризмом?

– Да.

– Вы обеспечиваете не только полевую, но и операционную поддержку?

Барбо ответил, немного помедлив:

– Иногда – да. Так чем я могу быть вам полезен?

– Сейчас я скажу, если вы позволите мне задать еще один-два вопроса. Насколько я понимаю, самым крупным вашим заказчиком является правительство?

– Да, – ответил Барбо.

– И значит, справедливо будет предположить, что сохранение вашей репутации военного подрядчика для вас очень важно? Я имею в виду все эти наблюдательные комиссии конгресса и всякое такое.

– Для меня это имеет огромную важность, – ответил Барбо.

– Разумеется. – Энглер скинул одну ногу с другой и подался вперед. – Мистер Барбо, мы приехали к вам, потому что обнаружили свидетельство одной проблемы внутри вашей организации.

Барбо насторожился:

– Прошу прощения? Какой проблемы?

– Подробности нам неизвестны. Однако мы полагаем, что есть некая персона или персоны – возможно, небольшая группа, но, вероятнее всего, это одиночка, – которые незаконно пользуется ресурсами «Ред Маунтин» и участвуют в нелегальной деятельности. Скорее всего, в продаже оружия частным подразделениям и подготовке наемников.

– Но такого просто не может быть. Мы самым тщательным образом проверяем новых работников, всесторонне изучаем их прошлое в пределах наших возможностей. А все постоянные работники регулярно проходят проверку на детекторе лжи.

– Я понимаю, вам трудно с этим согласиться, – сказал Энглер. – Тем не менее наше расследование привело нас к такому выводу.

Барбо немного подумал и наконец сказал:

– Естественно, джентльмены, в моих интересах помочь вам. Но мы ведем дела настолько добросовестно и осторожно, а иначе в нашем бизнесе нельзя, что я не представляю, как возможно то, о чем вы говорите.

Энглер обдумал свои аргументы:

– Позвольте представить это в несколько ином свете. Если мы правы, то согласились бы вы с тем, что – независимо от деталей – это сделало бы «Ред Маунтин» весьма уязвимым предприятием?

Барбо кивнул:

– Да. Да, сделало бы.

– И если бы так оно и было и такие известия просочились бы в прессу… вы представляете себе, каковы были бы последствия?

Барбо опять задумался. Потом медленно выдохнул.

– Видите ли… – начал он, но тут же замолчал. Встал и обошел стол. Посмотрел сначала на Энглера, потом на сержанта Слейда, который все это время хранил молчание, не встревая в разговор начальника. – Видите ли, я думаю, мы должны поговорить об этом где-нибудь в другом месте. Если я чему-то и научился в жизни, так это тому, что даже у стен есть уши. И даже в таком приватном кабинете, как мой.

Он вышел в приемную, а оттуда в коридор и к лифтам. Нажал кнопку «Вниз», и тут же зашуршали, открываясь, ближайшие двери. Барбо пропустил вперед двух полицейских, вошел сам и нажал кнопку В3.

– В-три? – спросил Энглер.

– Третий подземный уровень. У нас там внизу есть несколько испытательных полигонов. Они звуконепроницаемые и во всех отношениях надежные. Там мы сможем поговорить свободно.

Лифт опустился на самый нижний уровень, двери открылись в длинный бетонный коридор, погруженный в малиновое сияние из-за освещавших его красных ламп в металлической оплетке. Барбо вышел из лифта и прошел по коридору мимо нескольких дверей из толстого стального листа. Наконец он остановился у двери с табличкой «ПОЛИГ-Д», открыл ее, щелкнул по ряду выключателей тыльной стороной ладони, убедился, что здесь никого нет, и пригласил двух полицейских войти.

Лейтенант Энглер обвел взглядом стены, пол и потолок, отделанные каким-то черным вулканизированным изолирующим материалом.

– Это нечто среднее между залом для игры в сквош и камерой для заключенных, склонных к самоубийству.

– Как я уже сказал, здесь нас никто не услышит. – Барбо закрыл дверь и повернулся к полицейским. – Меня очень беспокоит то, что вы говорите, лейтенант. Но я настроен на самое тесное сотрудничество с вами.

– Я в вас не сомневался, – ответил Энглер. – Сержант Слейд проверил вашу биографию, и мы уверены, что вы из тех людей, которые живут, согласуясь с законом.

– В чем именно нужна моя помощь? – спросил Барбо.

– Проведите частное расследование. Помогите нам выявить этого агента или агентов. Мистер Барбо, суть в том, что мы не заинтересованы в преследовании «Ред Маунтин». Мы вышли на вас окольным путем, расследуя одно убийство. Мой интерес – в разоблачении потенциального подозреваемого, причастного к этому убийству. Мы полагаем, что он может быть связан с коррумпированными проходимцами, затесавшимися в вашу фирму.

Барбо нахмурился:

– И кто же этот подозреваемый?

– Один агент ФБР, которого я пока не стану называть. Но если вы будете с нами сотрудничать, я позабочусь о том, чтобы название «Ред Маунтин» не было упомянуто в деле. Я отправлю агента ФБР под суд, а вы избавитесь от гнилого яблока в вашей фирме.

– Коррумпированный агент ФБР, – сказал Барбо себе под нос. – Занятно. – Он посмотрел на Энглера. – И это все, что вы знаете? У вас больше нет никакой информации об этом гнилом яблоке в моей компании?

– Никакой. Поэтому-то мы и обратились к вам.

– Понятно. – Барбо перевел взгляд на сержанта Слейда. – Можешь застрелить его прямо сейчас.

Лейтенант Энглер моргнул, словно пытаясь понять эту абракадабру. Он повернул голову к своему коллеге, но Слейд уже извлек пистолет из кобуры. Он спокойно поднял его и два раза быстро выстрелил в голову Энглера. Голова лейтенанта откинулась назад, тело рухнуло на пол, и секунду спустя над ним поднялось легкое облачко из крови и серого мозгового вещества.

Звук выстрелов был эффективно приглушен звуконепроницаемыми стенами помещения. Слейд, убирая пистолет, посмотрел на Барбо:

– Почему вы позволили ему зайти так далеко?

– Я хотел знать, что ему известно.

– Я бы и так вам сказал.

– Ты хорошо поработал, Лумис, и получишь соответствующее вознаграждение.

– Надеюсь. Те пятьдесят тысяч в год, что вы платили мне раньше, не соответствуют моим усилиям. Вы даже не представляете, сколько ниточек мне пришлось подергать, чтобы дело Альбана Пендергаста было передано Энглеру.

– Не думай, что я не ценю тебя, мой друг. Но теперь у нас есть неотложные дела. – Барбо подошел к телефону на стене у двери, снял трубку и набрал номер. – Ричард? Это Барбо. Я на испытательном полигоне Д. Тут у нас черт знает что. Пожалуйста, пришли кого-нибудь из хозяйственной службы прибраться. А потом собери специальную команду. Заседание в час дня в моем личном конференц-зале. У нас изменились приоритеты.

Он повесил трубку и осторожно переступил через тело, лежащее в быстро увеличивающейся луже крови.

– Сержант, – сказал он, – постарайся, чтобы тебе на подошвы ничего этого не попало.

51

Констанс Грин стояла перед большим книжным шкафом в библиотеке на Риверсайд-драйв, 891. Огонь в камине угасал, свет был притушен, и дом погрузился в тишину. Тихие звуки из спальни наверху, такие бесконечно тревожные, наконец смолкли. Но волнение в мыслях Констанс не утихало. Доктор Стоун все настоятельнее требовал, чтобы Пендергаста поместили в больницу, в отделение интенсивной терапии. Констанс запретила делать это. После посещения клиники в Женеве ей стало ясно, что больница может лишь ускорить конец.

Она прикоснулась к маленькой ампуле цианистого калия во внутреннем кармане платья. Если Пендергаст умрет, эта ампула станет ее персональным страховым полисом. В жизни они никогда не были вместе, но, возможно, после смерти их прах будет перемешан.

Но Пендергаст не должен умереть. От его болезни наверняка есть лекарство. Оно хранится где-то в заброшенных лабораториях и пыльных папках в хаосе подвальных помещений особняка на Риверсайд-драйв. Длительное изучение семейной истории Пендергастов, а в особенности истории Езекии Пендергаста, убедило Констанс в этом.

«Если мой предок Езекия, чья жена умирала от эликсира, не смог найти противоядия, то как его могу найти я?» – сказал ей Пендергаст.

И в самом деле, как?

Констанс сняла с полки тяжелый том. Когда она сделала это, раздался приглушенный щелчок, и два соседних шкафа бесшумно развернулись на смазанных маслом петлях, открывая медную решетку старомодного лифта. Констанс вошла в лифт, закрыла решетку и повернула медный рычаг. Старинная машина задребезжала и стала спускаться. Несколько секунд спустя кабина дернулась и остановилась, Констанс вышла в темную комнату. В ноздри ей ударил слабый запах аммиака, пыли и плесени. Это был знакомый запах. Она хорошо знала подвал – настолько хорошо, что ей почти не требовалось света, чтобы перемещаться здесь. Подвал в буквальном смысле был для нее вторым домом.

И все же Констанс вынула из держателя на стене электрический фонарик и включила его. Она пошла по лабиринту коридоров, которые привели ее к старой двери, покрытой слоем патины. За дверью находилась заброшенная операционная. В луче фонарика сверкнула металлическая каталка, рядом обнаружились подставка для капельницы, окутанная паутиной, луковицеобразный аппарат ЭКГ и поднос из нержавеющей стали со всевозможными хирургическими инструментами. Констанс подошла к дальней оштукатуренной стене. Быстро нажала на каменную панель, и часть стены ушла внутрь. Констанс вошла в проем, осветив фонариком винтовую лестницу, вырезанную в скальной породе Верхнего Манхэттена.

Она спустилась по лестнице в нижний подвал особняка. Внизу лестница выходила в длинный сводчатый проход с земляным полом. Выложенная кирпичом дорожка уходила далеко вперед через кажущийся бесконечным ряд помещений. Констанс пошла по этой дорожке, минуя кладовки, ниши, склепы. Луч ее фонарика высвечивал бесконечные ряды шкафов, заполненных бутылками с химикалиями всех цветов и оттенков, сверкающими, как драгоценные камни на свету. Это были остатки коллекции, которую собрал Антуан Пендергаст, известный широкой публике под псевдонимом Енох Ленг, – двоюродный прадедушка агента Пендергаста и один из сыновей Езекии Пендергаста.

Химия была семейным увлечением.

Жена Езекии, которую тоже звали Констанс («Странное совпадение, – подумала Констанс. – А может, и не странное»), умерла от эликсира, изобретенного ее мужем. Судя по семейным преданиям, в эти последние отчаянные недели ее жизни Езекия наконец осознал, что представляет собой его чудодейственное медицинское средство. Когда его жена умерла в ужасных мучениях, он покончил с собой и был похоронен в оцинкованном семейном склепе в Новом Орлеане, под старым семейным домом, известным как особняк Рошнуар. После того как

толпа сожгла Рошнуар, склеп этот был навсегда закрыт и теперь находился под асфальтом автомобильной парковки.

Что случилось после этого с лабораторией Езекии, его химическими составами и записями? Погибли ли они в огне? Или же его сын Антуан унаследовал все, что было связано с химическими изысканиями отца, и вывез наследство в город Нью-Йорк? Если да, то эти вещи и документы находятся здесь, в заброшенных лабораториях нижнего подвала. Три других сына Езекии не интересовались химией. Комсток стал фокусником и приобрел на этом поприще некоторую известность. Боэций, прадед Пендергаста, стал путешественником и археологом. Констанс так и не удалось выяснить, чего добился Морис, четвертый брат; она узнала только, что он рано умер от алкоголизма.

Если после Езекии остались записки, лабораторное оборудование или препараты, то Антуан (или доктор Енох, как предпочитала думать о нем Констанс) был единственным, кто мог проявить к ним интерес. А если так, то, возможно, в этом подвале находятся какие-то наметки формулы Езекии для его эликсира-убийцы.

Сначала формула, потом противоядие. И все это нужно успеть, прежде чем Пендергаст умрет.

Миновав несколько камер, Констанс прошла под аркой в романском стиле, украшенной выцветшим гобеленом, и оказалась в комнате, где царил настоящий хаос. Полки были перевернуты, бутылки разбиты, их содержимое вытекло на пол, – результат столкновения, которое произошло здесь полтора года назад. Они с Проктором пытались навести порядок в подвале, и это было одно из последних помещений, ожидавших восстановления. На полу валялась разоренная энтомологическая коллекция Антуана, разбитые пузырьки с сушеными осиными брюшками, крыльями стрекоз, переливчатыми грудными секциями жуков и засохшими пауками.

Констанс прошла через следующую арку в помещение, наполненное чучелами птиц отряда воробьиных, а оттуда – в самую необычную часть нижнего подвала: собранную Антуаном коллекцию всякой всячины. Здесь были чемоданы, набитые такими странными предметами, как парики, дверные ручки, корсеты, китовый ус, туфли, зонтики, прогулочные трости, а также экзотическое оружие – аркебузы, пики, шестоперы, бердыши, секиры, копья, бомбарды и боевые молоты. Кроме того, здесь находилось старинное медицинское оборудование, в том числе и ветеринарное, часть его в свое время, по-видимому, интенсивно использовалась. За всем этим причудливым образом следовала коллекция оружия, военной формы и всевозможного оборудования времен Первой мировой войны. Констанс немного задержалась здесь, не без интереса осмотрев медицинскую и военную коллекции.

Дальше шли пыточные приспособления: медные быки, дыбы, пальцевые тиски, «железные девы», и самое отвратительное из всех – «груша страданий». В середине комнаты стояла плаха, рядом лежали топор, кусок свернувшейся человеческой кожи и клок волос – свидетельства некоего страшного события, произошедшего здесь пять лет назад, приблизительно в то время, когда агент Пендергаст стал ее опекуном. Констанс окинула все эти устройства бесстрастным взглядом. Ее не особенно волновали свидетельства необыкновенной человеческой жестокости. Напротив, все это лишь подтверждало, что ее мнение о человечестве было правильным и не требовало пересмотра.

Наконец она оказалась в том помещении, ради которого и спустилась сюда: в химической лаборатории Антуана. Она распахнула дверь, и ее взгляду предстали ряды всевозможной стеклянной посуды, цилиндрическое дистилляционное оборудование, титрационные комплекты и другое оборудование конца XIX – начала XX века. Много лет назад она проводила здесь немало времени, помогая своему первому опекуну. Тогда она не видела ничего, что было бы полезно ей сейчас. Однако она была уверена, что если Антуан унаследовал что-то от своего отца, то искать нужно здесь.

Констанс поставила электрический фонарь на стол со сланцевой столешницей и огляделась. Она решила, что начнет поиски с дальнего угла.

На длинных столах стояли химические приборы, по большей части покрытые густым слоем пыли. Она быстро просмотрела содержимое ящиков, нашла много записей и старых газет, но все они относились ко времени после смерти Езекии и были посвящены собственным уникальным изысканиям Антуана, связанным главным образом с кислотами и нейротоксинами. Не найдя ничего в ящиках, Констанс начала просматривать содержимое старинных дубовых шкафов, стоящих вдоль стен и все еще наполненных химикалиями за рифленым стеклом дверец. Она внимательно просмотрела бутылочки, флаконы, ампулы и баллоны, но на всех были этикетки с аккуратным каллиграфическим почерком Антуана – и ничего с колючим, неровным почерком Езекии, который она помнила по предыдущим своим разысканиям.

Закончив осмотр содержимого шкафов, Констанс начала проверять их верх, дверцы, ящики, днища, петли – не обнаружится ли где потайного отделения. И почти сразу же нашла таковое: большое пространство за ящиком в одном из столов со сланцевой столешницей.

Ей потребовалось несколько минут, чтобы отыскать пружинный запорный механизм и отпереть его. Внутри потайного отделения стояла

большая бутыль, наполненная жидкостью. К бутыли была приклеена этикетка с надписью:

Трифлатная кислота

CF_3SO_3H

Сентябрь 1940

Бутыль была закрыта с подстраховкой: стеклянную пробку слегка оплавили на огне, и, вставленная в горлышко, она намертво соединилась со стеклом бутыли. 1940 год – слишком далеко от Езекии. Но почему бутыль была спрятана? Констанс сделал себе заметку на память разузнать об этой кислоте, о которой она никогда не слышала.

Закрыв тайник, она продолжила поиски.

Первоначальный осмотр лаборатории не принес никаких результатов. Здесь требовались более тщательные поиски.

Констанс огляделась, освещая все вокруг фонариком, и заметила, что один из шкафов прикреплен к камню анкерными болтами, которые когда-то в далеком прошлом явно вынимались, а потом вставлялись заново.

С помощью металлической полоски она вытащила один за другим все болты, без особого труда выходившие из потрескавшегося камня. Наконец шкаф удалось отодвинуть от стены. За ним обнаружился старинный кожаный саквояж, заплесневелый и изъеденный насекомыми.

С такими саквояжами, вероятно, ходили в старину коммивояжеры, торговавшие медицинскими средствами. Констанс взяла саквояж, перевернула и увидела на нем остатки изысканного викторианского золотого тиснения, образующего большой рисунок, плотно испещренный сложными узорами, переплетающимися ветками, листьями и цветами. Она едва разобрала буквы:

СОСТАВ ЭЛИКСИРА И ВОССТАНОВИТЕЛЯ ЖЕЛЕЗ ЕЗЕКИИ

Отодвинув в сторону стеклянную посуду, она положила саквояж на стол и попыталась его открыть. Он был заперт. Но от легкого рывка старые петли сломались.

Саквояж был пуст, если не считать засохшей мыши.

Констанс вытащила мышь, подняла саквояж, перевернула его и осмотрела снизу. Ничего, ни клапанов, ни швов. Она снова перевернула саквояж, задумалась, прикинула на вес.

Там явно было спрятано что-то тяжелое под ложным дном. Взмах ножа вдоль основания саквояжа – и перед ней открылось потайное отделение, куда была засунута старая кожаная записная книжка. Констанс осторожно вытащила ее и раскрыла на первой странице, испещренной неровным, колючим почерком.

Она просмотрела эту страницу, потом быстро перелистала книжку до конца. И начала читать о другой женщине по имени Констанс, известной в семье под уменьшительным именем Станца…

52

6 сентября 1905 года

Темнота. Я нашел ее в темноте – как это не похоже на мою Станцу! Она больше всего любила свет. Даже в плохую погоду, когда тучи собирались над городом, она первая надевала чепец и шаль, чтобы, как только из-за туч выглянет солнце, выйти на берег Миссисипи. Но сегодня я нашел ее в шезлонге – она дремала в своей гостиной, за плотно закрытыми жалюзи. Она, казалось, удивилась моему присутствию и как-то виновато повела плечами. Несомненно, это временное нервное расстройство или что-то по женской части. Она очень сильная женщина, самая лучшая, и я больше не буду об этом думать. Я дал ей дозу эликсира с помощью гидрокониума, и после этого она заметно успокоилась.

Е. К. П.

19 сентября 1905 года

Состояние Станцы все больше меня беспокоит. Приступы эйфории (она становится веселой, легкомысленной, паясничает, что для нее вовсе не характерно) перемежаются у нее с периодами черной депрессии (она либо уходит в свою гостиную, либо ложится в постель). Она жалуется на то, что ее преследует запах лилий, поначалу он был приятный, но потом к нему добавился сладковато-навязчивый запах гнили. Кроме упоминания о лилиях, я замечаю, что она перестала быть такой же откровенной со мной, как раньше, и это заботит меня, пожалуй, больше всего. Мне бы хотелось проводить с ней больше времени, чтобы понять, что ее беспокоит, но, увы, возникшие в последнее время неприятности отнимают все мое время. Это какая-то чума – столько глупцов, которые суют нос в чужие дела и по неведению пытаются уничтожить мой бизнес.

Е. К. П.

30 сентября 1905 года

Эта статья в «Кольерс» в том виде, в котором она появилась, – самый кошмарный удар отвернувшейся от меня фортуны. Мой эликсир многократно доказывал свою действенность как омолаживающее и

целительное средство. Многие тысячи людей благодаря ему получили заряд бодрости и силы. Но об этом забывают под крики невежественных, необразованных «реформаторов» в области чудодейственных медицинских средств. Реформаторы, как бы не так! Завистливые, докучливые педанты. Нелегка борьба за улучшение условий жизни человечества – достаточно посмотреть на то, каким нападкам подвергаюсь я.

Е. П.

4 октября 1905 года

Кажется, я нашел причину болезни Станцы. Хотя она и старалась всячески скрыть это от меня, я узнал (после ежемесячного переучета), что почти три дюжины бутылочек эликсира исчезли из шкафов хранения. Только три человека имеют ключи к этим шкафам: я, Станца и мой помощник Эдмунд, который в настоящее время находится за границей – собирает и анализирует новые растения. Сегодня утром, глядя в окно моей библиотеки, я увидел, как Станца выскользнула из дома и отдала пустые бутылочки мусорщику.

В надлежащих дозах эликсир, разумеется, самое лучшее средство. Но, как и во всем, неумеренное потребление может привести к серьезным последствиям.

Что мне делать? Сказать ей? Наши отношения всегда строились на представлениях о приличиях, нравственности и доверии; она ненавидит всякие сцены. Что мне делать?

Е. П.

11 октября 1905 года

Вчера, недосчитавшись еще с полдюжины бутылочек эликсира в шкафах, я понял, что должен поговорить об этом со Станцей. В результате между нами произошло очень некрасивое объяснение. Она говорила мне такие гадости – я даже представить не мог, что она на это способна. Теперь она удалилась в свои комнаты и отказывается выходить.

Желтая пресса продолжает нападки на меня и на мой эликсир в особенности. В другое время я бы, как и прежде, отвергал их всеми фибрами моего существа. Однако мои собственные домашние дела так отвлекают меня, что я не могу сосредоточиться на этих проблемах. Благодаря моей упорной работе финансовая стабильность семьи восстановлена в такой степени, что никакие будущие злоключения ей не страшны. Но меня это мало утешает, в свете вновь возникших сложностей более личного порядка.

Е. П.

13 октября 1905 года

Почему она не откликается на мои мольбы? Я слышу, как она плачет по ночам за запертой дверью. Какие страдания она испытывает и почему отказывается от моей помощи?

Е. П.

18 октября 1905 года

Сегодня я наконец был допущен в комнаты моей жены. И все благодаря ее преданной горничной Нетти, которая чуть с ума не сошла от волнения за здоровье Станцы.

Войдя к Станце, я понял, что тревоги Нетти вполне обоснованны. Моя дорогая жена удручающе бледна и худа. Она не принимает никакой еды и не встает с кровати. Ее постоянно мучают боли. Врачей я не приглашал (по медицинским знаниям я превосхожу новоорлеанских шарлатанов и знахарей, которые выдают себя за врачей), но я вижу, что она тает на глазах с ужасающей быстротой. Неужели всего два месяца назад мы ехали в карете по дамбе и Станца улыбалась, пела и смеялась, сияя здоровьем и молодой красотой? Мое единственное утешение в том, что Антуан и Комсток, которые сейчас в школе, не видят этого ужасного состояния матери. Боэция отвлекают нянька и учителя, и пока мне удавалось уходить от его вопросов о здоровье матери. Морис, дай бог ему здоровья, слишком мал, чтобы понимать, что происходит.

Е.

21 октября, 1905 года

Да простит меня Господь, но сегодня, отчаявшись и более не надеясь на другие средства, я уступил мольбам Станцы и принес ей гидрокониум и эликсир. Облегчение, чуть ли не животный голод, который она продемонстрировала при виде моего изобретения, отдались в моем сердце такой болью, какой я еще никогда не чувствовал. Я позволил ей сделать один глубокий вдох. Ее крики и проклятия мне вслед, когда я уходил с бутылкой в руке, слишком мучительны – не могу о них вспоминать. Я обнаружил, что наша прежняя ситуация мучительно вывернулась наизнанку: теперь не она от меня запирается, скорее я теперь должен ее запирать.

…Что же я наделал?

26 октября 1905 года

Очень поздно. Я сижу за своим столом, передо мной чернильница и лампа. Чудовищная ночь, ветер воет, дождь стучит в окна.

Станца плачет в своей спальне. Время от времени из-за надежно запертой двери я слышу ее мучительные сдавленные стоны.

Больше я не могу отрицать того, что так долго отказывался принимать. Я говорил себе, что работаю только ради общего блага, для улучшения жизни. Я искренне верил во все это. Разговоры о том, что мой эликсир вызывает привыкание, безумие, даже патологические роды – все это я объяснял невежественными слухами. Или кознями тех химиков и фармацевтов, которые выиграют от провала эликсира. Но даже у моего лицемерия есть свои пределы. Понадобилось довести мою жену до печального, поистине прискорбного состояния, чтобы с моих глаз отпала чешуя[74]. Это я виноват. Мой эликсир никакое не лечебное средство. Он устраняет симптомы, а не причины. Он вызывает привыкание, а его первоначальное позитивное воздействие в конце концов приводит к таинственным и смертельным побочным эффектам. И теперь Станца платит высокую цену за мою близорукость, а вместе с ней и я.

1 ноября 1905 года

Самый мрачный из всех ноябрей. Станца слабеет с каждым днем. Теперь ее мучают галлюцинации и изредка судороги. Вопреки собственным представлениям о медицине, я пытаюсь облегчить ее боль с помощью морфия и дополнительных ингаляций эликсира, но даже и от этого теперь мало пользы; они, похоже, только ускоряют ее увядание. Боже мой, боже мой, что мне делать?

5 ноября 1905 года

В черноте, каковой стала теперь моя жизнь, появился проблеск света. Я увидел отчаянную возможность (маленькую, но все-таки существующую) изготовить средство, так сказать, противоядие эликсиру. Позавчера мне пришла в голову одна мысль, и с тех пор я занят только этим.

Судя по моим наблюдениям за Станцей, болезнетворное воздействие эликсира обусловлено особой комбинацией его составляющих, при которой совокупный эффект великолепных и хорошо зарекомендовавших себя средств (таких как кокаин и ацетанилид) аннулируется и искажается под воздействием экстрактов редких растений.

Негативное воздействие – следствие присутствия этих экстрактов. Рассуждая логически, такое воздействие может быть скомпенсировано другими растительными экстрактами. Если бы я смог блокировать воздействие растительных экстрактов, то можно было бы приостановить

вызываемую эликсиром изнурительную физическую и умственную деградацию таким же образом, как калабарские бобы нейтрализуют отравление белладонной.

Этим противоядием я, возможно, сумею помочь не только моей несчастной Станце, но и тем другим, кто из-за моей корысти и близорукости страдает, как она.

…Ах, поскорее бы вернулся Эдмунд! Он отправился в трехлетнее путешествие для сбора целебных трав и растений в экваториальных джунглях. Я со дня на день жду возвращения его парового пакетбота. В отличие от многих моих так называемых ученых собратьев, я твердо верю, что туземцы диких мест этой планеты могут многому научить нас в том, что касается природных целебных средств. Мои собственные путешествия по землям индейцев Великих равнин научили меня этому. Я понемногу продвигаюсь, но растения, которые я опробовал до сих пор (кроме Thismia americana, на которую я возлагаю большие надежды), не представляются эффективными средствами против изнуряющего эффекта моего треклятого тоника.

8 ноября 1905 года

Наконец-то вернулся Эдмунд! Он привез десятки весьма любопытных растений, которым туземцы приписывают чудодейственные целительные свойства. Искра надежды, которую несколько дней назад я даже не смел лелеять, снова ярко загорелась во мне. Эта работа занимает все мое время, мне некогда спать, некогда есть. Я не могу думать ни о чем другом. Ко всему списку экстрактов, использованных в моем эликсире, у меня есть противоядия, включая кору каскары, каломель, масло мари белой, экстракт печали Ходжсона. И экстракт Thismia americana.

Но некогда писать, слишком многое нужно успеть. И на это осталось очень мало времени: Станца чахнет с каждым днем. Она превратилась в тень прежней Станцы. Если я не добьюсь успеха, причем быстро, она уйдет в мир теней.

12 ноября 1905 года

Я потерпел неудачу.

До последней секунды я был уверен в успехе. Химический синтез казался идеальным решением. Я не сомневался, что нашел точный ряд и пропорции химических соединений (перечисленных на задней обложке этой тетради), которые при кипячении дают раствор, способный противодействовать эликсиру. Я дал Станце несколько порций – у

бедняжки ничего не удерживается в желудке, – но это не дало эффекта. Сегодня ранним утром ее страдания стали настолько невыносимы, что я помог ей уйти в мир иной.

На этом я кончаю делать записи. Я потерял самое дорогое, что было у меня в жизни. Земные узы более не держат меня в рабстве. Я записываю эти последние слова не как живое существо, а как тот, кто пребывает духом вместе со своей мертвой женой, а скоро соединится и наш прах.

D’entre les morts[75]

Езекия Комсток Пендергаст

Взгляд Констанс надолго остановился на этих последних словах. Потом она задумчиво перевернула страницу – и замерла. Там был полный список веществ, растений и экстрактов с описанием этапов приготовления, и все это под заголовком «Et contra arganum» – «Формула противоядия».

Под этим списком оказалось еще одно послание, но написанное другим почерком и гораздо более свежими чернилами – красивым, плавным почерком, так хорошо знакомым Констанс.

Моя дражайшая Констанс,

зная твое врожденное любопытство, твой интерес к семейной истории Пендергастов и твое пристрастие к изучению подвальных коллекций, я не сомневаюсь, что в какой-то момент твоей долгой, долгой жизни ты набредешь на эти записки.

Тебе не показалось, что чтение этих записок доставляет немало беспокойства? Конечно показалось. Можешь себе представить, насколько мучительным было это для меня – читать описанную моим отцом историю поисков средства от той болезни, которой он же сам и наградил мою мать, Констанс. (Кстати, то, что ты носишь такое же имя, – далеко не случайность.)

Величайшая ирония состоит в том, что мой отец был очень близок к успеху. Понимаешь, судя по проделанному мной анализу, его противоядие должно было подействовать. Но он совершил незначительную ошибку. Полагаешь, он был настолько ослеплен горем и чувством вины, что просто не заметил своей маленькой оплошности? Тут можно только догадываться.

Будь осторожна, Констанс.

Остаюсь твоим преданным и т. д.

Доктор Енох Ленг

Винсент д’Агоста сидел на своем стуле, тупо уставясь в монитор компьютера. Шел седьмой час. Д’Агоста отменил встречу с Лорой в корейском ресторане за углом и был полон решимости не вставать с места, пока не сделает все, что в его силах. А потому сидел, упрямо глядя в монитор, словно пытаясь выдавить из него что-то полезное.

Он целый час просматривал базу нью-йоркской полиции, рылся в других базах в поисках информации о Джоне Барбо и «Ред Маунтин индастриз», и все с абсолютно нулевым результатом. В нью-йоркской полиции на этого человека ничего не было. Мало что принес и онлайновый поиск. После короткой, но успешной службы в морской пехоте Барбо, происходивший из богатой семьи, основал «Ред Маунтин» – военную консалтинговую компанию, которая со временем стала крупнейшей в стране частной организацией, предоставляющей услуги в области безопасности. Барбо родился в Чарльстоне шестьдесят один год назад; он был вдовцом; его единственный сын умер от неизвестной болезни всего два года назад. Кроме этого, д’Агосте ничего не удалось узнать. «Ред Маунтин» была крайне скупа на информацию, и сайт компании не давал ему почти никакого материала, от которого можно было бы оттолкнуться в дальнейших поисках. Но скупость на информацию не является преступлением. Подобные онлайн-слухи ходили вокруг многих военных подрядчиков. Несколько одиноких голосов, вопиющих в цифровой пустыне, обвиняли «Ред Маунтин» в причастности к нескольким военным переворотам в Африке и Латинской Америке, в наемнических действиях, в теневых военных операциях… но это были люди того же типа, как те, кто заявлял, что Элвис все еще жив и обитает на Международной космической станции. Д’Агоста, вздохнув, хотел уже выключить компьютер.

И тут он вспомнил кое-что. Месяцев шесть назад по инициативе консультантов полиции, прежде входивших в Агентство национальной безопасности, была запущена программа по сканированию всех документов нью-йоркской полиции и переводу сканов в текстовую информацию. Суть этой программы состояла в том, чтобы в конечном счете выявить взаимосвязи между всеми полицейскими документами и таким образом, возможно, довести до суда все висяки. Но, как и многие другие инициативы, эта практически зашла в тупик. Расходы не укладывались в смету, консультантов уволили, проект двигался ни шатко ни валко, и никто даже приблизительно не мог назвать дату его окончания.

Д’Агоста уставился на экран компьютера, размышляя. Исполнители должны были начать с ввода в систему новейших документов, а потом двигаться назад, оцифровывая все более и более старые. Но ввиду сокращения штатов и объема поступающих каждый день новых материалов команда оцифровщиков, судя по ходившим слухам,

практически толкла воду в ступе. Никто этой базой данных не пользовался, и она пребывала в состоянии первобытного хаоса.

Впрочем, поиск не займет много времени. К счастью, фамилия Барбо была довольно редкой.

Д’Агоста снова вошел в базу нью-йоркской полиции, пробрался через ряд меню и вышел на домашнюю страницу проекта. Выглядела она довольно по-спартански.

ИСАИД нью-йоркской полиции

Интегрированная система анализа и извлечения данных

ПРИМЕЧАНИЕ: работает в режиме бета-тестирования

Под этим располагалась плашка с текстом. Д’Агоста кликнул по ней, чтобы активировать, набрал «Барбо» и нажал расположенную рядом кнопку ввода.

К собственному удивлению, он тут же получил результат:

Учетный номер 135823_P

Предмет: Барбо Джон

Формат: JPG (с потерями)

Метаданные: доступны

– Черт меня побери, – пробормотал он.

Рядом с этим текстом была иконка документа. Д’Агоста кликнул по иконке, и перед ним на экране появился официальный документ. Это была записка из полицейского управления в Олбани, присланная в порядке дружеского обмена в департамент нью-йоркской полиции шесть месяцев назад. В ней сообщалось о слухах, исходящих от «неназванных третьих сторон», о незаконной торговле оружием, осуществляемой фирмой «Ред Маунтин индастриз» в Южной Америке. Однако, утверждалось в документе, эти слухи не находят подтверждения, фирма во всех остальных отношениях имеет безупречную репутацию, поэтому дело было закрыто, а расследование так и не передано по иерархии в БПНО[76].

Д’Агоста нахмурился. Почему он не обнаружил эту информацию по обычным каналам?

Он кликнул по экрану и прочел сопутствующие метаданные. Там было сказано, что физическая копия записки подшита в досье Альберта Барбеччи в архиве нью-йоркской полиции. В заголовке указывалось, что документ был подан сержантом Лумисом Слейдом.

Еще нисколько кликов, и д’Агоста открыл досье Альберта Барбеччи. Барбеччи был мелким гангстером, умершим семь лет назад.

Барбо. Барбеччи. Ошибка при внесении документов. Неаккуратная работа. Д’Агоста покачал головой. Подобная неаккуратность была нехарактерна для Слейда. Лейтенант взял телефонную трубку, заглянул в справочник и набрал номер.

– Слейд, – послышался ровный голос на другом конце провода.

– Сержант? Говорит Винсент д’Агоста.

– Да, лейтенант.

– Мне тут попался на глаза документ по некоему Барбо. Слышали о нем?

– Нет.

– А должны были бы. Вы поместили этот документ не в то досье. Он оказался в досье Барбеччи.

Пауза.

– А-а. Это. Из Олбани, верно? Дурацкая ошибка. Виноват.

– Я бы хотел узнать, как к вам попала эта служебная записка.

– Ее мне дал Энглер, чтобы я отнес в архив. Насколько мне помнится, это дело полиции Олбани, а не наше. И оно не получило подтверждения.

– А почему этот документ вообще попал к Энглеру? Он его запрашивал?

– Извините, лейтенант. Понятия не имею.

– Хорошо. Я сам у него спрошу. Он на месте?

– Нет. Взял несколько дней отпуска и уехал к родственникам на север.

– Ладно, поговорю с ним попозже.

– Всего доброго, лейтенант.

Раздался щелчок: Слейд повесил трубку.

54

– Зачитывайте список ингредиентов, – сказала Марго. – Будем разбираться с ними по очереди.

– Аква вита, – начала Констанс.

Она сидела в библиотеке особняка на Риверсайд-драйв, положив старую тетрадь на колени. Шел двенадцатый час дня. Марго по срочному

вызову Констанс бросила работу и приехала к ней. Изящные руки Констанс слегка дрожали от возбуждения, лицо порозовело. Однако она надежно контролировала эмоции.

Марго кивнула:

– Это старое название водного раствора этанола. Можно заменить водкой. – Она сделала запись в своем блокноте.

Констанс вернулась к чтению тетради:

– Дальше идет лауданум.

– Настойка опия. В Штатах ее до сих пор прописывают. – Марго сделала еще одну запись, прищурившись: хотя время шло к полудню, окна библиотеки были зашторены и в комнате стоял полумрак. – Нужно, чтобы доктор Стоун выписал нам рецепт.

– В этом нет нужды. В подвале много лауданума, – сказала Констанс.

– Хорошо.

Еще одна пауза, и Констанс вновь сверилась с записью в старой тетради:

– Вазелиновое масло. Каломель… Каломель – это, кажется, хлористая ртуть. В подвале есть несколько банок.

– Вазелиновое масло можно купить в любой аптеке, – заметила Марго.

Она просмотрела список из дюжины веществ в своем блокноте. Несмотря ни на что, она чувствовала прилив надежды. Поначалу сообщение Констанс о противоядии Езекии и эта старая тетрадь показались ей бесперспективным делом. Но теперь…

– Кора каскары, – продолжила Констанс, возвращаясь к тетради. – Я не знаю, что такое каскара.

– То же, что и крушина Пурша, – пояснила Марго. – Rhamnus purshiana. Ее кора использовалась – и до сих пор используется – во многих травяных добавках.

Констанс кивнула и прочитала:

– Масло мари белой.

– Это второе название цитварного масла, – кивнула Марго. – Оно обладает легкой токсичностью, но все же часто использовалось в знахарских средствах девятнадцатого века.

– Тогда в подвале должны найтись запасы. – Констанс помолчала. – Остались два последних ингредиента: экстракт печали Ходжсона и экстракт Thismia americana.

– Мне ничего не известно ни о том, ни о другом, – сказала Марго. – Но это явно какие-то растительные средства.

Констанс встала и вытащила из шкафа огромный ботанический словарь. Положила его на стойку и начала листать.

– Печаль Ходжсона. Водяное растение, лилия ночного цветения семейства кувшинковых, имеет эффектный темно-розовый цвет. Наряду с необычным цветом обладает очень необычным запахом. О фармакологических свойствах здесь ничего не сказано.

– Интересно.

Констанс дочитала статью до конца:

– Произрастает только на Мадагаскаре. Очень редкая. Ценится собирателями водяных лилий.

В библиотеке повисло молчание.

– Мадагаскар, – пробормотала Марго. – Черт.

Она вытащила из сумочки планшетник, вышла в Интернет и запросила «Печаль Ходжсона». Быстро прокрутила пальцем список.

– Слава богу. Кажется, образец есть в Бруклинском ботаническом саду. – Она вышла на сайт Ботанического сада и после нескольких манипуляций сказала: – Она в Водном доме, это часть большой оранжереи. Но как ее заполучить?

– Есть лишь один способ.

– Какой?

– Украсть.

Мгновение спустя Марго кивнула.

– И теперь последний ингредиент. – Констанс снова взялась за словарь. – Thismia americana… Растение обнаружено в болотах вокруг чикагского озера Калумет. Цветет менее месяца над землей. Представляет интерес для ботаников не только потому, что локализовано лишь в этом месте, но и потому, что является микогетеротрофом.

– Это редкий вид растений, – пояснила Марго, – которые паразитируют на подземных грибах и не используют фотосинтез.

Констанс внезапно замерла. Она вперилась взглядом в словарь, на ее лице застыло странное выражение.

– Судя по тому, что здесь написано, растение считается вымершим приблизительно с тысяча девятьсот шестнадцатого года, когда места его произрастания были застроены.

– Вымершим?

– Да. – Голос Констанс зазвучал трагически. – Несколько лет назад небольшая группа волонтеров провела тщательные поиски в дальнем пригороде Чикаго с конкретной целью обнаружить Thismia americana. Эти поиски не увенчались успехом.

Она положила книгу и подошла к затухающему огню в камине. Остановилась, глядя на огонь и скручивая в руках носовой платок, не в силах произнести ни слова.

– Шанс остается, – сказала Марго. – Может быть, образец есть в коллекции музея.

Она снова взялась за планшетник, вышла на интернет-портал музея, ввела свое имя и пароль, открыла онлайновый каталог ботанического отдела и ввела запрос: «Thismia americana».

Ничего.

Марго опустила планшетник на колени. Констанс продолжала скручивать платок.

– Посмотрю, нет ли в музее чего-то подобного, – сказала Марго. – Микогетеротрофы очень похожи один на другой и, возможно, обладают одинаковыми фармакологическими свойствами.

Констанс быстро повернулась к ней:

– Идите в музей. Возьмите там все похожие образцы, какие удастся найти.

Марго подумала, что это тоже, конечно, будет воровство. Господи боже, что из всего этого может получиться? Но когда она вспомнила о Пендергасте, лежащем наверху, ей стало ясно, что выбора у них нет. После паузы она сказала:

– Мы кое о чем забываем.

– О чем?

– Противоядие, о котором написал здесь Езекия… оно не сработало. Его жена все равно умерла.

– В заключительной записке Ленга сказано о маленькой ошибке. Одной небольшой оплошности. Вы не представляете, что это за оплошность?

Марго снова обратилась к формуле. Состав и в самом деле был простой, если не говорить о двух последних в высшей степени необычных растительных средствах.

– Это может быть что угодно, – сказала она, покачав головой. – Неправильные пропорции. Ошибка при приготовлении. Не тот ингредиент. Неожиданная реакция.

– Думайте, пожалуйста, думайте!

Марго услышала, как рвется тонкая ткань носового платка в руках Констанс. Она попыталась собраться с мыслями, тщательно обдумывая каждый ингредиент. Но, кроме двух необычных последних составляющих, ничто не вызывало затруднений. Все остальные вещества были достаточно известными, их приготовление тоже было вполне стандартным. Вероятно, с двумя редкими ингредиентами и была связана «оплошность».

Она прочитала описание приготовления. Из обоих растений были приготовлены экстракты с использованием стандартного способа – кипячения. Обычно это срабатывало, но в некоторых случаях при кипячении изменялись естественные свойства сложных растительных протеинов. В наши дни наилучшим способом получения растительного экстракта для фармакологических нужд считалось применение хлороформа.

Марго подняла голову.

– Более эффективным будет получение экстракта из этих двух растений при комнатной температуре с помощью хлороформа, – сказала она.

– В коллекции наверняка есть хлороформ. Давайте поспешим.

– Сначала мы должны будем опробовать полученное средство. Мы понятия не имеем, что содержится в этих двух растениях. Может быть, смертельно опасный яд.

Констанс посмотрела на нее:

– На опробование нет времени. Вчера вечером Пендергаст вроде бы немного ожил, но теперь произошел решительный поворот в худшую сторону. Езжайте в музей. Сделайте все возможное, чтобы заполучить микогетеротрофы. А я тем временем соберу все ингредиенты, какие найдутся в подвале, и… – Она замолчала, увидев выражение лица Марго. – Что, какая-то проблема?

– Музей, – ответила Марго.

– Конечно. Самое подходящее место, чтобы отыскать необходимые вещества.

– Но они находятся… в подвале.

– Вы знаете музей лучше меня, – сказала Констанс.

Марго не ответила, и Констанс продолжила:

– Эти растения абсолютно необходимы, если мы хотим иметь хоть какую-то надежду на спасение Пендергаста.

– Да. Да, я знаю. – Марго судорожно сглотнула и убрала планшетник в сумочку. – А что мы будем делать с д’Агостой? Мы обещали держать с ним связь, но я не уверена, что ему стоит сообщать об этих… планах.

– Он полицейский. Помочь нам в этом он не сможет, разве что остановит нас.

Марго кивнула, соглашаясь.

Констанс кивнула в ответ:

– Удачи.

– И вам тоже. – Марго помедлила. – Мне любопытно. Эта записка в тетради. Она обращена к вам. Как это могло получиться?

Повисло молчание. Наконец Констанс ответила:

– До Алоизия у меня был другой опекун. Доктор Енох Ленг. Человек, который и написал это послание в конце.

Марго помедлила, ожидая. Констанс никогда не говорила о себе, Марго фактически ничего о ней не знала. Много раз она спрашивала себя, откуда вдруг появилась Констанс и каковы ее истинные отношения с Пендергастом. Но сейчас в голосе Констанс слышалась более мягкая, почти доверительная нотка.

– Доктор Енох проявлял необыкновенный интерес к некоторым областям химии. Я иногда помогала ему в лаборатории. Помогала проводить его эксперименты.

– И когда это было? – спросила Марго.

Это показалось ей странным: судя по внешности, Констанс было лет двадцать с небольшим, а Пендергаст уже немало лет являлся ее опекуном.

– Давно. Я была тогда совсем ребенком.

– Понятно. – Марго помолчала. – А какой областью медицины интересовался доктор Енох?

– Кислотами. – Констанс слабо улыбнулась – это была рассеянная, почти ностальгическая улыбка.

55

Все те годы, что Марго сотрудничала с Музеем естественной истории, Йоргенсен пребывал «на пенсии». И тем не менее он каждый день продолжал занимать угловой кабинет, в котором постоянно находился, словно и не уходил домой (если у него вообще был дом), и ворчал на любого, кто его беспокоил. Марго остановилась у полуоткрытой двери, не зная, постучать или нет. Она видела, что старик склонился над образцами каких-то бобовых и разглядывает их с помощью лупы. Он был абсолютно лыс, лишь кустистые брови щетинились на лице.

Она решилась и постучала:

– Доктор Йоргенсен?

Старик повернул голову и уставился на нее блеклыми голубыми глазами. Он ничего не ответил, но, судя по выражению лица, был недоволен.

– Извините, что беспокою.

Ответом ей было уклончивое мычание. Приглашения войти не последовало, и Марго вошла без приглашения.

– Меня зовут Марго Грин, – сказала она, протягивая руку. – Я прежде работала здесь.

Еще одно мычание, и сухая рука встретилась с ее рукой. Йоргенсен поднял брови:

– Марго Грин… Ах да. Вы работали здесь, когда случились эти жуткие убийства. – Он покачал головой. – Я был другом бедняги Уиттлси…

Марго проглотила слюну и поспешила переменить тему.

– Это было давно. Я едва помню эти убийства, – солгала она. – Я хотела спросить…

– Но я-то помню, – сказал Йоргенсен. – И вас помню. Забавно, что ваше имя всплыло недавно. Где тут это?..

Он пошарил взглядом по кабинету, но, ничего не найдя, снова уставился на Марго.

– Что случилось с тем высоким чубатым парнем, с которым вы пошли в обход? Помните, ну тот, который любил звук своего голоса?

– Он умер, – поколебавшись, ответила Марго.

Йоргенсен обдумал эту новость:

– Умер? Темные были дни. Столько народу умерло. Значит, вы перебрались на более сочное пастбище?

– Перебралась. – Она помолчала. – Тут для меня было слишком много дурных воспоминаний. Я теперь работаю в одном медицинском фонде.

Йоргенсен кивнул, и это воодушевило Марго.

– Я ищу помощи. Совета квалифицированного ботаника.

– Слушаю.

– Вы знакомы с микогетеротрофами?

– Да.

– Отлично. Меня интересует растение, которое называется Thismia americana.

– Оно вымерло.

Марго глубоко вздохнула:

– Я знаю. Я надеялась… думала… может быть, в коллекции музея есть образцы подобных микогетеротрофов?

Йоргенсен откинулся на спинку стула и сложил пальцы домиком. Марго поняла, что ей сейчас прочитают лекцию.

– Thismia americana, – нараспев произнес ученый, словно и не услышав ее последних слов, – весьма знаменитое растение в ботанических кругах. Оно не только вымерло, но и в период своего существования было одним из самых редких известных растений. Лишь один ботаник видел его и взял его образцы. Растение исчезло около тысяча девятьсот шестнадцатого года по причине строительного бума в Чикаго. Оно исчезло без следа.

Марго сделала вид, что с интересом выслушала эту короткую лекцию, хотя все эти подробности были ей уже известны. Йоргенсен замолчал, так и не ответив на ее вопрос.

– Значит, только один ботаник взял образцы этого растения? – спросила она.

– Верно.

– И что случилось с этими образцами?

Старческое лицо Йоргенсена при этом вопросе скривилось в необычной улыбке.

– Они, естественно, находятся здесь.

– Здесь? В музейной коллекции?

Кивок.

– А почему этого растения нет в онлайновом каталоге?

Йоргенсен пренебрежительно взмахнул рукой:

– Потому, что эти образцы находятся в хранилище гербария. Для них есть отдельный каталог.

От такого везения Марго чуть не потеряла дар речи.

– А как мне получить к ним доступ?

– Никак.

– Но мне это необходимо для моих исследований.

Йоргенсен сделал несчастное лицо.

– Моя дорогая девочка, – начал он. – Доступ в хранилище гербария имеют только хранители музея, да и то с письменного разрешения самого директора. – Тоном школьного учителя он проговорил: – Эти образцы вымерших растений очень хрупки, и неопытным дилетантам допуск к ним строжайше запрещен.

– Но я не неопытный дилетант. Я этнофармаколог, и у меня есть веские, очень веские основания исследовать этот образец.

Кустистые брови снова взметнулись.

– Что же это за основания?

– Я занимаюсь медициной девятнадцатого века…

– Минуточку, – прервал ее Йоргенсен. – Вот теперь я вспомнил, в связи с чем всплыло ваше имя! – Сухая рука змеей проползла к пачке бумаг на столе и взяла верхнюю бумагу. – Я недавно получил памятную записку, касающуюся вашего статуса в музее.

Марго вздрогнула:

– Что?

Йоргенсен посмотрел на бумагу и протянул ее Марго:

– Читайте сами.

Это была служебная записка от Фрисби, адресованная всем сотрудникам ботанического отдела. Записка была короткой.

Прошу иметь в виду изменение статуса стороннего исследователя доктора Марго Грин, этнофармаколога из Института Пирсона. Ее доступ к коллекциям понижается с уровня 1 до уровня 5. Вступает в действие немедленно.

Марго прекрасно знала, что означает этот бюрократический язык: доступ пятого уровня подразумевал отсутствие всякого доступа.

– И когда вы это получили?

– Сегодня утром.

– Почему же вы сразу не сказали?

– Я теперь не обращаю внимания на все эти директивы. Вообще чудо, что я вспомнил об этой бумажке. В восемьдесят пять память у меня стала уже не та.

Марго замерла, пытаясь взять себя в руки. Если она вспылит перед Йоргенсеном, то пользы от этого будет мало. «Лучше сказать ему правду», – решила она.

– Доктор Йоргенсен, у меня есть друг, который тяжело болен. Он фактически умирает.

Неторопливый кивок.

– Единственное, что его может спасти, – это экстракт растения Thismia americana.

Йоргенсен нахмурился:

– Моя дорогая девочка…

Марго с трудом сглотнула. Ее ужасно утомили эти «дорогие девочки».

– …не может быть, чтобы вы это серьезно. Если это растение и в самом деле спасет ему жизнь, то покажите мне медицинское заключение на этот счет, подписанное врачом.

– Позвольте мне объяснить. Моего друга отравили, и экстракт этого растения, вероятно, является частью противоядия. Ни одному врачу об этом не известно.

– То, что вы говорите, – знахарство чистой воды.

– Я вам клянусь…

– Но даже если бы это и было законно, – продолжил он, прерывая ее, – я бы ни за что не позволил уничтожить образец *вымершего* растения, последнего в своем роде, ради единичного случая медикаментозного

лечения. Разве может сравниться ценность жизни обычного человека с сохранением *последнего образца вымершего растения*?

– Вы…

Марго посмотрела на его лицо, на котором было написано крайнее неодобрение. Она была огорошена тем, что он искренне считает, будто научный образец дороже человеческой жизни. Нет, ей никогда не достучаться до этого человека.

Ее мысли понеслись вскачь. Несколько лет назад ей довелось побывать в хранилище гербария, и, насколько она помнила, это был настоящий бункер с наборным замком. Комбинации цифр на таких замках в целях безопасности регулярно менялись. Она взглянула на Йоргенсена, который, нахмурившись, смотрел на нее, скрестив руки на груди, и ждал, что она закончит начатую фразу.

Он сказал, что память у него в последнее время ослабела. Вот что было важно. Марго оглядела кабинет. Где он мог записать комбинацию цифр? В книге? На листе бумаги в столе? Она вспомнила старый фильм Хичкока «Марни» – там бизнесмен хранил листок с комбинацией цифр от своего сейфа в запертом ящике стола секретарши. Запись могла храниться в тысяче мест, хотя этот кабинет и был невелик. Может быть, ей удастся обманом выудить из него эти сведения?

– Доктор Грин, могу я чем-нибудь еще?..

Если она быстро не придумает что-нибудь, то никогда не попадет в этот подвал… и Пендергаст умрет. Ставки были очень высоки.

Он посмотрела прямо в глаза Йоргенсену:

– Где вы прячете комбинацию цифр от замка на дверях хранилища?

Его глаза на мгновение метнулись в сторону, но потом старик снова уставился на нее:

– Что за оскорбительный вопрос?! Я и без того потратил на вас массу времени. До свидания, доктор Грин.

Марго поднялась и вышла. В тот краткий миг после ее вопроса Йоргенсен непроизвольно скользнул взглядом к точке над ее головой, и она, покидая кабинет, увидела, что на этом месте висит небольшая ботаническая гравюра в рамке.

Она почти не сомневалась, что за этой рамочкой находится сейф с записью нужной ей комбинации цифр. Но как выманить Йоргенсена из этого чертового кабинета? И даже если она найдет этот сейф, то где ей взять комбинацию цифр, которая открывает *его*? И даже если она сумеет

узнать эту комбинацию, хранилище гербария расположено в глубинах музейного подвала…

Тем не менее стоит попытаться.

Марго остановилась посреди коридора. Нажать кнопку пожарной тревоги? Но это будет означать эвакуацию всего крыла и, возможно, навлечет немало неприятностей на ее голову.

Она пошла дальше, минуя кабинеты и лаборатории по обеим сторонам. Время ланча еще не закончилось, и народа здесь было относительно мало. В одной из музейных лабораторий она увидела внутренний телефон, вошла внутрь и уставилась на него. Может, позвонить Йоргенсену, прикинувшись чьей-нибудь секретаршей, и попросить прийти на заседание? Но он не был похож на человека, который ходит на заседания… или который благосклонно воспримет такое приглашение. И потом, скорее всего, ему известны голоса большинства секретарш.

Но должен же быть какой-то способ выманить его из кабинета. И этот способ – разозлить его, чтобы он в ярости напустился на кого-нибудь из коллег.

Она сняла трубку, но позвонила не Йоргенсену, а в кабинет доктора Фрисби. Изменив голос, она сказала:

– Я звоню из ботанического отдела. Будьте добры, позовите доктора Фрисби. У нас тут проблема.

Через несколько секунд ответил запыхавшийся Фрисби:

– Да, в чем дело?

– Мы получили вашу служебную записку по поводу этой женщины, доктора Грин, – сказала Марго приглушенным голосом.

– И что? Неужели она явилась и вам докучала?

– Вы знаете старого доктора Йоргенсена? Он добрый приятель доктора Грин. Боюсь, что он не желает выполнять ваше требование и собирается допустить ее к коллекции. Он все утро возмущался вашей служебной запиской, а вы знаете, как трудно иметь дело с доктором Йоргенсеном…

Фрисби бросил трубку. Марго ждала в пустой лаборатории, поглядывая через приоткрытую дверь. Через минуту-другую она услышала шаркающие шаги, и мимо прошел взбешенный Йоргенсен с красным лицом, выглядевший довольно крепким для своих лет. Он явно направлялся в кабинет Фрисби, намереваясь поставить его на место.

Марго поспешила назад по коридору и, к своему облегчению, увидела, что Йоргенсен в спешке оставил дверь в кабинет приоткрытой. Она проскользнула внутрь, осторожно закрыла дверь и сняла со стены гравюру в рамочке.

Ничего. Никакого сейфа, просто голая стена.

У нее подкосились ноги. Почему же он посмотрел в этом направлении? На стене больше ничего не было. То ли он случайно скользнул сюда взглядом, то ли она не смогла точно отследить направление? Марго уже собиралась повесить гравюру на место, как вдруг заметила клочок бумаги, прилепленный сзади к рамке клейкой лентой, а на бумажке – ряд цифр. Все цифры, кроме последней группы, были вычеркнуты.

56

Алоизий Пендергаст лежал в кровати, стараясь не двигаться. Любое движение, даже самое незначительное, приносило ему невыносимые мучения. Он даже не мог вздохнуть поглубже, чтобы насытить кислородом кровь, потому что в его грудь через грудные мышцы и нервы вонзались тысячи раскаленных иголок. Он ощущал чье-то темное присутствие в изножье кровати, демоницу, готовую вспрыгнуть на него и задушить. Но каждый раз, когда он хотел посмотреть на нее, она исчезала – и появлялась, стоило ему отвести взгляд.

Он пытался прогнать боль силой воли, затеряться в привычной обстановке своей спальни, сконцентрироваться на картине, висящей на противоположной стене, – поздней работе Тёрнера «Шхуна близ Бичи-Хед»[77], одной из немногих картин, в которых он находил утешение. Порой он часами созерцал многослойность света и тени на этой картине, то, как Тёрнер изобразил языки пены и трепещущие на штормовом ветру паруса. Но боль и омерзительный запах гниющих лилий – приторно-сладкий, как смердение разлагающейся плоти, – делали такой умственный побег невозможным.

Болезнь отобрала у него все обычные механизмы управления эмоциями или физической болью. Воздействие морфия закончилось, а следующая доза ожидалась лишь через час. Перед ним был один лишь пейзаж боли, раскинувшийся во все стороны за горизонт.

Даже страдая от невыносимой боли, Пендергаст понимал, что у его болезни есть свои приливы и отливы. Если он сумеет пережить накатившую на него волну, то она рано или поздно схлынет и он получит временное облегчение. Он снова будет способен дышать, разговаривать, даже сможет подняться с кровати и пройтись по комнате. Но потом боль вернется, как возвращалась всегда, и с каждым разом будет становиться сильнее и продолжаться дольше. Он чувствовал, что вскоре боль вообще перестанет уходить – и тогда наступит конец.

И вот теперь на периферии его сознания появился гребень этой болевой волны: ползущая по краю поля зрения чернота, своего рода знак, предупреждение, что через считаные минуты он потеряет сознание. Поначалу он приветствовал это облегчение. Но вскоре наступило жестокое прозрение: он понял, что на самом деле никакого облегчения не наступает. Потому что чернота вела не в пустоту, а в галлюциногенный скрытый мир его подсознания, который в определенных отношениях был еще хуже боли.

Вскоре чернота сжала его в своих объятиях, подняла с кровати и вынесла из сумрачной комнаты, как отлив, уносящий от берега уставшего пловца. Наступило короткое тошнотворное ощущение падения. А потом темнота растворилась, открывая сцену, будто занавес в театре.

Он стоял на опасном выступе затвердевшей лавы у края действующего вулкана. Сумерки уже опустились. Слева от него ребристые склоны вулкана вели к отдаленному берегу, такому далекому, словно в другом мире, где на кромке пенистого прилива стояли маленькие группки выбеленных домиков, пронзая тьму светом из окон. Прямо впереди и ниже его находилась бездонная пропасть – чудовищная рана, раздирающая самое сердце вулкана. Пендергаст видел живую лаву, кипящую внутри, как кровь, сверкающую злобным красным сиянием в тени поднимающегося над ней кратера. Из бездны вылетали облака серы и черные хлопья пепла, тут же подхватываемые порывами ветра и разносящиеся по воздуху.

Пендергаст точно знал, где находится: он стоял на гребне Бастименто вулкана Стромболи и смотрел на печально известную Шиара-дель-Фуоко – Огненную лавину. Он уже стоял на этом гребне три года назад, когда стал свидетелем одной из самых жутких трагедий своей жизни.

Но теперь это место выглядело иначе. Страшное и в лучшие времена, оно превратилось в сущий кошмар в театре горячечных галлюцинаций Пендергаста. Купол неба был не темно-фиолетовым, как это бывает в сумерках, а скорее болезненно-зеленым, цвета тухлых яиц. Яростные вспышки оранжевых и голубых молний рассекали небеса. Распухшие алые облака стремительно проносились перед гаснущим, желтоватым солнцем. И вся эта сцена освещалась призрачным киношным светом.

Оглядывая этот дьявольский пейзаж, Пендергаст вздрогнул, увидев человека. Тот сидел в шезлонге не далее чем в десяти футах от него, на карнизе из застывшей лавы, ненадежно нависающем над дымящейся Шиара-дель-Фуоко. На человеке были солнцезащитные очки, соломенная шляпа, рубашка в цветочек и бермуды. Он попивал из высокого стакана что-то вроде лимонада. Пендергасту не нужно было подходить ближе – он и без того узнал в профиль этот орлиный нос,

аккуратную бородку, рыжеватые волосы. Это был его брат Диоген. Диоген, исчезнувший на этом самом месте в ходе той ужасающей сцены, что разыгралась между ним и Констанс Грин.

На глазах у Пендергаста Диоген медленно сделал большой глоток лимонада. С безмятежным видом туриста, глазеющего на Средиземное море с балкона отеля в Ницце, он посмотрел вниз, на кипящую ярость Шиара-дель-Фуоко.

– Ave, Frater[78], – сказал он, не поворачиваясь к Пендергасту.

Пендергаст не ответил.

– Я бы спросил тебя о твоем здоровье, но в сложившихся обстоятельствах это было бы лицемерием.

Пендергаст молча взирал на эту странную материализацию: его мертвый брат, удобно расположившийся в шезлонге на краю кратера действующего вулкана.

– Знаешь, – продолжал Диоген, – я нахожу иронию – и весьма уместную иронию – твоего нынешнего положения почти ошеломляющей. После всего, что было между нами, после всех моих козней ты умираешь не от моей руки, а от руки собственного чада. Твоего собственного сына. Подумай об этом, брат! Хотелось бы мне с ним встретиться: у нас с Альбаном много общего. Я многому мог бы его научить.

Пендергаст не ответил. Какой смысл реагировать на горячечные галлюцинации!

Диоген сделал еще глоток лимонада.

– Но что делает эту иронию столь восхитительно полной, так это то, что Альбан – всего лишь катализатор твоей смерти. Настоящий убийца – твой прапрадед Езекия. Вот как аукаются грехи отцов! Мало того что тебя убивает эликсир его производства, так еще именно из-за эликсира косвенная его жертва, этот Барбо, сделал тебя объектом своей мести. – Диоген помолчал. – Езекия, Альбан, я. Милая семейка, не правда ли?

Пендергаст хранил молчание.

Продолжая сидеть вполоборота, Диоген смотрел на неистовое зрелище, бурлящее у него под ногами.

– Я думал, ты будешь рад этой возможности искупления.

Уязвленный, Пендергаст наконец заговорил:

– Искупления? За что?

– И это спрашиваешь ты, с твоей щепетильностью, с твоим закоснелым представлением о морали, с твоим бессмысленным желанием нести добро в мир? Для меня всегда оставалось загадкой, почему тебя не мучает тот факт, что мы всю жизнь живем в довольстве и достатке благодаря состоянию, которое сколотил Езекия.

– Ты говоришь о том, что произошло сто двадцать пять лет назад.

– Разве прошедшие годы как-то уменьшили страдания его жертв? Сколько времени нужно, чтобы смыть с этих денег всю кровь?

– Это ложный силлогизм. Езекия не гнушался выбором средств для зарабатывания денег, но мы – невинные приобретатели его богатства. Деньги приходят и уходят. Мы ни в чем не виноваты.

Диоген издал смешок, почти заглушенный ревом вулкана. Потом покачал головой:

– Разве это не парадокс, что я, Диоген, стал твоей совестью?

Изнуряющая боль из реальной жизни начала прорываться в галлюцинацию. Пендергаст подошел к жерлу вулкана, выпрямился.

– Я… – начал он. – Я… не… виновен. И я не собираюсь спорить с галлюцинацией.

– С галлюцинацией?

Только теперь Диоген наконец повернулся к брату. Правая сторона его лица – та, что была в профиль обращена к Пендергасту, – выглядела такой же нормальной и тонко вылепленной, как всегда. Но левая была страшно обожжена, от подбородка до линии волос кожу стягивала красноватая рубцовая ткань, похожая на древесную кору, скуловая кость и пустая глазница были обнажены и оставались белыми.

– Продолжай утешать себя этим, frater, – прокричал он сквозь рев горы.

Так же медленно, как поворачивался к Пендергасту, Диоген отвернулся, спрятав искалеченную сторону своего лица и вновь устремив взгляд на Шиара-дель-Фуоко. И в этот момент сцена ночного кошмара стала подрагивать, блекнуть, исчезать, и Пендергаст снова остался один в своей спальне с приглушенным светом, омываемый новыми волнами боли.

57

Глубоко внизу под спальней Пендергаста, в одном из последних помещений нижнего подвала стояла, тяжело дыша, Констанс. Через плечо у нее был перекинут ремень черной нейлоновой сумки, с платья свисали клочья паутины.

Она дошла до конца коллекции доктора Еноха. Шел третий час дня, и она уже несколько часов пыталась найти необходимые компоненты для противоядия. Поставив нейлоновую сумку, она снова просмотрела список, хотя и без того отлично знала, чего не хватает. Хлороформа и масла мари белой.

Она нашла бутыль хлороформа, но оказалось, что та была плохо запечатана и содержимое за прошедшие годы испарилось. Хлороформ можно было получить по рецепту, но это заняло бы слишком много времени, к тому же Констанс полагала, что убедить доктора Стоуна выписать рецепт будет непросто. А вот масло мари белой было куда более серьезной проблемой, потому что из-за своей токсичности оно более не применялось в травяных наборах. Если она не найдет масло здесь, значит удача ей изменила. Оно непременно должно было храниться где-то в коллекции, поскольку являлось обычным компонентом чудодейственных средств прошлого.

Но пока это масло не попалось ей на глаза.

Констанс двинулась назад, проходя под арками из помещения в помещение. По пути вперед она пропустила несколько разгромленных хранилищ, но теперь собиралась осмотреть и их. Они с Проктором вот уже несколько месяцев предпринимали отчаянные попытки расчистить подвал: сгребали в кучи битое стекло, осторожно убирали разбитые артефакты и просыпанные химикалии.

Что, если бутыли с нужным ей маслом были среди тех разбитых и выброшенных?..

Она остановилась в единственном помещении, к уборке которого они еще не приступали. Здесь повсюду валялись перевернутые полки, на полу, усыпанном веществами разного цвета и покрытом засохшими липкими лужами, сверкали и переливались миллионы кусочков битого стекла. В воздухе, словно токсичный миазм, висел зловещий запах плесени. Но не все было разбито: многие бутыли лежали целыми на полу, а некоторые полки все еще стояли ровно или в наклонном положении, заполненные сосудами всевозможных цветов, на каждом из которых виднелась этикетка с надписью, сделанной изящным почерком Еноха Ленга.

Констанс стала просматривать бутыли на полках, избежавших разгрома. Бутыли позвякивали под ее пальцами, пока она перебирала одно латинское название за другим, бесконечную череду веществ.

От этого можно было сойти с ума. Система каталогизации, которой пользовался доктор Енох, существовала только у него в голове, и после его смерти Констанс так и не смогла разгадать ее. Она подозревала, что и системы-то никакой толком не существовало, просто доктор, с его

фотографической памятью, запомнил местонахождение всех химикалий в коллекции.

Закончив просматривать одну полку, Констанс перешла к другой, потом к следующей. Одна бутылка упала на пол и разбилась, и Констанс ногой отшвырнула осколки в сторону. В ноздри ей ударил отвратительный запах. Она перебирала бутылки все быстрее и быстрее, в спешке роняя их на пол. Посмотрела на часы – три.

Зашипев от досады, она перешла к проверке бутылей, лежащих на полу. Скользя ногами по битому стеклу, она наклонялась, брала в руки бутыль, читала этикетку и отбрасывала бутыль в сторону. Здесь было много масел – календулы, семени бурачника, примулы, коровяка, корня лаконоса, но только не мари белой. В приступе отчаяния Констанс набросилась на одну из полок, которые были уже обследованы, и вывернула ее содержимое на пол. Бутыли упали с грохотом и плеском, и в нос ей ударила поистине невыносимая вонь.

Констанс отошла в сторону. Подобная потеря контроля была непростительной. Глубоко вздохнув несколько раз, она взяла себя в руки и начала просматривать последние полки.

И вдруг увидела большую бутыль с надписью «Марь белая». Прямо перед собой.

Она схватила бутыль, положила в сумку и продолжила искать хлороформ. И нашла чуть ли не в соседней бутылочке – маленькой, хорошо закупоренной. Засунув и эту бутылку в сумку, она двинулась к лестнице, ведущей к лифту.

Она восприняла это неожиданно вернувшееся везение как благоприятный знак. Но стоило ей войти в библиотеку и задвинуть на место шкафы, как она увидела миссис Траск, протягивающую ей телефонную трубку.

– Это лейтенант, – пояснила она.

– Скажите, что меня нет.

Всем своим видом выражая неодобрение, миссис Траск продолжала протягивать ей трубку:

– Он говорит, дело безотлагательное.

Констанс взяла трубку и сделала усилие над собой, чтобы голос звучал по-дружески.

– Да, лейтенант?

– Я хочу, чтобы вы и Марго немедленно приехали ко мне.

– Мы сейчас очень заняты, – сказала Констанс.

– У меня появилась жизненно важная информация. В этом участвуют очень, *очень* плохие люди. Вам с Марго грозит смертельная опасность. Я хочу помочь.

– Вы не можете нам помочь, – заявила Констанс.

– Почему?

– Потому что… – Она не договорила.

– Потому что у вас на уме какая-то противозаконная дрянь?

Ответа он не получил.

– Констанс, немедленно приезжайте сюда. Или, черт меня побери, я приеду с полицейским подкреплением и привезу вас сам.

58

– Давайте подведем итоги, – сказал д'Агоста. День клонился к вечеру, и Марго с Констанс сидели в кабинете лейтенанта. – Вы говорите, что нашли целительное средство для Пендергаста?

– Противоядие, – уточнила Констанс. – Составленное Езекией Пендергастом для снятия эффектов его собственного эликсира.

– Однако вы не уверены.

– Стопроцентной уверенности нет, – сказала Марго. – Но мы должны попробовать.

Д'Агоста откинулся на спинку стула. Все это казалось ему безумием.

– И у вас есть все ингредиенты?

– Кроме двух, – ответила Марго. – Это растения, и мы знаем, где их взять.

– Где?

Молчание.

Д'Агоста взглянул на Марго:

– Позвольте, я выскажу предположение: вы собираетесь ограбить музей.

Снова молчание. Лицо у Марго побелело, на нем застыло напряженное выражение, но в глазах горели упрямые искорки.

Д'Агоста провел рукой по лысеющей макушке и посмотрел на двух несговорчивых женщин, сидевших напротив него:

– Слушайте, я уже давно работаю копом. Я не идиот и понимаю, что вы затеяли что-то противозаконное. Откровенно говоря, меня это сейчас не волнует. Пендергаст мой друг. Но меня волнует, сможете ли вы достать эти растения. И при этом остаться в живых. Вы меня понимаете?

Марго нехотя кивнула.

Д'Агоста перевел взгляд на Констанс:

– А вы?

– Понимаю, – сказала Констанс, но по ее лицу можно было понять, что она не согласна. – Вы говорили, что у вас есть жизненно важная информация. Какая?

– Если я не ошибаюсь, этот Барбо гораздо опаснее, чем можно себе представить. Вам понадобится защита. Позвольте, я помогу вам добыть эти растения, где бы они ни находились.

Снова молчание. Наконец Констанс поднялась:

– Как вы сможете нам помочь? Сами ведь сказали, что то, что мы собираемся сделать, противозаконно.

– Констанс права, – подхватила Марго. – Вы видите перед собой красную линию? Послушайте, Пендергаст, ваш друг, умирает. У нас почти не осталось времени.

Д'Агоста почувствовал, что теряет самообладание:

– Я прекрасно осознаю, почему готов перешагнуть через эту красную линию. Слушайте, черт возьми, если вы не позволите мне помочь вам, то я посажу вас обеих в камеру. Прямо сейчас. Ради вашей же защиты.

– Если вы это сделаете, Пендергаст точно умрет, – заявила Констанс.

Д'Агоста выдохнул:

– Я не позволю вам двоим носиться по городу, изображая из себя копов. Барбо и его люди все время на шаг опережали нас. Как я буду себя чувствовать, если вместо одной смерти на моей совести окажутся три? Он вполне может попытаться остановить вас.

– Надеюсь, что попытается, – сказала Констанс. – А теперь, боюсь, мы должны идти.

– Клянусь, я этого не допущу.

– Допустите, – спокойно проговорила она.

Д'Агоста поднялся:

– Сидите здесь. Никуда не выходите.

Он вышел из своего кабинета, закрыл за собой дверь и подошел к сержанту Джозефусу, занимавшему дальний стол:

– Сержант, видишь тех двух женщин у меня в кабинете? Когда они уйдут, ты пойдешь за ними. Наблюдение двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю до дальнейшего распоряжения.

Джозефус посмотрел в сторону кабинета д’Агосты. Д’Агоста проследил за его взглядом. Через стеклянную дверь были видны Констанс и Марго – они о чем-то разговаривали.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Джозефус. Он вытащил официальный бланк. – Если бы вы назвали мне их имена…

Д’Агоста задумался на секунду и махнул рукой:

– Отставить. У меня другая идея.

– Как прикажете, лейтенант.

Д’Агоста открыл дверь в свой кабинет, вошел и обратился к женщинам:

– Если вы собираетесь в музей, чтобы похитить какие-то растения, то вы должны опасаться не охранников, а людей Барбо. Вы меня поняли?

Обе кивнули.

– Идите.

Они вышли.

Д’Агоста уставился в пустую дверь, полный бессильного гнева. Проклятье, он в жизни не встречал двух более несносных женщин. Но есть один хороший способ обеспечить их безопасность. Или, по крайней мере, уменьшить их вероятность встречи с Барбо. Этот способ состоял в том, чтобы выписать ордер на задержание этого человека, доставить его для допроса и задерживать в отделении, пока эти женщины заняты тем, чем они там заняты. Но чтобы выписать ордер, ему нужно собрать все имеющиеся у него свидетельства и обратиться к окружному прокурору.

Он сел за компьютер и принялся свирепо стучать по клавишам.

В кабинетах управления полиции наступила тишина – типичная полусонная обстановка второй половины дня, когда большинство полицейских работают «в поле», но еще должны вернуться, чтобы оформить задержание или подшить материалы к делу. Прошла минута, вторая. В коридоре рядом с кабинетом д’Агосты раздались тихие шаги.

Еще несколько секунд, и появился сержант Слейд. Он пришел из собственного кабинета, из которого – если встать в известную ему точку – открывался превосходный вид на двери кабинета д'Агосты. Слейд прошел мимо этого кабинета и остановился у следующей двери, ведущей в пустой кабинет, где д'Агоста и другие держали досье, с которыми в данный момент не работали.

Слейд словно ненароком оглянулся. Вокруг никого не было. Он повернул ручку, открыл дверь, вошел в пустой кабинет и запер за собой дверь. Свет здесь, естественно, был выключен, но он не стал его включать.

Стараясь не шуметь, Слейд подошел к стене, общей с кабинетом д'Агосты, откуда непрерывно доносился стук по клавиатуре. Он опустился на колени и осторожно отодвинул в сторону стопку коробок, сложенную возле стены. Приложив пальцы к стене, несколько секунд ощупывал ее и наконец нашел то, что искал: крохотный проводной микрофон, вделанный в штукатурку вместе с миниатюрным цифровым магнитофоном из тех, что активируются голосом.

Он поднялся на ноги и сунул в рот лакричную конфетку, затем подключил к устройству наушник, вставил его в ухо и запустил запись. Какое-то время он слушал, медленно кивая. На записи оказались тщетные уговоры д'Агосты, звук открывающейся двери и разговор двух женщин:

«Где именно это растение в музее?»

«В хранилище гербария. Я знаю, где это, и у меня есть код от цифрового замка. А что у вас?»

«Растение, которое мне нужно, находится в Водном зале Бруклинского ботанического сада. Когда сад закроют и станет совсем темно, я его добуду. Мы больше не можем ждать».

Слейд улыбнулся. Он получит за это хорошее вознаграждение.

Он убрал магнитофон в карман, аккуратно подвинул коробки на место, подошел к дверям, отпер их и – убедившись, что его никто не видит, – вышел и неторопливо двинулся по коридору. Стук д'Агосты по клавиатуре звоном отдавался у него в ушах.

59

Ворота кладбища «Хевен» расположились на поросшем редкими деревьями крутом берегу озера Шрун. В зеленой дали на востоке находился форт Тикондерога, охранявший подступы к Гудзону. Далеко на севере высилась гора Марси, самая высокая в штате Нью-Йорк.

Джон Барбо задумчиво ступал по стриженой траве, медленно прокладывая путь между надгробиями. Местность была неровная, и земля то поднималась, то плавно опускалась; посыпанные гравием дорожки вились то там, то тут среди деревьев. Листва рассеивала лучи предвечернего солнца, отбрасывая пестрые тени на сонный пасторальный ландшафт.

Наконец Барбо добрался до небольшого, со вкусом оформленного семейного участка, на котором находились две могилы, обнесенные низкой металлической оградой. Он вошел внутрь и приблизился к более высокому надгробию – статуе ангела с прижатыми к груди руками и устремленными в небеса глазами, полными слез. На основании памятника было высечено имя: «Фелисити Барбо». Даты не было.

В правой руке Барбо держал два срезанных цветка: красную розу на длинном стебле и фиолетовый гиацинт. Он опустился на колени и положил розу перед памятником. Потом поднялся и постоял немного, задумчиво глядя на статую.

Его жена была убита пьяным водителем меньше десяти лет назад. Полицейское расследование было загублено: этому человеку, исполнительному директору фирмы, специализирующейся на телемаркетинге, при задержании не зачитали его права, передача вещественных доказательств была оформлена с нарушениями. Хороший адвокат сумел добиться приговора в один год условного заключения.

Джон Барбо был из тех людей, для которых семья превыше всего. И еще он верил в справедливость. Состоявшийся суд, по его понятиям, был несправедлив.

Десять лет назад «Ред Маунтин» была гораздо меньшей и менее мощной компанией, чем теперь, однако Барбо имел серьезные рычаги влияния, и среди его знакомых было немало темных личностей. Сначала он организовал новый арест этого человека, после того как в бардачке его машины было найдено более ста граммов крэк-кокаина. Хотя это и было первое преступление такого рода, минимальный срок заключения за него составлял пять лет. Шесть месяцев спустя, когда убийца его жены начал отбывать срок в Отисвильском федеральном пенитенциарном учреждении, Барбо позаботился о том, чтобы (за единовременный платеж в десять тысяч долларов) его ударили заточенной отверткой в тюремном душе и оставили там истекать кровью.

Справедливость восторжествовала.

Барбо в последний раз остановил взгляд на статуе. Потом, глубоко вздохнув, он перешел ко второму памятнику. Этот был гораздо меньше – простой крест с именем: «Джон Барбо-мл.».

После смерти Фелисити все внимание и любовь Барбо были отданы его шестилетнему сыну. Кончилось детство, осложненное проблемами со здоровьем, и Джон-младший стал юношей, подававшим большие надежды. Он был действительно одаренным пианистом, раскрывшим свои таланты как исполнитель и композитор. Отец ни в чем не отказывал сыну: лучшие учителя, лучшие школы. Барбо рассчитывал, что Джон-младший продолжит его род.

Но внезапно что-то пошло не так. Все начиналось довольно невинно. Джон-младший стал капризным, у него пропал аппетит, его постоянно мучила бессонница. Барбо объяснял это переходным возрастом. Однако состояние сына становилось все хуже. Мальчик начал ощущать запах, от которого никак не мог избавиться. Поначалу запах был приятный, сладкий, но со временем он перешел в самое невыносимое зловоние, какое могут издавать гниющие цветы. Мальчик ослабел, у него то и дело подскакивала температура. Его преследовали головные боли, боли в суставах, усиливавшиеся с каждым днем. Затем начались галлюцинации, появились неуправляемые вспышки гнева, перемежавшиеся периодами утомления и сонливости. Впавший в панику Барбо искал помощи у лучших докторов мира, но ни один из них не смог поставить диагноз, не говоря уже о том, чтобы избавить мальчика от болезни. Барбо оставалось лишь наблюдать, как его сын неуклонно впадает в безумие и терпит невыносимые страдания. Постепенно мальчик, когда-то столь многообещающий, превратился в овощ. Смерть, в конечном счете забравшая его в возрасте шестнадцати лет (вследствие сердечной недостаточности, вызванной серьезной потерей веса и общим истощением), была своего рода милосердием.

Это случилось менее двух лет назад. И Барбо погрузился в пучину скорби. Он был настолько выбит из равновесия, что даже не смог выбрать большой, тщательно продуманный памятник сыну, как он сделал это для жены: одна мысль об этом была невыносима, и в конечном счете единственным свидетельством растраченных попусту надежд стал простой крест.

Но почти ровно год спустя после смерти Джона-младшего случилось событие, которого Барбо никак не мог предвидеть. Однажды вечером к нему явился посетитель – молодой человек, возможно всего на несколько лет старше сына Барбо, но настолько отличающийся по телосложению, энергетике и магнетизму, словно прилетел с другой планеты. Он говорил на превосходном английском, хотя и с иностранным акцентом. Молодой человек поведал историю прадеда и прабабки Барбо, Стивена и Этель, которые жили на Дофин-стрит в Новом Орлеане. Он рассказал о соседе этой пары, Езекии Пендергасте, который создал средство, известное как «микстура-эликсир и восстановитель желез Езекии», якобы чудодейственное, а на самом деле

виновное в страданиях, безумии и смерти тысяч людей. Среди жертв Езекии, сказал этот молодой человек удивленному Барбо, были Стивен и Этель Барбо, которым едва перевалило за тридцать. Они оба умерли от эликсира в 1895 году.

Но молодой человек сообщил кое-что еще. В его семье была и другая жертва, гораздо более близкая Барбо. Его собственный сын, Джон-младший.

Молодой человек рассказал, что эликсир вызвал эпигенетические изменения в семействе Барбо – наследуемые изменения в генетическом коде, которые в данном случае перескочили через поколения и убили его сына более чем сто лет спустя.

После этого молодой человек перешел к цели своего визита. Семейство Пендергаст существует и по сей день в лице некоего Алоизия Пендергаста, специального агента ФБР. Он не только живет, но и процветает благодаря состоянию, сколоченному Езекией на своем эликсире-убийце.

И тут молодой человек рассказал, почему он приехал к Барбо. Он представился как Альбан и признался, что он сын специального агента Пендергаста. Альбан поведал ему душераздирающую историю, а потом предложил сложный, курьезный, но чрезвычайно удовлетворительный план.

Напоследок Альбан кое-что сказал. Эти слова до сих пор звучали в ушах Барбо: «У вас может возникнуть искушение отомстить роду Пендергастов и в моем лице. Но я предостерегаю вас от подобных попыток. Я обладаю громадными возможностями, которые выше вашего понимания. Удовольствуйтесь моим отцом. Это он паразитирует на наследстве Езекии». Альбан оставил большой пакет документов, подтверждающих его рассказ и обрисовывающих его план. После чего исчез в ночи.

Барбо выкинул из головы слова про «возможности», сочтя их мальчишеским бахвальством. Он отправил двух людей вслед Альбану, отличных людей, опытных. Один из них вернулся с выбитым глазом, а труп другого нашли с перерезанным горлом. И все это Альбан проделал демонстративно, не прячась от камер наблюдения Барбо.

«Я обладаю громадными возможностями, которые выше вашего понимания». Он и в самом деле обладал громадными возможностями. Но они не были выше понимания Барбо. И это стало роковой ошибкой Альбана.

История, которую рассказал Альбан, была слишком необычной, чтобы в нее поверить. Но после того, как Барбо просмотрел пакет документов,

после того, как он изучил семейную историю и симптомы болезни собственного сына, а в особенности после проведения им некоторых анализов крови, он понял, что все так и есть. Это было откровение; откровение, которое перековало его скорбь в ненависть, а ненависть в одержимость.

В его кармане заверещал сотовый телефон. Глядя в сторону горы Марси, Барбо вытащил трубку из кармана:

– Да?

Примерно минуту он слушал молча. Костяшки его пальцев, державших телефон, побелели. На лице проступило крайнее изумление.

– Ты хочешь сказать, – прервал он звонившего, – что он не только знает, что случилось, но и предпринимает меры, чтобы предотвратить это?

Он снова стал слушать голос на дальнем конце линии связи, на этот раз дольше.

– Хорошо, – сказал наконец Барбо. – Ты знаешь, что нужно делать. И ты должен действовать быстро. Очень быстро.

Он отключился и набрал другой номер:

– Ричард? Оперативная группа готова? Хорошо. У нас новый объект. Подготовь их к срочному развертыванию в Нью-Йорк-Сити. Да, немедленно. Они должны взлететь в течение получаса.

После этого он сунул телефон в карман, повернул к выходу и быстро покинул кладбище.

60

Было шесть часов вечера, когда Констанс Грин вернулась из полицейского управления и вошла через парадный вход особняка на Риверсайд-драйв. Она прошла по длинному помещению с обеденным столом, пересекла отделанное мрамором пространство большого зала приемов. В доме стояла тишина, если не считать тихого звука ее шагов. Особняк обезлюдел. Проктор все еще лежал в больнице, миссис Траск обреталась где-то в глубинах кухни, а доктор Стоун, вероятно, находился наверху, в комнате Пендергаста.

Констанс прошла по коридору, увешанному гобеленами, мимо мраморных ниш, устроенных через равные промежутки в стенах, обклеенных розовыми обоями. Она поднялась по задней лестнице, осторожно шагая, чтобы старые ступени скрипели не слишком громко. Оказавшись в длинном коридоре наверху, она прошла по нему мимо отвратительного чучела белого медведя, остановилась перед дверью

слева и положила пальцы на ручку. Глубоко вздохнув, она повернула ее и тихо открыла дверь.

Со стула бесшумно поднялся доктор Стоун. Ее раздражало его присутствие, его щегольская одежда, желтый пластрон[79], очки в роговой оправе и особенно его полная неспособность делать что-либо, кроме как ухаживать за ее опекуном. Констанс знала, что это несправедливо, но сейчас она была не в настроении думать о справедливости.

– Мне нужно к нему на минуту, доктор.

– Он спит, – сказал Стоун, отступая в сторону.

До катастрофического ухудшения состояния Пендергаста Констанс редко заходила в его спальню. Даже теперь, остановившись в дверях, она с любопытством окинула комнату взглядом. Спальня была небольшая. Углубленные световые приборы в потолке и единственная лампа от «Тиффани»[80] на прикроватном столике давали рассеянный свет; окон в комнате не было. Обои были флокированные, бордовое на красном, с едва различимым рисунком в виде геральдических лилий. На стенах висели несколько картин: небольшой этюд Караваджо к «Мальчику с корзиной фруктов», марина Тёрнера, гравюра Пиранези. В книжном шкафу выстроились в три ряда старинные тома в кожаных переплетах. По всей комнате были разбросаны музейные предметы, служащие не для обозрения, а для практических нужд. В сосуд римского стекла была налита минеральная вода, в византийском канделябре стояли шесть белых незажженных свеч. В древней египетской курильнице из фаянса дымились благовония, их тяжелый запах наполнял комнату в тщетной попытке прогнать зловоние, денно и нощно наполнявшее ноздри Пендергаста. Стойка из нержавеющей стали, на которой висела капельница с физиологическим раствором, составляла резкий контраст с изящной обстановкой комнаты.

Пендергаст неподвижно лежал на кровати. Его светлые волосы потемнели от пота и резко контрастировали с крахмальной белизной наволочки. Кожа лица была бесцветна, как фарфор, и почти так же прозрачна. За этой прозрачностью Констанс почти видела строение мышц и костей, даже синие вены на его лбу. Глаза Пендергаста были закрыты.

Констанс подошла к кровати. Капельница с морфием была выставлена на дозу в один миллиграмм каждые пятнадцать минут. Доктор Стоун установил предельную дозу в шесть миллиграмм в час; поскольку Пендергаст отказался от ухода сиделки, было важно следить, чтобы он не навредил себе избыточной дозой.

– Констанс.

Шепот Пендергаста удивил ее; значит, он все-таки не спал. А может быть, его разбудили ее движения, хотя и тихие.

Констанс обошла кровать и села у него в изголовье. Она вспомнила, что уже сидела так у кровати Пендергаста в женевской клинике, всего три дня назад. Быстрое ухудшение его состояния пугало ее. И все же, несмотря на слабость, он постоянно предпринимал невероятные усилия с очевидной целью – не дать боли и безумию полностью подавить его.

Рука Пендергаста шевельнулась под одеялом и появилась на свет. В ней был зажат листок бумаги. Пендергаст поднял его и потряс им в воздухе:

– Что это?

Констанс была потрясена его холодностью, гневом в его голосе.

Она взяла бумагу – это был составленный ею список ингредиентов. Он лежал на столе в библиотеке, которая стала чем-то вроде штаба для нее и Марго.

– Езекия составил противоядие, пытаясь спасти жену. Мы хотим испытать его на тебе.

– Мы? Кто это – мы?

– Марго и я.

Его глаза сощурились.

– Я вам запрещаю.

Констанс выдержала его взгляд:

– В этом вопросе у тебя нет права голоса.

Он с трудом приподнял голову:

– Вы ведете себя как полные идиотки. Вы понятия не имеете, кто вам противостоит. Барбо сумел убить Альбана. Он обхитрил меня. Он наверняка убьет вас.

– У него не будет на это времени. Вечером я еду в Бруклинский ботанический сад, а Марго уже находится в музее. Последние ингредиенты скоро будут у нас в руках.

Пендергаст впился в нее сверкающими глазами:

– Барбо или его люди будут ждать тебя в Ботаническом саду. А Марго – в музее.

– Это невозможно, – сказала Констанс. – Я нашла этот список только сегодня утром. Кроме меня и Марго, его никто не видел.

– Он лежал у всех на виду в библиотеке.

– Пробраться в дом Барбо никак не мог.

Пендергаст, едва державший голову, полностью оторвал ее от подушки.

– Констанс, этот человек – настоящее воплощение дьявола. Не смей ездить в Ботанический сад.

– Извини, Алоизий. Я тебе сказала: я буду сражаться до конца.

Пендергаст моргнул:

– Тогда почему ты здесь?

– Попрощаться. На тот случай, если… – Констанс смешалась.

И тогда Пендергаст, собрав все силы, огромным напряжением воли приподнялся на локте. Глаза его немного прояснились, и он удержал Констанс взглядом. Снова пошарив под одеялом, он вытащил оттуда свой «лес-баер» сорок пятого калибра и протянул ей:

– Если ты отказываешься прислушаться к доводам разума, то возьми хотя бы оружие. Магазин полон.

Констанс сделала шаг назад:

– Нет. Вспомни, что случилось, когда я в прошлый раз попыталась выстрелить.

– Тогда дай мне телефон.

– Кому ты хочешь звонить?

– Д’Агосте.

– Нет. Пожалуйста. Он нам помешает.

– Констанс, бога ради!..

Его голос смолк. Он медленно опустился на белые простыни. Предпринятые усилия довели его до полного изнеможения.

Констанс заколебалась. Она была потрясена и тронута глубиной его чувства. Она вела себя с ним неправильно. Ее упрямство доводило его до опасной черты. Она вздохнула и решила солгать:

– Я поняла. Я не еду в Ботанический сад. И сейчас позвоню Марго, чтобы она отменила посещение музея.

– Надеюсь, ты не лжешь мне, – сказал он тихим голосом, глядя на нее.

– Не лгу.

Он чуть подался вперед и прошептал, собрав последние силы:

– Не смей ездить в Ботанический сад.

Констанс оставила его с телефоном в руке и, тяжело дыша, вышла в коридор. Там она остановилась, задумавшись.

Она упустила из виду возможность того, что Барбо может ждать ее у входа в Ботанический сад. Эта мысль удивила ее, хотя в какой-то мере и порадовала.

Ей понадобится оружие. Не пистолет, конечно, а что-нибудь более соответствующее ее… стилю.

Констанс быстро прошла по коридору, спустилась в зал приемов, повернула в библиотеку, выдвинула тайную книгу и вошла в лифт. Спустившись в подвал, она почти пробежала по коридору до грубо вытесанной винтовой лестницы, которая уходила еще глубже и исчезала в населенных призраками пыльных помещениях, лежащих внизу.

Доктор Стоун из выделенной ему по соседству комнаты услышал удаляющиеся шаги Констанс. Он вышел и вернулся в спальню Пендергаста, слегка вздрогнув при мысли о Констанс. Хотя природа явно не обделила эту молодую женщину вкусом, изяществом и экзотической красотой, она была холодна, как сухой лед… и, помимо всего прочего, было в ней что-то неправильное, какое-то непонятное качество, от которого его мороз подирал по коже.

Его пациент снова спал. Телефон выскользнул из руки и лежал рядом на простыне. Доктор взял трубку и посмотрел, кому это пытался звонить его пациент, но увидел, что никаких звонков сделано не было, тихонько выключил трубку и положил на столик. После этого он занял свой пост на стуле у дверей в ожидании того, что, как он предполагал, будет долгой ночью… перед концом.

61

Марго поняла, что попасть в музей после закрытия будет серьезной проблемой. Она была уверена, что Фрисби включил ее в стоп-лист на центральном входе первого этажа, а попасть в музей после закрытия можно было только через этот вход. Поэтому она решила спрятаться в музее до его закрытия. Она возьмет то, что ей нужно, а потом беззаботно выйдет через пост охраны, сказав, что просто уснула в лаборатории.

С приближением времени закрытия Марго, изображая из себя обычного музейного завсегдатая, направилась в самые дальние, редко посещаемые залы. В груди у нее покалывало, дышалось с трудом. Охранники начали обходить залы, поторапливая посетителей, и она зашла в туалет и в

ожидании взгромоздилась на унитаз, усилием воли заставляя себя расслабиться. Наконец около шести часов все успокоилось. Она осторожно вышла.

Залы были более или менее пусты, она слышала, как где-то вдалеке топают по мраморному полу охранники, обходящие музей. Их шаги были подобны сигналам раннего предупреждения, позволяя ей избегать неприятных встреч на пути к единственному месту, которое, насколько ей было известно, не проверялось охранниками, – к уголку брюхоногих.

Неужели она сделает это? Неужели у нее получится? Она успокоила себя, вспомнив слова Констанс: «Эти растения абсолютно необходимы, если мы хотим иметь хоть какую-то надежду на спасение Пендергаста».

Марго нырнула в нишу и спряталась в глубине, в самом темном ее уголке. Ее пробрала дрожь при мысли о том, что здесь, вероятно, прятался убийца Марсалы. Охранники, как она и предполагала, проходили мимо ниши каждые полчаса, даже не утруждая себя тем, чтобы посветить внутрь лучом фонарика. Дважды на одном месте преступления не случаются, и охранники вернулись к status quo ante delicti[81]. Время от времени мимо проходил кто-нибудь из припозднившихся сотрудников, но к девяти часам у Марго возникло ощущение, что музей абсолютно пуст. Какие-то хранители наверняка еще оставались в своих лабораториях и кабинетах, однако шанс встретиться с ними был невелик.

При мысли о том, что ей предстоит сделать, у нее начинало бешено колотиться сердце. Марго собиралась спуститься в то самое место, которое пугало ее больше всего. От этого она просыпалась по ночам в холодном поту. Поэтому она никогда не входила в музей без пузырька ксанакса в сумке. Она подумала, не принять ли таблетку, но решила не делать этого: необходимо было сохранять остроту восприятия. Она несколько раз медленно и глубоко вдохнула, заставляя себя сосредоточиться на ближайших шагах, а не на общей задаче. Нужно мыслить поэтапно.

Еще несколько долгих, глубоких вдохов. Пора идти.

Марго вышла из ниши сразу после очередного обхода охранника, прокралась по залам к ближайшему грузовому лифту и сунула электронную карточку в замок. Хотя это был ключ низшего уровня доступа, Фрисби уже прислал ей письмо с требованием вернуть ключ, но она получила это послание только сегодня днем и решила, что у нее есть льготный период по меньшей мере в двадцать четыре часа, прежде чем этот самодовольный осел устроит скандал.

Лифт застонал, спускаясь на уровень, известный как подвальные хранилища Шестого здания, что было анахронизмом, поскольку все

здания музея теперь соединялись в один громадный лабиринт. Двери открылись. В воздухе висел знакомый запах нафталина, плесени и давно умерших существ. Этот душок неожиданно разбудил в Марго тревогу, напомнил о том времени, когда она пробиралась по этим самым коридорам.

Но то было давно, и ее страхи имели медицинское название – «фобия». Сейчас в этом подвале ей ничто не угрожало, кроме разве что задержавшегося музейного работника, который может потребовать у нее удостоверение.

Марго сделала еще несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и вышла из лифта. Открыв дверь в подвал Шестого здания, она бесшумно пошла по длинным, погруженным в сумрак коридорам, в которых висели лампочки, освещавшие ее путь к ботанической коллекции.

Пока все шло хорошо. Она вставила ключ в помятую металлическую дверь главной ботанической коллекции и обнаружила, что он все еще действует. Дверь бесшумно открылась на хорошо смазанных петлях. Следующее помещение было погружено в темноту, Марго вытащила из сумки мощный светодиодный налобный фонарик, надела его на голову и вошла внутрь. Перед ней тянулись ряды темных шкафов, исчезая в темноте, застоялый воздух пах нафталином.

Сердце колотилось с такой силой, что она едва могла дышать, все ее силы уходили на то, чтобы подавлять иррациональный страх. Как бы она себя ни уговаривала, запах, клаустрофобная тишина и странные звуки снова вызвали у нее панику и непреодолимый ужас. Марго остановилась, чтобы сделать еще несколько успокоительных вдохов, преодолевая страх с помощью аргументов разума.

«Думать на один ход вперед». Она взяла себя в руки, сделала шаг в темноту, еще один. Нужно было закрыть за собой дверь – оставлять ее открытой было неразумно. Марго развернулась и осторожно подтолкнула дверь на место, отсекая тот слабый свет, что поступал из коридора. Потом заперла ее и посмотрела вглубь подвального помещения.

Хранилище гербария находилось в дальнем конце помещения. Со всех сторон Марго окружали поднимающиеся в темную высь полки с сохраняемыми в жидкости растениями – так называемая «мокрая коллекция», – а узкие проходы расходились в двух направлениях, исчезая в темноте.

«Иди!» – велела себе Марго и двинулась по левому проходу. Что ж, по крайней мере, эти экспонаты не косились на нее из темноты, как скелеты динозавров или чучела зверей в некоторых других хранилищах. Ботанические экспонаты не пугали.

И все равно однообразие хранилища, похожие друг на друга узкие проходы, сверкающие бутыли, иногда напоминающие множество глаз, глядящих на нее из темноты, никак не способствовали уменьшению тревоги.

Марго быстро прошла по проходу, резко свернула направо, прошла еще немного, свернула налево и опять направо, по диагонали направляясь к дальнему концу помещения. Зачем они устраивают такую путаницу из хранилищ? Но еще через миг она остановилась. Услышала что-то. Поначалу ее гулкие шаги заглушали эти звуки, но она была уверена: что-то все же донеслось до нее.

Она замерла, задержав дыхание, и насторожилась, но услышала только слабое потрескивание и пощелкивание – эти звуки здесь никогда не стихали. Возможно, их причиной была осадка здания или принудительная вентиляция.

Ее тревога возросла. Куда дальше? От страха она забыла, какой следующий поворот должна сделать в этом нагромождении полок. Если она утратит ориентацию, потеряется в этом лабиринте… Быстро приняв решение, она пошла по одному из проходов, пока не уперлась в стену, поняла, что двигается в верном направлении, и пошла вдоль стены к дальнему углу помещения.

И вот перед ней хранилище гербария. Оно было похоже на старое банковское хранилище, а может, и было таковым изначально, только использовалось не по назначению. На двери, покрашенной в темно-зеленый цвет, Марго увидела большое колесо и модернизированный старинный цифровой замок, подмигивающий красным диодом. Облегченно вздохнув, она поспешила к двери и набрала последовательность цифр, которую запомнила в кабинете Йоргенсена.

Диод замигал зеленым цветом. Слава богу. Марго повернула колесо и открыла тяжелую дверь. Заглянула внутрь, повернула голову с фонарем в одну, другую сторону. Пространство было невелико, футов восемь на десять, со стальными полками на всех трех стенах. Марго посмотрела на тяжелую дверь. Нет, она не будет ее закрывать: слишком велик риск оказаться запертой внутри. Но она решила хотя бы прикрыть ее на тот случай, если кто-то заглянет в хранилище, что представлялось крайне маловероятным.

Она шагнула внутрь и потащила на себя дверь, но не до конца – оставила щель в несколько дюймов.

Напомнив себе, что нужно действовать шаг за шагом, Марго подавила новый приступ паники и принялась разглядывать надписи на бирках, освещая их налобным фонарем. Бирки находились в разном состоянии:

некоторые, довольно древние, были написаны от руки выцветшими коричневыми чернилами; другие, гораздо более новые, были отпечатаны на принтере. В дальнем углу хранилища, возле стены за полками, Марго заметила две старинные духовые трубки, судя по резным украшениям, изготовленные амазонскими и гвианскими индейцами. На одной из трубок висел небольшой колчан с дротиками. «Зачем они здесь?» – подумала Марго. Яд для дротиков обычно брали из лягушек, а не растений. Видимо, эти дротики заперли здесь из-за их ядовитой природы.

Она вернулась к изучению бирок, быстро нашла ящик с надписью «Микогетеротрофы» и осторожно вытащила его. Там были секции с образцами, расположенными как в обычных подвесных шкафах. Старые высушенные образцы, приготовленные много лет назад, были закреплены на пожелтевших листах бумаги с выведенным каракулями названием. Листы эти, в свою очередь, были помещены между стеклянными пластинами. Их было не слишком много, и меньше чем через минуту Марго нашла образцы Thismia americana.

Пока все шло невероятно гладко. Если она не поддастся панике, то через десять минут выйдет из здания. На коже у нее выступил холодный пот, и сердце никак не унималось, но, по крайней мере, пошаговая стратегия помогла ей сохранить здравомыслие.

В коллекции были три пластины Thismia: одна – с несколькими подземными корневищами, другая – с образцами наземной части, и третья – с цветками и семенами.

Ей вспомнились слова Йоргенсена: «Я бы ни за что не позволил уничтожить образец *вымершего* растения, последнего в своем роде, ради единичного случая медикаментозного лечения. Разве может сравниться ценность жизни обычного человека с сохранением *последнего образца вымершего растения*?» Марго уставилась на растение с крохотным белым цветком. Ей была чужда подобная человеконенавистническая позиция. Возможно, им не понадобятся все три образца, но она решила забрать все.

Бережно положив образцы в сумку, Марго застегнула молнию и повесила сумку на плечо. Соблюдая особую осторожность, она выключила налобный фонарь и открыла дверь хранилища. Вышла в темноту, прислушалась. Ничего не услышав, он вышла на ощупь, закрыла дверь и повернула колесо. Дверь автоматически заперлась, зеленый огонек сменился на красный.

«Готово!» Она повернулась и включила свой фонарь.

Луч фонаря выхватил из тьмы очертания мужской фигуры. А потом неожиданно вспыхнул яркий свет, ослепив Марго.

62

Д’Агоста встал из-за стола и потянулся. После нескольких часов сидения за компьютером у него болела спина, а правое ухо горело, потому что он очень долго прижимал к нему трубку.

Он провел целую вечность в разговорах по телефону с офисом окружного прокурора, пытаясь получить разрешение на вызов Барбо для допроса. Но в офисе прокурора смотрели на это иначе: ему сказали, что достаточных оснований для этого нет. В особенности еще и потому, что этот Барбо непременно явится с адвокатом и превратит их жизнь в кромешный ад.

Для д’Агосты цепочка рассуждений казалась очевидной: Барбо нанял Говарда Рудда, который выдал себя за доктора Джонатана Уолдрона, который в свою очередь использовал Виктора Марсалу, чтобы получить доступ к скелету давно умершей миссис Паджетт. Барбо требовалась кость этого скелета, чтобы установить состав эликсира Езекии Пендергаста, воссоздать этот эликсир и отравить Алоизия Пендергаста. Д’Агоста ничуть не сомневался в том, что, как только тело Альбана оставили на пороге дома на Риверсайд-драйв и план был приведен в действие, Рудд убил Марсалу, чтобы спрятать концы в воду. Он заманил Марсалу в отдаленный уголок музея под предлогом оплаты услуг или чего-то подобного. Точно так же представлялось вполне ясным, что Барбо использовал Рудда в качестве наживки, чтобы заманить Пендергаста в ветеринарную комнату в «Солтон-Фонтенбло», а потом за все заслуги Рудда подверг его действию эликсира за компанию с Пендергастом. И все это в качестве возмездия за отравление прабабки и прадеда Барбо и за смерть его собственного сына.

Хотя у него не было доказательств, д’Агоста практически не сомневался в том, что Барбо три года назад нанял Рудда, погасил его долги, дал ему новое лицо и новое имя и использовал его как анонимного исполнителя всевозможных грязных поручений, угрожая в случае отказа расправиться с его семьей. Вроде бы все логично.

Окружной прокурор отверг все доводы д’Агосты с плохо скрываемым презрением, назвав их конспирологической теорией предположений, спекуляций и фантазий, абсолютно неподтвержденных медицинскими данными.

Д’Агоста провел немалую часть раннего вечера, обзванивая разных экспертов по ботанике и специалистов-фармакологов в поисках этих медицинских данных. Но он быстро понял, что, прежде чем будут сделаны какие-то выводы, потребуется провести тесты, анализы, применить слепой метод[82] и так далее, и тому подобное.

Но должен же быть какой-то способ накопать достаточно улик! Хотя бы для того, чтобы задержать Барбо в этом кабинете на то время, пока Марго и Констанс заняты тем, чем заняты.

«Достаточные основания. Вот ведь проклятье!» Где-то должны быть свидетельства, подтверждающие, что Барбо преступник, непременно должны, просто он их не заметил. Расстроенный, д'Агоста встал из-за стола. Было девять часов, и ему требовался глоток свежего воздуха или прогулка, чтобы прочистить мозги. Надев куртку, д'Агоста направился к двери, выключил свет и зашагал по коридору. Но внезапно остановился. Может, Пендергаст подскажет ему, как надавить на Барбо? Впрочем, нет, агент ФБР слишком слаб для таких разговоров. Состояние Пендергаста приводило д'Агосту в ярость и заставляло болезненно ощущать собственное бессилие.

Сделав еще несколько шагов, д'Агоста снова остановился. Дело Марсалы лежало в соседнем кабинете, и если что-то и можно сделать, так это еще раз просмотреть дело, – вдруг что-то упущено. Д'Агоста вошел в пустой кабинет, где держал отработанные материалы.

Он включил свет и обвел взглядом стопки папок на столе и у стены. Нужно перечитать все, что имеет отношение к Говарду Рудду. Возможно, Барбо был как-то связан с Гэри, штат Индиана, и тогда…

Неожиданно д'Агоста замер. Его блуждающий взгляд остановился на единственной мусорной корзине в комнате. В ней не было ничего, кроме обертки от лакричной конфетки.

Любимое лакомство Слейда. Какого черта ему тут было нужно?

Д'Агоста перевел дыхание. Подумаешь, обертка от конфетки. К тому же у Слейда был доступ и полномочия входить в эту комнату, просматривать дела. Д'Агоста не понимал почему, но вдруг сработал его инстинкт полицейского. Он снова огляделся, на этот раз внимательнее. У стены стояли шкафы и сложенные в стопку коробки. Папки с делами вроде бы находились там же, где он их оставил. Конечно, Слейд должен был сначала обратиться к нему, но, может быть, Энглер не хотел, чтобы д'Агоста был в курсе. Пендергаст явно не нравился Энглеру, а всем было известно, что д'Агоста дружит с агентом ФБР.

Направившись к папкам с делом Рудда, он вдруг заметил на ковровом покрытии следы белой штукатурки, крохотное пятнышко возле общей стены с его кабинетом. Д'Агоста подошел к стене и отодвинул коробки. В стене обнаружилось маленькое отверстие, просверленное чуть выше плинтуса.

Он опустился на колени, присмотрелся внимательнее, провел пальцем по отверстию. Его диаметр не превышал половины сантиметра. Д'Агоста

сунул в него разогнутую скрепку и обнаружил, что отверстие не сквозное.

Он снова перевел взгляд на белое пятно. Эту лунку проделали недавно.

Обертка от конфеты, недавно просверленное углубление – такие вещи не обязательно связаны. Но потом д’Агоста вспомнил, что Слейд уложил не в ту папку сообщение о Барбо из полицейского управления Олбани.

В самом ли деле эта записка побывала на столе у Энглера, или Слейд даже не показал ее лейтенанту, прежде чем подшить не в то дело?

Олбани. Еще один вопрос. Слейд сказал, что Энглера нет на месте – уехал к родственникам на север штата.

Д’Агоста поспешил в свой кабинет и, даже не включив свет, набрал пароль доступа и вышел на сайт кадрового учета отдела по расследованию убийств. Нашел личное дело Питера Энглера и принялся просматривать список ближайших родственников (все сотрудники нью-йоркской полиции должны были представить такой список в отдел кадров). Обнаружил сестру, Марджори Энглер, 2007 Роуан-стрит, Колони, штат Нью-Йорк.

Он быстро набрал номер на экране компьютера. На третий гудок ему ответил женский голос:

– Слушаю?

– Я говорю с Марджори Энглер? Меня зовут Винсент д’Агоста, я лейтенант нью-йоркской полиции. Скажите, лейтенант Энглер у вас?

– Нет, не у меня.

– А когда вы говорили с ним в последний раз?

– Постойте… дней пять назад, кажется.

– Позвольте узнать, о чем вы говорили?

– Он сказал, что собирается на север. Это как-то связано с его новым расследованием. Он сказал, что времени у него мало, но он надеется заглянуть ко мне по пути в Нью-Йорк-Сити. Но так и не заглянул – наверно, был слишком занят, как всегда.

– А он не сказал, куда собирается?

– Сказал. В Адирондак. А что, что-то случилось?

– Нет, мне ничего такого не известно. Вы мне очень помогли, миз Энглер. Спасибо.

– Не за что…

Но д’Агоста, не дослушав, повесил трубку.

Дыхание у него участилось. Адирондак. Штаб-квартира «Ред Маунтин индастриз».

Несколько дней назад Энглер уехал в Адирондак. Почему он до сих пор не вернулся в город? Похоже, он исчез. Почему Слейд солгал, когда д’Агоста спросил его, где Энглер? Или Слейд просто ошибся? И это углубление в стене – именно в такие дырки устанавливают миниатюрные микрофоны.

Неужели Слейд установил микрофон в стену его кабинета? Если так, то он подслушивал телефонные разговоры д’Агосты. И явно подслушал его разговор с Марго и Констанс.

Теперь углубление пусто. Микрофона там нет. Это означает одно: тот, кто подслушивал, счел, что получил всю необходимую ему информацию.

Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой: Слейд – «грязный» коп. А на кого он работает? Ответ один: на Барбо.

Внезапно смутная тревога д’Агосты по поводу того, что Барбо может каким-то образом угрожать или перехватить Марго и Констанс, обрела реальные очертания. Барбо известно все, что знает Слейд, а Слейд знает практически все. В частности, он знает, что Марго и Констанс направляются в музей, чтобы похитить там какие-то образцы растения.

Д’Агоста снова схватил трубку, но застыл, мучительно размышляя. Ситуация была скользкой. Чтобы обвинить коллегу-полицейского в коррупции, нужно быть уверенным на все сто.

Ошибается ли он? Коррумпирован ли Слейд? Господи боже, у него есть только обертка от конфетки и неправильно подшитый документ. Улик явно недостаточно, чтобы уничтожить карьеру человека.

Он даже не может запросить полицейскую поддержку. Они скажут, что он спятил, ведь на Слейда у него даже меньше компромата, чем на Барбо, а его просьбу разрешить задержание Барбо окружной прокурор отверг. Ничего другого не остается: он должен сам ехать в музей за Марго и Констанс. Может быть, он прав, может быть, ошибается, но выбора у него нет. Он должен действовать, и действовать быстро, потому что, если он прав, последствия будут столь ужасающими, что ему даже думать об этом не хочется.

Д’Агоста стремительно выскочил из кабинета и бросился к лифту.

63

Марго стояла, парализованная ослепляющим светом.

– Так-так, почему я даже не удивлен?

Это был голос Фрисби.

– Выключите вы эту чертову лампу. Вы в ней похожи на шахтера.

Марго подчинилась.

– Вы здесь просто как по расписанию, пойманы на месте преступления при попытке похитить один из самых ценных предметов коллекции гербария. – Голос звучал торжествующе. – Это уже больше не внутреннее дело музея, доктор Грин. Это криминал, которым должна заниматься полиция. За это вас упрячут надолго, если не навсегда.

Фрисби опустил фонарь, и его фигура с протянутой рукой стала хорошо видна.

– Дайте мне вашу сумку.

Марго застыла в нерешительности. Какого черта он здесь делает? Откуда он узнал?

– Дайте мне вашу сумочку, или я буду вынужден забрать ее у вас.

Она посмотрела налево и направо в поисках путей бегства, но фигура Фрисби перегораживала ей дорогу. Чтобы убежать, ей нужно было бы сбить его с ног, а он был на добрых полфута выше.

Фрисби сделал угрожающий шаг вперед, и, осознав, что у нее не осталось выбора, Марго протянула ему сумку. Он раскрыл ее, вытащил одну из стеклянных пластин и прочитал зычным голосом:

– Thismia americana. – Он аккуратно убрал пластину в сумку. – Пойманы с поличным. Вам конец, доктор Грин. Позвольте мне рассказать вам, что произойдет дальше. – Он достал свой сотовый телефон и поднял его. – Я собираюсь вызвать полицию. Вас арестуют. Поскольку ценность этих образцов гораздо выше пяти тысяч долларов, вам предъявят обвинение в совершении преступления класса С – ночная кража со взломом. Наказание за такое преступление – до пятнадцати лет тюремного заключения.

Марго слушала, почти не понимая. Она отупела, потому что это означало конец не только для нее, но и для Пендергаста.

Фрисби еще порылся в ее сумке, направляя внутрь луч фонарика:

– Жаль. Нет оружия.

– Доктор Фрисби, – деревянным голосом сказала Марго, – что вы имеете против меня?

– Я? Что-то имею против вас? – Его глаза издевательски расширились, потом он прищурился. – Вы мне мешаете. Вы нарушали работу моего отдела своими постоянными приходами и уходами. Вы ввязались в полицейское расследование, кидали тень подозрения на наших сотрудников. А теперь в ответ на то, что я щедро предоставил вам доступ к нашим коллекциям, вы отблагодарили меня, совершив это отвратительное ограбление. Против вас я ничего не имею.

С ледяной улыбкой Фрисби набрал на сотовом 911, держа его так, чтобы Марго было видно, что он делает.

Подождав несколько секунд, он нахмурился:

– Ну и полиция, черт побери.

– Послушайте, – выдавила Марго, – от этого зависит жизнь...

– Ах, избавьте меня от своих дурацких объяснений. Вы сыграли грязную шутку с Йоргенсеном, вывели его из себя. Он весь кипел, когда вошел в мой кабинет, и я боялся, что у него случится инфаркт. Когда я узнал, что вы были у него в кабинете и просили о доступе к редкому, вымершему образцу, я понял: вы что-то замыслили. Что вы собирались сделать – продать его за огромную цену? Поэтому я пришел сюда, поставил стул в дальнем углу и стал ждать вас. – В его голосе слышалось удовлетворение. – И вот пожалуйста, вы явились сюда, словно по вызову! – Он торжествующе улыбнулся. – Теперь я отведу вас в службу безопасности, где вы подождете прибытия полиции.

Тысячи мыслей метались в голове Марго. Она могла убежать. Могла выхватить сумку. Могла сбить Фрисби с ног и убежать. Могла взмолиться, попытаться уговорить его. Могла попытаться подкупить его... Ни один из этих вариантов не сулил ей успеха. Она попалась, и этим было сказано все. Теперь Пендергаст умрет.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Марго ясно понимала, что пощады от этого человека ждать не приходится.

Внезапно выражение триумфа на его лице сменилось недоумением, затем шоком. Глаза его широко раскрылись, чуть не вылезли из орбит, губы искривились. Он открыл рот, но не произнес ни звука. Фонарь выпал из его рук, ударился о каменный пол и погас. Помещение погрузилось в темноту. Марго инстинктивно протянула руку и негнущимися пальцами выхватила у него свою сумку. Мгновение спустя она услышала, как его тело рухнуло на пол.

А потом загорелся новый свет, и она увидела очертания человека, стоявшего позади Фрисби. Он шагнул вперед и в знак любезности осветил свое лицо, – лицо невысокого смуглого человека с черными глазами и едва заметной улыбкой в уголках рта.

В это же самое время, ровно в девять пятнадцать, такси класса люкс притормозило у дома 891 по Риверсайд-драйв, свернуло на подъездную дорожку и остановилось под крытым подъездом; двигатель остался включенным.

Прошла минута, другая. Дверь дома открылась, и оттуда вышла Констанс, одетая в плиссированное платье из черной ткани с узором цвета слоновой кости. Через плечо у нее был перекинут ремень большой черной сумки из баллистического нейлона. В сумеречном свете луны строгое и одновременно элегантное платье производило впечатление камуфляжа.

Она наклонилась к окну водителя, тихо прошептала что-то, открыла заднюю пассажирскую дверь, аккуратно положила сумку на сиденье и села рядом. Дверь закрылась; такси выехало с подъездной дорожки и, влившись в затухающий вечерний трафик, направилось на север.

64

Доктор Хорас Стоун неожиданно проснулся в комнате своего пациента. Вообще-то, он не занимался уходом за больными, но этот пациент платил ему очень хорошие деньги, да и болезнь была весьма необычная, чтобы не сказать захватывающая. Статейка для «Журнала Американской медицинской ассоциации» получится великолепная – конечно, только после смерти и вскрытия пациента, когда у Стоуна появится возможность поточнее диагностировать это совершенно уникальное заболевание.

Нет, статья будет и в самом деле превосходная.

Теперь он понял, что его разбудило. Глаза Пендергаста были открыты и свирепо сверлили доктора.

– Где мой телефон?

– Пожалуйста, сэр.

Стоун взял телефон со столика и передал Пендергасту. Тот посмотрел на экран:

– Двадцать минут десятого. Констанс… где она?

– Кажется, только что ушла.

– *Кажется?*

– Понимаете, – занервничал доктор Стоун, – я слышал, как она попрощалась с миссис Траск, потом хлопнула дверь, там ее ждало такси, и они уехали.

Стоун был потрясен, когда Пендергаст стал подниматься с кровати. Его болезнь явно переходила в стадию ремиссии.

– Я вам настоятельно рекомендую...

– Молчите, – сказал Пендергаст. Он откинул одеяло, с трудом поднялся на ноги и вытащил из вены иглу капельницы. – Не мешайте мне.

– Мистер Пендергаст, я просто не могу вам позволить встать с постели.

Пендергаст посмотрел на него своими светлыми сверкающими глазами:

– Если вы попытаетесь меня остановить, я вас покалечу.

Эта неприкрытая угроза пресекла ответ доктора Стоуна. Пациента явно лихорадило, он бредил, а возможно, и галлюцинировал. Стоун просил пригласить сестру-сиделку, но получил отказ. Сам справиться с этим он не мог. Он вышел из спальни, а Пендергаст начал переодеваться.

– Миссис Траск! – позвал доктор. Этот окаянный дом был таким громадным. – Миссис Траск!

Он услышал, как экономка засуетилась внизу и прокричала с нижней ступени:

– Да, доктор?

Пендергаст появился в дверях спальни, на ходу надевая черный пиджак, засовывая лист бумаги в карман, а пистолет – в кобуру. Доктор Стоун отошел в сторону, пропуская его:

– Мистер Пендергаст, я повторяю еще раз: ваше состояние не позволяет вам покидать дом!

Не обращая на него внимания, Пендергаст начал спускаться по лестнице, медленно, как старик. Доктор Стоун последовал за ним. Внизу кружила испуганная миссис Траск.

– Пожалуйста, вызовите мне машину, – сказал Пендергаст домоправительнице.

– Да, сэр.

– Вы не должны вызывать ему машину! – запротестовал Стоун. – Посмотрите, в каком он состоянии!

Миссис Траск повернулась к нему:

– Когда мистер Пендергаст просит о чем-то, мы не отвечаем «нет».

Доктор Стоун перевел взгляд с нее на Пендергаста, и тот, несмотря на очевидную слабость, посмотрел на него так холодно, что Стоун наконец

замолчал. Миссис Траск уже успела повесить трубку, и Пендергаст на слегка заплетающихся ногах направился к двери. Еще через несколько секунд он вышел из дома, а на подъездной дорожке появились красные габаритные огни машины.

Стоун сел, тяжело дыша. Он никогда еще не видел пациента, который, находясь под властью смертельно опасной болезни, проявлял бы такую стальную решимость.

Откинувшись на спинку заднего сиденья, Пендергаст вытащил из кармана лист бумаги. Это был написанный каллиграфическим почерком Констанс перечень химических веществ и других ингредиентов. Некоторые из пунктов сопровождались записью о местонахождении ингредиента.

Пендергаст внимательно перечитал список раз, другой. Потом сложил лист и разорвал его на мелкие кусочки, опустил окно и один за другим выбросил клочки в манхэттенский вечер.

Машина свернула на въезд Вест-Сайд-хайвея, направляясь к Манхэттенскому мосту, а оттуда на Флэтбуш-авеню в Бруклине.

65

Покачав головой, человек наклонился и вытащил что-то из затылка Фрисби.

– Занятная тут у вас коллекция, – сказал он, держа предмет, с которого капала кровь Фрисби.

Марго узнала в этом предмете гигантскую суматранскую облепиху: колючка длиной шесть дюймов, изогнутая, острая как бритва, – такого рода оружие было хорошо известно в некоторых частях Индонезии.

– Пожалуй, мне нужно представиться, – сказал человек. – Сержант Слейд, нью-йоркская полиция.

Он вытащил из кармана пиджака удостоверение и, осветив его фонариком, показал Марго.

Марго вгляделась. Значок и все остальное казалось вполне настоящим. Но кто этот человек и что он здесь делает? И разве не он только что… убил Фрисби? Она почувствовала, как в ней нарастают смятение и ужас.

– Похоже, я появился очень вовремя, – сказал Слейд. – Этот старик-хранитель – вы называли его Фрисби, верно? – кажется, ловил кайф оттого, что вот сейчас он вызовет полицию, чтобы забрала вас. Он понятия не имел, что коп уже здесь. Но он ошибался относительно обвинения, которое на вас повесят. Уж вы мне поверьте: тут

максимальное обвинение по классу Е, а наказание – всего лишь общественные работы. В Нью-Йорке ни одно жюри присяжных не даст больше за какие-то плесневелые растения, похищенные из музея.

Он наклонился, чтобы осмотреть тело Фрисби, осторожно переступив при этом через лужу крови, натекшую из шеи убитого, затем снова выпрямился.

– Ну что ж, пора кончать с этим, – сказал он. – Теперь, когда я здесь, вам нечего беспокоиться. Пожалуйста, дайте мне вашу сумку. – Он протянул руку.

Марго стояла не двигаясь. Фрисби был убит. И убил его этот человек – колючкой облепихи, ни больше ни меньше. Это было настоящее убийство. Она вспомнила предупреждение д'Агосты и вдруг поняла: коп или нет, но этот человек работает на Барбо.

Сержант Слейд шагнул вперед с колючкой в руке.

– Дайте мне сумку, доктор Грин, – сказал он.

Марго отступила назад.

– Не ухудшайте своего положения. Дайте мне сумку, и вы отделаетесь мягким наказанием.

Марго сильнее сжала в руках сумку и сделала еще шаг назад.

Слейд вздохнул.

– Вы меня вынуждаете, – сказал он. – Если хотите играть так, то боюсь, что ваше наказание будет гораздо более суровым, чем общественные работы.

Он перебросил колючку в правую руку, ухватил ее покрепче и двинулся на Марго. Она повернулась и поняла, что оказалась в тупике ботанического хранилища: по обеим сторонам полки, а сзади дверь в хранилище гербария.

Марго посмотрела на сержанта Слейда. Да, он был невысок, но двигался с грацией гибкого и сильного человека. А кроме гигантской колючки в его руке, она увидела служебную кобуру с пистолетом под пиджаком, баллончик с перцовым газом и наручники.

Она сделала еще шаг назад и уперлась спиной в металлическую дверь.

– Все кончится быстро, – сказал Слейд почти с сожалением в голосе. – Мне это не доставит удовольствия, ни малейшего.

Он занес руку с колючкой и двинулся на Марго, готовясь перерезать ей горло.

66

– Будьте добры, остановитесь здесь.

Таксист направил машину к тротуару. Констанс Грин просунула деньги через окошко в перегородке, взяла сумку и вышла из машины. Несколько секунд она стояла в задумчивости. По другую сторону Вашингтон-авеню виднелась чугунная ограда, а за ней – темные деревья Бруклинского ботанического сада. Несмотря на поздний час, трафик на Вашингтон-авеню оставался плотным, и по тротуару двигались люди.

Перекинув сумку через плечо, Констанс разгладила складки на платье и убрала волосы за уши. Она дошла до угла, дождалась зеленого света и пересекла улицу.

В этом месте высота чугунной ограды, заканчивающейся затупленными пиками, доходила до пояса. Констанс прогулочной походкой двинулась вдоль ограды и остановилась точно посередине между двумя уличными фонарями, на темном участке, где три нависающие ветки давали дополнительную тень. Она поставила сумку, вытащила телефон и, делая вид, будто проверяет сообщения, дождалась, когда поблизости никого не оказалось. Одним плавным движением она ухватилась за две пики и перебросила себя через ограду, приземлившись с другой стороны. Затем перегнулась через ограду и забрала сумку. Быстрым шагом она устремилась в благодатную темноту под деревьями и только там оглянулась: не заинтересовался ли кто-нибудь ее перемещениями.

Все казалось спокойным.

Констанс открыла сумку, вынула из нее небольшой портфель и спрятала его в траве. Потом двинулась сквозь темноту. Фонарика она не взяла: над деревьями поднималась растущая луна, к тому же глаза Констанс были прекрасно приспособлены к темноте после стольких лет, проведенных в подвальных коридорах и потайных комнатах под домом 891 по Риверсайд-драйв.

Перед этой вылазкой она загрузила на компьютер карту Бруклинского ботанического сада с официального сайта и досконально запомнила ее. Прямо перед ней возникла плотная живая изгородь, образованная густым кустарником. Констанс протиснулась сквозь нее на другую сторону и оказалась в изолированном уголке Шекспировского сада. Пройдя по полянке, густо поросшей ирисами, запах которых усиливался, когда она наступала на них, Констанс вышла на выложенную кирпичом дорожку, петляющую среди растений. Здесь она снова остановилась и прислушалась. Вокруг царили тишина и темнота. Констанс не знала, какая охрана может быть в этом саду, и двигалась с чрезвычайной осторожностью, инстинктивно используя те навыки,

которые она приобрела, болтаясь девчонкой по нью-йоркским докам, воруя еду и деньги.

Держась подальше от главных дорожек, Констанс миновала клумбу с примулами, потом еще одну живую изгородь, посаженную вдоль низкой каменной стены. Перебравшись через нее, Констанс вышла к главной дорожке, ведущей в Пальмовый дом – величественное здание из металла и стекла в стиле Тосканского Возрождения. За ним располагались оранжереи, включавшие и Водный дом, где росла печаль Ходжсона. Но главная дорожка была широкой и хорошо освещалась – идти по ней было опасно. Констанс спряталась в кустах, дожидаясь появления охраны, но, к своему удивлению, никого не увидела. Ей пришло в голову, что, возможно, это подтверждает правоту Пендергаста: Барбо пришел сюда раньше ее, и если это так, то он должен был нейтрализовать охрану.

Приятный сюрприз.

С другой стороны, это все же ботанический сад, а не художественный музей. Возможно, здесь вообще нет ночной охраны.

Держась в тени деревьев, Констанс прошла между Садом ароматов и Японским садом камней. Ночной ветерок донес до нее запах жимолости и пионов. Пробираясь через густые заросли азалий, она увидела впереди Площадь магнолий, но эти деревья уже отцвели. Дальше располагался Пруд лилий, его вода серебрилась в лунном свете.

Изучая карту Ботанического сада, Констанс прикинула и маршрут подхода. Лучшим местом для входа ей показался Пальмовый дом, большая часть которого была переоборудована из оранжереи в общественное пространство, где проводились различные мероприятия для гостей. В здании были большие односекционные стеклянные окна. В более новых оранжереях окна были поменьше, некоторые двухсекционные.

Констанс перебежала через Площадь магнолий и оказалась в тени длинного крыла Пальмового дома. Старинное викторианское сооружение состояло из центрального купола и двух стеклянных крыльев. Она заглянула в окно. Это крыло Пальмового дома было подготовлено для шикарной свадьбы, намеченной, по-видимому, на следующий день: на длинных столах, накрытых белыми льняными скатертями, лежали столовые приборы, стояла стеклянная посуда и канделябры с незажженными свечами. Констанс не заметила никаких явных признаков наличия системы безопасности. Опустившись на колени, она скинула сумку с плеча и достала из наружного кармана сумки маленький кожаный футляр, из которого вытащила стеклорез и чашечную присоску. Установив присоску в середине большого стеклянного окна, Констанс осторожно провела стеклорезом по

периферии стекла. Несколько резких ударов – и она вынула стекло на присоске и отложила в сторону, затем просунула внутрь сумку, а следом пролезла сама, подобрав платье, чтобы не зацепиться.

Она подхватила сумку и пошла между безмолвными столами, под большим центральным стеклянным куполом, по паркету танцплощадки к дальнему крылу. В это крыло вела дверь, и когда Констанс нажала на ручку, то обнаружила, что дверь не заперта. Передвигаясь по Пальмовому дому, она была готова быстро отступить при первых же звуках сирены, но все было тихо и спокойно.

Констанс слегка приоткрыла дверь, прислушалась, огляделась и прошла внутрь. Это был Музей бонсай, считавшийся самым большим за пределами Японии. А дальше находилось то, ради чего она и пришла сюда, – Водный дом и коллекция орхидей.

В Музее бонсай спрятаться было негде: карликовые растения рядами стояли на подставках вдоль передней и задней стены, оставляя посередине проход. Присев за одной из подставок, Констанс обдумала ситуацию. Никаких признаков охраны или присутствия Барбо она по-прежнему не видела. В Музее бонсай было прохладнее, здесь стоял мягкий гул вентиляторов, расположенных под потолком.

Она быстро прошла мимо маленьких скрученных деревьев к следующей двери. Немного приоткрыла ее (эта дверь тоже была не заперта) и подождала. Все было тихо. Она вошла и оказалась в вестибюле. Справа от нее возвышался комплекс оранжерей Стейнхардта с его громадным Тропическим павильоном, а прямо перед ней находился вход в Водный дом.

Прокравшись через темный вестибюль, Констанс очутилась возле двух стеклянных дверей, которые оказались закрытыми. Она подошла к ближней, притаилась в тени и заглянула внутрь.

Все было тихо. И только после тщательного изучения пространства за дверью ее глаза начали различать силуэт человека, стоявшего совершенно неподвижно. Констанс не видела его напрямую, скорее, то, что она видела, было его отражением в водной поверхности, поблескивающей в лунном свете. Она разглядела очертания оружия в его руке.

Значит, Пендергаст все-таки был прав. То, что Барбо знал о ее намерении прийти сюда, испугало Констанс. Ведь она говорила об этом конкретном месте только с Марго. Но очевидно, информация как-то просочилась, а это означало, что в их среду затесался предатель. Барбо знал, что она придет в оранжерею за нужным ей растением. Он ждал ее здесь.

Констанс подумала о Марго, о ее миссии в подвалах музея. Неужели Барбо мог узнать и про нее? Конечно мог. Оставалось только надеяться на то, что Марго прекрасно знает укромные уголки музея и это поможет ей уберечься.

Медленно переменив положение, Констанс заметила вторую нечеткую фигуру в Водном доме. У этого человека на плече висел карабин.

Эти люди явно были настоящими солдатами, к тому же хорошо вооруженными, – это тревожило, но не удивляло, учитывая профессиональную направленность «Ред Маунтин». Барбо ничто не оставлял на волю случая.

Констанс знала, что оранжерея за дверями велика, и даже в темноте видела, что там полно растений. Если ей удалось разглядеть двух человек с одной лишь этой точки, то нетрудно предположить, что еще несколько остались скрытыми от ее взгляда. Почему все они сосредоточились именно здесь?

Несомненно, Барбо был полон решимости не допустить похищения цветка. Ему нужно было, чтобы страдания Пендергаста были долгими, мучительными, чтобы он умер именно той смертью, какой умер его сын. Но это вызывало другой вопрос: почему эти люди вообще находятся здесь? Было бы гораздо проще найти и уничтожить экземпляр печали Ходжсона. Зачем устраивать засаду?

Ответ мог быть только один: они знали, где находится растение, но название растения было им неизвестно. Информация, которую они получили, была неполной.

Констанс представила себе карту Ботанического сада и вспомнила, что у Водного дома есть другой, более высокий уровень, куда можно попасть по лестнице из вестибюля. Оттуда посетители могли наблюдать сверху за болотистыми джунглями. Она подумала было отправиться наверх на разведку, но тут же поняла, что по меньшей мере один наблюдатель наверняка отправлен и наверх.

Здесь находилось слишком много бойцов. Справиться со всеми было невозможно. Ей придется незаметно проскользнуть внутрь, прямо у них из-под носа похитить растение и выбраться наружу. С Барбо она разберется позднее. Выбор был далеко не лучший… но единственный.

Скрытность была теперь первостепенной задачей. А значит, сумка становилась помехой. Засунув стеклорез и чашечную присоску в карман платья, Констанс спрятала нейлоновую сумку под скамьей для посетителей, потом прокралась назад к стеклянным дверям и попыталась представить себе, где прячутся люди Барбо. Если бы их там не было, она нашла бы растение в считаные минуты.

Теперь ее задача осложнялась.

Прижимаясь к стене, Констанс вернулась в вестибюль. Дверь главного входа была заперта. Ускорив темп, Констанс прошла обратным путем через Музей бонсай и главное пространство Пальмового дома в его дальнее крыло, а там выбралась наружу через вырезанное стекло. Она обошла Пруд лилий, держась в тени крупных деревьев расположенного дальше дендрария. Миновав Тропический павильон, она подошла к задней стене Водного дома, которая тоже была сооружена почти исключительно из стекла. Окна здесь были меньше, чем в Пальмовом доме, но достаточного размера, чтобы пробраться внутрь. Они не ждут ее появления отсюда.

Констанс присела на корточки и прислушалась. Ничего. Она прикрепила присоску к стеклу и начала резать его. Раздался скрежещущий звук. Констанс тут же остановилась. В Бруклине было шумно: до нее доносились гудки автомобилей, в небе пролетали самолеты, билось сердце города. Но скрежет стеклореза был слишком заметен, а внутри звучал еще громче.

Словно отвечая на ее мысли, внутри появилась крадущаяся темная фигура, явившаяся проверить, что это за звук. Держа оружие наготове, человек посмотрел в одну сторону, в другую. Констанс знала, что он не может увидеть ее в темноте, царящей снаружи. Через несколько секунд он исчез в листве, решив, что тревога была ложной.

Констанс ждала, обдумывая иной способ пробраться внутрь. Если она сможет сделать это, не разбивая и не разрезая стекло, то значительно снизит опасность быть обнаруженной.

Она поползла вдоль длинной стеклянной стены, ощупывая оконные рамы. Некоторые сидели неплотно. Бронзовые рамы были тронуты ржавчиной, в особенности близ низкого бетонного фундамента.

Констанс ползла все дальше, проверяя одну раму за другой, и наконец нашла стекло, которое болталось сильнее других. Она обследовала раму и обнаружила, что та подверглась сильной коррозии по нижней кромке.

Констанс подсунула стеклорез под тонкую раму и принялась отжимать ее этим рычагом. Бронза легко согнулась, патина с нее посыпалась на землю. Медленно, стараясь не слишком давить на стекло, чтобы оно не треснуло, Констанс завела стеклорез внутрь рамы, продолжая отгибать ее. Еще несколько минут – и рама была настолько отогнута, что Констанс рискнула прикрепить к стеклу присоску и попытаться осторожно вынуть его. Но стекло держалось крепко, правда только одной стороной рамы. Еще несколько секунд действия стеклорезом как рычагом, и ей удалось вынуть стекло. Ее обдал поток влажного воздуха с цветочным запахом.

Она пролезла внутрь.

От людей с оружием ее отделяла плотная завеса орхидей. Припомнив карту, Констанс поняла, что это и есть коллекция орхидей, занимающая дальний конец Водного дома. За ней лежала петляющая дорожка, огражденная с двух сторон, а еще дальше находился большой внутренний пруд, где и обитала печаль Ходжсона.

Констанс остановилась, чтобы кое-что обдумать. Листва вокруг и впереди нее была очень густой. Ее длинное черное платье с узором цвета слоновой кости как нельзя лучше подходило здесь для камуфляжа. Но продираться через эти заросли в таком платье будет очень трудно. Хуже того, она может с громким треском разодрать ткань о какой-нибудь сук. Недовольно нахмурившись, Констанс спустила платье с плеч и выскользнула из него. Под платьем на ней была черная комбинация. Потом она сняла туфли и колготки и осталась босиком. Свернув платье в комок, она спрятала его вместе с колготками и туфлями за кустом и проползла вперед, бесконечно медленно просовывая руку в густой занавес орхидей и понемногу, по полдюйма разводя его в стороны.

Дорожка для посетителей лежала перед ней, залитая лунным светом, но луна стояла низко, и от кустарника тянулась длинная тень. Приблизиться к центральному пруду по-другому было невозможно – ей предстояло пересечь эту дорожку. Констанс остановилась, чтобы взвесить ситуацию, и смогла разглядеть еще трех человек, стоящих в темноте. Они не производили ни звука. Двигались только их головы – поворачивались то в одну сторону, то в другую, наблюдали, прислушивались.

Пройти мимо них незамеченной было непросто. Но она должна была сделать это, иначе Пендергаста ждала смерть.

Земля под ней была влажной, илистой. Констанс подумала, что хотя комбинация у нее черная, но обнажившиеся части тела светлые и их легко заметить. Она зачерпнула эту грязь и принялась методично размазывать ее по лицу, рукам и ногам. Убедившись, что светлых пятен не осталось, Констанс дюйм за дюймом поползла дальше, с бесконечной осторожностью раздвигая орхидеи. Ее окутывал вездесущий запах земли, цветов и растительности. После каждого движения она замирала. Девчонкой ей часто удавалось воровать рыбу на пристанях Уотер-стрит, перемещаясь так, что никто ее и не замечал. Но тогда она была беспризорной девчонкой. А теперь стала взрослой женщиной.

За несколько минут ей удалось преодолеть десять футов, и теперь она достигла границы тропических папоротников. Далее ей предстояло перебраться через низкое ограждение, а потом – через дорожку. С этого места Констанс заметила еще нескольких наблюдателей, но она ничуть не сомневалась, что есть и другие, которых она не видит. У нее было

одно преимущество: они не знали, что она уже внутри и среди них. Их внимание было сосредоточено на входе и запасном выходе сзади.

Еще несколько осторожных движений – и Констанс оказалась за большой табличкой, по-прежнему оставаясь в тени. Самым трудным будет пересечь дорожку, подумала она. Перебраться через нее медленно не получится. Придется перебежать на другую сторону, улучив момент, когда никто не будет смотреть туда.

Констанс наблюдала и ждала. Вдруг до нее донеслось слабое шипение рации и шепчущий голос. А потом еще один такой же звук с другой стороны; и еще один. Времени было ровно без четверти десять. Видимо, это была перекличка.

Через минуту они все открыли свое местонахождение. По крайней мере, те, кто находился в этой части оранжереи. Констанс насчитала пятерых. Она отметила, что только трое из них стоят там, откуда могут увидеть ее, когда она будет пересекать дорожку.

Она посмотрела наверх. Луна поднималась все выше, заливая оранжерею докучливым светом. Еще немного – и придется ждать всю ночь, пока она не скроется за деревьями. Но по небу скользило несколько облачков. Констанс прикинула: одно из них минуты через три должно было наползти на луну.

Она опустила веки – даже белки глаз могли выдать ее – и принялась считать. Прошло три минуты. Констанс приоткрыла глаза и увидела, что облако, отливая белым по кромке, начало наползать на луну. На оранжерею легла тень. Темнота сгустилась.

Настал ее миг. Констанс медленно подняла голову. Наблюдатели растворились в темноте, и она не могла разобрать, куда они смотрят. Сейчас в оранжерее было очень темно, и темнее уже не будет. Ей придется рискнуть.

Одним плавным, легким движением она поднялась, оставаясь в согнутом положении, перешагнула через ограждение, метнулась через дорожку и залегла под большим тропическим деревом, оплетенным орхидеями. Она лежала без движения, не осмеливаясь дышать. Мгновение спустя лунный свет вернулся в оранжерею, где стояла тишина. Никто не пошевелился, никто ее не видел.

Теперь – к пруду за растением…

Что-то холодное уткнулось ей в затылок. Тихий голос произнес:

– Не двигаться.

Марго метнулась в сторону, когда рука с колючкой опустилась, порвав на ней куртку и задев плечо. Она упала на пол, ударившись о полки и при падении сбив с головы фонарь, который улетел в темноту. Слейд шагнул вперед. Марго лежала на полу, а полицейский спокойно стоял над ней.

– Вы лишь ухудшаете ситуацию, – сказал Слейд.

Ее рука, оказавшаяся за спиной, чувствовала что-то холодное. Марго поняла, что это банка с образцом, одна из ряда таких же на нижнем уровне полок.

– Слушайте, мне от вас нужно только растение. – Человек попытался придать рассудительности своему голосу. – Нет никакой необходимости заканчивать это таким образом. Отдайте мне растение, и я вас отпущу.

Марго ничего не сказала. Этот человек лгал. Но хотя мысли ее метались как сумасшедшие, она не видела выхода.

– Вам от меня не уйти, так почему бы нам не договориться?

Она посмотрела в ту сторону, где находилась такая далекая дверь, через которую она вошла сюда.

– Выкиньте из головы всякие мысли о побеге, – сказал Слейд. – Когда я вошел в хранилище Шестого здания, то сразу запер дверь и заклинил замок сломанным перочинным ножом. Так что никто сюда не войдет. Мы здесь вдвоем – только вы и я. – На его худом лице появилась странная улыбка.

Марго отогнала страх и попыталась сообразить, что делать. Она смутно помнила, что в дальнем конце Шестого здания есть другой выход из подвала. Она напрягла мозги, пытаясь вспомнить коридоры, которые ведут туда. Если ей удастся протолкнуться мимо него, она сможет побежать к другому выходу и оторваться от него. Ведь она знает все ходы-выходы из музея, а он – нет…

– И запасной выход тоже можете выбросить из головы. По правде говоря, я знаю эти подземные коридоры не хуже вас.

Она была ошарашена тем, что он так легко читает ее мысли. Но возможно, это еще одна ложь: откуда ему знать подземные ходы музея?

– О, я знаю музей как свои пять пальцев, – сказал этот человек. – Хотя вовсе не рад этому, потому что музей погубил мою жизнь. Я ведь не всегда служил в нью-йоркской полиции. Когда-то я был агентом ФБР. Академию закончил вторым на курсе. Моим самым первым назначением в качестве агента был передовой пост здесь, в музее: я должен был способствовать тому, чтобы открытие некой сенсационной

выставки прошло без сучка без задоринки. Вы знаете, что это была за выставка, Марго? Должны бы знать, вы тогда здесь работали.

Марго уставилась на него. Слейд… Слейд… Она смутно помнила, что слышала это имя во время завершения полицейской операции в ту жуткую ночь двенадцать лет назад, когда музей превратился в бойню. Она никогда не видела его лица. Неужели это он?

– Так вы… тот самый Слейд?

Слейд посмотрел на нее с довольным видом:

– Тот самый. Выставка «Суеверия». Мне не повезло, что некто Спенсер Коффи, специальный агент, руководил там контингентом ФБР. Выставка прошла не слишком гладко, верно? Сколько человек погибло – двадцать шесть, да? Это был самый крупный провал за всю историю ФБР. Такой крупный, что они решили примерно наказать не только Коффи, но и всех нас. Коффи перевели в Уэйко, штат Техас, а меня вместе с остальными членами его команды уволили из Бюро. На мне после этого осталось клеймо. Еще повезло, что устроился в нью-йоркскую полицию патрульным полицейским. А клеймо никуда не делось. Как вы думаете, почему человек моего возраста и опыта все еще ходит в сержантах?

Эта маленькая, полная горечи речь дала Марго время собраться с мыслями. Ей нужно было, чтобы он продолжал говорить.

– И это сподвигло вас пойти по пути коррупции? – спросила она. – Так все и получилось?

– Я не имел никакого отношения к этому кошмару, я даже появился там, когда все уже закончилось, но меня, не задумываясь, бросили на съедение волкам. Такое отношение может сделать человека восприимчивым… как бы это выразиться?.. к более выгодным предложениям. Со временем я получил более выгодное предложение – и вот я здесь.

Слейд подался вперед, сжимая колючку, и Марго поняла, что он готовится к новому нападению. Ее пальцы сомкнулись на банке с образцом. В тот момент, когда Слейд хотел пронзить ее колючкой, она изо всех сил пнула его ногой в щиколотку. Он пошатнулся, попытался удержаться на ногах, и Марго, вытащив руку из-за спины, швырнула банку ему в голову, метя в висок. Банка разбилась о его голову, обдав все вокруг этиловым спиртом, и Слейд рухнул на колени. Марго вскочила, перепрыгнула через него и понеслась по проходу, крепко прижимая к себе сумку. У нее за спиной Слейд со злобным воем поднялся на ноги.

Паника придала Марго сил и ясности мысли. Промчавшись по проходам, она выбежала из помещения ботанической коллекции и свернула в коридор налево, направляясь к выходу из Шестого здания.

Из-за особенностей старинной планировки музейных подвалов это не был прямой путь. Чтобы добраться до выхода, нужно было преодолеть ряд хранилищ. Марго уже слышала, как Слейд бежит за нею, неровно дыша, стуча подошвами по цементному полу… и с каждой секундой приближаясь.

68

Констанс лежала в грязи, не двигаясь. По ней прошелся тусклый луч фонарика, и она услышала тихие неразборчивые голоса нескольких мужчин, переговаривающихся между собой. Она испытывала странные чувства: сожаление, досаду и в первую очередь гнев. Не потому, что ее собирались убить, – ее ничуть не волновала собственная жизнь, – а потому, что ее поражение означало смерть для Пендергаста.

Она услышала тихие шаги, и новый голос сказал:

– Поставьте ее.

В ее шею снова уперся ствол.

– Вставай. Медленно.

Констанс поднялась на ноги. Перед ней стоял высокий человек с военной выправкой, одетый в темный деловой костюм. Его лицо, едва видимое в лунном свете, было крупным, словно высеченным из гранита, с выступающими скулами и мощным подбородком.

Барбо.

На мгновение все ее чувства сконцентрировались в одной яростной точке, такой всепоглощающей была ее ненависть и отвращение к этому человеку. Констанс оставалась неподвижной, пока Барбо обшаривал ее лучом фонарика.

– Ну и зрелище, – издевательски произнес он сиплым голосом.

Беззвучно подошли еще несколько человек и заняли позиции вокруг Констанс. Вооруженные до зубов, они отрезали ей все пути к бегству. Она прикинула, не выхватить ли ей у кого-нибудь из них оружие, но тут же поняла, что это ничего не даст. И потом, она плохо владела автоматическим оружием. Барбо не был похож на человека, которого можно застать врасплох или запросто перехитрить. Хладнокровный, умный, излучающий тревожную атмосферу жестокости, – с такими людьми Констанс прежде встречалась лишь дважды: это были ее первый опекун Енох Ленг и Диоген Пендергаст.

Завершив осмотр, Барбо снова заговорил:

– Вот, значит, каких оперативников посылает Пендергаст в качестве ангела мщения. Когда Слейд сказал мне про вас, я даже не поверил.

Констанс никак не прореагировала.

– Я бы хотел знать название растения, которое вы ищете.

Она продолжала молча смотреть на него.

– Вы предприняли последнюю отчаянную попытку спасти вашего драгоценного Пендергаста. Но мы, как видите, оказались на шаг впереди. Тем не менее на меня произвело впечатление, что вы сумели продвинуться так далеко с вашим дурацким поручением, прежде чем мы вас остановили.

Констанс не прерывала его.

– Пендергаст теперь на смертном одре. Вы не можете себе представить, какое удовлетворение я получаю от его страданий. Эта болезнь уникальна: невыносимая боль, к которой примешивается понимание того, что ты теряешь разум. Я все об этом знаю. Видел собственными глазами.

Барбо помолчал, его глаза вперились в перепачканную грязью фигуру.

– Насколько я понимаю, агент Пендергаст – ваш «опекун». Что именно это означает?

Никакой реакции.

– Вы молчите, но глаза вас выдают. Я вижу в них ненависть ко мне. Ненависть женщины к убийце ее любовника. Как это трогательно. Какая у вас разница в возрасте? Двадцать? Двадцать пять лет? Отвратительно. Вы могли бы быть его дочерью.

Констанс не опустила глаз. Она продолжала смотреть на него.

– Отважная девочка. – Барбо вздохнул. – Мне нужно название растения, которое вы ищете. Но, как я вижу, мне придется прибегнуть к некоторым методам убеждения.

Он протянул руку и прикоснулся к ее лицу. Она не вздрогнула. Не отстранилась. Его рука опустилась ниже, размазывая грязь на ее шее, потом дошла до комбинации, чуть сдавила грудь сквозь шелк материи.

Мгновенно, словно жалящая змея, Констанс отвесила ему пощечину.

Барбо, тяжело дыша, отошел назад:

– Держите ее.

Двое мужчин схватили ее за руки. У одного была бритая голова, у другого – волосы до плеч. Она не сопротивлялась. Барбо снова шагнул к ней и ухватил ее за грудь.

– Жаль, что Пендергаста нет здесь и он не видит, как обращаются с его маленькой игрушкой. Как называется это растение?

Он сильно сдавил ей грудь.

От боли Констанс прикусила губу.

– Название растения!

Он снова сдавил ей грудь. Она вскрикнула, но тут же заставила себя замолчать.

– Не раздражай нас истерическими криками. От этого не будет никакого прока. Мы нейтрализовали ту немногочисленную охрану, что здесь была. Так что помешать нам никто не сможет.

Барбо опустил руку еще ниже, смял тонкий шелк, приподнял край комбинации.

– Такое молодое, податливое тело. Могу себе представить, как Пендергаст наслаждается им, сгибая его, словно кренделек.

Он отпустил комбинацию и несколько секунд смотрел на нее оценивающим взглядом. Потом снова отошел назад и кивнул Бритоголовому. Тот повернулся к Констанс, ударил ее по лицу раз, другой.

Констанс молча стерпела это.

– Давай стрекало, – приказал Барбо.

Из небольшой сумки, перекинутой через плечо, Длинноволосый достал зловещего вида приспособление длиной около двух футов, с резиновой рукояткой, похожим на пружинку завитком металла вокруг стержня и двумя серебристыми шипами на рабочем конце. Стрекало для скота. Он помахал им перед носом у Констанс.

– Заткните ей рот, – велел Барбо. – Не выношу криков.

Из сумки появился ком ваты и липкая лента. Бритоголовый резко ударил Констанс в живот и, когда она согнулась пополам, сунул вату ей в рот, потом заклеил рот лентой и обмотал ее вокруг головы. Он отошел в сторону, а Длинноволосый подготовил стрекало. Остальные образовали темное безмолвное кольцо вокруг Констанс, внимательно наблюдая за происходящим.

Бритоголовый ухватил ее за обе руки, а Длинноволосый ткнул стрекалом ей в живот. Помедлил секунду, хитро улыбнулся и нажал кнопку, пуская ток. Констанс судорожно задергалась, все ее мышцы сжимались, пока Бритоголовый удерживал ее на месте, обхватив двумя руками. Приглушенный мучительный стон вырвался у нее из носа, победив все ее попытки хранить молчание.

Длинноволосый убрал стрекало.

– Еще раз, – сказал Барбо. – Она даст нам знать, когда будет готова говорить.

Констанс попыталась выпрямиться. Длинноволосый издевательски помахал стрекалом перед ее лицом, готовясь к очередному удару. Внезапно он метнулся вперед, сунул стрекало ей между грудей и снова нажал кнопку. Констанс скорчилась и чуть не тронулась умом от боли, но на сей раз не произвела ни звука. Длинноволосый снова убрал стрекало.

Констанс с трудом выпрямилась.

– Что ж, придется по полной программе, – сказал Барбо.

– Вероятно, – подхватил Бритоголовый. – Ей нужна стимуляция в более чувствительном месте.

Барбо кивнул, протянул руку и приподнял комбинацию. Длинноволосый, улыбаясь, снова приблизился к ней со стрекалом.

И в этот миг прозвучал выстрел. Верхушка черепной коробки Длинноволосого одним куском отлетела от головы и закрутилась, взметая волосы, разбрызгивая кровь и мозговое вещество розово-серым облачком.

Люди мгновенно прореагировали, бросившись на землю. Бритоголовый упал сам и уронил на землю Констанс. Но пока они искали укрытие, один за другим в быстрой последовательности прозвучали еще два выстрела. Один из бойцов согнулся пополам, с ревом ухватившись за живот, другой, уже лежащий на земле, получил пулю в спину. Он дернулся, испустив крик боли.

Констанс попыталась вырваться из хватки Бритоголового, но судорога еще не отпустила ее мышцы, а Бритоголовый крепко держал ее. Она увидела, что Барбо был единственным, кто остался стоять, – он хладнокровно отступил за массивный ствол дерева.

– Один стрелок, – констатировал Барбо. – С верхнего уровня. Фланговый маневр с обеих сторон.

Он дал знак трем бойцам, они тут же вскочили на ноги и исчезли, оставив Констанс с Барбо, Бритоголовым и еще одним бойцом, а также с тремя телами, распростертыми среди орхидей и истекающими кровью. Констанс услышала еще несколько выстрелов и подняла голову. Барбо, выхватив рацию из поясного футляра, выкрикнул слова команды, явно обращенные к тем, кто занимал посты за пределами оранжереи. Она прислушалась к многоголосью в рации: судя по всему, у Барбо оставалось еще около десятка людей у Водного дома. Она смотрела на него, прищурившись. Что происходит? Неужели лейтенант д’Агоста каким-то образом вычислил ее местонахождение и привел отряд полиции?

Бритоголовый прижал ее голову к земле.

– Не смей двигаться, сука, – прорычал он.

Барбо со своего места за деревом продолжал выкрикивать команды по рации. На некоторое время воцарилась тишина. Потом откуда-то из глубин оранжереи прозвучало еще несколько выстрелов, а следом раздался звук разбитого стекла. Рация Барбо разразилась возбужденным всплеском голосов.

Констанс лежала, впечатанная в грязь, постепенно обретая дыхание. Барбо сказал об одном стрелке. Но если бы этим стрелком был д’Агоста, то с ним должна была бы появиться полицейская поддержка. Что бы это ни означало, для Пендергаста, возможно, еще не все потеряно…

Новый всплеск разговоров по рации, и наконец Барбо обратился к Бритоголовому:

– Поднимай ее. Можешь вытащить кляп: они взяли стрелка. Это Пендергаст.

69

Марго подбежала к двери первого хранилища и сунула электронную карточку в замок, молясь, чтобы та сработала. Ручка повернулась. Марго выдохнула, распахнула дверь, вбежала внутрь и захлопнула за собой дверь. В этот самый момент Слейд налег на дверь с другой стороны и слегка приоткрыл ее, но Марго уперлась в дверь со всей силы и захлопнула ее. Он ударил еще раз, и она опять уперлась в дверь плечом.

Это не могло продолжаться долго. В этом соревновании она неминуемо проиграет. И потом, Слейд может просто выстрелить через дверь.

Он снова навалился на дверь в тот самый момент, когда Марго дернула ее на себя, и Слейд растянулся на полу у ее ног. Марго изо всех сил ударила его ногой по голове и метнулась в темноту хранилища. Она услышала, как он застонал от боли у нее за спиной. Свой налобный

фонарь она потеряла, а его фонарик оставался при нем. Луч его фонаря метался где-то позади, когда она свернула за один из бесконечных рядов полок и понеслась по одному проходу, потом по другому. Она успела заметить, что на полках стоят большие стеклянные сосуды и в каждом находится сверкающий, глазеющий слизистый шар размером с шар для боулинга, – здесь хранилась легендарная музейная коллекция китовых глаз.

На бегу Марго достала телефон и посмотрела на экран: как она и предполагала, сигнал сюда не проходил. Толстые стены музейного подвала надежно блокировали радиоволны.

Марго была в хорошей форме и бежала быстро, но Слейд в этом явно от нее не отставал, и она понимала, что состязание в беге она ему тоже проиграет. Нужно найти способ остановить его. Или замедлить. Почему он не стреляет? Может, боится, что звук выстрела привлечет внимание? Слейд явно был человеком осторожным, а никому не известно, кто может бродить по подвалу даже поздним вечером.

Пробегая мимо ряда выключателей в конце прохода, Марго щелкнула ими. При этом она «засвечивала» себя, но если он не может пользоваться пистолетом, то теперь потеряет и то преимущество, которое ему дает фонарь. Когда загорелся свет, Марго тут же свернула и помчалась в противоположном направлении. Она слышала, как Слейд бежит по соседнему проходу. И тут ей пришла в голову неожиданная мысль: задержавшись перед полкой, она вытолкнула группу сосудов с противоположной стороны полки на пол прямо перед ним. Продолжая бежать, она слышала, как Слейд подскакивает и перепрыгивает через громадные, мягкие катящиеся глаза. Это лишь ненадолго задержало его. Может быть, ей удастся опрокинуть на него весь стеллаж… но нет, он был слишком массивный и прикручен к полу.

Несколько дверей вели из хранилища китовых глаз в другие помещения, но только одна из них – к запасному выходу из Шестого здания. Слейд сокращал расстояние между ними, а Марго ничуть не приблизилась к выходу. К тому же в такое время этот выход может быть заперт изнутри. Она на бегу сбрасывала на пол все новые банки с полок. Может, поджечь этиловый спирт? Но у нее в сумке не было зажигалки, а если бы и была, то от таких действий могло вспыхнуть все хранилище, забрав с собой и саму Марго.

Сделав разворот в конце прохода, она сбросила с полки еще несколько сосудов, и они разбились у нее за спиной, а громадные китовые глаза раскатились по полу, оставляя за собой следы спиртового раствора и слизи. Слейд поскользнулся, выругался и, чтобы не упасть, ухватился за полку, отчего еще несколько сосудов упало на пол. Помещение заполнилось рыбным запахом глаз и спирта. Слейд мигом поднялся, но

Марго все же выиграла для себя несколько секунд. Тяжело дыша и чувствуя тяжесть в ногах, она добежала до конца прохода и наконец увидела дверь, которая вела-таки к выходу из Шестого здания. Но Слейд был так близко, он наверняка достанет ее, прежде чем она вставит ключ в замок.

Рядом с дверью висел огнетушитель.

Слыша, как приближается Слейд, Марго сорвала огнетушитель со стены, развернулась и ударила преследователя. Удар пришелся в солнечное сплетение, и Слейд рухнул на пол. Он начал со стоном подниматься, но Марго успела выдернуть чеку и направила сопло прямо ему в лицо. Он вслепую попытался загородиться от струи, выхватить у нее огнетушитель, но тщетно.

– Сука! – закричал Слейд, защищаясь руками от струи пены, которую Марго направляла ему в лицо. – Я убью тебя за это! – Он ринулся было вперед, поскользнулся и снова упал.

Она увидела свой шанс и ударила его огнетушителем по голове.

Издав стон, он потерял сознание, наполовину покрытый пеной, с закатившимися глазами.

У Марго мелькнула безумная мысль. Еще один сильный удар по голове теперь, когда он обездвижен, размозжит его череп. Она подняла огнетушитель… но поняла, что не может это сделать. Она отшвырнула огнетушитель. При ней, слава богу, оставалась ее сумка. Нужно убираться отсюда к чертовой матери. Но куда? Если она направится к запасному выходу, на ее пути будут еще несколько хранилищ, скорее всего запертых, и, возможно, ее ключ не сможет их открыть. Будет быстрее, если она пойдет обратно так же, как пришла сюда, – через ботаническую коллекцию и к лифту. То, что там говорил Слейд про блокировку замков, вероятно, вранье. Иначе как же он сам собирался выйти?

Марго бросилась назад к хранилищу гербария. Она надеялась, что ей удастся уйти таким путем. Иначе придется возвращаться мимо Слейда. Что, если она убила его?

Быстро, насколько позволяло тусклое аварийное освещение, Марго миновала вход в ботаническое хранилище и направилась по коридору к выходу из Шестого здания. Если она сумеет подняться на лифте, то доберется до выхода с вооруженными охранниками. Там она будет в безопасности. Она расскажет им о мертвом Фрисби, об убийце-полицейском, который лежит без сознания в подвале…

Она добежала до входной двери и попыталась сдвинуть щеколду. Заперта. Ручка двери тоже не подавалась. Марго попыталась вставить в

замок свой ключ, но увидела, что Слейд и в самом деле не обманул ее: он затолкал в замок лезвие перочинного ножа. Она громко выругалась. Значит, ей все-таки придется возвращаться мимо него. Теперь она пожалела, что не вышибла ему мозги. Жаль, ей не хватило присутствия духа вытащить пистолет из его кобуры. Она больше не совершит такой ошибки… конечно, если он все еще лежит без сознания.

Марго возвращалась быстро и тихо. Вдруг он уже пришел в себя? Лучше иметь при себе какое-то оружие. Марго огляделась. Она опять находилась у входа в ботаническую коллекцию. Какое растение может противостоять пистолету? Никакое, разумеется.

И тут она вспомнила кое-что.

Она побежала вглубь коллекции, мимо шкафов и стеллажей, остановилась на мгновение, чтобы подобрать свой налобный фонарь, и наконец оказалась перед хранилищем гербария. Красный огонек на его замке горел, как маяк. Марго перевела дыхание, набрала код и открыла тяжелую дверь.

Да, там они и были. В свете фонаря она разглядела в дальнем углу длинные полые духовые трубки и колчан с маленькими костяными дротиками, каждый длиной около двух дюймов, с пучком перьев на одном конце. Наконечники дротиков были вымазаны клейким черным веществом.

Марго схватила одну из духовых трубок, набросила колчан на свободное плечо, один дротик засунула в полую трубку пучком перьев назад. Она вышла из гербария и резво двинулась по хранилищу, выключив налобный фонарь и ориентируясь по аварийному освещению, пока снова не оказалась в коллекции китовых глаз. Зловоние уже на входе стояло такое, что чуть не сшибло ее с ног.

У нее замерло сердце: в проходе, где она оставила полицейского, была лужа пены, но тело отсутствовало. Влажные следы уходили прочь.

Вот ужас! Наверное, он пришел в себя, поднялся и поджидает ее где-то в засаде. Марго огляделась, но ничего не увидела. Пытаясь смирить громкий стук сердца, она прислушалась. Что это за звук, как будто кто-то крадется, а с какой стороны – не понять?

Охваченная паникой, Марго побежала к запасному выходу, но, обогнув стеллаж, сразу же столкнулась со Слейдом, который держал пистолет наготове. Он схватил Марго, завернул ей руку за спину и швырнул ее на пол. Не выпуская из рук пистолета, он наступил на нее ногой.

– Хватит с меня, – произнес он тихим голосом. – Отдай мне сумку, или я вышибу тебе мозги.

– Давай. На звук выстрела прибежит охрана.

Слейд ничего не ответил, но она поняла, что попала в точку. Потом на его лице появилась ехидная улыбка.

– Кажется, мне нужно сменить оружие. На беззвучное. – Он наклонился и подобрал духовую трубку, которую Марго выронила при столкновении. Слейд вытащил один дротик из колчана, осмотрел. – Отравлен. Прекрасно. – Осмотрел трубку. – И ты услужливо зарядила ее для меня.

Он неумело поднял трубку и поднес к губам. Когда он дунул, Марго резко дернулась в сторону. Дротик просвистел в нескольких дюймах от нее и ударился в полку. Марго по крабьи отползла в сторону и вскочила на ноги, пока Слейд вставлял в трубку новый дротик. Она бежала со всех ног, когда второй дротик пролетел мимо нее. И опять у нее за спиной раздались его приближающиеся шаги.

Оставалось только надеяться, что ей удастся оторваться от него где-нибудь в бесконечных коридорах музейных хранилищ.

Марго завернула за угол, потом еще раз, проносясь мимо бесконечных полок. Добежав до двери в ближайшей стене, она распахнула ее, выскочила в соседнее хранилище и бросилась к двери в дальнем конце помещения, в тупике. Дверь была заперта, и на этот раз ее ключ не сработал. Она развернулась, чтобы бежать обратно, но услышала из-за угла глумливый голос Слейда:

– Ну, теперь тебе уж точно никуда не уйти.

Марго огляделась, но нигде не увидела выхода. Слейд был прав: она оказалась в ловушке.

Тяжело дыша, с сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, Марго смотрела на тень Слейда на дальней стене тупика – черную на фоне красного аварийного освещения тень, которая медленно приближалась. Из-за угла появилась духовая трубка, рывками продвигающаяся вперед. Потом появились голова и руки Слейда. Прижав трубку к губам, он неторопливо и тщательно прицелился, готовый выстрелить.

Он больше не хотел рисковать. Этот дротик должен был попасть в цель.

70

Барбо шел впереди, Бритоголовый подталкивал Констанс. Они прошли по Музею бонсай, а оттуда в дальнее крыло Пальмового дома, все еще украшенное к свадьбе, но теперь уже несколько утратившее праздничный вид. Вокруг человека, сидевшего за столом,

предназначенным для жениха и невесты, стояли четверо. На том же столе горела свеча, которая почти не рассеивала тьму.

У Констанс подогнулись колени, когда она увидела Пендергаста. Он сидел ссутулившись, с наручниками на запястьях, с грязным лицом. Даже его глаза потеряли обычный блеск. На мгновение полуприкрытые тяжелые веки встрепенулись, когда появилась Констанс, и от безнадежности его взгляда ее охватило отчаяние.

– Ах-ах, какой сюрприз, – сказал Барбо. – Неожиданный, но приятный. Да что говорить, я бы и сам не мог лучше придумать. Вы доставили мне в руки не только вашу хорошенькую маленькую подопечную, но и собственную болезную персону.

Несколько мгновений он смотрел на Пендергаста с ледяной улыбкой, потом повернулся к двум своим людям:

– Поставьте его, я хочу, чтобы он слушал внимательно.

Они подняли Пендергаста на ноги. Он был так слаб, что едва мог стоять, колени его подгибались, и им пришлось поддерживать его. Констанс было невыносимо видеть это. Ведь по ее вине он оказался здесь.

– Я так или иначе собирался вас посетить, – сказал Барбо, – чтобы вы знали, кто это сделал с вами и за что. И… – Барбо снова улыбнулся, – в особенности для того, чтобы сообщить вам, откуда растут ноги этой чудной маленькой идеи.

Голова Пендергаста упала набок, и Барбо обратился к своим людям:

– Ну-ка, разбудите его.

Один из его людей, чья шея была так изрисована татуировками, что казалась синей, подошел к Пендергасту и нанес ему ошеломляющий открытый удар сбоку по голове.

Констанс посмотрела на Татуированного.

– Ты сдохнешь первым, – спокойно сказала она.

Его губы искривились в презрительной улыбке, глаза похотливо обшарили тело Констанс. Он издал короткий смешок, ухватил ее за волосы и подтащил к себе:

– Ты что, собираешься прикончить меня из эм-шестнадцать, который у тебя под комбинацией?

– Хватит, – резко сказал Барбо.

Татуированный отошел с ухмылкой.

Барбо снова обратился к Пендергасту:

– Я подозреваю, вы уже в общих чертах знаете, почему я вас отравил. И вы наверняка оценили поэтическую справедливость этого деяния. Наши семьи соседствовали в Новом Орлеане. Мой прадед приглашал вашего прапрадеда Езекию охотиться в своих угодьях, несколько раз звал его с женой на обед. И в благодарность за это Езекия отравил моих прадеда и прабабку своим так называемым эликсиром. Они умерли мучительной смертью. Однако дело на этом не кончилось. Моя прабабка принимала эликсир, будучи беременной, и успела родить, прежде чем умереть от этого эликсира. Но эликсир привел к эпигенетическим изменениям, мутациям в ДНК моей семьи. Это проклятие передалось через поколения. Конечно, тогда никто не знал этого. Но по прошествии многих лет умер другой член нашей семьи. Доктора были бессильны. Мои предки шепотком называли это семейным проклятием. Правда, это проклятие не коснулось моих родителей. И меня. Я уверовал что «семейное проклятие» снято.

Он помолчал.

– Как жестоко я ошибался! Следующей жертвой стал мой сын. Он умер медленной и мучительной смертью. И опять доктора оказались бессильны. Они снова сказали мне, что это какое-то генетическое наследственное заболевание.

Барбо помолчал, оценивающе глядя на Пендергаста.

– Он был моим единственным сыном. Моя жена к тому времени уже умерла. Я остался один на один со своим горем.

Глубокий вдох.

– А потом ко мне заявился гость. Ваш сын. Альбан.

Сказав это, Барбо повернулся и принялся ходить туда-сюда, поначалу медленно. В его низком голосе послышалась дрожь.

– Альбан нашел меня. Он открыл мне глаза на то зло, которое ваша семья принесла моей. Он сообщил, что состояние семьи Пендергаст стоит в основном на деньгах, заработанных на крови, на эликсире Езекии. Ваш роскошный образ жизни – квартира в «Дакоте», особняк на Риверсайд-драйв, «роллс-ройс» с шофером, ваши слуги – построен на страданиях других. Его тошнило от вашего лицемерия: вы делали вид, что несете в этот мир справедливость, тогда как сами все это время были олицетворением несправедливости.

Во время этой речи голос Барбо становился все громче, лицо его раскраснелось, на толстой шее заметно пульсировали вены.

– Ваш сын сказал мне, как сильно вас ненавидит. Боже мой, какая это была великолепная ненависть! Он принес мне план восстановления справедливости. Как он об этом сказал? «Восхитительно уместный план».

Барбо снова принялся расхаживать туда-сюда, все быстрее.

– Мне не нужно вам говорить, сколько времени и денег потребовалось, чтобы воплотить этот план в жизнь. Самое трудное состояло в том, чтобы восстановить изначальную формулу эликсира. Но в коллекции Нью-Йоркского музея очень вовремя обнаружился скелет женщины, убитой эликсиром. Я заполучил кость из этого скелета, и на основании этой кости мои ученые вывели точную химическую формулу. Но вы все об этом, конечно, знаете. А тут еще возникла мысль устроить ловушку на Солтон-Си – на том месте, которое обнаружил сам Альбан. Мне было важно, чтобы вы претерпели те же мучения, что и мой сын и другие члены моей семьи. Альбан предвидел это. И мои планы никогда не увенчались бы успехом, если бы Альбан, перед тем как уйти от меня тем вечером, не предупредил меня, что ни в коем случае нельзя недооценивать вас. Вот уж воистину был мудрый совет. Конечно, он предостерег меня и от кое-чего еще. Он сказал, чтобы я не посылал за ним своих людей. После этого он ушел.

Барбо замолчал и наклонился к Пендергасту. Агент тоже посмотрел на него мутными щелочками глаз на бледном лице. Из носа его текла кровь, почти алая на алебастровой коже.

– А потом произошло нечто примечательное. Почти год спустя, когда мой план уже почти вызрел, Альбан вернулся. Казалось, что ему заменили сердце. Как бы то ни было, он попытался отговорить меня от мести, а когда я отказался, он впал в бешенство.

Барбо глубоко, прерывисто вздохнул.

– Я знал, что он на этом не остановится. Я знал, что он попытается меня убить. И возможно, ему это удалось бы… не будь у меня записей с камер видеонаблюдения, сделанных во время его предыдущего визита. Понимаете, несмотря на предупреждение Альбана, я отправил моих людей, чтобы они попытались его остановить. Но он разобрался с ними самым эффективным и жестоким образом. Я, как зачарованный, снова и снова просматривал эти записи, зафиксировавшие его в действии, и наконец понял, как ему удалось сделать, казалось бы, невозможное. Он обладал чем-то вроде шестого чувства, верно? Способностью предвидеть то, что должно случиться. – Барбо посмотрел на Пендергаста, чтобы оценить эффект, который произвели его слова. – Я верно говорю? Думаю, все мы в той или иной мере наделены этим чувством: примитивной интуитивной способностью предвидеть, что должно случиться. Вот только у Альбана это чувство было обострено. Он

самоуверенно сказал мне про свои «громадные возможности». Изучая записи кадр за кадром, я пришел к выводу, что ваш сын имел сверхъестественную способность предвидеть события, чуть ли не заглядывать – в некотором роде – на несколько секунд в будущее. Вы понимаете, я говорю в фигуральном смысле, потому что он мог предвидеть всего лишь *вероятности*. И опять же, я не сомневаюсь, что вы все это знаете.

Шаг Барбо еще ускорился. Он стал похож на одержимого.

– Не буду вдаваться во все грязные подробности того, как мне удалось справиться с ним. Достаточно сказать, что я обратил его способности против него же самого. Он был самоуверенным. Чувствовал себя неуязвимым. И по-видимому, между нашей первой и второй встречей с ним что-то случилось – он стал мягкотелым. Я разработал подробнейший, скрупулезный план нападения и соответствующим образом проинструктировал моих людей. Все было продумано. Мы выманили Альбана обещанием новой встречи, на сей раз примирительной. Он явился такой всезнающий, уверенный в своей неуязвимости, не сомневающийся, что эта встреча – обман, а я мгновенно, без всяких разговоров задушил его шнурком от ботинка. Это была импровизация, без какой-либо предварительной подготовки. Я намеренно избегал думать о том, когда и как я *действительно* его убью. И таким образом лишил его возможности предвидеть. Да, кстати, выражение удивления на его лице было бесценным.

Он издал рокочущий смешок.

– И в этом был самый большой парадокс. Я ломал голову над тем, как мне заманить в ловушку самого подозрительного и осмотрительного из людей. А в конечном счете наживкой стал Альбан. Я использовал его тело в моих интересах. Кстати, я был там, в «Солтон-Фонтенбло». Если бы вы только знали, сколько времени, денег и сил стоила эта инсценировка, вплоть до паутины, слоев пыли, проржавевших дверей. Но оно того стоило, потому что эту цену я платил за то, чтобы провести вас, заманить туда. Когда я смотрел, как вы пробираетесь туда, думая, что вы – хозяин положения, я был готов заплатить и в десять раз больше, чтобы увидеть такое. Понимаете, это я дергал за ниточки, я распылил эликсир, я отравил вас. И вот мы здесь.

Его лицо снова расплылось в улыбке, и он слегка переменил тему:

– Кажется, у вас есть еще один сын – учится в школе в Швейцарии. По-моему, его зовут Тристрам. Когда вы умрете, я слетаю к нему с коротким визитом. Я сделаю так, чтобы род Пендергастов больше не топтал эту землю.

Барбо остановился перед Пендергастом, выпятив свою мощную челюсть:

– Вам есть что сказать?

Несколько мгновений Пендергаст хранил молчание, потом тихо проговорил что-то неразборчивое.

– Что-что?

– Я… – Пендергаст замолчал, не в силах набрать в грудь воздуха, чтобы продолжить.

Барбо резко хлестнул Пендергаста по щеке:

– Что «я»? Говорите!

– …сожалею.

Барбо в удивлении отступил.

– Я сожалею о том, что случилось с вашим сыном… о вашей утрате.

– Сожалеете? – выдавил из себя Барбо. – Вы сожалеете? Ну, этого никак не достаточно.

– Я… принимаю наступающую смерть.

Услышав это, Констанс замерла. Наэлектризованная тишина окутала присутствующих. Барбо, явно удивленный, боролся с собой, пытаясь вернуть инерцию злости. И в этой временной тишине серебристые глаза Пендергаста сверкнули в сторону Констанс; это длилось какую-то долю секунды, но она успела почувствовать, что Пендергаст шлет ей послание. Вот только какое?

– Сожалею…

Констанс почувствовала, что хватка державшего ее Бритоголового чуть-чуть ослабла. Как и все остальные, он был захвачен драмой, разворачивающейся между Барбо и Пендергастом.

Внезапно силы отказали Пендергасту, тело его обмякло и рухнуло на пол, как мешок цемента. Два человека, стоявшие по бокам от него, подскочили, чтобы ухватить его за руки, но его падение застало их врасплох и, пытаясь поднять его, они забыли обо всем остальном.

И тут Констанс поняла, что ее миг настал. С неожиданной силой она высвободилась из хватки Бритоголового и устремилась в темноту.

Слейд твердо держал духовую трубку. Прицеливаясь, он слегка прищурился.

В этот отчаянный момент Марго бросилась вперед, ухватилась за конец трубки и изо всех сил дунула в нее. Со сдавленным криком Слейд уронил оружие и попятился, хватаясь руками за горло, кашляя и задыхаясь. Когда он выплюнул двухдюймовый дротик, Марго уже проскочила мимо него из тупика в лабиринт стеллажей хранилища.

– Сука! – прокричал он сдавленным голосом и бросился за ней.

Секунду спустя она услышала звуки выстрелов, пули рикошетом отлетали от цементных стен, сбивая с них бетонную крошку. В закрытом пространстве выстрелы звучали очень громко. Слейд больше не думал об осторожности.

Марго бросилась назад в помещение, наполненное китовыми глазами, и на миг остановилась. Слейд перекрыл основной выход из подвала. Запасной выход лежал за чередой комнат, и многие из них, возможно, были заперты. По какому-то наитию она изменила направление, выбрав одну из других дверей хранилища, и распахнула ее. В этот момент у нее за спиной появился Слейд, он чуть покачивался в тусклом свете, потом неловко принял позицию для стрельбы. Неужели рабочий конец дротика отравил его? Мерзавец казался тяжелобольным.

Марго метнулась в сторону, когда несколько пуль изрешетили дверь. Она побежала по коридору, заглядывая в кабинеты и хранилища справа и слева, надеясь найти какой-нибудь проход, чтобы оторваться от Слейда, но все помещения были тупиковыми. Единственная ее надежда теперь состояла в том, что охранники услышат стрельбу и придут узнать, что происходит, увидят заклиненный замок и взломают дверь.

Но и на это уйдет какое-то время. Нет, ей не убежать из подвала, она должна найти какой-то способ взять верх над ним. Или, по крайней мере, продержаться от него на расстоянии, пока не подоспеет помощь.

Коридор заканчивался Т-образным перекрестком, на котором она свернула влево, слыша у себя за спиной громкий топот Слейда. На повороте она успела кинуть взгляд назад и увидела, что он остановился, чтобы перезарядить магазин.

Марго знала, что впереди находится главная лаборатория динозавров – большое помещение с множеством мест, где можно найти укрытие. И там должен быть внутренний телефон музея, по которому она сможет вызвать помощь.

Она добежала до дверей лаборатории – заперта. Бормоча слова молитвы, Марго сунула в замок свой электронный ключ, и дверь открылась. Она развернулась, захлопнула дверь и заперла ее на замок.

Затем включила свет, чтобы сориентироваться. В громадном помещении стояло не меньше десяти рабочих столов с ископаемыми останками на разной стадии реставрации или воссоздания. В центре возвышались два громадных скелета динозавров, работа над которыми была в самом разгаре: знаменитые останки «сражающихся динозавров», удачное и широко разрекламированное приобретение музея. Трицератопс и тираннозавр, сошедшиеся в смертельной схватке.

Марго услышала стук в дверь, крики, потом выстрелы по замку. Огляделась – телефона нигде не было видно. Но где-то он непременно должен быть. А если не телефон, то хотя бы другой выход.

Ничего такого она не видела. Ни телефона, ни выхода. И множества укромных уголков, как она их себе представляла, здесь тоже не было.

Ничего себе план спасения!

Еще несколько выстрелов по замку, который уже еле держался. Слейд мог в любую минуту ворваться в лабораторию. А как только это случится – ей конец.

Она слышала его крики ярости… или боли? Может быть, яд начал действовать?

Два громадных скелета возвышались над ней, словно в каком-то нелепом гимнастическом зале джунглей. Марго интуитивно бросилась к трицератопсу, уцепилась за ребро и принялась подниматься, перехватывая кости руками. Работа по реконструкции была далека от завершения, скелеты дрожали и сотрясались по мере ее продвижения. Несколько малых костей с грохотом упали на пол. Что за безумие, ведь там, наверху, она будет удобной мишенью. Но какой-то инстинкт подгонял ее. Добравшись до позвоночника, она взгромоздилась на хребет трицератопса. Еще несколько выстрелов – и личинка замка вылетела, заскользила по полу. Марго слышала, как Слейд налегает на дверь, как дребезжит металлическая пластина, удерживающая замок, как вываливаются болты. Еще удар по двери – и пластина отлетела.

Марго в отчаянии ускорила движения, перебралась с одного динозавра на другого – на более высокий и крутой хребет тираннозавра. Его массивная голова размером с небольшой автомобиль, усаженная огромными зубами, еще не была полностью закреплена на месте металлическими скобами, она пугающе тряслась и колебалась.

Добравшись до нее, Марго увидела, что голова просто лежит на металлическом основании. Большинство просверленных под болты отверстий были еще пусты, а потому не приходилось удивляться, что конструкция ходит ходуном.

Марго перебросила себя внутрь головы, расположилась спиной к металлической опоре, уперлась ногами в боковину черепа. Оставалась вероятность, что Слейд просто не заметит ее здесь.

Последний удар в дверь – и она с грохотом распахнулась. Слейд шел неровной, пьяной походкой, размахивая пистолетом. Он посмотрел в одну сторону, в другую, потом поднял голову.

– Вот ты где! Забралась, как кот на дерево! – Он сделал несколько шатких шагов, остановился под Марго, обеими руками поднял пистолет и прицелился.

Судя по его виду, он был отравлен, но недостаточно.

Марго изо всех сил уперлась обеими ногами и вытолкнула череп из опоры. Он покачнулся, замер на краю, потом соскользнул и рухнул вниз, сокрушая грудную клетку трицератопса. На мгновение Марго увидела лицо Слейда, оцепеневшего, словно олень в свете фар автомобиля, а потом громадная масса ископаемых костей обрушилась на него и припечатала к полу. А еще через долю секунды на него рухнул и череп тираннозавра – рухнул зубами вперед со смачным звуком.

Рискуя упасть, Марго цеплялась за подрагивающую металлическую раму, которая сотрясалась по мере того, как все новые и новые кости звонко падали на пол. Она ждала, затаив дыхание, пока бешеная качка не прекратилась. Очень осторожно, ощущая, как дрожат все мышцы, Марго стала спускаться.

Слейд лежал на полу, широко раскинув руки и выпучив глаза. Верхняя часть черепа тираннозавра пронзила его своими зубами. Зрелище было ужасающее. Марго отшатнулась от этого кровавого месива. В этот момент она вспомнила о своей сумке, которую инстинктивно все это время прижимала к телу. Она расстегнула молнию и заглянула внутрь. Стекла, в которых находились образцы, побились.

Она смотрела на остатки засушенных растений, перемешанные со стеклом на дне ее сумки.

«Господи! Хватит ли этого?»

Она услышала резкий голос и повернулась. В дверях стоял лейтенант д’Агоста, за его спиной – два охранника, глядя на это побоище.

– Марго? – сказал он. – Какого черта?

– Слава богу, вы здесь, – выдавила она.

Он продолжал смотреть на нее, потом перевел взгляд на распростертое на полу тело.

– Слейд, – сказал он без малейшей вопросительной интонации.

– Да. Он пытался меня убить.

– Сукин сын.

– Он говорил что-то о том, что получил предложение получше. Что это был за кошмар?

Д’Агоста мрачно кивнул:

– Он работал на Барбо. Слейд подслушал наш сегодняшний разговор у меня в кабинете. – Он огляделся. – А где Констанс?

Марго уставилась на него:

– Ее здесь нет. – Она помолчала. – Констанс поехала в Бруклинский ботанический сад.

– Что? Я думал, она с вами!

– Нет-нет. Она поехала туда за одним редким растением…

Не дослушав ее, д’Агоста начал переговариваться по рации с полицейским управлением – вызывал массивную полицейскую поддержку и медицинские бригады в Ботанический сад.

Он посмотрел на Марго:

– Нам надо поторопиться. Берите вашу сумку. Надеюсь, мы еще не опоздали.

72

Констанс, преследуемая двумя людьми Барбо, бежала к дальней стене Пальмового дома. Она слышала, как Барбо у нее за спиной отдает приказы. Кажется, он посылал других своих людей окружить ее, чтобы она ни при каких условиях не ускользнула на улицы Бруклина.

Но Констанс и не собиралась ускользать.

Она подбежала к первому вырезанному ею отверстию в оконном стекле и выбросилась наружу. Кустарник смягчил ее безрассудный прыжок. Она перекатилась, тут же вскочила на ноги и помчалась дальше. Услышав позади треск дверной перекладины, Констанс оглянулась и увидела, как из бокового входа в Пальмовый дом выбегают две темные фигуры и разделяются, пытаясь обойти ее с флангов. Третья фигура выпрыгнула из того же окна, что и она.

Перед ней лежал Пруд лилий, мирно серебрившийся в лунном свете. Констанс резко свернула влево и побежала вдоль берега пруда, удаляясь от входа в сад – в направлении, противоположном тому, которое

предполагали ее преследователи. Это заставит их остановиться, оглядеться и только потом продолжить погоню. Так она выиграет несколько драгоценных секунд.

Обогнув купола оранжереи Стейнхардта, Констанс бросилась к Водному дому. Она не делала попыток скрыть свои маневры, главное тут была скорость, и трое преследователей заметили ее и стали быстро приближаться, прижимая ее к Водному дому.

Она пробежала вдоль стеклянной стены, затем проскользнула через второй проделанный ею проход в ароматный сад орхидей. Проложив себе путь сквозь листву, Констанс перепрыгнула через три мертвых тела, обогнула главный пруд и вышла через двойные стеклянные двери в вестибюль. Здесь она задержалась ровно настолько, чтобы достать сумку, спрятанную под скамьей, и поспешила в Тропический павильон. Это была самая большая оранжерея Ботанического сада – громадное пространство со стеклянным куполом, парящим над этими густыми влажными джунглями на высоте шестого этажа.

Повесив сумку через плечо, Констанс подбежала к гигантскому тропическому дереву в центре павильона, ухватилась за его нижние ветки и стала – ветка за веткой – подниматься к вершине. Карабкаясь наверх, она услышала, как в оранжерею вошли ее преследователи.

Она надежно устроилась на ветке, открыла сумку и извлекла из нее пластиковый футляр. Соблюдая осторожность, она открыла его. Внутри находились четыре небольших сосуда с трифлатной кислотой, которую она изъяла сегодня днем из коллекции Еноха Ленга в нижнем подвале особняка на Риверсайд-драйв. Каждый сосуд был помещен в мягкую резиновую упаковку, подобранную Констанс по размеру. Теперь она взяла один из этих сосудов и вытащила стеклянную пробку. Она держала сосуд как можно дальше от себя: даже пары этой кислоты были смертельно опасны.

Ее преследователи стали прочесывать павильон, обшаривая его лучами фонариков, Констанс слышала их голоса, хрип раций. Лучи переместились к кронам деревьев. Потом раздался голос:

– Мы знаем, что ты здесь. Выходи.

Молчание.

– Мы убьем твоего дружка Пендергаста, если ты не покажешься.

Констанс осторожно пригнулась и посмотрела вниз. Она находилась футах в тридцати над землей, а дерево поднималось над ней еще футов на тридцать.

– Если ты не покажешься, мы начнем стрелять, – произнес голос.

– Вы же знаете, что я нужна Барбо живой, – сказала она.

Лучи фонариков тут же принялись обшаривать дерево, с которого донесся ее голос. Трое бойцов продрались сквозь заросли и остановились под ее деревом.

Пора ей показать лицо. Она высунула голову и посмотрела на них, приняв бесстрастное выражение.

– Вон она!

Констанс тут же спряталась.

– Спускайся!

Констанс не ответила.

– Если нам придется лезть туда за тобой, мы будем очень злыми. Ты ведь не хочешь, чтобы мы были очень злыми.

– Идите к черту, – бросила она.

Мужчины посовещались тихими невнятными голосами.

– Ну хорошо, Златовласка, жди нас.

Один из них ухватился за нижнюю ветку и подтянулся, другой стал подсвечивать ему фонариком.

Констанс выглянула из-за нароста на ветке. Человек поднимался быстро, глядя вверх, злой и мрачный. Это был Татуированный.

Хорошо.

Констанс дождалась, когда расстояние между ними сократилось до десяти футов, расположила сосуд с кислотой над карабкающимся по дереву человеком и чуть-чуть наклонила его, направив струйку трифлатной кислоты в цель. Струя попала точно в левый глаз Татуированного. Констанс с интересом наблюдала, как суперкислота принялась разъедать его плоть, словно кипящая вода – сухой лед, отчего над ним поднялось большое шипящее облако пара. Человек издал кашляющий звук и исчез из виду в разрастающемся облаке. Мгновение спустя она услышала, как его тело, проломившись сквозь ветви, упало на землю, вызвав удивленные восклицания его товарищей.

Продолжая выглядывать из-за своей ветки, она наблюдала за тем, что происходит внизу. Упавший лежал на спине в гуще помятых растений, а его тело исполняло какой-то безумный горизонтальный танец, корчилось, билось в конвульсиях. Его руки непроизвольно хватали и рвали траву и листья. Потом его тело вдруг напряглось, выгнулось вверх, как натянутый лук, касаясь земли только затылком и пятками. В таком

положении он протрясся несколько секунд. Констанс даже вообразила, что слышит, как хрустнул позвоночник, после чего тело рухнуло в смятую растительность, а его мозг начал вытекать через дымящуюся дыру в затылке, образуя маслянистую серую лужицу.

Она получила удовольствие от того, какой эффект это произвело на двух других. Глядя на этих людей, Констанс пришла к выводу, что это закаленные бойцы, видевшие немало убийств и смертей. Они, конечно, были глупы (как и многие мужчины), но это не мешало им быть хорошо подготовленными, опасными и отлично знать свое дело. Но ничего подобного они в жизни не видели. Это была не партизанская война, не специальная операция, не «шок и трепет»[83] – это было нечто лежащее за пределами их подготовки. Они стояли, как статуи, освещая фонариками своего мертвого товарища, ошарашенные, ничего не понимающие, а потому и не знающие, как им реагировать.

Констанс мигом переместилась на ветке так, чтобы находиться точно над одним из этих двоих – Бритоголовым, – и вылила на него все содержимое сосуда, потом бросила его вниз так, чтобы ни капля не попала на нее.

И опять результат оказался более чем удовлетворительным. Этот душ был не таким прицельным, как предыдущий, кислота растеклась по голове и плечам и по окружающим растениям. Но последствия наступили мгновенно. Голова Бритоголового словно расплавилась и провалилась внутрь себя, взорвавшись облаком вязкого газа. Издав животный крик ужаса, он упал на колени, прижав руки к черепу, хотя тот и растворялся на глазах, трясущиеся пальцы проникли сквозь разжижающуюся кость в мозговое вещество, и наконец он рухнул, демонстрируя те же характерные конвульсии, что и Татуированный. В этот момент растительность, на которую попала кислота, начала дымиться и сморщиваться, где-то появились огоньки пламени, но быстро затухли – никакой огонь не может держаться долго на влажной растительности.

Констанс знала, что трифлатная кислота, как и все суперкислоты, сталкиваясь с органическими веществами, вступает с ними в бурную экзотермическую реакцию. Третий человек начал осознавать, что и для него это не кончится добром. Он отпрянул от своего агонизирующего товарища, посмотрел наверх, в панике выстрелил. Но Констанс уже спряталась за веткой, и человек стрелял наугад. Она воспользовалась возможностью и забралась повыше – к верхним ветвям дерева, которые здесь сплетались с соседними кронами, образуя непроницаемый полог. Медленно и целенаправленно, прижимая к себе сумку, она перебиралась с одной ветки на другую, а обезумевший человек внизу палил наугад на звук ее движений. Ей удалось перебраться на соседнее дерево, она

спустилась на несколько футов и спряталась за изгибом толстой ветки, поросшей листьями.

Послышался щелчок рации. Выстрелы прекратились, луч фонарика принялся обшаривать дерево. В этот момент в Тропический павильон вбежали еще два человека.

– Что происходит? – закричал один из них, показывая на дымящиеся тела. – Что случилось, черт подери?

– Эта сумасшедшая сука облила их чем-то. Наверно, кислотой. Она где-то там, наверху.

Новые лучи фонариков принялись обшаривать полог.

– Какой хрен тут стрелял? Босс говорит, что она нужна живой.

Слушая этот разговор, Констанс достала пластиковый пакет и перепроверила свои запасы. У нее еще оставалось три сосуда, полные, надежно закупоренные. Кроме того, у нее были и другие запасы. Она оценила ситуацию. По ее представлениям, в саду находились еще шесть или семь бойцов, включая самого Барбо.

Барбо. Она вспомнила про Диогена Пендергаста. Блестящего. Ужасного. С теми садистскими наклонностями, которые бывают только у психопатов. Но Барбо был более жестокий, воинственный, менее утонченный. Ее ненависть к Барбо раскалилась до такой степени, что она чувствовала, как разогревается ее энергетика.

73

Джон Барбо ждал в затененном пространстве Пальмового дома. Два остававшихся с ним бойца положили Пендергаста на пол. Скованный наручниками агент оставался без сознания, хотя его и хлестали по щекам и даже давали разряд стрекалом. Барбо наклонился к нему, приложил два пальца к его шее в поисках сонной артерии. Ничего. Он нажал чуть посильнее. Пульс прощупывался, но очень слабый.

Этот человек был на пороге смерти.

Барбо испытал слабое беспокойство. Наступил миг его торжества, миг, которого он так долго ждал, представлял его себе, наслаждался им, – миг, когда Пендергаст узнает правду. Миг, который обещал ему Альбан Пендергаст. Но все получилось не так, как он себе представлял. Пендергаст был слишком слаб, чтобы в полной мере насладиться победой над ним. И потом, к неизмеримому удивлению Барбо, этот человек извинился перед ним. Он, по существу, взял на себя ответственность за грехи отцов. Это потрясение почти лишило Барбо радости, которую могли бы принести его достижения, не дало ему

возможности позлорадствовать. По крайней мере, именно так он и объяснял себе истоки своего беспокойства.

И потом, эта девчонка…

Его люди уже давно должны были привести ее. Он снова начал расхаживать туда-сюда. От его ходьбы пламя одинокой свечи на столе подрагивало и чадило. Барбо задул ее, оставив в Пальмовом доме один лунный свет.

Раздалось еще несколько выстрелов. На этот раз он достал рацию:

– Стейнер. Докладывай.

– Сэр, – ответил голос старшего оперативной группы.

– Стейнер, что там происходит?

– Эта сука убила двоих наших людей. Облила их кислотой или еще чем.

– Прекратите в нее стрелять, – сказал Барбо. – Она нужна мне живой.

– Да, сэр. Но…

– Где она сейчас?

– Забралась на дерево в Тропическом павильоне. У нее бутыль с кислотой, и она свихнувшаяся стерва…

– Вас там трое мужиков с автоматическим оружием против женщины на дереве, в одной комбинации. Вооруженной чем? Бутылкой с кислотой? Я тебя правильно понял?

После паузы:

– Да.

– Ты уж меня извини… что там у вас за проблема?

Еще одна пауза.

– Никакой проблемы, сэр.

– Хорошо. Но проблемы появятся, если она будет убита. Тот, кто ее убьет, – умрет.

– Сэр… простите, сэр, но объект… он либо мертв, либо умирает. Верно?

– И что дальше?

– Так зачем нам эта девчонка? Добудет она растение или нет – какое это теперь имеет значение? Гораздо проще расстрелять там все деревья, сбросить ее…

– Ты что, не слышал, что я сказал? Стейнер, она нужна мне живой!

Пауза.

– И что нам делать?

«И это спрашивает профессионал!» Барбо не мог поверить своим ушам. Он глубоко вздохнул:

– Выводи людей на огневую позицию. Атакуй с фланга. Жидкость падает вертикально.

Пауза.

– Да, сэр.

Он убрал рацию. Одна девчонка против трех профессиональных наемников, некоторые из них из спецназа. Но она их напугала. Невероятно. Только теперь начал он понимать ограниченность своих людей. Ну да, эта девка та еще штучка. Он ее недооценил. Больше этого не случится.

Барбо наклонился и приложил пальцы к шее Пендергаста. На этот раз он не смог найти пульса, как ни перемещал пальцы, как ни нажимал. Он чувствовал себя обманутым, преданным, у него украли победу, над достижением которой он так долго и мучительно работал. Барбо изо всей силы ударил тело ногой.

Он посмотрел на двоих охранников, которые дежурили справа и слева от Пендергаста. В этом больше не было нужды, появилась более важная проблема.

Барбо посмотрел на одного, на другого, потом показал большим пальцем себе за плечо.

– Идите к остальным, – отрезал он. – Приведите сюда девчонку.

74

К единственному уцелевшему после ее первой атаки бойцу присоединились двое других. Из радиообмена Констанс знала, что сюда идут еще как минимум двое. Люди внизу переговаривались, составляли план. Она увидела, как они рассредоточились, потерялись в листве под ней. Потом они начали подниматься по соседним деревьям. Их план состоял в том, чтобы напасть на нее с трех сторон.

Констанс засунула пластиковый футляр в сумку, повесила ее на шею, чтобы обе руки были свободны, и вскарабкалась еще выше. Чем выше она поднималась, тем тоньше становился ствол, начинавший раскачиваться под ней, ветки торчали во всех направлениях. Констанс

поднималась все выше и выше, пока ствол не перешел в массу тоненьких разветвлений, раскачивавшихся и провисавших вместе с ее движениями. До стеклянного купола оставалось футов шесть.

Констанс полезла дальше, пытаясь добраться до потолка, и тут стала раскачиваться вся верхушка дерева. Ее преследователи добрались до полога леса и начали выползать на боковые ветви, беря ее в окружение.

Ветка, за которую она держалась, с треском обломилась, и Констанс соскользнула вниз, сумев остановить падение только благодаря тому, что обеими руками ухватилась за соседнюю группу маленьких веток. И теперь она, раскачиваясь, повисла в воздухе.

– Вон она!

Лучи фонариков осветили ее в тот момент, когда она подтягивалась на тонких ветках в поисках опоры для ног. С каждым ее движением ветки раскачивались и трещали все сильнее.

Стараясь не шевелить крону, Констанс осторожно поднялась еще выше. Самые тонкие прутья и ветки находились в каком-то футе-двух от стеклянного потолка, но они были слишком хлипкими для ее веса. Лучи фонариков освещали ее с трех сторон.

Раздался тихий смешок:

– Эй, девочка, ты окружена. Спускайся.

Констанс знала, что если кто-нибудь из них подберется к ней ближе, то общим весом они обломают ветки и полетят на землю. Они все были в безвыходном положении.

Сквозь плотный полог ветвей она увидела, что в Тропический павильон вошли еще двое. Один из них выхватил пистолет и прицелился в нее:

– Спускайся, или я тебя пристрелю!

Констанс проигнорировала угрозу и осторожно поднялась еще выше.

– Спускайся, тебе говорят!

И вот она оказалась под самой крышей. Ветки сотрясались и раскачивались, босые ноги соскальзывали. Ей нечем было разбить стекло наверху, кроме собственной сумки, но она опасалась, что при этом содержимое сумки тоже разобьется. Удерживаясь на верхних ветках, Констанс извлекла из сумки кусок материи, намотала ее на кулак и с силой ударила по стеклу над головой.

От этого ветки, за которые она цеплялась, заходили ходуном, и она соскользнула на несколько футов вниз под дождем битого стекла, обрушившегося на нее.

– Она хочет выбраться на крышу! – крикнул один из преследователей.

Отчаянным, безумным движением Констанс подпрыгнула вверх и уцепилась одной рукой за металлическую раму, порезав пальцы. Сначала она вытолкнула наверх пластиковый футляр, потом сумку, затем и сама перебралась на крышу, раскачавшись и втянув себя наверх.

Ставя ноги только на бронзовую раму и стараясь не ступать на стекло, Констанс опустилась на колени, открыла футляр и достала второй сосуд с кислотой. Два человека, поднимавшиеся по соседним деревьям, находились точно под ней, они быстро приближались к секции с выбитым стеклом. Третий человек поспешно спускался, явно собираясь присоединиться к двум другим на земле, чтобы перехватить Констанс, когда она спустится.

Она наклонилась над выбитой секцией и посмотрела на ближайшего из двух бойцов. Он кричал на нее, размахивал пистолетом. Констанс вытащила из сосуда стеклянную пробку, выплеснула его содержимое на человека и быстро убралась из проема. Пистолет выстрелил, пуля разбила стекло рядом с Констанс, затем раздался крик; в лунном свете расцвело туманное облако едкого газа, выбросившее вверх листья и мелкие ветки, превратившиеся в созвездие вспышек и брызги пламени. Она слышала, как падающее тело продирается сквозь ветви и с тошнотворным звуком ударяется о землю.

Второй боец принялся палить как сумасшедший, разбивая стекла вокруг Констанс, но со своей ненадежной позиции в раскачивающейся кроне он не мог толком прицелиться. А может, и не пытался попасть в нее, просто хотел напугать. Это было совершенно не важно. Констанс выхватила из футляра третий сосуд, перебралась на новое место, вытащила пробку и, наклонившись над проделанным пулями отверстием, полила кислотой последнего из преследователей. Сквозь пустую раму прорвался ужасающий фонтан пара, серый с алыми прожилками, и Констанс отпрянула, чтобы не попало на нее. Снизу донесся жуткий, душераздирающий вой, и за этим последовал звук еще одного падающего тела. Констанс достала из футляра последнюю маленькую бутылочку и швырнула ее через другую разбитую раму. Может быть, это сработает как граната и выведет из строя еще одного или больше людей на полу павильона. Она услышала странный шипящий звук, словно у газовой плиты повернули кран, затем далеко внизу полыхнуло пламя, злобно мелькало несколько секунд и погасло.

И наступила полная тишина.

Оставив опустевший футляр на крыше, Констанс перебросила сумку через плечо и стала двигаться по куполу к лестнице, идущей вниз от самой крыши.

Она спустилась в тот момент, когда из комплекса оранжерей выбежали два человека и вскоре к ним присоединился третий. Констанс бросилась в дендрарий, гигантские деревья которого погружали землю внизу почти в полный мрак. Повернув под прямым углом направо, она припустила к плотным посадкам Японского сада. У священных ворот Тории она нырнула в черную темень и остановилась, чтобы оглядеться. Преследователи потеряли ее в темноте под деревьями и теперь рассредоточились в обходном маневре, переговариваясь по рации. Больше никто из близлежащих зданий не появился.

Значит, подумала Констанс, Барбо остался с Пендергастом один в Пальмовом доме.

Трое ее преследователей на подходе к Японскому саду рассредоточились еще больше. Констанс крадучись обогнула пруд, двигаясь по узким гравийным дорожкам вдоль густых посадок плакучих вишен, ив, тисов и японских кленов. Неподалеку от пруда расположился сельский домик.

По щелчкам рации и приглушенным голосам Констанс определила, что трое преследователей стоят треугольником вокруг Японского сада. Они полагают, что окружили ее, что она прижата к земле.

Время пришло.

В густых темных зарослях можжевельника Констанс опустилась на колени и поставила сумку на землю. Она расстегнула молнию и извлекла наружу реквизированный ею из военной коллекции Еноха Ленга старинный патронташ из плотной кожи, усеянный по всей длине карманами для патронов. Перекинув его через плечо как орденскую ленту, Констанс закрепила его ремнем на талии. Затем достала из сумки еще один старинный футляр, а из него – пять больших одинаковых шприцев, которые выложила в ряд на мягкую землю. Это были старинные приспособления из дутого стекла для орального введения лекарств лошадям и другим крупным животным. Эти штуки тоже были позаимствованы из странной коллекции необычных вещей, собранной Ленгом, в данном случае вещи имели ветеринарное назначение и использовались им в экспериментах, о которых Констанс предпочитала не думать. Все пять шприцев были заправлены трифлатной кислотой и могли доставить по назначению бóльшую ее порцию и с бóльшей точностью, чем те сосуды, которыми она пользовалась раньше. Каждый шприц, длиной около фута и толщиной в баллончик с герметиком, был сделан из боросиликатного стекла, а в качестве смазочного средства и уплотнителя использовался метасиликат натрия, так называемое «жидкое стекло». Это было крайне важно, поскольку, как узнала

Констанс, трифлатная кислота очень агрессивна по отношению к любым веществам с углеводородными связями.

Один за другим она засунула эти большие шприцы в карманы патронташа, предназначенные для артиллерийских снарядов диаметром пятьдесят миллиметров, что идеально подходило для данной цели. На конце каждого шприца имелся плотно прилегающий защитный колпачок из стекла, но Констанс все равно обращалась с ними очень осмотрительно: трифлатная кислота была не только сильнодействующей суперкислотой, но и смертельным нейротоксином. Убедившись, что патронташ хорошо закреплен, она осторожно поднялась на ноги, оставив на земле ненужную ей теперь сумку, и оглянулась.

Трое.

Выйдя из зарослей можжевельника, Констанс двинулась к домику у пруда – деревянному сооружению с открытыми стенками и низкой крышей из кедровой дранки. Забравшись на ближайшие перила, она ухватилась за край крыши, подтянулась наверх и, встав там на колени, оглянулась. Ее преследователи сжимали кольцо, подкрадывались к Японскому саду с оружием наготове. Они надвигались, обшаривая растительность лучами фонариков. Один из них шел прямо к домику. Констанс пригнулась, когда луч фонарика направили в ее сторону.

Она бесшумно вытащила шприц, сняла защитный колпачок, прицелилась в проходящего мимо человека и выдавила на него длинную дымящуюся струю кислоты.

Под кислотным дождем одежда на нем воспламенилась и растворилась. Его резкий вскрик почти сразу сменился булькающими, сдавленными звуками. Размахивая руками, он качнулся в одну, в другую сторону, – плоть в буквальном смысле таяла на его костях, по мере того как кислота проникала в его тело, – а потом рухнул в пруд. Оттуда поднялось облако пара, медленно расползшееся над водой, в которой бился в конвульсиях человек. Через считаные секунды он исчез в глубине, булькнув напоследок пузырями.

Двое других нырнули в кусты. Теперь они знали, что она на крыше домика.

Не давая им времени прийти в себя, Констанс отшвырнула в сторону пустой шприц и метнулась по крыше в сторону пруда. Держась так, чтобы домик находился между нею и преследователями, она осторожно соскользнула в пруд и поплыла под водой к противоположному берегу, где и выбралась на сушу. Двое оставшихся принялись стрелять в нее с расстояния более чем в сотню футов из своего укрытия, но их пули прошли мимо. Констанс проползла в плотные обширные заросли

азалий, высаженных рядом с прудом, на четвереньках пробралась в них поглубже под выстрелами, срезавшими стебли у нее над головой. Люди стреляли на поражение, невзирая на приказ Барбо. Они были злы и паниковали, но по-прежнему оставались мощной силой. Она должна быть готова к тому, что случится.

Констанс представила себе львицу в кустах, львицу, сжигаемую ненавистью и жестокими мыслями о мести.

Добравшись до середины азалиевых зарослей, она присела в темноте. Без звука достала еще один шприц из патронташа, приготовилась. Застыла в ожидании, напряженно прислушиваясь.

Видеть их она не могла, но слышала их шепот. Они обошли пруд и, похоже, расположились по краям азалиевых зарослей, вероятно, футах в тридцати от нее. Еще один шепоток позволил ей понять, что они идут навстречу друг другу по периметру зарослей. Зашипела рация, последовал короткий обмен фразами. Констанс рассчитывала, что они запаникуют, но этого не случилось. Они полагались на свою подавляющую огневую мощь.

Наконец они взяли ее след и двинулись вглубь зарослей. Производимый ими шум позволял Констанс лучше отслеживать их приближение. Она ждала неподвижно, низко присев в самом густом месте зарослей. Они подходили все ближе, раздвигая азалии, двигаясь с максимальной осторожностью. Двадцать футов, десять…

Львица не ждет. Она атакует.

Констанс беззвучно вскочила и побежала прямо к ним. Захваченные врасплох, они не успели прореагировать. На бегу, повернувшись боком, чтобы струя рикошетом не попала в нее, она выпустила содержимое шприца – бесцветную струю смерти – на одного из них, не останавливаясь, бросила пустой шприц, выхватила другой и опустошила его на второго человека. Так и не остановившись, она бросила и этот шприц, когда он опустел, и помчалась к дальнему углу зарослей азалии, где остановилась и оглянулась посмотреть на плоды трудов своих.

Широкая полоса азалиевых зарослей, примерно там, где пробежала Констанс, была охвачена огнем: кусты взрывались, как попкорн, вспыхивали языки пламени, листья исчезали на глазах, ветки горели красно-оранжевым огнем. Двое ее преследователей кричали, один стрелял в никуда из пистолета, другой крутился волчком, держась руками за лицо. Наконец они упали на колени, над их растворяющейся плотью яростно поднимался серо-розовый туман. На глазах у Констанс их тела рухнули на землю в конвульсиях среди чернеющих и растворяющихся кустов.

Она еще несколько секунд созерцала эту жуткую сцену, потом повернулась и быстро двинулась по росистому лужку к Пальмовому дому, окна которого посверкивали в лунном свете.

75

– Я вернулась, – раздался за спиной Барбо удивительно несовременный голос.

Барбо резко повернулся и в изумлении уставился на маленькую фигурку Констанс Грин. Ей каким-то образом удалось бесшумно подойти к нему.

Ее вид ошеломлял. Черная комбинация была разодрана, тело и лицо вымазаны грязью и кровоточили от десятков порезов. В спутанных волосах торчали прутья и листья. Она больше напоминала привидение, чем человека. Но голос и глаза были холодны, непроницаемы. Она была не вооружена, пришла с пустыми руками.

Чуть покачиваясь, она посмотрела на Пендергаста, неподвижно лежащего у ног ее врага, потом подняла взгляд на Барбо.

– Он мертв, – сказал ей тот.

Она не прореагировала. Если в этой сумасшедшей женщине и остались какие-то нормальные чувства, то Барбо не видел их, и это выбивало его из колеи.

– Мне нужно название растения, – сказал он, направляя на нее пистолет.

Ничего. Будто он и не сказал ни слова.

– Я тебя убью, если ты не назовешь мне его. Убью тебя самым жестоким способом. Говори, как называется растение!

Теперь она открыла рот:

– Что, стал одолевать запах лилий?

«Она догадалась».

– Как?..

– Это очевидно. Иначе зачем я нужна вам живой? И зачем вам это растение, если *он* мертв? – Она показала на тело Пендергаста.

Самодисциплина, рожденная долгими годами практики, позволила Барбо взять себя в руки.

– А мои люди?

– Я убила их всех.

Хотя он и понял по радиообмену, что дела пошли плохо, но поверить ее словам никак не мог. Он окинул взглядом безумное существо, стоящее перед ним.

– Как, черт побери?.. – начал он снова.

Она не ответила на его вопрос:

– Нам нужно прийти к соглашению. Вы хотите получить растение, оно вам просто необходимо. А мне нужно тело моего опекуна для достойных похорон.

Барбо несколько секунд смотрел на нее. Молодая женщина ждала, чуть наклонив голову. Она снова покачнулась. Судя по ее виду, она в любую минуту могла потерять сознание.

– Хорошо, – сказал он, махнув пистолетом. – Мы вместе пойдем в Водный дом. Когда я буду уверен, что ты сказала мне правду, я тебя отпущу.

– Обещаете?

– Да.

– Не уверена, что смогу туда дойти. Пожалуйста, возьмите меня под руку.

– Эти штуки со мной не пройдут. Иди вперед.

Он подтолкнул ее пистолетом. Она умна, но недостаточно. Как только растение будет у него в руках, он убьет ее.

Констанс споткнулась о тело Пендергаста, потом направилась через крыло в Музей бонсай. Там она упала и не смогла подняться без помощи Барбо. Они вошли в Водный дом.

– Скажи мне название растения, – потребовал Барбо.

– Фрагмипедиум. Андский огонь. Активный состав находится в подводном корневище.

– Покажи мне.

Опираясь на перила и спотыкаясь, Констанс обошла большой центральный пруд.

– Поторопись!

В дальнем конце основного пруда был ряд нисходящих меньших прудиков. Табличка у одного из них гласила, что здесь находится водное растение под названием Андский огонь.

Констанс, покачнувшись, показала на табличку:

– Вот.

Барбо уставился в темную воду.

– Там ничего нет, – сказал он.

Констанс опустилась на колени.

– Растение в это время года находится в спячке. – Голос ее звучал медленно, хрипло. – Корень в иле под водой.

Барбо взмахнул пистолетом:

– Вставай.

Она попыталась подняться:

– Не могу.

Барбо, выругавшись, стащил с себя пиджак, встал на колени у пруда и, не засучивая рукавов рубашки, сунул руку в воду.

– Не забудьте о своем обещании, – пробормотала Констанс.

Не обращая на нее внимания, Барбо принялся шарить по илистому дну. Через несколько секунд он с удивленным вскриком вытащил руку из воды. Что-то было не так. Нет, что-то было чертовски не так. Ткань его рубашки стала распадаться на его глазах, растворяться и спадать с руки кусками, над которыми поднимались легкие облачка дыма.

Издалека донесся все усиливающийся звук полицейских сирен, пронзительный и тревожный.

Барбо встал, пошатнулся, издал яростный вопль, левой рукой вытащил пистолет, поднял его… но Констанс Грин исчезла в гуще зарослей.

И тут боль, мучительная боль обожгла руку и стрельнула в голову, а потом Барбо ощутил что-то похожее на удар электрического тока в мозг, а за ним еще один, более сильный. Качаясь из стороны в сторону, он размахивал дымящейся рукой, глядя, как чернеет и отваливается его кожа, обнажая плоть. Он стал как сумасшедший палить из пистолета в заросли, его глаза заволокло туманом, легкие начали захлебываться, спазмы в голове и мышцах стали учащаться, пока наконец он не упал на колени, а потом распластался на земле.

– Бороться не имеет смысла, – сказала Констанс. Она появилась откуда-то, и краем глаза Барбо увидел, как она подняла его пистолет и зашвырнула в кусты. – Трифлатная кислота, которую я налила в этот вторичный пруд, не только очень агрессивная, но и чрезвычайно

токсичная. Когда она проедает кожу, то начинает воздействовать системно. Это нейротоксин – вы умрете в мучительных конвульсиях.

Она развернулась и стремительно пошла прочь.

В пароксизме бешенства Барбо удалось подняться и броситься за ней, но он сумел дойти только до дальнего крыла Пальмового дома, где снова упал. Он еще раз попытался подняться и понял, что мышцы больше не слушаются его.

Звук сирен стал гораздо громче, и сквозь туман боли Барбо расслышал вдали крики и топот бегущих людей. Констанс бросилась в ту сторону, но Барбо уже не заметил этого. Мозг его горел и заходился в крике, хотя сведенный судорогой рот не мог больше произнести ни слова. Его тело начало сотрясаться и подпрыгивать, мышцы живота свело так, что они грозили разорваться; он попытался крикнуть, но из его рта вышла только струйка воздуха.

Шум теперь был совсем рядом, и Барбо различал отдельные слова.

– Электроды!..

– Заряд!..

– Есть пульс!..

– Глюкозу внутривенно!..

– В машину его, быстро!..

Несколько часов, а может, несколько мгновений спустя полицейский и фельдшер из «скорой» склонились над ним с ошарашенным выражением лица. Барбо почувствовал, что его поднимают на носилки. Потом рядом с ними появилась Констанс Грин, она смотрела на него сверху вниз. Преодолевая туман боли и судороги, Барбо попытался сказать, что она обманула его, не сдержала обещания. Но ни звука не сорвалось с его губ.

Однако она все равно поняла его. Наклонилась и сказала тихо, чтобы слышал только он:

– Это правда. Я нарушила слово. Как это сделал бы и ты.

Фельдшеры приготовились поднять носилки, и она заговорила быстрее:

– И последнее. Твоя роковая ошибка в том, что ты верил – и прошу уж извинить меня за грубость современных выражений, – будто твои яйца больше.

Невыносимая боль накатила на него, в глазах потемнело, но прежде Барбо успел увидеть, как Констанс побежала за Пендергастом, которого на носилках несли к «скорой».

76

Не прошло и пяти минут, как в Бруклинском ботаническом саду началось столпотворение. Медики, полицейские, пожарные, бригады «скорых» были повсюду, сад был оцеплен, хрипели рации, раздавались крики удивления и отвращения при виде каждого вновь обнаруженного мертвого тела.

Д’Агоста трусцой бежал к центральному павильону, когда ему навстречу выскочила странная фигура – женщина, одетая в одну лишь разодранную комбинацию, грязная, с ветками и лепестками цветов в волосах.

– Сюда! – крикнула она, и д’Агоста, вздрогнув, узнал в ней Констанс Грин.

Он машинально стал снимать с себя пиджак, чтобы надеть на нее, но она пробежала мимо него к группе медиков «скорой помощи».

– Это здесь! – крикнула она и повела их в направлении громадного викторианского сооружения из стекла и металла.

Марго и д’Агоста последовали за ними через боковую дверь в длинный зал, явно приготовленный для свадебного банкета, но имеющий такой вид, будто здесь побывала банда байкеров: столы были перевернуты, бокалы побиты, стулья валялись на полу. В дальнем конце танцевальной площадки лежали два тела. Констанс подвела фельдшеров к одному из них. У д’Агосты подкосились ноги, когда он увидел, что это Пендергаст, и ему пришлось ухватиться за спинку стула. Обращаясь к медикам, он закричал:

– Займитесь им в первую очередь!

– Нет! – зарыдала Марго, закрывая рот рукой. – Нет!

Медики «скорой помощи» окружили Пендергаста и начали первичную диагностику дыхательных путей, циркуляции крови, состояния легких.

– Электроды! – крикнул один из них через плечо.

С Пендергаста содрали рубашку, и в это время появился фельдшер из «скорой» с дефибриллятором.

– Заряд! – крикнул фельдшер.

Другой прижал электроды к телу, и оно дернулось. Прибор перезарядили.

– Еще раз! – крикнул фельдшер.

Еще один удар током, еще один судорога, прошедшая по телу.

– Есть пульс! – сказал фельдшер.

И только когда Пендергаста положили на носилки, д’Агоста посмотрел на другое распростертое тело. Оно бешено подергивалось, глаза были широко раскрыты, губы беззвучно двигались. Это был человек лет шестидесяти, коренастого сложения. Д’Агоста опознал его по фотографии на сайте «Ред Маунтин» как Джона Барбо. Одна его рука пузырилась и дымилась, кость была обнажена, словно рука обгорела в огне, рукав рубашки проело почти до плеча. Над Барбо склонились несколько фельдшеров и начали работу.

К подергивающемуся телу Барбо подошла Констанс, отодвинула одного из фельдшеров и наклонилась над телом. Д’Агоста видел, как шевелятся ее губы, шепча ему на ухо какие-то слова. Потом она выпрямилась и обратилась к фельдшерам:

– Он весь ваш.

– Вам тоже нужна помощь, – сказал другой фельдшер, подходя к ней.

– Не прикасайтесь ко мне.

Она отпрянула, развернулась и исчезла в темном чреве оранжереи. Фельдшеры проводили ее взглядом и занялись Барбо.

– Что с ней такое? – спросил д’Агоста у Марго.

– Понять не могу. Здесь… много убитых.

Д’Агоста покачал головой. С этим они буду разбираться позднее. Он снова посмотрел на Пендергаста. Фельдшеры поднимали носилки. Один из них высоко держал капельницу с глюкозой. Они двинулись к машинам. Д’Агоста и Марго пошли следом.

Через несколько секунд к ним присоединилась Констанс. В руке она держала большую розовую лилию, с которой капала вода.

– Теперь я могу взять ваш пиджак, – сказала она д’Агосте, и лейтенант накинул пиджак ей на плечи.

– Вы в порядке?

– Нет. – Она повернулась к Марго: – Достали?

Марго в ответ крепче прижала к себе свою сумку.

На ближайшему углу парковки для посетителей стояла целая колонна «скорых» с включенными мигалками. Они поспешили к машинам, но Констанс остановилась, чтобы извлечь из кустов спрятанный там ранее маленький портфель. Фельдшеры открыли заднюю дверь ближайшей машины, закатили туда носилки с Пендергастом и залезли сами. Д’Агоста тоже начал подниматься внутрь вместе с Марго и Констанс.

Фельдшеры посмотрели на двух женщин.

– Извините, – сказал один, – но вам придется ехать другим транспортом…

Д’Агоста прервал его, показав удостоверение с полицейским значком.

Фельдшер пожал плечами и захлопнул дверь; завыла сирена. Констанс передала Марго портфель и лилию.

– Что это такое? – сердито спросил другой фельдшер. – Это не стерильно. Здесь не место таким предметам.

– Замолчите, – резко сказала Марго.

Д’Агоста положил руку на плечо фельдшера и показал на Пендергаста:

– Вы двое, займитесь пациентом. За остальное отвечаю я.

Фельдшер нахмурился, но ничего не сказал.

Марго приступила к работе. Она раскрыла маленький отсек в задней части салона, выдвинула оттуда полочку, открыла портфельчик Констанс и стала извлекать содержимое: старые пузырьки с жидкостями, ампулы, конверты с порошками, какую-то банку. Она разложила все это по порядку. Добавила лилию, которую ей передала Констанс, затем из собственной сумки достала какое-то сушеное растение, которое ей пришлось вынимать из осколков стекла. Рядом со всем этим она положила смятый листок бумаги и разгладила его, ухватившись за поручень, когда машина, взвыв сиреной, резко свернула на Вашингтон-авеню.

– Что вы делаете? – спросил д’Агоста.

– Готовлю противоядие, – ответила Марго.

– А разве это не полагается делать в лаборатории или…

– Вы думаете, у нас есть время?

– Как пациент? – спросила Констанс у фельдшера.

Тот посмотрел на д’Агосту, потом на нее:

– Неважно. Кровяное давление низкое, пульс ниточный. – Он вытащил пластиковый поднос с одной стороны от носилок Пендергаста. – Буду делать лидокаиновую инъекцию.

Когда «скорая» свернула на Истерн-паркуэй, Марго взяла пакет с соляным раствором из ящика рядом с ней, из другого ящика достала трахеотомический скальпель, сорвала защитную серебристую оболочку, надрезала пакет с раствором, вылила немного в пустую пластиковую мензурку, а пакет с вытекающей из него жидкостью уронила на пол.

– Эй! – сказал фельдшер. – Какого черта вы делаете?

И опять предупреждающий жест д’Агосты заставил его замолчать.

«Скорая», завывая сиреной, промчалась мимо Проспект-парка, потом по Гранд-Арми-плаза. Марго, приноравливаясь к неровному ходу машины, взяла небольшой стеклянный пузырек из тех, что принесла Констанс, погрела его в ладонях и налила немного в пластиковую мензурку. Салон машины тут же наполнился сладковатым химическим запахом.

– Это что? – спросил д’Агоста, помахав ладонью у носа, чтобы прогнать запах.

– Хлороформ.

Марго заткнула пузырек пробкой, потом взяла скальпель и накрошила лилию, которую Констанс принесла из Водного дома, размяла ее и добавила в жидкость вместе с высушенными, раздробленными частичками растения из собственной сумки. Она закрыла мензурку пробкой и встряхнула ее.

– И что происходит? – спросил д’Агоста.

– Хлороформ действует как растворитель. В фармакологии его используют для экстракции веществ из растений. Потом мне придется выпарить бóльшую часть, поскольку инъекция хлороформа токсична.

– Постойте, – сказала Констанс. – Если вы будете это кипятить, то совершите ту же ошибку, что и Езекия.

– Нет-нет, – возразила Марго. – Хлороформ кипит при гораздо более низких температурах, чем вода, – около шестидесяти градусов. При этом естественные свойства протеинов или веществ не будут нарушены.

– А какие вещества вам нужно экстрагировать? – спросил д’Агоста.

– Понятия не имею.

– Вы не знаете?

Марго напустилась на него:

– Активных ингредиентов этих растений не знает никто. Мне приходится импровизировать.

– Господи помилуй… – простонал д’Агоста.

«Скорая» свернула на Восьмую авеню, приближаясь к Нью-Йоркской методистской больнице. Марго сверилась со своей запиской, добавила еще жидкости, разбила ампулу, примешала два вида порошков из водонепроницаемых конвертов.

– Лейтенант, – сказала она через плечо. – Когда мы приедем в больницу, мне немедленно понадобится кое-что. Холодная вода. Кусок материи для процеживания. Пробирка. С полдесятка кофейных фильтров. И карманная зажигалка. Договорились?

– Вот вам зажигалка, – сказал д’Агоста, вытаскивая из кармана означенный предмет. – Остальное будет.

«Скорая» остановилась перед приемным покоем неотложной службы, сирена смолкла. Фельдшеры распахнули заднюю дверь и выкатили носилки перед ожидающим персоналом. Д’Агоста посмотрел на Пендергаста, укрытого тонким одеялом. Агент был бледен и неподвижен, как труп. Следом выпрыгнула Констанс и прошла в здание за носилками, вызывая недоуменные взгляды медиков своей одеждой и грязным видом. За ней выпрыгнул д’Агоста и быстро направился ко входу, не забыв оглянуться на Марго: сидя в задней части салона, ярко освещенной светом из больницы, она продолжала свою целенаправленную работу.

77

Третья палата интенсивной терапии отделения скорой помощи Нью-Йоркской методистской больницы представляла собой площадку управляемого хаоса. Интерн прикатил красную тележку с реанимационным набором, медицинская сестра подготовила отоларингологический набор. Другая медсестра присоединяла различные провода к неподвижной фигуре Пендергаста: манжету для измерения кровяного давления, ЭКГ, пульсовый оксометр, капельницу. Фельдшеры «скорой» передали свои данные о состоянии Пендергаста и ушли – больше они ничем не могли помочь.

Появились доктора в халатах и начали быстро осматривать Пендергаста, что-то тихо говоря медсестрам и интернам.

Д’Агоста оглядел помещение; Констанс сидела в дальнем углу, на ее маленькой фигурке был теперь больничный халат. Прошло уже пять минут с того момента, как он принес Марго то, что она просила в

машине. Она все еще оставалась там, работала как сумасшедшая, подогревала жидкость в пробирке с помощью зажигалки, отчего салон наполнялся сладковатым запахом.

– Жизненные показатели? – спросил один из врачей.

– Давление шестьдесят пять на тридцать с небольшим и продолжает падать, – ответила медицинская сестра. – Пульсовая оксометрия семьдесят.

– Готовимся к интубации трахеи, – сказал доктор.

Д'Агоста смотрел, как завозят новое оборудование. Его терзали противоречивые чувства: ярость, отчаяние, смутная надежда. Врач, который попытался было вывести из палаты его и Констанс, бросил на него недовольный взгляд, но д'Агоста проигнорировал его. Какой во всем этом смысл? Вся эта история с противоядием казалась высосанной из пальца, чтобы не сказать абсолютно безумной. Пендергаст умирал уже несколько дней, недель, и теперь наступали последние минуты. Вся эта суета, бессмысленная дерготня лишь еще больше раздражала д'Агосту. Они были бессильны… все тут были бессильны. Марго, со всеми ее знаниями, пыталась состряпать какое-то средство, о дозировке которого могла только догадываться и которое оказалось бесполезным прежде. К тому же теперь это уже бессмысленно; она занималась этим слишком долго. Даже эти доктора со всем их оборудованием не в силах спасти Пендергаста.

– Предсмертный сердечный ритм, – сказал интерн, стоявший перед одним из экранов в изголовье кровати Пендергаста.

– Остановить лидокаин, – приказал второй врач, протиснувшись между медсестер. – Приготовиться к катетеризации вены. Два миллиграмма адреналина, срочно.

Д'Агоста сел на свободный стул рядом с Констанс.

– Жизненные показатели ухудшаются, – сказал другой интерн. – Необходима реанимация.

– Адреналин! – рявкнул доктор. – Срочно!

Д'Агоста вскочил на ноги. Нет! Должно быть что-то, что он может сделать, должно…

В это мгновение в дверях палаты интенсивной терапии появилась Марго Грин. Отодвинув ширму, она вошла внутрь. В одной руке у нее была мензурка, частично наполненная водянистой зеленовато-коричневой жидкостью. Сверху на мензурке, перемежаясь, лежали кофейные фильтры и слои ваты, которую д'Агоста добыл из шкафчика в отделении

скорой помощи. Мензурка была завернута в тонкий прозрачный пластик и запечатана резиновой лентой.

Один из врачей посмотрел на нее:

– Кто вы?

Марго ничего не ответила. Ее глаза были устремлены на неподвижное тело на кровати. Потом она подошла к медсестрам.

– Черт побери! – разозлился врач. – Вам нельзя здесь находиться! Это стерильное помещение.

Марго обратилась к одной из медсестер:

– Дайте мне шприц.

Сестра удивленно моргнула:

– Простите?

– Шприц. Большой шприц. Немедленно!

– Делайте, что она говорит, – сказал д’Агоста, показывая удостоверение.

Сестра перевела взгляд с Марго на врачей, посмотрела на д’Агосту. Потом молча выдвинула ящик, в котором лежало несколько длинных предметов в стерильной упаковке. Марго схватила один, сорвала упаковку, извлекла большой пластиковый шприц. В том же ящике она нашла подходящую иглу, надела на шприц и подошла к д’Агосте и Констанс. Она тяжело дышала, на ее висках выступили капельки пота.

– Что тут происходит? – спросил один из докторов, отрываясь от работы.

Марго посмотрела на Констанс, на д’Агосту, потом снова на Констанс. В одной руке она держала шприц, в другой – мензурку. Ее немой вопрос повис в воздухе.

Констанс медленно кивнула.

Марго взглянула на противоядие в ярком свете палаты интенсивной терапии, сорвала ленту с мензурки, погрузила иглу в жидкость, набрала шприц, вытащила его, подняла, нажала на шток, выдавливая пузырьки воздуха, потом, глубоко вздохнув, подошла к кровати.

– Ну все, хватит, – сказал доктор. – Убирайтесь к чертям от моего пациента!

– Своей властью лейтенанта нью-йоркской полиции я приказываю вам не препятствовать ей, – сказал д’Агоста.

– Здесь у вас нет власти. Мне надоело ваше вмешательство. Я вызываю службу безопасности.

Д’Агоста пошарил руками у себя на поясе, нащупал кобуру и, потрясенный, понял, что его пистолета нет на месте.

Он повернулся и увидел Констанс: с его пистолетом в руках она держала под прицелом докторов и сестер. Хотя бóльшую часть грязи она с себя смыла и заменила драную шелковую комбинацию на длиннополый больничный халат, царапины и порезы никуда не делись. На лице ее застыло выражение невиданной ярости, от которого в этой палате вдруг стало холодно. Наступила неожиданная тишина, вся работа прекратилась.

– Мы спасем вашего пациента, – сказала Констанс тихим голосом. – Отойдите от тревожной кнопки.

Выражение ее лица и оружие д’Агосты заставили больничный персонал отойти в сторону.

Воспользовавшись замешательством персонала, Марго быстро вставила иглу шприца в трубку чуть выше каплеобразователя и выдавила туда около трех кубиков жидкости.

– Вы его убьете! – воскликнул один из докторов.

– Он уже мертв, – возразила Марго.

Наступил миг ошеломленного бездействия. Тело Пендергаста неподвижно лежало на кровати. Писк и биканье разных аппаратов, наблюдающих за состоянием пациента, сложились в подобие похоронной фуги. Вдруг среди этого хора раздался низкий тревожный звук.

– Ему снова требуется реанимация! – сказал первый доктор, склонившийся над изножьем кровати.

Секунду Марго оставалась недвижимой. Потом снова подняла шприц к трубке капельницы.

– К чертовой матери, – сказала она, выдавливая вдвое бóльшую дозу, чем в предыдущий раз.

И тут, словно единый организм, все медсестры и интерны, наплевав на пистолет, бросились к телу. Марго грубо оттолкнули от кровати, из ее безвольной руки вырвали шприц. Последовал целый пронзительный залп приказов, заработала тревожная сирена. Констанс опустила пистолет, глядя на происходящее с белым как снег лицом.

– Вентрикулярная тахикардия, пульса нет! – прозвучал громче других чей-то голос.

– Мы его теряем! – выкрикнул второй доктор. – Массаж сердца, быстро!

Д’Агоста стоял потрясенный, глядя на охваченные бешеной активностью фигуры в халатах у кровати. Кривая электрокардиограммы на мониторе превратилась в горизонтальную прямую. Он подошел к Констанс, осторожно вытащил пистолет из ее руки и убрал в кобуру.

– Увы.

Он взирал на бесполезные действия медперсонала, пытаясь вспомнить свой последний разговор с Пендергастом. Не полубредовый диалог в оружейной комнате, а настоящий разговор, личный, один на один. Д’Агосте казалось важным вспомнить те последние слова. Кажется, этот разговор состоялся у тюрьмы в Индио после их неудачной попытки допросить Рудда. Что же тогда сказал ему Пендергаст? Они стояли на открытой парковке под жарким солнцем.

«Все дело в том, мой дорогой Винсент, что наш заключенный – не единственный, кто в последнее время начал чувствовать запахи цветов».

Пендергаст почти с самого начала понимал, что с ним случилось. Боже, только представить, что это были последние слова агента, обращенные к нему…

Внезапно звуки вокруг него, все эти громкие голоса изменили тональность и уровень напряжения.

– Есть пульс! – прокричал один из докторов.

Плоская горизонтальная прямая ЭКГ стала подрагивать, подпрыгивать, возвращаться к жизни.

– Кровяное давление увеличивается, – сказала медсестра. – Семьдесят пять на сорок.

– Прекратить массаж сердца, – велел второй доктор.

Еще минуту врачи продолжали свои манипуляции, и жизненные показатели пациента медленно возвращались к норме. Внезапно Пендергаст приоткрыл один глаз, совсем чуть-чуть, только щелочка сверкнула. Д’Агоста, потрясенный, увидел, как крохотный, размером с булавочную головку зрачок обшарил комнату. Констанс склонилась над Пендергастом и сжала его руку.

– Вы живы! – услышал д’Агоста собственный голос.

Губы Пендергаста шевельнулись, с них сорвалась короткая фраза:

– Альбан… прощай, сын.

Эпилог

Два месяца спустя

Бо Бартлетт на серебристом «лексусе» свернул с главной дороги на белый гравий, медленно проехал по длинной аллее, обрамленной черными дубами, поросшими бородатым испанским мхом, и выехал на круговую подъездную дорожку. Показался большой, величественный плантаторский дом в неогреческом стиле, и у Бартлетта, как всегда, перехватило дыхание. В Сент-Чарльз-Пэриш[84] стоял жаркий день, и Бартлетт держал окна седана закрытыми, а кондиционер – включенным. Он заглушил двигатель, открыл дверь и в чрезвычайно хорошем настроении выпрыгнул из машины. На нем была тенниска цвета лайма, розовые брюки и туфли для гольфа.

Два человека, сидевшие на парадном крыльце, поднялись. Одного он узнал сразу: Пендергаст в обычном черном костюме, как всегда, бледный. Рядом с ним была женщина удивительной красоты, стройная, с короткими рыжевато-каштановыми волосами, в белом плиссированном платье.

Бо Бартлетт остановился на секунду и потом подошел к величественному особняку. Он чувствовал себя как рыбак, поймавший самую крупную в жизни рыбу. Он едва сдерживался, чтобы не потереть руки. Это было бы вульгарно.

– Так-так! – воскликнул он. – Плантация Пенумбра!

– Действительно, – пробормотал Пендергаст, идя навстречу Бартлетту; женщина шла рядом.

– Я всегда считал, что это самое красивое имение во всей Луизиане, – сказал Бартлетт, ожидая, что его представят молодой красивой женщине.

Но его не представили. Пендергаст только наклонил голову.

Бартлетт отер лоб:

– Мне любопытно узнать. Моя фирма много лет пыталась купить у вас это место. И не только мы. Почему вы передумали? – На пухлом лице девелопера неожиданно появилось тревожное выражение, словно этот вопрос мог поставить под угрозу всю сделку (хотя первые бумаги уже были подписаны). – Мы, конечно, рады, что вы сделали это. Очень рады. Мне просто… любопытно, только и всего.

Пендергаст неторопливо огляделся, словно пытаясь запомнить греческие колонны, крыльцо под крышей, кипарисовую рощу и обширный сад. Потом он повернулся к Бартлетту:

– Скажем так, это имение стало… обузой.

– Это точно! Эти старые плантаторские дома – настоящая черная дыра! Мы все в «Саутерн риэлти венчерс» благодарны вам за доверие, – искренне проговорил Бартлетт. Он вытащил из кармана платок и протер влажное лицо. – У нас замечательные планы на это имение. Замечательные! Приблизительно через два года тут все изменится: появится коттеджный поселок «Кипарисовая аллея». Шестьдесят пять больших, элегантных, построенных под заказ домов – мы их называем особнячками, – и у каждого участок в один акр. Вы только подумайте!

– Я и думаю, – сказал Пендергаст. – Представляю это себе довольно живо.

– Надеюсь, вы решитесь и купите себе один из особнячков. Удобств будет больше, а забот меньше, чем с вашим старым домом. И конечно, к покупке особняка прилагается членство в гольф-клубе. Мы предложим вам великолепные условия.

Бо Бартлетт по-приятельски похлопал Пендергаста по плечу.

– Очень щедро, – заметил Пендергаст.

– Конечно, конечно, – сказал Бартлетт. – Мы будем хорошо управлять этой землей, можете не сомневаться. Старый дом, конечно, останется. Он включен в Национальный реестр охраняемых объектов и все такое. Здесь можно будет обустроить великолепный клубный дом, ресторан, бар, кабинеты. «Кипарисовая аллея» будет строиться с учетом всех требований экологии – энергосбережение, зеленый сертификат на всех этапах работ! И в соответствии с вашими пожеланиями кипарисовое болото будет сохранено как заповедник дикой природы. В любом случае, по закону определенный процент земель девелоперских проектов – точнее, владений – должен отводиться под природоохранные цели и как защита от иссушения. Болото очень хорошо будет отвечать этому требованию. И конечно, не менее тридцати шести лунок поля для гольфа лишь добавят привлекательности проекту.

– Не сомневаюсь.

– Вы всегда будете моим почетным гостем в гольф-клубе. Значит… на следующей неделе вы начнете переносить прах вашей родни? – спросил Бартлетт.

– Да, я возьму все хлопоты на себя. И расходы.

– Очень по-человечески с вашей стороны. Уважение к мертвым. Похвально. По-христиански.

– И остается еще Морис, – сказал Пендергаст.

При упоминании Мориса – пожилого слуги, который присматривал за Пенумброй чуть ли не сто лет, – вечно солнечное лицо Бартлетта слегка помрачнело. Морис был такой же древний, как холмы вокруг, и бесконечно дряхлый, не говоря уже о его замкнутости и неразговорчивости. Но Пендергаст в этом вопросе был неколебим.

– Да, Морис.

– Вы оставите его здесь в качестве сомелье, пока у него будет желание оставаться.

– Значит, мы договорились. – Девелопер снова посмотрел на массивный фасад. – Наши юристы будут на связи с вашими по поводу окончательной даты закрытия.

Пендергаст кивнул.

– Прекрасно. Теперь я покидаю вас и… вашу даму, чтобы вы могли отдать дань памяти. И пожалуйста, не торопитесь. – Бартлетт вежливо сделал шаг от дома. – Или вас подвезти в город? Вы, вероятно, приехали на такси – я тут не вижу машины.

– Благодарю, в этом нет необходимости, – сказал ему Пендергаст.

– Понятно. В таком случае всего доброго. – Бартлетт пожал руку сначала Пендергасту, потом молодой женщине. – И спасибо еще раз.

Последний раз отерев лоб платком, он вернулся в машину и уехал.

Пендергаст и Констанс Грин поднялись по старым ступеням крыльца и вошли внутрь. Достав из кармана ключи на маленьком брелоке, Пендергаст открыл главную дверь особняка и пропустил Констанс вперед. Внутри пахло мебельной полировкой, старым деревом и пылью. Разглядывая различные атрибуты, они молча прошли по помещениям первого этажа – по гостиной, приемной, столовой. На всем уже висели бирки торговцев антиквариатом, агентов по торговле недвижимостью, аукционных домов – все было подготовлено к вывозу.

Они остановились в библиотеке. Констанс подошла к шкафу со стеклянной дверцей. В нем стояли инкунабулы: Первое фолио Шекспира, одна из ранних копий «Великолепного часослова герцога Беррийского»[85], первое издание «Дон Кихота». Но больше всего Констанс заинтересовали четыре громадных тома в дальнем конце шкафа. Она почтительно вытащила один и начала медленно

переворачивать страницы, восхищаясь невероятно живыми и реалистичными изображениями птиц.

– «Птицы Америки» Одюбона, формат «двойной слон»[86], – прошептала она. – Все четыре тома. Приобретенные одним из твоих прапрапрадедов у самого Одюбона.

– Отец Езекии, – ровным голосом сказал Пендергаст. – Это единственные книги, которые я хочу сохранить, вместе с Библией Гутенберга, которой семья владела со времен Анри Прендрегаста де Мускетона. Оба издания были приобретены до того, как Езекия опозорил семью. Все остальное будет продано.

Они вернулись в приемную и поднялись по широкой лестнице на верхнюю площадку. Перед ними была гостиная второго этажа, и они вошли туда, миновав два слоновьих клыка при дверях. Внутри, кроме ковра из шкуры зебры и полудюжины звериных голов на стенах, был оружейный шкаф, полный редких и очень дорогих охотничьих ружей. Как и на первом этаже, к каждому ружью была прикреплена бирка с ценой.

Констанс подошла к шкафу.

– Какое из этих ружей принадлежало Хелен? – спросила она.

Пендергаст снова вынул из кармана брелок, открыл шкаф и достал из него двустволку, приклад которой имел замысловатую гравировку и был инкрустирован драгоценными камнями.

– «Кригхофф»[87], – сказал он. Некоторое время он разглядывал ружье затуманенным взором и наконец глубоко вздохнул. – Это был мой свадебный подарок ей. – Он протянул ружье Констанс.

– Если оно тебе так дорого, то, пожалуй, я не буду его трогать, – отказалась она.

Пендергаст вернул ружье на место и запер шкаф.

– Я давно уже простился и с этим ружьем, и со всем, что с ним связано, – тихо произнес он словно себе самому.

Они сели за центральный стол.

– Значит, ты действительно продаешь все это, – сказала Констанс.

– Все, что напрямую или опосредованно было приобретено на деньги, вырученные от продаж эликсира Езекии.

– Ты же не хочешь этим сказать, что Барбо был прав?

Пендергаст помедлил с ответом:

– До моей… болезни я никогда не задавал себе вопросов об источнике богатства Езекии. Но независимо от Барбо мне представляется правильным избавиться от всей моей луизианской собственности, расстаться с плодами трудов Езекии. Все эти вещи для меня теперь как яд. Ты знаешь, что я вкладываю вырученные деньги в благотворительный фонд.

– «Vita brevis[88], инкорпорейтед». Подходящее название.

– Вполне подходящее: назначение этого фонда весьма необычно, мягко говоря.

– И какое же?

На губах Пендергаста появился намек на улыбку.

– Мир об этом еще узнает.

Они поднялись и быстро прошли по верхнему этажу, Пендергаст на ходу показывал Констанс любопытные места. Остановились на несколько секунд в комнате, которая была его детской, потом спустились на первый этаж.

– Остается еще винный погреб, – сказала Констанс. – Ты говорил, что он великолепен: сюда свозилось содержимое всех винных погребов семейства, когда владельцы умирали. Спустимся туда?

Лицо Пендергаста потемнело.

– Если ты не возражаешь… я не готов к этому.

В дверь постучали, Пендергаст подошел и открыл ее. В дверях стояла курьезная фигура: низенький рыхлый человек в черной визитке, с белой гвоздикой в петлице. В одной руке он держал дорогой, судя по виду, портфель, в другой (несмотря на ясный день) – аккуратно свернутый зонт. На голове у него сидел котелок под углом, очень близким к залихватскому. Человек напоминал нечто среднее между Эркюлем Пуаро и Чарли Чаплином.

– Мистер Пендергаст, – сказал человек, расплываясь в улыбке. – Прекрасно выглядите.

– Спасибо. Пожалуйста, входите. – Пендергаст представил гостя: – Констанс, это Хорас Огилби. Его фирма блюдет интересы семьи Пендергаст здесь, в районе Нового Орлеана. Мистер Огилби, это Констанс Грин, моя подопечная.

– Очаровательно! – сказал мистер Огилби.

Он взял руку Констанс и театрально поцеловал.

– Насколько я понимаю, все документы в порядке? – спросил Пендергаст.

– Да. – Адвокат подошел к ближайшему столику, открыл портфель и вытащил оттуда пачку документов. – Это документы на перенос семейного захоронения.

– Отлично, – сказал Пендергаст.

– Распишитесь здесь, пожалуйста. – Адвокат проследил за тем, как Пендергаст ставит подпись. – Вы понимаете, что, несмотря на перенос захоронения, завещание вашего деда остается в силе.

– Понимаю.

– Это означает, что я могу ждать вашего приезда на кладбище через… – адвокат произвел подсчеты в уме, – через три года.

– Жду этого дня с нетерпением. Мой дед, – объяснил Пендергаст Констанс, – распорядился в своем завещании, что все живущие наследники, число которых сейчас прискорбно сократилось, должны посещать его могилу каждые пять лет под угрозой отзыва полученного ими наследства.

– Весьма оригинальный был джентльмен, – сказал Огилби, убирая документы. – Да, еще один важный момент на сегодня. Касательно той частной парковки на Дофин-стрит, что вы продаете.

Пендергаст вопросительно поднял брови.

– Я имею в виду те ограничения, что вы добавили в листинговый контракт[89].

– Да?

– Понимаете… – Адвокат замешкался, хмыкнул. – Ваши требования довольно, скажем так, необычны. Пункты, касающиеся запрета углубления ниже уровня земли, например. Это исключает возможность застройки и, таким образом, значительно снижает стоимость участка. Вы уверены, что это именно то, чего вы хотите?

– Уверен.

– Так тому и быть. С другой стороны… – он потер пухлые ручки, – мы получили впечатляющие деньги за этот «роллс»… я почти боюсь назвать вам сумму.

– А вы не бойтесь. – Пендергаст прочел документ, переданный ему адвокатом. – Похоже, все в порядке, спасибо.

– В таком случае я вас покидаю. Вы и представить себе не можете, сколько бумажной работы влечет за собой ликвидация активов в таких громадных размерах.

– Мы вас проводим, – сказал Пендергаст.

Они спустились по ступенькам крыльца и остановились у машины адвоката. Огилби положил зонтик и портфель на заднее сиденье, огляделся вокруг.

– Как, вы говорите, называется этот девелоперский проект? – спросил он.

– «Кипарисовая аллея». Шестьдесят пять особнячков и тридцать шесть лунок гольф-поля.

– Ужасно. Что об этом скажут призраки старого семейства?

– Действительно.

Огилби хмыкнул, потом открыл водительскую дверь и снова огляделся:

– Прошу прощения. Могу я подвезти вас в город?

– Спасибо, я об этом уже позаботился.

Адвокат сел в машину, Пендергаст и Констанс помахали ему, машина тронулась и вскоре исчезла из виду. После этого Пендергаст обошел дом. С задней его стороны была старая конюшня, выкрашенная в белый цвет и превращенная в гараж на несколько машин. Сбоку на эвакуаторе стоял подготовленный к отправке новому владельцу винтажный «роллс-ройс-сильвер-рейт», отполированный, как бриллиант.

Констанс перевела взгляд с Пендергаста на «роллс», потом снова на Пендергаста.

– Два мне ни к чему, – сказал он.

– Дело не в этом, – возразила Констанс. – Ты и мистеру Бартлетту, и мистеру Огилби сказал, что позаботился о нашем возвращении в Новый Орлеан. Неужели ты имел в виду, что мы поедем на эвакуаторе?

В ответ Пендергаст направился к гаражу, открыл ворота одного из боксов и подошел к машине, укрытой брезентом, – единственной остававшейся здесь, если не считать «роллса». Он стащил с машины чехол.

Под брезентом оказался красный родстер, низкий, с убранным верхом. Он слабо поблескивал в темном боксе.

– Хелен купила его перед нашей свадьбой, – сказал Пендергаст. – «Порше-550-спайдер» тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

Он открыл пассажирскую дверь для Констанс, сел на водительское место, вставил ключ в замок зажигания, повернул – и оживший двигатель взревел.

Они выехали из гаража. Пендергаст вышел из машины, чтобы закрыть бокс.

– Интересно, – сказала Констанс.

– Что интересно? – спросил Пендергаст, садясь за руль.

– Ты избавился от всего, что было куплено на деньги Езекии.

– Да, в той мере, в какой смог.

– Но у тебя еще осталось немало всего.

– Верно. Многое я получил от моего деда, чью могилу должен посещать каждые пять лет. Это позволит мне сохранить квартиру в «Дакоте» и вообще жить и дальше так, как я привык.

– А особняк на Риверсайд-драйв?

– Его я унаследовал от моего двоюродного деда Антуана. Твоего «доктора Еноха». Естественно, вместе с немалыми инвестициями.

– Естественно. И все же как это занятно.

– Не могу понять, к чему ты клонишь.

Констанс лукаво улыбнулась:

– Ты отказался от имущества одного серийного убийцы – Езекии, но не хочешь расставаться с имуществом другого – Еноха Ленга. Верно?

Несколько секунд Пендергаст взвешивал услышанное.

– Если выбирать между лицемерием и бедностью, то я предпочитаю лицемерие.

– Но вообще-то, если подумать, рациональное зерно в этом есть. Ленг свои деньги сделал не на убийствах, а спекуляциями на железных дорогах, нефти и драгоценных металлах.

Брови Пендергаста взметнулись.

– Я этого не знал.

– Ты еще многого про него не знаешь.

Они сидели молча, слушая урчание двигателя. Пендергаст помедлил, затем повернулся к Констанс и заговорил с некоторой неловкостью:

– Я не уверен, что надлежащим образом отблагодарил тебя и доктора Грин за то, что вы спасли мне жизнь. Причем подвергая свою жизнь такой ужасной опасности…

Она заставила его замолчать, приложив палец к его губам:

– Пожалуйста. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Не смущай меня, заставляя повторяться.

Несколько мгновений казалось, что Пендергаст хочет что-то ответить, но он лишь добавил:

– Я выполню твою просьбу.

Он дал газ и вырулил на подъездную аллею, усыпанную белым гравием. Огромный особняк медленно уменьшался в размерах у них за спиной.

– Машина прекрасная, но не очень удобная, – сказала Констанс, оглядывая салон. – Мы что, поедем в ней до Нового Орлеана или до самого Нью-Йорка?

– Может, предоставим самой машине это решать?

И, выехав из пестрой тени великолепных дубов на главную дорогу, Пендергаст нажал на педаль газа, и двигатель откликнулся ревом, который эхом разнесся по заводям и мангровым болотам Сент-Чарльз-Пэриш.

Благодарности

За постоянные поддержку и помощь мы хотим поблагодарить Митча Хоффмана, Линдси Роуз, Джейми Рааба, Калли Шамека, Эрика Симоноффа, Клаудию Люльке и Надин Уоддел. А также наша глубочайшая признательность Эдмунду Куану, доктору медицинских наук.

Сноски

1

Пейтингерова (Певтингерова) таблица – копия XIII века с древнеримской карты с изображением дорог и основных городов Римской империи; названа по имени одного из владельцев. *Абрахам Ортелий* – фламандский картограф XVI века, составивший первый в истории географический атлас.

2

У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1. Перевод М. Донского.

3

Пои – традиционное гавайское блюдо; *калуа* – метод приготовления еды по-гавайски в земляной печке; *опихи* – моллюски; *гаупия* – десерт из кокосового молока.

4

Таксономия – общая теория классификации и систематизации сложных систем в различных областях знаний: в биологии, лингвистике, географии, программировании.

5

Плеохроизм – способность некоторых кристаллов приобретать различную окраску в зависимости от освещения.

6

Пейнит – очень редкий минерал, получивший название в честь своего первооткрывателя, британского минералога Артура Пейна.

7

«Дакота» – известное элитное жилое здание, находящееся на Манхэттене в Нью-Йорке.

8

Лэнгли – название населенного пункта, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

9

Рюккерс – династия фламандских мастеров клавишных инструментов в конце XVI–XVII веке.

10

На расстоянии *(фр.)*.

11

Готтентоты – этническая общность на юге Африки. Ныне населяют Южную и Центральную Намибию.

12

Капская колония (от голландского Kaap de Goede Hoop – мыс Доброй Надежды) – первая голландская переселенческая колония в Южной

Африке (впоследствии город переименован в Кейптаун). *Восточный Гриквaланд* – территория на северо-востоке Капского региона ЮАР.

13

Пограничные («кафрские») войны – установившееся в исторической литературе название войн между южноафриканскими кафрами и Капской колонией.

14

Уан-Полис-Плаза – штаб-квартира департамента полиции Нью-Йорка.

15

Солтон-Си – соленое озеро на юге штата Калифорния. *Анза-Боррего* – национальный парк на границе США и Мексики. *Джошуа-Три* – национальный парк в юго-восточной части Калифорнии (парк обязан названием юкке коротколистной, или дереву Джошуа (Joshua tree)).

16

Культура анасази, или предки пуэбло, – доисторическая индейская культура, существовавшая на территории современного юго-запада США.

17

Кокопелли – одно из божеств плодородия, обычно изображаемое в виде сгорбленного человека, играющего на флейте; почитается многими индейскими народами на юго-востоке США.

18

Заповедник назван по имени Сальваторе Филлиппа Сонни Боно, американского певца и продюсера, мэра города Палм-Спрингс.

19

Так у автора. – *Примеч. ред.*

20

«Крысиная стая» – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950–1960-х годов, неформальным лидером которой был Хамфри Богарт. В команду входили Лорен Бэколл, Фрэнк Синатра, Сэмми Дэвис, Эррол Флинн, Кэри Грант и др.

21

Фрэнк Костелло – американский мафиозо итальянского происхождения, прозванный «Премьер-министр преступного мира». *Мо*

Далитц – гангстер-бутлегер, один из главных персонажей, сыгравших важную роль в становлении игорной столицы США Лас-Вегаса.

22

Орден цистерцианцев, созданный в XVII веке, устанавливал строгие правила молчания и другие аскетические практики.

23

Джеймс Фрэнсис «Джимми» Дюранте – американский певец, пианист, комик, один из самых известных персонажей в шоу-бизнесе Америки в 1920–1950-е годы.

24

Пенн-стейшн – разговорное название нью-йоркского вокзала Пенсильвания.

25

«Тумс» (*англ*. Tombs – Гробницы) – разговорное название изолятора на Манхэттене.

26

Нет *(исп.)*.

27

Странствующие лекари – явление, характерное для американского Дикого Запада. Лекари продавали всевозможные «целительные» знахарские средства. Выражение «змеиное масло» стало нарицательным для обозначения какого-либо продукта с крайне сомнительной пользой.

28

«Костко хоулсейл корпорейшн» – крупнейшая в мире сеть складов и крупнейшее розничное торговое предприятие в США.

29

Имперский штат – прозвище штата Нью-Йорк.

30

Льюис и *Кларк* – Мериузер Льюис и Уильям Кларк, возглавившие первую экспедицию с восточного побережья Северной Америки до западного и обратно (1804–1806).

31

Альбатросов считают предвестниками смерти.

32

Стромболи – остров с действующим вулканом, расположенный в Тирренском море.

33

Олимпиада в Рио-де-Жанейро была проведена в 2016 году.

34

Полицейское подразделение по охране общественного порядка *(порт.)*.

35

Намек на фразу из пьесы У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» (акт II, сцена 2): «Пусть устрицей мне будет этот мир, / Его мечом я вскрою!» (перевод С. Маршака и М. Морозова).

36

Список 2 – перечень химических соединений, приведенный в приложении к Конвенции о запрете химического оружия. Согласно Конвенции, это химические вещества, которые можно использовать как химическое оружие или которые могут быть использованы для получения химического оружия, но имеют ограниченное мирное применение и поэтому могут легально производиться в небольших количествах.

37

Ты куда идешь, гринго? *(порт.)*

38

Пожалуйста. Позвольте мне пройти *(смесь исп. и порт.)*.

39

Черт с тобой *(порт.)*.

40

Проходи. Сукин сын *(порт.)*

41

Спасибо *(порт.)*.

42

Португальское ругательство.

43

Название марки пива.

44

Положи руки на машину! *(порт.)*

45

Садись *(порт.)*.

46

Охраняйте дверь. Никто не должен войти *(порт.)*.

47

Здесь: приятель *(порт.)*.

48

Видимо, rapaz – приятель *(порт.)*.

49

Искусство памяти *(лат.)*.

50

Негатоскоп – медицинский прибор для просмотра на просвет рентгеновских снимков.

51

Пиц Юлиер – название горной вершины в Швейцарии.

52

Школа церкви Святой Марии.

53

Умер? *(нем.)*

54

Слабаки *(нем.)*. В данном случае речь идет о «плохих близнецах» Тристраме и Альбане, о которых рассказывается в романе «Две могилы».

55

Сливовый шнапс *(нем.)*.

56

Добрый день, месье *(фр.)*.

57

Спасибо *(фр.)*.

58

Женевский фестиваль *(фр.)*, ежегодное летнее празднество, знаменитое своими фейерверками.

59

Абсент был запрещен в Швейцарии с 1906 по 2004 год.

60

Это ваша машина? *(фр.)*

61

Месье, она… *(фр.)*

62

Строка из поэмы Э. По «Ворон». Перевод В. Топорова.

63

Выражение из пьесы У. Шекспира «Генрих IV» (часть 1).

64

Цитата из пьесы У. Шекспира «Гамлет» (акт II, сцена 2). Перевод Б. Пастернака.

65

Уолтер Митти – персонаж рассказа Д. Тербера «Тайная жизнь Уолтера Митти», человек с богатой фантазией.

66

Полицейский боевой крест – вторая по важности награда нью-йоркской полиции.

67

Олбани – столица штата Нью-Йорк.

68

«Оставь, негодный. Бейся со мною. Я убит рукой злодея» *(ит.)*. Слова Командора из оперы В. А. Моцарта «Дон Жуан».

69

«Врата ада» («The Doorway to Hell») – американо-ирландский фильм ужасов 2000 года.

70

Трехдольный горящий глаз – последние слова, записанные героем рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Обитающий во тьме».

71

«Хоум депо» – американская торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже инструментов для ремонта и стройматериалов.

72

Скаутский орел – высший ранг, которого удостаиваются американские скауты.

73

Эпигенетические изменения – наследуемые изменения в экспрессии генов и фенотипе клетки, которые не затрагивают последовательности самой ДНК.

74

Цитируется Библия (Деян. 9: 18).

75

Из мира мертвых *(фр.)*.

76

БПНО – Бюро по пресечению незаконного оборота алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ при Министерстве юстиции США.

77

Джозеф Мэллорд Уильям Тёрнер (1775–1851) – британский живописец, мастер романтического пейзажа. *Бичи-Хед* – мыс на южном побережье Великобритании, известен как одно из самых популярных в мире мест для самоубийц.

78

Здравствуй, брат *(лат.)*.

79

Пластрон – широкий галстук для торжественных случаев.

80

Лампы от «Тиффани» известны своими дизайнерскими стеклянными абажурами.

81

Режим, существовавший до совершения преступления *(лат.)*.

82

Слепой метод – метод исследования реакции людей на какое-либо воздействие, при котором испытуемые не посвящаются в существенные детали проводимого исследования, чтобы исключить воздействие субъективных факторов на результаты.

83

«Шок и трепет» – военная доктрина, основанная на психологическом подавлении противника.

84

Сент-Чарльз-Пэриш – приход в штате Луизиана.

85

Первое фолио – термин, употребляемый для обозначения первого собрания пьес Шекспира, изданного Джоном Хемингом и Генри Конделом. *«Великолепный часослов герцога Беррийского»* – иллюминированная рукопись XV века.

86

«Птицы Америки» – иллюстрированный альбом птиц Северной Америки с изображениями птиц в натуральную величину, выполненными американским натуралистом Дж. Одюбоном; признан шедевром книжного дела и величайшей библиографической редкостью. «Птицы Америки» – это самая дорогая печатная книга, когда-либо проданная на аукционе. Формат «двойной слон» имеет высоту 1270 мм.

87

«Кригхофф Ваффенфабрик» – немецкий производитель оружия.

88

Жизнь коротка *(лат.)*.

89

Листинговый контракт – контракт между брокером-риелтором и продавцом недвижимости, дающий брокеру определенные права по поиску покупателей.